МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

11

ФИЛИП ФАРМЕР

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

WORLDS OF PHILIP FARMER

THE LOVERS

TIMESTOP

RASTIGNAC THE DEVIL

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

11

ЛЮБОВЬ ЗЛА

КОНЕЦ ВРЕМЕН

РАСТИНЬЯК-ДЬЯВОЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 11 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 351 с.

Включенные в этот том романы и повесть объединены общим миром будущего, в котором после опустошительной войны власть захватила тоталитарная секта, подавляющая все человеческие стремления и чувства.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-184-7

The Lovers
Copyright © 1961 by Philip José Farmer

Timestop
Copyright © 1957 by Philip José Farmer

Rastignac the Devil
Copyright © 1954 by King Size Publications

© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление, название серии, 1996

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В очередной, одиннадцатый том собрания сочинений Филипа Фармера вошли романы, с которых началось его восхождение к славе, — «Любовь зла» (1952) и «Конец Времен» (1953), а также примыкающая к ним повесть «Растиньяк-Дьявол» (1954).

Романы эти представляют собой слабо связанную дилогию, объединенную лишь миром будущего, в котором происходит действие, — миром жутким и убедительным. После войны Судного дня, уничтожившей почти все человечество, выжившие обратились к странным культам, и на этой волне религиозного возрождения выплыл Исаак Сигмен, автор «Западного Талмуда», основатель немыслимой в своей авторитарности религии, требующей неукоснительного повиновения и постоянной слежки — и не только специально назначенных и. о. ангелов-хранителей за простыми смертными, но и всех за каждым. А уклонистов... простите, многоложцев, отлавливают соответствующие органы. И тем не менее чудовищная вера Сигмена распространяется на половину земного шара, превращая свободных людей в одинаковых покорных «гаек». Несложно понять, какие события послевоенных лет навеяли аллюзии на тогдашнюю политическую ситуацию. В разгар эры Маккарти американцы с особым ужасом смотрели на победное шествие коммунизма. Удивительнее другое — антиутопические моменты дилогии остаются актуальными и через сорок лет после ее создания. Союзом Гайяак правит церкводарство — выдуманный автором гибрид церковной и светской власти. Исламская революция в Иране произошла четверть века спустя...

Первый роман в оригинале именуется «The Lovers» — весьма многозначное название; слово это может значить «любовники», «возлюбленные», просто «любящие», и каждый оттенок смысла имеет свое отражение в тексте. Не случайно так часто повторяется в романе фраза «Сигмен любит тебя» — никакая иная любовь недопустима в обществе, планомерно подавляющем сексуальность.

Судьба романа оказалась непростой. Отвергнутый за «непристойность» такими редакторами, как Джон Кэмпбелл и Гораций Голд, роман мог так и не увидеть свет, если бы не главный редактор «Startling Stories», отважившийся напечатать его в своем журнале. Нынешнему читателю обвинения в «растлении читателя», звучавшие в свое время в адрес Фармера, могут показаться разве что забавными, но для своего времени роман был неожиданно смелым, затрагивая новые, шокирующие темы, которые позднее еще не раз будут использованы писателем. Так что вполне закономерной оказалась премия «Хьюго», присужденная Фармеру за этот роман как «самому многообещающему» молодому автору года.

Второй роман — «Конец Времен», — выходивший первоначально под названием «По женщине в день», оказался несколько слабее первого. Однако и этот шпионский боевик, несмотря на явно пародийную форму (в голосе резидента Лейфа Баркера отчетливо слышатся интонации непобедимого Джеймса Бонда), содержит немало интересных идей в областях социологии, биологии... и психологии сексуальности. А кроме того — закрученный сюжет и напряженное действие, заставляющее читателя поспешно перелистывать страницы, чтобы узнать, в чем заключается секрет плана «Моль и ржа».

ЛЮБОВЬ ЗЛА

Сэму Майнзу, умеющему видеть глубже других

ГЛАВА 1

«Я должен выбраться отсюда... — пробормотал кто-то, словно где-то далеко-далеко, — должен же быть здесь какой-то выход...»

Хэл Ярроу вздрогнул, открыл глаза и только тут осознал, что проснулся от звука собственного голоса. Но ведь эти слова, сказанные на грани пробуждения, не могли иметь никакого отношения к тому, что он только что видел во сне!

Откуда они возникли? Почему? Да, кстати, где он сейчас проснулся? Он все еще не мог понять — действительно ли он путешествовал во времени, или это все же был только очень яркий и реалистический сон? Настолько яркий, что было трудно вернуться в обычную жизнь.

Но одного взгляда на человека, сидящего рядом с ним, хватило для того, чтобы окончательно разобраться, где сон, где явь: оказывается, он задремал в экспрессе, следующем в Сигмен-Сити. «Год 550-й Э. С.* — 3050-й от Рождества Христова», — перевел он по школьной привычке. Да, он здесь, а не на удивительной, находящейся на много световых лет отсюда и много обычных лет от сейчас планете, куда он попал, путешествуя во времени... Или просто во сне? На планете, где он лицезрел во плоти самого Исаака Сигмена — Предтечу, да будет верносущим имя его!

Сосед Хэла бросил на него робкий взгляд. Это был костлявый мужчина с выдающимися скулами, прямыми черными волосами и карими слегка раскосыми глазами. Светло-голубая форма и алюминиевая эмблема на груди слева свидетельствовали о его принадлежности к классу инженеров, причем к одному из высших рангов. Похоже, он был электронщиком, получившим диплом в одной из лучших профессиональных школ.

Человек прочистил горло и заговорил на американском:

— Приношу тысячу извинений, абба**. Я знаю, что не имею права обращаться к вам без вашего на то дозволения... Но,

---

* Э. С. — Эра Сигмена. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

** Абба — отец *(иврит)*.

когда вы пробудились, вы ведь что-то сказали, и я подумал, что, может быть, мне . Да и то, что мы с вами в одном купе, нас временно как-то уравнивает. Простите мою нескромность, но я просто умираю от желания задать вам один вопрос. Только, ради Сигмена, не подумайте, что я... кхм... любопытная Варвара. — он нервно рассмеялся и продолжил: — Я . — клянусь вам, я не подслушивал! — случайно услышал, может быть, я не совсем точно разобрал, но... Когда стюардесса проверяла ваше право находиться в этом купе, вы ответили ей, что вы. «козел»?

— Нет, не козел, а «козл», — улыбнулся Хэл, — это аббревиатура, расшифровывающаяся как «Квалифициант общих знаний, лицензированный». Другими словами — мастер на все руки Впрочем, ваша ошибка не так уж велика: на полях профессиональной деятельности козл котируется не многим выше козла.

И он вздохнул, вспомнив все унижения, которые ему пришлось перенести с тех пор, как он выбрал профессию специалиста широкого профиля. Говорить дальше на эту тему не хотелось, и он отвернулся к окну. Далеко в вышине сверкал яркий огонек — это входил в атмосферу военный корабль (гражданские суда снижаются медленнее и размеры у них поскромнее).

Хэл посмотрел вниз — в шести тысячах метров под ним раскинулся Северо-Американский континент. Он весь сверкал и переливался мириадами огней, лишь кое-где между ними темнели небольшие пятнышки — водные пространства и высокогорные районы, которые человек еще не использовал под жилье и заводы. Весь континент — один огромный город. Мегаполис. Подумать только — всего лишь триста лет назад его население не превышало и двух миллионов человек! А уже в ближайшие пятьдесят лет (если, конечно, не случится какой-нибудь очередной катастрофы, например войны между союзом Гайяак и Республикой Израиль) население Северной Америки достигнет четырнадцати, а то и пятнадцати миллиардов!

Хэл с печалью попрощался взглядом с одним из самых крупных темных пятен в море огней — заповедник Гудзонского залива Единственное место на континенте, где еще сохранялась первозданная природа: тысячи и тысячи деревьев, горы, огромные синие озера, птицы, лисы, кролики и даже, если верить егерям, бобры. Правда, последних было так мало, что через десять лет они останутся только в Красной книге.

Еще каких-то пятнадцать минут назад Хэл был там, а теперь взирает на заповедник с шестикилометровой высоты и с грустью думает, что вряд ли когда-нибудь у него появится шанс

туда вернуться. Ах, какой там воздух! Воздух свободы! Первое время Хэл даже не мог привыкнуть к тому, что вокруг там мало людей — всего-то двенадцать, и порой ощущал себя одиноким и никому не нужным. Но только он начал потихоньку ценить свое одиночество — его исследования языка последней дюжины франкоговорящих на Земле подошли к концу.

Сосед зашевелился, он явно набирался храбрости, чтобы продолжить беседу, затем нервически закашлялся и снова затараторил:

— Да поможет мне Сигмен! Я льщу себя надеждой, что не вызову вашего раздражения, однако меня мучает любопытство...

Но Хэл Ярроу все же почувствовал раздражение: этот тип уж слишком много себе позволяет! Хэл сделал над собой усилие, чтобы взять себя в руки, и напомнил сам себе о словах Предтечи: «Все люди братья, но одних Отец любит больше, а других — меньше». В конце концов, этот пустомеля не виноват в том, что на этот рейс все билеты в каюту первого класса были проданы и Хэлу пришлось выбирать между каютой для людей более низкого ранга и перспективой ожидания следующего рейса.

— Со мной все шиб*, — сказал Ярроу, словно извиняясь.

Сосед с облегчением вздохнул:

— В таком случае, надеюсь, вы не будете иметь ничего против, если я чуть порасспрошу вас о вашей специальности? Только не считайте меня любопытной Варварой — ха-ха-ха!

— Нет, я ничего не имею против, — сказал Хэл. — Козл, хоть и считается мастером на все руки, все же ограничен рамками одной-единственной дисциплины. Но он старается, насколько это в его силах, охватить максимум смежных с ней профессий. Ну, например, я козл в лингвистике. Но, вместо того чтобы специализироваться на каком-то одном направлении, я расширяю свои познания во всех доступных мне областях. Это дает мне возможность видеть работы отдельных специалистов во взаимосвязи и помогать им, указывая на все новшества и открытия в смежных темах. У самих специалистов просто не хватает времени на то, чтобы ознакомиться с

---

* Шиб — сокращение от «шибболет» — «колос» *(иврит)*. Фармер намекает на описанную в книге Судей Ветхого Завета историю, когда израильтяне отличали своих соплеменников от врагов-филистимлян, заставляя произносить это слово: в языке филистимлян не было звука «ш», и те произносили «сибболет». Оттуда это слово перекочевало в современный американский сленг, где означает «нечто пристойное, правильное; обязательный признак чего-либо».

тысячами статей своего профиля, а это неизбежно ведет к ограниченности и снижает эффективность исследований.

Козлы есть в любых сферах профессиональной деятельности И, честно говоря, я рад, что работаю именно в этой отрасли науки, потому что, будь я, например, козлом в медицине, я бы просто утонул в информационном потоке. На гения я явно не тяну, и мне пришлось бы работать в группе. Количество публикаций в области медицины, или физики, или электроники, или какой хотите еще науки настолько огромно, что не только одного человека, а целой группы может не хватить на то, чтобы привести все это в порядок. По счастью, я всегда интересовался лишь лингвистикой и был за это вознагражден: у меня есть время на собственные исследования.

Казалось бы, можно для этих нужд приспособить компьютер, но даже комплекс компьютеров — не более чем глупая машина. Для того чтобы оценить информацию и рассортировать ее по достоинству, необходим человеческий разум, и к тому же достаточно проницательный. И лишь тогда можно будет передавать результаты исследований различным специалистам, к их вящей пользе. Козл — это, если хотите, природный коллектор. Однако все это дается иногда ценой времени, отводимого на сон: я могу работать по двенадцать часов в сутки ради пользы и славы церкводарства, во имя светлых идей Сигмена!

Последнее высказывание гарантировало ему, что, если этот любопытный тип из уззитов или их соглядатаев, ему не о чем будет писать в рапорте.

Хэл почти не сомневался, что его сосед действительно является тем, за кого себя выдает, но он осторожничал, стараясь исключить малейший повод для подозрений, если тот все же вдруг окажется шпионом.

На стене вспыхнул красный свет и загорелась надпись, рекомендующая пассажирам пристегнуть ремни. Через десять секунд экспресс снизил скорость до километра в минуту. Корабль пошел на снижение: внизу показались огни и небоскребы Сигмен-Сити. Еще десять лет назад город назывался Монреалем, но теперь его переименовали: сюда официально была перенесена с Исландии столица союза Гайяак. Раскинувшееся внизу море огней пересекала темная ленточка — река Пророка (бывшая река Святого Лаврентия). Пали Сигмен-Сити возносились на высоту пятисот метров, и в каждом проживало не менее ста тысяч душ.

Но в центре мегаполиса, в квартале парков и правительственных зданий, ни одно строение не превышало пятидесяти

этажей. Там находился и Университет Сигмен-Сити, в котором работал Хэл. А жил он в одном из ближайших пали.

Хэл отстегнул ремень и стал пробираться к выходу. И только сейчас, окунувшись в толпу, от которой он отвык в заповеднике, он вдруг понял, что́ его так раздражало всегда, но он не смел себе в этом признаться: везде и всюду — тесные пространства и сотни людей, спрессованные, словно кильки в банке, которые еще к тому же толкаются, пихаются и весьма сильно пахнут.

«Великий Сигмен! — пробормотал он. — Я должен ослепнуть, оглохнуть и онеметь! Не думать!.. Я не-на-ви-жу их!»

От этой вспышки ярости и пришедшего следом за ней чувства вины его бросило в жар. Он заглядывал в лица окружавших его: чувствуют ли они его раскаяние? Написано ли оно на его лице? Но ответа не было — лица вокруг ничего не выражали. Да и что они могли выражать? Для них он был не более чем один из прохожих, разве что с ним должно было обращаться повежливее из-за его профессионального ранга. Да и то не здесь, на бегущей дорожке конвейера, везущего человеческие тела к центру города. Здесь он был лишь одним из многих мешков с костями, обтянутых плотью. Одним из них, а значит — никем.

Потрясенный этим внезапным открытием, Хэл сошел с конвейера. Ему хотелось поскорее убраться подальше от них всех; хотя в душе и шевелилось смутное желание извиниться за свою внезапную ненависть. Но еще больше ему все же хотелось передушить их всех — скопом и в розницу.

Пару шагов от самодвижки, и вот перед ним уже пластиковое крыльцо пали № 30 — резиденция университетской корпорации. Но и внутри здания он не почувствовал себя лучше, хотя желание извиниться перед теми, на конвейере, уже прошло: какое им дело до его настроений! Да они вообще могли не обратить внимания на предательский прилив крови к лицу!

«Все это чепуха», — сказал он сам себе и тут же прикусил язык. Да заметили они все! Просто они сами так же, как и он, страдают от тесноты и испытывают к нему не большую симпатию, чем он к ним. Так кто осмелится бросить в него камень? Он отличался от них лишь цветом одинаково скроенной формы и эмблемой своего ранга на груди — стопа с двумя крылышками. Единственным различием между мужчинами и женщинами было то, что женщины носили юбки до пят и сетки на волосах. Да еще некоторые по старинке прикрывали лица вуалями: как правило, это были дамы старшего поколения и консервативная молодежь. Но последнее время мода на вуали

стала отмирать, хотя общественная мораль и восхваляла этот обычай и оплакивала его уход.

Хэл мимоходом здоровался со знакомыми, не останавливаясь, впрочем, для разговора. Издалека он увидел своего начальника доктора Ольвегсена и замедлил шаг на тот случай, если доктору захочется с ним поговорить — здесь он был единственным, с кем Хэлу нельзя было допустить даже намека на непочтительность, чтобы потом сильно не пожалеть об этом

Доктор, к счастью, был чем-то занят: он издалека помахал Хэлу рукой, крикнул. «Алоха!» — и растворился в толпе. Профессор был консерватором и до сих пор использовал жаргон своей юности

Ярроу вздохнул с облегчением. Он вдруг понял, что ему сейчас намного легче было бы общаться с его франкоязычными друзьями по заповеднику, чем с кем бы то ни было здесь. Может быть, завтра все будет иначе. Но сейчас...

Хэл остановился у лифта, ожидая, пока лифтер расставит пассажиров в очереди в зависимости от их ранга. Как только подошла кабинка, лифтер повернулся к Хэлу со словами: «Вы первый, абба»

— Хвала Сигмену! — отозвался Ярроу и шагнул внутрь, прижавшись к стенке в ожидании, пока будут впущены все остальные Лифтер был мастером своего дела: он работал здесь долгие годы и знал многих в лицо. Он был просто обязан быть в курсе всех повышений и понижений в должности, иначе при малейшем нарушении этикета на него бы подали рапорт То, что он продержался здесь так долго, свидетельствовало· он хорошо знает свою работу

В кабине спрессовалось уже около сорока человек, лифтер постучал кастаньетами, дверь закрылась, и лифт рванул вверх с такой скоростью, что у многих подогнулись колени. На тринадцатом этаже он остановился. Двери открылись, но никто не вышел и не вошел; сработал оптический механизм, и лифт снова устремился вверх.

Первые несколько остановок почти никто не выходил, потом как-то сразу стало свободнее — вышла почти половина Хэл наконец выдохнул: до сих пор здесь было тесно, как на улице или на нижнем этаже. Только здесь все молчали, словно десятки набитых в лифт людей ожидали гласа с небес или хотя бы с потолка кабинки Наконец двери открылись на этаже Хэла

Коридоры здесь были не шире пятнадцати футов, но считалось, что этого более чем достаточно. Хэл тихо радовался тому, что никого не встретил: стоило ему поболтать с соседями хотя бы пять минут, его бы тут же занесли в списки неблаго-

надежных. Любой разговор подразумевал недомолвки, а недомолвки подразумевали неприятности, прямым следствием которых были объяснения с блок-иоахом* А дальше только Предтеча знает, к чему это могло привести.

Он прошел сто метров и остановился у дверей в свою пака, охваченный внезапной робостью. Сердце заколотилось, а руки задрожали. Ему захотелось развернуться и бежать назад к лифту.

Но он удержал себя усилием воли на месте, убеждая себя в том, что его поведение многоложно, что он не имеет права испытывать подобных чувств, вернувшись домой после долгой командировки. Тем более — он напомнил себе — Мэри вернется домой не раньше чем минут через пятнадцать.

Он толкнул дверь (конечно же, на профессиональном этаже не было дверных замков) и вошел. Стены замерцали и, набрав полную мощность, обрушили на него радостный гвалт ведущих — это включилась трехмерка. Хэл подпрыгнул от неожиданности и со словами «Великий Сигмен!» рванулся вперед и вырубил звук. Он догадывался, что это штучки Мэри. И хотя он много раз предупреждал ее, что это его нервирует, она назло ему продолжала ставить трехмерку на автоматическое включение.

Хэл решил, что на сей раз он ей ничего не скажет Может, если она увидит, что он больше на это не реагирует, то перестанет включать эту тарахтелку.

Хотя, с другой стороны, она может задуматься о его внезапной перемене. И начать его расспрашивать до тех пор, пока он, окончательно потеряв голову, не наорет на нее. И тогда, чтобы закрепить победу в этом раунде, она, вместо того чтобы криком ответить на крик, продолжит атаку ледяным молчанием и страдальческими взглядами, чем окончательно выведет его из себя.

А затем она, конечно же, будет должна, «как бы это ни было для нее тяжело», исполнить свой скорбный долг и в конце месяца изложить все это в мельчайших деталях иоаху Что добавит еще один (а может, и не один) черный крестик в его Моральном Рейтинге, и ему снова придется лезть вон из кожи, чтобы его поднять. А он уже и так безумно устал вечно карабкаться за Рейтингом, к тому же это отнимало у него время и энергию, нужные для его (отважится ли он признаться в этом даже себе?) особых планов.

Но даже когда он объяснял ей, что именно она задерживает его продвижение по службе и, следовательно, не дает ему

---

* Иоах — исполняющий обязанности ангела-хранителя.

зарабатывать больше денег и перебраться в пака побольше, она разражалась сопровождаемой тяжелыми вздохами риторической тирадой: неужели же он провоцирует ее на подобное многоложество? Он что, хочет, чтобы она скрывала правду и лгала при любой возможности? Нет, она не верит, что он хочет подвергнуть их обоих смертельной опасности! Увы, никогда им не сподобиться лицезреть светлый лик Предтечи и никогда-никогда... И так далее, в том же духе, не давая ему вставить слова в свое оправдание.

А еще она очень любила вопрошать, за что он так ее не любит. А когда он уверял, что любит, раздавалось: «Нет-нет и еще раз нет!» Тогда он, в свою очередь, спрашивал, уж не считает ли она, что он ей врет. Ведь если она называет его лжецом, он обязан будет донести об этом иоаху. Тогда она ударялась в слезы и с полным отсутствием логики кричала ему, что если бы он действительно ее любил, то и думать бы не смел на нее доносить. А когда он ловил ее на противоречии и пытался ей доказать, что и с ее стороны доносить — это просто нешиб знает что, она отвечала лишь бурными рыданиями.

И так будет продолжаться до тех пор, пока он будет поддаваться на ее провокации. Но теперь он дал себе клятву, что она больше его не проведет.

Хэл пересек жилую комнату (пять на три метра) и прошел на кухню. Эти две комнаты плюс неупоминаемая — вот и вся их квартира. В маленькой (три на два с половиной метра) кухоньке он выдвинул из стены кладовую, набрал на ее панели нужный код и вернулся в жилую, она же спальня, она же гостиная. Там он сорвал с себя пиджак, скомкал его и зашвырнул за кресло. Он знал, что это еще один повод для скандала, но чувствовал себя настолько усталым, что у него просто не было сил дотянуться до потолка и спустить оттуда вешалку.

Из кухни раздался протяжный свисток — ужин был готов.

Хэл решил поесть, а потом заняться просмотром корреспонденции и пошел в неупоминаемую, чтобы вымыть руки. Губы машинально зашевелились в молитве омовения: «Да смоется с меня вся многоложность так же легко, как вода смывает грязь, если будет на то воля Сигмена!»

Сам Предтеча грозно взирал на Хэла с портрета, повешенного над раковиной: худое аскетическое лицо, обрамленное рыжей патриаршей гривой, густые соломенные брови, почти сливающиеся на переносице, крупный крючковатый нос, бледно-голубые глаза и тонкие, как лезвие ножа, губы, почти скрывающиеся в огненно-рыжей бороде.

Хэл протянул руку и нажал на кнопку в рамке: Сигмен еще с секунду грозно повзирал, а затем побледнел, выцвел и растаял — вместо портрета теперь было зеркало.

Хэлу было дозволено смотреться в него ровно столько времени, сколько необходимо для того, чтобы убедиться, что лицо вымыто чисто, и успеть причесаться. Конечно, ничто не могло помешать ему торчать у зеркала дольше, чем предписано законом, но Хэл никогда не позволял себе подобной распущенности. Какими бы там ни были его грехи, самолюбование в них не входило. По крайней мере, ему так казалось.

Однако на сей раз он все же замешкался и пристально стал вглядываться в себя. Он увидел тридцатилетнего мужчину, широкоплечего, довольно высокого роста, с рыжими (как у Предтечи!) волосами, только более темного оттенка, — их скорее можно было бы назвать бронзовыми. Лицо как лицо: высокий лоб, под бровями цвета корицы — большие темно-серые глаза. Нос прямой с тонкими ноздрями, губы в меру полные, вот только верхняя чуть великовата, да, пожалуй, подбородок тяжеловат.

Хэл снова нажал на кнопку. Зеркало потускнело, заиграло световыми бликами, и из его глубин выплыл портрет Сигмена, на одно мгновение наложившись на отражение Хэла, а затем его собственные черты растаяли, вытесненные ликом Предтечи.

Хэл вернулся на кухню и, прежде чем сесть за стол, проверил, заперта ли дверь (замки имели только двери кухни и неупоминаемой), так как не хотел, чтобы Мэри испортила ему аппетит. Он открыл дверцу разогревателя, достал оттуда теплый судок, выдвинул из стены стол и отправил разогреватель под потолок. Потом он открыл судок и приступил к еде. Поев, он выкинул использованную посуду в мусоропровод и снова зашел в неупоминаемую, чтобы помыть руки.

Вот тут-то сквозь шум воды он и услышал голос Мэри: «Хэл? Ты где?»

ГЛАВА 2

Сам не зная почему, Хэл секунду помедлил с ответом, но потом все же отозвался:

— Я здесь, Мэри.

— Ну конечно! Так я и знала, что ты там! Где еще ты можешь быть, когда наконец заявляешься домой!

Он понуро побрел в гостиную:

— Ты не могла бы умерить свой сарказм хотя бы в честь того, что меня долго не было?

Мэри была достаточно высокой — всего на полголовы ниже Хэла. Ее светлые волосы были гладко зачесаны, открывая высокий лоб, и собраны в тяжелый узел на затылке. Глаза у нее были светло-голубые Черты лица были мелкими, но довольно пропорциональными, единственное, что ее немного портило, — слишком тонкие губы Детали фигуры были скрыты от посторонних взглядов под мешковатой блузой с высоким воротом и свободной юбкой, достигающей лодыжек. Хэл и сам имел о ее фигуре самое общее представление

— Вовсе это не сарказм, — ответила Мэри, — а констатация факта. Где же ты еще мог быть? Признайся сам, что, когда я прихожу домой, я всегда застаю тебя там, — она указала на двери неупоминаемой — Да-да-да, когда ты не работаешь дома, ты всегда норовишь там спрятаться от меня

— Какая трогательная встреча хозяина дома после его долгого отсутствия!

— А ты даже не поцеловал меня! — парировала она.

— Ах да. Это же мой долг Как я мог забыть!

— Это не должно быть долгом, — насупилась Мэри. — Это должно приносить нам радость и удовольствие.

— Трудно получать удовольствие, целуя губы, которые тебя ругают.

К его удивлению, Мэри, вместо того чтобы взорваться, вдруг разрыдалась. Хэл почувствовал укол совести и постарался хоть как-то загладить вину

— Извини, конечно, но ведь и ты встретила меня отнюдь не нежными объятиями — Он привлек Мэри к себе и попытался поцеловать, но она демонстративно отвернулась. После короткой борьбы ему удалось-таки чмокнуть ее в уголок плотно сжатого рта.

— Не надо мне ни твоих извинений, ни поцелуев из чувства долга, — сказала она, вырвавшись из его рук. — Мне нужно, чтобы ты это делал потому, что любишь меня.

— Но я действительно тебя люблю, — повторил он слова, которые, с тех пор как они поженились, произносил уже по меньшей мере десять тысяч раз. Но даже для него самого это уже звучало неубедительно «Но я действительно ее люблю, — внушал он себе — Я обязан ее любить...»

— Вот ты и выбрал наилучший способ, чтобы мне это доказать!..

— Давай забудем все наши ссоры, — перебил он новую обличительную тираду жены, — и начнем все сначала. Прямо сейчас.

И, схватив ее в охапку, он принялся покрывать ее поцелуями куда попало Но Мэри вырвалась и отскочила в сторону

— Какого Ч? Да что на тебя нашло? — растерялся Хэл.

— Ты уже раз поцеловал меня в честь нашей встречи. Этого достаточно Сейчас не время и не место для плотских утех.

Он воздел руки к небесам·

— Мэри, о чем ты? Я так соскучился по тебе, что хотел расцеловать тебя, как только ты вошла, просто не сразу получилось. Но стоило поцеловать тебя на один раз больше, чем предписано, — и ты опять недовольна! Твоя беда в том, что ты понимаешь все предписания слишком буквально. А ведь Предтеча предостерегал нас от формального исполнения его наказов, он сам говорил, что обстоятельства порождают множество вариантов и модификаций, которые невозможно предсказать.

— Да, и еще он говорил, что мы должны остерегаться любых отступлений и извращений его законов. А если возникают сомнения, то первым делом их нужно обсудить со своим иоахом: только он сможет решить, насколько верносущно подобное поведение

— Ага, прямо сейчас побегу звонить нашему ангелу-хранителю и просить у него позволения поцеловать тебя еще разок!

— Наконец-то ты высказал здравую мысль, — абсолютно серьезно сказала она.

— Великий Сигмен! — взорвался Хэл. — Я не знаю — плакать мне или смеяться! Но одно я знаю точно: я не способен тебя понять! И, наверное, никогда не смогу!

— Помолись Сигмену, — посоветовала она, — и попроси его даровать тебе верносущности Тогда между нами не будет ни проблем, ни непонимания

— Сама помолись, — огрызнулся он — Для скандала нужны как минимум двое. И вот тут мы идем с тобой на равных.

— Я буду разговаривать с тобой только тогда, когда ты успокоишься, — с достоинством заявила она. — А пока разговор закончен. Тем более что я еще не ужинала.

— Можешь вообще не обращать на меня внимания, — ответил он в том же тоне, — я буду слишком занят: мне нужно подготовиться к встрече с Ольвегсеном

— Предвижу, у вас будет очень милая беседа. Да, кстати, ты мне так ни слова и не сказал о своей поездке.

Но Хэл промолчал

— И нечего на меня злиться! — добавила она и вышла.

Хэл снял со стены портрет Сигмена и положил его на стул. Потом выдвинул из стены проектор, вставил в него письма и включил его в сеть. Надев наушники и очки-расшифровщики, он с блаженной ухмылкой уселся на стул Даже если Мэри

заметит его лучезарную улыбку, она все равно сейчас не спросит о ее причине, но даже если и спросит — он вовсе не обязан отвечать. Тем более что признаться ей в том чувстве огромного удовлетворения, которое он испытывает, усаживаясь на портрет Сигмена, было просто немыслимо: она была бы ужасно шокирована или хотя бы постаралась притвориться таковой (он так и не научился отличать ее искренние порывы от искусственных). Но чувство юмора у нее просто отсутствовало. Так что говорить ей что-либо, что могло отрицательно сказаться на его МР, было чревато совсем не смешными результатами.

Хэл опустился на стул, поерзал, устраиваясь поудобнее, включил аппарат и сосредоточенно уставился на вспыхнувший на противоположной стене экран. (Мэри, не имевшая очков-расшифровщиков, видела там только белый световой квадрат.) Первым, что появилось на экране, был портрет Сигмена. С этого начиналось любое официальное письмо.

— Обратимся всем сердцем своим к Исааку Сигмену, на котором пребывает верносущность и от которого исходит благая истинная весть, — раздался в наушниках прочувствованный голос. — Да ниспошлет он нам, его последователям, благословение свое, и да поразит он безжалостно всех своих врагов, следующих за Противотечей, чьи деяния суть воплощение нешиба!

Голос на минуту умолк, чтобы дать возможность слушателю самому вознести молитву, а затем продолжил самым деловым тоном:

— Искренне верующий Хэл Ярроу! Предлагаем вам список новообразований, за последнее время вошедших в лексикон американоязычного контингента союза Гайяак. Номер первый.

На экране вспыхнуло слово: «Очкец».

— Это слово, появившись впервые в департаменте Полинезия, довольно быстро распространилось в департаментах Северной Америки, Австралии, Японии и Китая, однако оно до сих пор не встречается в Южной Америке, которая, как вы знаете, находится рядом с Северной.

Когда-то Хэла просто бесили подобные справки и сноски в официальных письмах, теперь же он просто рассмеялся: когда же они наконец поймут, что он — человек, получивший самое широкое образование, а не какой-то просто узкий специалист. А в данном случае подобная ссылка была просто абсурдом: даже полуграмотные представители низших слоев могли представлять себе, где находится Южная Америка, хотя бы потому, что Предтеча неоднократно упоминал этот континент в «Западном Талмуде». Правда и то, что учителя начальных школ, даже

если сами и имели представление о его местоположении, то не слишком строго требовали от своих учеников знания того же.

— Слово «очкец», — продолжал диктор, — впервые было зафиксировано на острове Таити. Это, как вы знаете, остров, принадлежащий департаменту Полинезия, населенный выходцами из Австралии, колонизировавшими его после войны Судного дня. В настоящем Таити используется как военно-космическая база.

Первое время слово «очкец» использовалось как профессиональный жаргонизм космических исследователей и научных работников. Насколько мы знаем, первыми его стали использовать космонавты, что может привести нас к источнику его возникновения. После его появления оно стало настолько популярным, что представители гражданского флота попросили разрешения официально его использовать, но им было отказано, до полного выяснения корней.

Исходя из первичных исследований, можно сделать вывод, что это слово используется в качестве как прилагательного, так и существительного и глагола. Кроме того, оно содержит в себе ярко выраженный уничижительный оттенок и близко по значению (хоть и не является эквивалентом) признанным лингвистами выражениям: «кранты» и «непруха». Кроме того, оно имеет значение чего-то необычного, «не от мира сего». Говоря иными словами — многоложного.

Настоящим посланием мы приказываем вам провести расследование слова «очкец», следуя статье № СТ-ЛИН-476 до тех пор, пока вы не получите приказа с номером более высокого порядка, но в любом случае вы должны подготовить отчет не позднее 12 числа месяца Плодородия, 550 Э. С.

Хэл пробежал письмо до конца: остальные три слова, по счастью, были не настолько важны — ему вовсе не улыбалось надорваться, пытаясь изучить все четыре сразу.

Но завтра сразу после отчета Ольвегсену ему придется снова уехать. Что ж, отпадает необходимость распаковывать барахло. Правда, белье снова придется носить сутками, так как будет негде его постирать.

На самом деле ему бы хотелось отдохнуть как следует после путешествия, из которого он только что вернулся.

«Вот только как — следует?» — подумал он, снимая очки и уперевшись взглядом в Мэри.

Она как раз закончила смотреть трехмерку и стала готовиться ко сну: вытянула из стены ящик с постельным бельем и достала из него ночные рубашки. У Хэла тоскливо засосало под ложечкой: впереди еще целая ночь! В эту секунду его супруга обернулась и успела заметить выражение его лица.

— Что это с тобой? — удивилась она.

— Да так, ничего...

Она направилась к нему через всю комнату (всю! пару шагов туда-сюда, а сколько места было в заповеднике — шагать устанешь!) и протянула ему скомканную тряпку:

— Не думаю, что Олаф их стирал, — сказала Мэри, — но он не виноват — у нас сломался деионизатор. Он оставил записку, что вызвал техников, но ты же знаешь, как они обычно тянут.

— Да я починил бы его сам, будь у меня на это время! — в сердцах воскликнул Хэл, но тут же замер и принюхался к белью. — Великий Сигмен! Это сколько уже стиралка не работает!

— Она сломалась сразу после твоего отъезда.

— Ну и воняют же они! Словно каждые пять минут просыпаешься в холодном поту. Впрочем, ничего удивительного — старик Ольвегсен и на меня нагоняет страх похлеще Сигмена.

— Да сколько же я могу молиться, чтобы ты не сквернословил! — закричала Мэри, покраснев от возмущения. — Когда же ты откажешься от этой многоложной привычки?! Ты что же себе думаешь!..

— Да, именно это я и думаю, — злобно перебил он. — Я знаю, что каждый раз, когда я поминаю имя Сигмена всуе, я приближаю тем самым Конец Времен. Ну и что с того?

Мэри отшатнулась, испуганная его криком и злобной усмешкой, скорее похожей на оскал.

— Что с того?! — повторила она, словно не веря своим ушам. — Хэл, ты ведь хотел на самом деле сказать совсем другое?..

— Да, конечно, я имел в виду совершенно другое, — пошел он на попятную, делая глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Конечно же, я хотел сказать совсем другое. Да как бы я посмел сказать такое! У меня вырвались такие слова, потому что твои постоянные напоминания о моих грехах доводят меня до умопомрачения.

— Но Предтеча сам говорил, что мы должны постоянно напоминать нашим братьям о том, что многоложность не дремлет.

— Я тебе не брат. Я тебе — муж, — мрачно уточнил он. — Хотя частенько, как, например, сейчас, я мечтал бы не быть им вовсе.

Чопорное, осуждающее выражение лица Мэри растворилось в слезах, которые хлынули с новой силой. Ее губы и подбородок дрожали.

— Да не плачь ты, ради Сигмена, — устало сказал он.

— Я... я не могу остановиться, — всхлипнула она, — потому что мой собственный муж — единая плоть... соединенный со мною церкводарством, осыпает меня бранью с головы до ног... Тем более что я ничем не заслужила, чтобы со мной так обращались...

— Ничем, кроме того, что ты при каждом удобном случае бежишь со всех ног жаловаться на меня иоаху

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен, и начал выдвигать из стены кровать.

— Подозреваю, что и постельное белье насквозь провоняло Олафом и его толстухой-женой, — проворчал он, доставая простыню. И тут же скривился, сорвал белье с кровати и швырнул на пол. В ту же кучу полетела и его ночная рубашка.

— К Ч это все! Я буду спать одетым. Так ты называешь себя «женой»? Хозяйкой? Почему же ты не отдала белье в стирку хотя бы к соседям?

— Ты прекрасно знаешь почему! Нет у нас денег на то, чтобы заплатить за использование их стиралки. Подобную роскошь мы сможем себе позволить, лишь когда ты наконец повысишь свой Моральный Рейтинг!

— Да как же я его повышу, если ты из-за каждой мелочи на всех парусах несешься к иоаху!

— Вот это уже не моя вина. — Мэри снова встала в позу оскорбленной добродетели. — Хорошей бы я была сигменитkой, если бы лгала своему доброму аббе, что ты достоин более высокого МР. Да если бы я погрязла в подобной многоложности, я бы жить не смогла! Сигмен все видит! Когда я стою перед иоахом, я чувствую невидимый взгляд Предтечи: он зрит меня насквозь, ему доступны все мои тайные мысли! Нет, я не сумею солгать! И тебе должно быть стыдно даже говорить со мной об этом.

— Ну и пошла ты к Ч! — он круто развернулся и скрылся в неупоминаемой.

Там он сорвал с себя одежду и ступил под душ — на положенные ему тридцать секунд. Потом обсох под сушилкой и принялся яростно драить зубы, словно пытаясь содрать с них все ужасные слова, вырвавшиеся у него в пылу ссоры: они словно жгли ему рот своей скверной. Он уже начал раскаиваться в своем поведении — как обычно. Кроме того, он заранее трусил от мысли о том, что должна будет Мэри рассказать своему иоаху, и что придется говорить ему самому, и что за этим всем может последовать. А последовать может то, что его МР упадет настолько низко, что его оштрафуют, и тогда их и

без того дырявый бюджет лопнет окончательно. А значит, придется залезать в новые, еще большие долги, не говоря уже о том, что никакое повышение ему светить не будет.

Размышляя об этом, он машинально оделся и вернулся в спальню. Мэри, увидев, что он снова полностью одет, закаменела на полпути в неупоминаемую:

— Хэл, ты же не собираешься...

— Собираюсь, — ответил он. — Я не буду спать в барахле, от которого смердит Олафом.

— Прошу тебя, Хэл, — умоляюще сложила она руки, — не заставляй меня выслушивать свои ужасающие вульгарности. Я не хочу больше слышать этих гадостей.

— Приношу вам свои извинения, — отвесил он шутовской поклон, — может, вы предпочтете, чтобы я впредь использовал в подобных случаях аналогичные выражения на исландском языке? А может, вы предпочитаете язык Новых Гебридов? Но на каком бы языке я ни говорил, смысл будет тот же: пот — естественное физиологическое выделение человека, и он, совершенно естественно, — воняет!

Мэри заткнула уши и стремглав понеслась в неупоминаемую, с силой хлопнув за собой дверью.

Хэл бросился на тощий матрас и, чтобы свет не бил в глаза, закрыл лицо руками. Через пять минут он услышал, как скрипнула дверь — она давно уже нуждалась в смазке, но их бюджет (как, впрочем, и бюджет Олафа Маркониса) не включал в себя масло для смазки дверных петель. А если его МР упадет еще ниже, Марконисы могут подать петицию о его переводе в другую квартиру. Если только сумеют найти более неприхотливую пару (разве что из новопереведенных в высший профессиональный класс), которая согласится переехать к ним.

«Сигмен правый! — думал Хэл. — Ну почему я не умею удовлетворяться жизнью, какая она есть? Почему я не умею принять верносущность полностью? Откуда во мне столько от Противотечи? Ответь мне! Просвети меня!»

— Сколько ты будешь упорствовать в нешибе, Хэл? — раздался голос Мэри, укладывающейся рядом с ним.

— В каком это нешибе? — спросил он, уже догадываясь, к чему она клонит.

— Я говорю о том, что ты собираешься спать в верхней одежде.

— А почему бы и нет?

— Хэл! — зашипела она. — Ты прекрасно знаешь почему — нет.

— Не-а, понятия не имею, — невинно ответил он. Она, как и предписано, прежде чем лечь в постель, погасила свет, и теперь он смог открыть глаза.

Хэл лежал, глядя в надвигавшуюся на него кромешную тьму.

«Ее тело, если совлечь с него все одежды, должно светиться белизной при свете луны. Или лампы, — думал он. — Но я никогда не видел ее тела, никогда не видел ее хотя бы полуобнаженной. Я вообще не видел в своей жизни ни одной обнаженной женщины. Если только не считать той картинки, что подсунул мне тот парень в Берлине. И я, бросив на нее один полуголодный, полуужаснувшийся взгляд, сбежал от греха подальше. Не знаю, что с ним было потом. Поймали ли его уззиты? Получил ли он наказание, специально предназначенное для таких, как он, так омерзительно извращающих верносущность?..»

Омерзительно... И все же он видел эту картинку перед собой так же отчетливо, как если бы она все еще стояла перед глазами, ярко освещенная берлинским солнцем. И он снова видел того парня, который пытался ему всучить ее: высокий, широкоплечий, симпатичный блондин, говоривший на берлинском диалекте исландского.

О, плоть, жемчужно-светящаяся...

Мэри молчала, но он слышал ее дыхание.

— Хэл, — зашептала она, — ты считаешь, что на сегодня ты натворил уже достаточно? Ты что, хочешь, чтобы я в своем докладе иоаху прибавила еще кое-что?

— Ну, что я еще натворил? — рявкнул он, хотя в глубине души чуть посмеивался над ней и просто хотел таким образом заставить ее выложить свои козыри.

Но она не поддалась на провокацию и еле слышно прошептала:

— Ты кое-что не сделал.

— Ты это о чем?

— Сам знаешь.

— Не знаю.

— В ту ночь, когда ты наутро собирался уезжать в этот свой заповедник, ты отговорился тем, что слишком устал. Это, конечно, не извинение, но я все же ничего не сказала иоаху, потому что ты уже выполнил свою супружескую норму за неделю. Но так как ты уже две недели в отъезде...

— Супружеская норма! — вслух повторил он, приподнимаясь на локте. — Недельная норма! Так вот как ты все это воспринимаешь!

— Но, Хэл, — в ее голосе звучало искреннее удивление, — как мне еще это воспринимать?

Он со стоном откинулся на подушку и уставился в темноту

— К чему все это? — сказал он наконец. — Ну почему? Почему мы обязаны?.. Мы женаты уже девять лет, но у нас нет детей и никогда не будет. Я даже подавал прошение о расторжении брака. Так почему мы с тобой до сих пор продолжаем это бессмысленное представление, как пара роботов из трехмерки?

Он услышал ее всхлипывания и отчетливо представил ее искаженное ужасом лицо.

— Мы обязаны, потому что мы обязаны. А что нам еще остается делать? Ты же не хочешь предложить мне...

— Нет, нет и нет! — отрезал он, в то же время с ужасом представляя, что будет, если она обо всем этом донесет иоаху Может, что-то другое ему еще могут спустить, но малейший намек на то, что он отказывается исполнять свой супружеский долг, тем самым отказываясь от воплощения в жизнь законов Сигмена... Страшно было об этом подумать. Да, он пока еще университетский преподаватель, имеющий пака с отдельным жилым помещением, имеющий шанс на повышение. Но если только. .

— Конечно же, нет, — уже мягче продолжил он. — Я знаю, мы должны приложить все усилия, чтобы иметь детей. Но, похоже, мы с тобой обречены на бесплодие.

— А доктор говорил, что ни у тебя, ни у меня нет никаких физических отклонений, препятствующих оплодотворению, — повторила она в тысячный раз за последние пять лет. — А это может означать только то, что один из нас впал в многоложество. И я точно знаю, что этот один — не я. Со мной такого быть не может!

— Наше темное «я» прячется за светлое «я», — процитировал Хэл отрывок из «Западного Талмуда», — Противотеча в нас ставит нам препятствия, и мы даже не подозреваем об этом.

Ничто не могло так сильно завести Мэри, обожавшую цитировать Сигмена при каждом удобном случае, как то, что Хэл имеет наглость делать то же. Но она почему-то, вместо того чтобы разразиться гневной тирадой, тихо заплакала:

— Не пугай меня, Хэл. Ты же сам знаешь, что через год заканчивается отпущенный нам срок. Нам придется идти к уззитам на новую проверку, и если мы не выдержим ее, если окажется, что хотя бы один из нас отрицает будущее для наших детей. они выведут его на чистую воду Вот что тогда случится!

Искусственное осеменение считалось прелюбодеянием. Клонирование Сигмен заклеймил как противоестественную мерзость, не имеющую права на существование.

В первый раз за весь вечер Хэл почувствовал невольную симпатию к своей жене. Ему было так же страшно, и он прекрасно понимал, откуда эта дрожь, сотрясающая ее тело так, что вибрировал матрас.

Но он не мог дать ей почувствовать свое сострадание — слишком уж горьким опытом далось ему это знание. Уже не раз в подобных ситуациях Мэри, почувствовав слабину, яростно разрушала хрупкий мостик, возникавший между ними. И на то, чтобы собрать его по кусочкам и склеить, обычно уходила вся ночь.

— Не думаю, что нам так уж нужно волноваться, — бодро сказал он. — В конце концов, мы с тобой — профессионалы высокого класса, которые всегда нужны. Зачем бы церкводарству тратить столько денег на наше обучение, чтобы вот так, вдруг, отправить нас к Ч? Да даже если ты не забеременеешь, нам все равно дадут отсрочку. Кстати, подобные прецеденты уже бывали! Да сам Предтеча говорил, что к каждому случаю нужно подходить индивидуально, учитывая все обстоятельства, а не стричь всех под одну гребенку. А значит, мы с тобой...

— А как часто на деле «изучают все обстоятельства»? — оборвала его Мэри. — Часто ли? Ты не хуже меня знаешь, что судьи всегда обращаются к абсолютному закону.

— Я не разбираюсь в этих вещах, — примирительно сказал он. — Не будь такой наивной: да, с обывателями так и поступают. Но у иерархов бывает и иначе. Я слышал о таких случаях. И я знаю, что такие вещи, как кровные связи, дружба, престиж и здоровье, а в особенности необходимость для церкводарства, являются смягчающими обстоятельствами.

Мэри даже села.

— Ты что, хочешь сказать мне, что уриэлитов можно подкупить?!

— Я никому и никогда не скажу ничего подобного, — поспешил откреститься он. — И я готов поклясться утраченной рукой Сигмена, что сказанное мной не содержало даже намека на подобную чудовищную многоложность. Я сказал лишь то, что необходимость церкводарству иногда может смягчить судей и дать еще один шанс.

— Да кто же будет нам помогать! — воскликнула Мэри, и Хэл улыбнулся в темноту: хоть она и потрясена его словами, но все же достаточно практична, чтобы без промедления заняться поисками выхода из сложного положения.

Несколько минут оба молчали. Мэри тяжело дышала, как загнанное в угол животное. Наконец он решил, что с нее довольно, и сказал:

— Я не знаю никого влиятельнее Ольвегсена. Но он тоже не в восторге от моего МР, несмотря на то что в восторге от моей работы.

— Вот видишь! Повсюду этот МР! Если бы ты только сделал над собой усилие, Хэл.

— Если бы ты только не прилагала столько усилий, чтобы его понизить! — горько продолжил он.

— Но, Хэл, что я могу поделать, если ты все время с такой легкостью соскальзываешь в многоложность! Мне самой все это не нравится. Но ведь это — мой долг! А упрекая меня в этом, ты также делаешь очередные ложные шаги. Еще одна черная отметка...

— Которую ты немедленно потащишь в клюве иоаху... Хватит. Ладно, нечего возвращаться к одному и тому же по тысяче раз за ночь.

— Это ты начал разговор, — возразила она, свято уверенная в своей правоте.

— Похоже, это вообще единственное, о чем мы можем с тобой говорить.

— Да, но не в таком же тоне! — она словно поперхнулась.

— В первый год после свадьбы мы говорили об этом иначе. А вот после...

— Но кто в этом виноват? — закричала она.

— Хороший вопрос. Но не думаю, что нам нужно искать на него ответ — это может быть слишком опасно.

— То есть?

— Я не намерен это обсуждать. Меня это уже не интересует.

Он сам удивился тому, что сказал. Что он имел в виду? Он и сам не знал. Это было высказывание не его интеллекта, а скорее всего его существа. Не Противотеча ли говорил в этот миг его устами?

— Давай спать. — На сей раз Хэл был уверен, что говорит от себя. — Утро вечера верносущнее.

— Но не раньше чем...

— Но не раньше чем — что? — устало спросил он.

— Не играй со мной в свои нешибские каламбуры! Ты опять начинаешь все сначала! Ты пытаешься.. пренебречь... своим долгом!

— Мой долг! — вздохнул Хэл. — Шиб. Да, конечно.

— Не говори со мной таким тоном! Я сама не хочу, чтобы ты занимался этим только из чувства долга. Я хочу, чтобы ты

любил меня, чтобы это приносило удовольствие... Ну, хотя бы потому, что ты хочешь любить меня!

— Я получаю удовольствие от любви ко всему человечеству. Я прямо изнемогаю от этой любви. Но если я вдруг попытаюсь исполнить свой долг любви с кем-нибудь, кроме моей связанной со мной узами верносущности супруги, меня же распнут!

Мэри была шокирована настолько, что даже не нашлась, что ответить. Она просто повернулась к нему спиной. Но он, зная, что наговорил все это лишь для того, чтобы наказать себя и ее, протянул к ней руку, нашел в темноте на ощупь ее плечо и...

И дальше все пошло по ритуалу: слова, действия — тщательное копирование предписаний из «Западного Талмуда». Кроме разве что одной детали — Хэл так и остался в верхней одежде. Но это, как он подумал, ему простится: главное в духе, а не в букве. Да и так ли уж велика разница между тем, одет ты в тончайшую ночную рубашку или в выходной костюм? Мэри, даже если и усмотрела в этом грех, на сей раз ничего не сказала.

ГЛАВА 3

После, лежа без сна и уставившись в темноту, Хэл в который уже раз думал: да что же это с ним происходит? Опять и снова словно циркулярная пила разрезала его пополам! Сначала, да, он был очень возбужден — да, сердце колотилось и дышать было тяжело... Да, сначала он не чувствовал ничего, что могло бы помешать ему. Но когда наступил момент, который Предтеча определяет как генерацию потенциальных возможностей и осуществление верносущности, Хэл испытал лишь физиологическую его часть. Его тело честно довело до конца все предписанные отправления, но он так и не испытал даже намека на тот экстаз, который так ярко описывал Предтеча. Между верхом и низом не было никакой связи — циркулярная пила перерезала ее, и ничего не осталось, только странные судороги, словно все его нервы покалывали электрические иглы, одновременно возбуждая их и вызывая в них онемение.

Нет, что-то не так. Это неправильно, сказал он сам себе. А что, если?.. Нет, конечно, Предтеча не мог ошибаться! Хотя, если он во всех отношениях превосходил других людей, мог ли он быть для них критерием? А что, если он был одарен талантом чувствовать все тоньше и совершеннее других и не давал себе отчета в том, что остальные представители человечества лишены его чудного дара особого мировосприятия?

Но нет! Это невозможно! Долой все сомнения! Ибо Предтеча способен читать в сердцах людей Дело только в Хэле, в уроде, единственном из всех верных подданных верносущного церкводарства

Вот только единственном ли? Он никогда и ни с кем не обсуждал своих ощущений от акта Да язык бы просто не повернулся! Это было бы слишком непристойно, слишком многоложно! И хотя ему никто никогда не запрещал говорить на эти темы, он сам понимал, что это недопустимо настолько, что нет нужды это запрещать.

Все, что должен испытывать истинноверующий, было зафиксировано в «Западном Талмуде» раз и навсегда Так что тогда обсуждать?

Но стоило ли воспринимать все так буквально? Когда Хэл изучал главу Талмуда, предназначенную исключительно для супружеских пар, ему подумалось, что Предтеча описывает отнюдь не физиологическую сторону акта. Его язык в этой главе слишком поэтичен (Хэл знал, что такое «поэзия» — как лингвист, он имел доступ к литературным трудам, запрещенным для широкого использования), метафоричен (и это Хэл тоже знал), даже можно сказать — метафизичен. Он использовал термины, которые при ближайшем рассмотрении были слишком далеки от реальности.

«Прости меня, Предтеча, — взмолился он, — что я понимаю твои слова не как научное описание электрохимических процессов, происходящих в нервной системе человека. Конечно же, их надо применять на более высоком уровне, ибо реальность имеет много планов, и иные из них необъяснимы: субреальный, реальный, псевдореальный, сюрреальный, суперреальный, ретрореальный.

Нет, хватит заниматься теологией на сон грядущий. У меня нет ни малейшего желания опять всю ночь напролет решать неразрешимые проблемы. Может, Предтече и все понятно, но я, видимо, не способен это уразуметь»

Все, что он знал, — это то, что он выбился из фазы и потерял всякую ориентацию и смысл жизни и может никогда уже не выбраться из этого тумана. Он идет, балансируя на самом краю пропасти в многоложность, он уже теряет равновесие, и жадные злые руки Противотечи, проклятого брата Сигмена, тянутся к нему в смертельном объятии

В уши ударил рев труб. Хэл сел на кровати, не в силах сообразить, где сон, а где явь.

Ошалело озираясь, он увидел спокойно спящую Мэри — она научилась игнорировать горны мужской побудки, так как к ней они не относились. Ее трубы вострубят через пятнадцать

минут — а до тех пор она может спокойно спать дальше За это время ему нужно успеть умыться, побриться, одеться и смотаться Потом наступят законные женские пятнадцать минут на туалет и одевание, а еще через десять минут в этот тесный мирок заявится Олаф Марконис с ночной смены и завалится спать, чтобы уступить свое место семейству Ярроу вечером

Сегодня Хэлу на все эти процедуры понадобилось даже меньше времени, так как он был уже одет Он облегчился, умылся, втер в щетину размягчающую мазь и снял волосы с лица. Когда-нибудь, когда он достигнет титула иерарха, он сможет носить бороду, как Сигмен. Хэл бросил последний взгляд в зеркало, пригладил волосы и пулей выскочил из неупоминаемой

Быстро запихнув полученные вчера письма в сумку, он рванул к дверям, как вдруг, подчиняясь необъяснимому импульсу, вернулся в спальню и склонился над Мэри, чтобы поцеловать ее на прощание. Она не проснулась, и где-то в глубине души он пожалел об этом — потому, что она уже никогда не узнает о том внезапном приливе чувств, который нахлынул из глубины его души, — темное или светлое его «я» целовало ее — какая разница? Он сам не знал Прошлой ночью ему казалось, что он ненавидит ее, но сейчас.

Ее уже не переделаешь, как, впрочем, и его Хотя это, конечно, их не извиняет. Каждый несет личную ответственность за свою собственную судьбу, и что бы с ними ни случалось — плохого или хорошего — в этом только его вина или заслуга.

Если развить эту мысль, то они с Мэри сами были причиной собственной нищеты. Правда, неосознанно. Их светлые «я» не хотели, чтобы их любовь потерпела крушение, но их темные «я» тянули к ней лапы, науськиваемые Противотечей

Уже стоя в дверях и бросив последний прощальный взгляд на Мэри, он увидел, что она проснулась и, сонно моргая, таращится на него. Но, вместо того чтобы вернуться и поцеловать ее еще раз, он дал стрекача, решив, что скандал с утра плохо действует на нервы. Тем более что вчера он так и не нашел возможности сообщить ей о своем отъезде на Таити Ну что ж, будем считать, что избежали еще одного выяснения отношений

Коридор был забит спешащими на работу людьми Большинство из них, как и Хэл, были одеты в свободные шотландки профессионалов, но встречались и преподаватели в их ало-зеленой форме

Хэл мужественно шел сквозь строй ритуала здорования:

— Славного тебе будущего, Эриксон!
— Да озарит тебя улыбка Сигмена, Ярроу!
— Как спалось, Чанг?
— Шиб, Ярроу!
— Шалом, Казимуру.
— Да озарит тебя улыбка Сигмена, Ярроу!

Хэл остановился у дверей лифта, дожидаясь, пока дежурный по этажу распихает толпу по иерархическим группам. Наконец оказавшись на улице, Хэл зашагал по разноскоростным дорожкам, пока не добрался до центральной, двигавшейся со скоростью экспресса. На полосе была давка, его стиснуло между другими пассажирами. Но так как все они принадлежали к высшему классу, толкались они весьма деликатно. Через десять минут он стал осторожно пробиваться с дорожки на дорожку и еще через пять минут оказался на обочине перед широкой аркой пали № 16 Университета Сигмен-Сити.

Внутри ему тоже пришлось подождать, впрочем, не так уж долго, пока лифтер пригласит его в кабину. Лифт без остановки вознесся на тридцатый этаж. Обычно Хэл спешил в аудиторию для лекций на трехмерке, но сегодня он направился в другую сторону — к кабинету декана. По дороге ему вдруг страстно захотелось курить, и, зная, что Ольвегсен этого не одобряет, он решил быстро сделать пару затяжек в коридоре. Он вдыхал аромат женьшеня и машинально прислушивался к шедшей за ближайшей дверью лекции его коллеги Кеони Джерамиль Рамунссена.

— ...«Пака» и «пали» заимствованы из языка аборигенов Полинезии. «Пака», означающее нору, пещеру, жилище, и «пали», означающее крутой обрыв, отвесную скалу, давно вошли в лексикон англоязычных колонизаторов Гавайских островов.

После войны Судного дня гавае-американцы, переселившись в Северную Америку, привнесли их в лексикон американоязычного населения этого континента. Но уже пятьдесят лет спустя они приобрели новый смысл. «Пака» стали называть (явно с ироническим оттенком) крошечные квартирки низших классов, хотя позже этот термин распространился и на высшие классы. Таким образом, если вы — иерарх, то вы живете в апартаментах, а представители всех других классов живут в «пака».

Слово «пали», первоначально имевшее значение «обрыв», нашло применение в обозначении небоскребов. Но, в отличие от «пака», оно до сих пор иногда применяется и в первоначальном значении.

Хэл докурил сигарету, затушил ее в плевательнице и, собравшись с духом, отправился к декану.

Доктор Боб Кафзиэль Ольвегсен на правах хозяина поздоровался первым.

— Алоха, Ярроу! — он говорил с легким исландским акцентом. — А что ты здесь делаешь?

— Шалом, абба. Приношу вам свои извинения за появление перед вами без приглашения, но мне необходимо уладить кое-что перед отъездом.

Ольвегсен, седовласый семидесятилетний мужчина в полном расцвете сил, нахмурился:

— Перед каким таким отъездом?

Хэл вытащил письмо и протянул его начальнику:

— Вы можете сами ознакомиться с его содержанием, но позвольте мне не отнимать вашего драгоценного времени и сообщить вам, что это новый приказ на проведение лингвистического расследования.

— Но ты же только что вернулся! — возмутился Ольвегсен. — Как они могут требовать от меня, чтобы я эффективно управлял этим колледжем, во славу церкводарства, если сами без конца вставляют мне палки в колеса, охотясь за дикими словами?

— Вы же не собираетесь критиковать уриэлитов, — не без злорадства заметил Хэл. Он не любил своего начальника, хоть и пытался подавить в себе эти многоложные эмоции.

— Сигмен упаси! Конечно же, нет! Я просто не способен на это! И... И я возмущен твоими инсинуациями!

— Приношу свои извинения, абба. Но у меня и в мыслях не было намекнуть на что-то подобное.

— Когда ты должен ехать? — сменил тему Ольвегсен.

— Первым же кораблем. Он, кажется, отходит через час.

— А когда вернешься?

— Один Сигмен знает! Когда я закончу расследования, я напишу отчет.

— Доложись мне в ту же секунду, как вернешься.

— Снова приношу извинения, но я не смогу этого сделать. К этому времени мой МР будет достаточно запущен, и я буду вынужден потратить много часов на то, чтобы очистить его. Это вопрос первостепенной важности, и до этого я ничем больше заниматься не смогу.

Ольвегсен грозно сдвинул брови:

— Да, кстати, о твоем МР. Последнее время, Ярроу, ты вел себя не так уж хорошо. Надеюсь, что в будущем ты приложишь все силы, чтобы добиться улучшения. В противном случае...

Хэлу вдруг стало жарко, а колени противно задрожали.

— Да, абба?

Ольвегсен сложил руки домиком и посмотрел поверх него на Хэла:

— Как бы мне ни было жаль, я буду вынужден пойти на крайние меры. Я не имею права держать в своей команде человека с таким низким МР. И боюсь, что я...

Наступила долгая пауза. Хэл почувствовал, как пот струйками течет с подмышек и на лбу и верхней губе выступает испарина. Он понимал, что Ольвегсен специально держит его в напряжении. Но он не доставит удовольствия этому седовласому gimpel*, он его ни о чем не спросит! Но, с другой стороны, отважиться придать себе абсолютно безразличный вид было чревато тем, что его начальник просто рассмеется и выгонит его.

— Что, абба? — переспросил Хэл, стараясь придать голосу дрожь волнения.

— Я очень опасаюсь, что не смогу себе позволить проявить терпимость, понизив тебя до преподавания в начальной школе Я должен быть милосерден. Но в твоем случае прощение будет лишь провокацией многоложества. А я не могу допустить даже возможность возникновения этого. Нет...

Хэл мысленно проклинал себя за неспособность сдержать дрожь.

— Слушаю вас, абба.

— Я очень опасаюсь, что буду вынужден для рассмотрения твоего дела призвать уззитов.

— Нет! — вырвалось у Хэла.

— Да, — весомо сказал Ольвегсен. — Да, мне это причинит боль, но не сделать этого будет полным нешибом. Я могу сохранить чистоту помыслов, только прибегнув к их помощи.

Он развернулся в кресле так, что Хэл видел его теперь в профиль, и продолжил·

— Однако есть ли у меня весомые причины, чтобы предпринимать подобные шаги? В конце концов, ты, и только ты в ответе за все то, что с тобой будет. И таким образом — тебе некого винить, кроме себя самого.

— Так говорил Предтеча Я надеюсь, что не причиню вам боли, абба, и сделаю все, чтобы у моего иоаха не было причин понижать мой МР

— Ну вот и ладно, — ответил Ольвегсен так, словно не поверил ни единому его слову — Я не буду задерживать тебя, проверяя письмо — я получил утренней почтой его копию, — алоха, сын мой, и добрых снов!

---

* Gimpel *(нем.)* — здесь дурак

— Живите верносущностью, абба, — ответил Хэл, повернулся и вышел

Перепуганный до смерти, он сейчас с трудом соображал, что ему нужно сделать. Как автомат, он отправился в порт и прошел ритуал определения рангов на поездку. Но даже когда он поднялся на корабль, его мозги отказывались мыслить ясно Через полчаса, прибыв в Лос-Анджелес, он также автоматически отправился в билетную кассу прокомпостировать билет на Таити и пристроился в конец очереди.

И вдруг его плеча коснулась чья-то рука. Он подпрыгнул от неожиданности и обернулся было, чтобы извиниться, но, когда он увидел хозяина руки, его сердце заколотилось так, словно хотело разнести грудную клетку· над ним возвышался широкоплечий пузатый мужчина, облаченный в черную как смоль форму и коническую шляпу с узкими полями, а на его груди сверкала серебряная фигурка ангела Уззы.

Офицер, сверяясь по бумажке, стал изучать личный номер, выбитый на ободке нагрудной эмблемы Хэла.

— Вы — Хэл Ярроу. Шиб, — удовлетворенно проворчал он — Следуйте за мной.

Позже Хэл с удивлением вспоминал, что в эту минуту он был абсолютно спокоен. Очевидно, ему как-то удалось загнать свой страх в подсознание для того, чтобы сознание могло спокойно, без суеты изучить создавшуюся ситуацию и попробовать найти из нее выход. Если до сих пор он находился как в тумане после разговора с Ольвегсеном, то теперь этот туман мгновенно испарился и мир вокруг приобрел резкость и четкость: он снова мог мыслить холодно и ясно. Тем более что Ольвегсен был далеко и угрозы его могли и вовсе не реализоваться, а вот арест был здесь и сейчас. И он был неотвратим

Уззит отконвоировал его к небольшому автомобильчику, припаркованному у касс, жестом приказал садиться и набрал на панели управления код места следования. Кораблик вертикально поднялся на высоту пятисот метров и, включив сирены на полную мощность, рванул вперед. Несмотря на весь трагизм своего положения, Хэл не удержался от внутренней усмешки· копы есть копы, сколько бы тысячелетий ни прошло — они всегда стараются создать как можно больше шума вокруг себя, особенно когда рядом нет опасности.

Через пару минут машина уже опустилась на стоянку на крыше двенадцатиэтажного здания. Уззит все так же молча жестом приказал Хэлу выходить, и тот повиновался, понимая, что в подобной ситуации говорить что-либо бесполезно

Страж повел его по лабиринту коридоров, пробиваясь сквозь деловую сутолоку обычного официального учреждения

Хэл пытался запомнить дорогу на тот случай, если придется бежать, хотя понимал, что это ребячество — бежать отсюда невозможно. К тому же он успокаивал себя мыслью, что дело не могло зайти так далеко, что побег будет единственным возможным для него выходом.

Во всяком случае, ему очень хотелось на это надеяться.

Наконец они остановились перед дверью, на которой не было никакой таблички. Уззит вставил большой палец в специальное углубление, дверь открылась, и они оказались в приемной.

— Докладывает херувим Паттерсон, — обратился офицер к сидящей за столом секретарше. — Хэл Ярроу, профессионал, личный индекс № 56327, доставлен.

Секретарша передала сообщение по селектору, и из динамика на стене раздался голос, приказывающий провести задержанного в кабинет.

Секретарша нажала на кнопку, и дверь отъехала в сторону.

Хэл вошел первым.

Помещение, в котором он оказался, поразило его своими размерами — оно было больше его лекционного класса в Университете, да что там класса — больше всей его пака! У противоположной стены стоял огромный стол в форме полумесяца, чьи рога были направлены сейчас на Хэла. За столом сидел человек, одного взгляда на которого хватило, чтобы все хладнокровие Хэла испарилось: он-то ожидал увидеть здесь какого-нибудь иоаха высшего ранга в черной форме!

Но хозяин кабинета не был уззитом. На нем была просторная пурпурная ряса, голову покрывал капюшон, а на груди горел большой золотой ламед — буква «Л» древнееврейского алфавита. И у него была борода!

Да, он был высшим среди высших — уриэлитом. За всю свою жизнь Хэл не больше дюжины раз видел уриэлитов издалека и только один раз как-то сподобился беседы.

«Великий Сигмен! — пронеслось у него в голове. — Что же я натворил такого? Я уже заранее обречен».

Уриэлит был высоким мужчиной, возможно, выше Хэла. У него было длинное скуластое лицо с тонким крючковатым носом, узкими губами и выцветшими голубыми глазами с небольшим эпикантусом*.

Уззит зашипел Хэлу в спину:

— Хальт, Ярроу! Стой и внимай! Исполняй все, что прикажет тебе сандальфон Макнефф, без малейшего промедления и не делай лишних движений.

---

* Эпикантус — складка у внутреннего угла глаза, характерная для монголоидной и некоторых групп негроидной рас.

Тот, не способный сопротивляться даже в мыслях, молча кивнул.

Макнефф, машинально поглаживая свою роскошную бороду, с минуту разглядывал Хэла (который за эту минуту взмок и окончательно впал в состояние тихой паники) и наконец заговорил неожиданным для такого скелета глубоким басом:

— Ярроу, как ты смотришь на то, чтобы покончить с этой жизнью?

ГЛАВА 4

Позже Хэл не раз возносил благодарственные молитвы Сигмену за то, что тот удержал его от действенных проявлений ярости отчаяния, которая затопила его мозг в ответ на слова сандальфона. Вместо того чтобы оцепенеть от ужаса, он стал лихорадочно соображать, как бы ему половчее развернуться, напасть на офицера, завладеть его пистолетом, который хоть и не был на виду, но обязательно должен был быть где-то под рясой, сбить его с ног, взять Макнеффа в заложники и, прикрываясь им как щитом, удрать.

Вот только куда?

В Израиль? В Малайскую Федерацию? Обе страны достаточно далеко, но, если ему удастся украсть корабль или, мягче говоря, реквизировать, расстояния уже не будут играть роли. Хотя даже если все это удастся, у него слишком мало шансов проскочить через заслон ПВО — он слишком слабо разбирается в военной терминологии и кодах, чтобы попытаться их обдурить...

Однако, прокрутив за одну секунду у себя в голове все свои возможности и все возможные последствия, он обнаружил, что вся его отвага куда-то улетучилась. Наверное, не стоило пороть горячку. Во всяком случае, сначала надо узнать, в чем его обвиняют. А вдруг ему посчастливится доказать свою невиновность?

И тут Хэл увидел, что губы Макнеффа раздвинулись в улыбке:

— Очень хорошо, Ярроу, — сказал он.

Хэл не был уверен, что это дает ему право говорить, но он решил рискнуть, всей душой надеясь, что его смелость не рассердит уриэлита.

— Что хорошо, сандальфон?

— Что ты покраснел, а не побелел. Я вижу людей насквозь, Ярроу. Мне стоит лишь пару секунд посмотреть на человека, чтобы знать о нем все. И я вижу, что страх не сокрушил тебя после того, что я сказал. А ведь у очень многих на твоем месте

затряслись бы поджилки. У тебя же вместо этого кровь ударила в голову: ты изготовился спорить, возражать, бороться.

Конечно, кто-нибудь другой мог бы углядеть в подобной реакции не приличествующую случаю дерзость, а следовательно — многоложность.

Но что есть верносущность? — спрашиваю я. Этот же вопрос задавал проклятый брат Предтечи во время дебатов с ним. Понять это может лишь праведный.

Я — праведен, в противном случае я не был бы сандальфоном. Шиб?

Хэл, стараясь дышать как можно тише и реже, только кивнул. Однако про себя он подумал, что Макнефф не такой уж хороший чтец человеческих мыслей, так как ни словом не обмолвился о том, что знает: Хэл раздумывал о применении грубого насилия.

А что, если он все-таки все понял? Но настолько мудр и праведен, что простил этот многоложный порыв?

— Когда я спросил, как ты отнесешься к тому, чтобы покончить с этой жизнью, — продолжал между тем Макнефф, — я вовсе не имел в виду, что собираюсь отправить тебя к Ч. Хотя, — он грозно сдвинул брови, — твой МР показывает, что, если ты и в дальнейшем собираешься придерживаться взятой тобой линии поведения, ты станешь кандидатом туда, причем в самом скором времени. Однако у тебя есть шанс исправиться. Если ты примешь мое предложение (абсолютно добровольно, конечно), ты попадешь в общество исключительно верносущных людей и не сможешь избегнуть их положительного влияния. «Верносущность порождает верносущность», — так говорил Сигмен.

Хотя, может быть, я тороплю события. Прежде ты должен поклясться на этой книге, — он протянул Хэлу экземпляр «Западного Талмуда», — что все, что ты здесь услышишь, ты ни при каких обстоятельствах не передашь ни единому живому существу. А если ты попытаешься предать церковдарство, то умрешь, но прежде еще подвергнешься пыткам.

Хэл возложил на «Талмуд» свою левую руку (в память о Сигмене, который, потеряв правую руку в юности, клялся всегда левой) и дал клятву, что его уста замкнуты навек. Во время клятвы он вдруг ощутил искреннее раскаяние в том, что возжелал прибить уззита и применить грубую силу к сандальфону. И как только он мог позволить своему темному «я» полностью подчинить себе все его помыслы? Ибо Макнефф был наместником Сигмена среди живущих, пока Предтеча путешествовал сквозь время и пространство, дабы подготовить счастливое будущее для своих последователей. Любое посяга-

тельство на персону Макнеффа можно было расценить как плевок в лицо Сигмену, а это было столь чудовищным деянием, что одна мысль об этом была невыносима.

Макнефф положил книгу на место и сказал:

— Во-первых, я должен сообщить тебе, что приказ провести на Таити расследование истоков слова «очкец» ты получил по ошибке. Некоторые департаменты уззитов работают недостаточно слаженно, как должны бы. Сейчас причину этой ошибки расследуют, и после будут приняты меры, достаточно эффективные для того, чтобы подобные ошибки не повторялись впредь.

Уззит за спиной Хэла судорожно вздохнул, и тому сразу стало легче от мысли, что не он один здесь трясется от страха.

— Один из иерархов заинтересовался твоим прошением на разрешение выезда на Таити и, зная, насколько высок уровень секретности этих островов, подал рапорт, после чего тебя и задержали. Но, изучив твое личное дело, я подумал, что ты можешь нам пригодиться, так как у нас образовалась вакансия в составе экспедиции.

Макнефф встал из-за стола и принялся, сложив руки за спиной, расхаживать по кабинету. Хэл подумал, что бледно-желтый оттенок его кожи напоминает цвет слонового бивня, который он когда-то видел в музее вымерших животных. Пурпур капюшона лишь подчеркивал желтизну его лица.

— Мы предлагаем тебе занять это место добровольно, так как на борту не будет ни единого человека, кто не посвятил бы себя Служению. Я очень надеюсь, что ты присоединишься к нам, так как не смогу с легкой душой оставить Землю, зная, что на ней есть хоть один человек, осведомленный о существовании и цели путешествия «Гавриила». Я не сомневаюсь в твоей преданности, но эти израильские шпионы настолько изощрены, что ты и сам не заметишь, как выложишь им все. Они ведь способны и на похищение и без зазрения совести используют для получения информации наркотики, ибо они — истинные слуги Противотечи, и методы их не отличаются щепетильностью.

«Интересно, почему использование наркотиков израильтянами многоложно, — пронеслось в голове у Хэла, — а использование их в тех же целях Союзом — шиб?» Но следующие слова Макнеффа заставили его забыть обо всем.

— Первый межзвездный корабль союза Гайяак отправился в направлении альфы Центавра уже сто лет назад. Примерно в то же время Израиль запустил свой корабль. Оба вернулись через двадцать лет и доложили, что не обнаружили ни одной планеты, пригодной для обитания. Следующая экспедиция

Союза отправилась спустя еще девять лет, а Израиль подготовил новый корабль через одиннадцать. Но оба они снова вернулись ни с чем.

— Я никогда не слышал об этом, — прошептал Хэл.

— Оба правительства хорошо умеют хранить секреты от своих народов, но только не друг от друга, — усмехнулся Макнефф. — Насколько мы знаем, Израиль больше не отважился посылать в космос новых кораблей — расходы на их подготовку просто астрономические. Но мы, однако, не постояли за ценой и снарядили еще один корабль, меньше размерами, но зато обладающий большей скоростью. За последние сто лет мы неплохо продвинулись в области космического конструирования.

Так вот, этот третий корабль вернулся пару лет назад и сообщил...

— ...что они открыли планету, на которой могут жить люди и которая, кроме того, населена существами, имеющими развитые органы чувств! — выпалил Хэл, напрочь забывший об этикете в порыве энтузиазма.

Макнефф остановился и вперил в него испытующий взгляд своих выцветших глаз.

— А ты откуда знаешь? — резко спросил он.

— Прошу прощения, сандальфон, — опустил глаза Хэл, — но это же было неизбежно. Разве Предтеча не предсказал нам в своем «Время и пути развития», что такая планета будет обнаружена? Насколько я помню, страница пятая, семьдесят третий параграф.

Макнефф улыбнулся:

— Я рад, что изучение наследия Предтечи оставило в твоей памяти столь глубокий след.

«Еще бы не оставило, — подумал Хэл, — и не только в памяти, но и на теле. Порнсен, мой иоах, порол меня нещадно всякий раз, когда я нетвердо знал урок. О, он умел внушать уважение и оставлять глубокий след, этот Порнсен. Умел? Как же! До сих пор внушает и оставляет. Я рос, продвигался по служебной лестнице, и он везде и повсюду преследовал меня: сначала в яслях, потом он был иоахом дортуара в колледже, а теперь он мой блок-иоах. И только он виноват в том, что у меня такой низкий МР!

Но — нет! Не иоах, а только я, я один в ответе за все, что со мной происходит. И если у меня низкий МР, то это означает, что, потакая своему темному "я", я сам его устанавливаю. И даже если это приведет меня к отправке к Ч, это будет означать, что я сам этого хотел. Прости меня, Сигмен, за столь противные верносущности мысли!»

— Еще раз прошу прощения, сандальфон, — вслух сказал Хэл, — но могу я спросить: нашла ли экспедиция на этой планете какие-либо следы пребывания Предтечи? Или (может, я захожу в своих надеждах слишком далеко?) встретила самого Сигмена во плоти?

— Нет, — ответил Макнефф, — хотя это не означает, что его следов нет там вообще. Целью экспедиции было лишь поверхностное изучение условий жизни на этой планете. Я не могу сейчас назвать тебе ту звезду, вокруг которой она вращается, но уверяю тебя, ее можно наблюдать невооруженным глазом в нашем полушарии. Если ты дашь согласие участвовать в экспедиции, то на борту корабля ты узнаешь ее название. А корабль отправляется очень скоро.

— Вам нужен лингвист?

— Корабль огромен, но число специалистов и военных строго лимитировано, поэтому нам нужен лингвист-козл. Мы обсудили несколько кандидатур лингвистов, имеющих титул ламедоносцев, но, к сожалению, хотя они и безупречны во всех отношениях, но козл среди них оказался только один, и тот по состоянию здоровья не способен принять участие в подобном путешествии. Таким образом...

— Тысячу извинений, — перебил его Хэл, — но я сейчас только вспомнил — я ведь женат.

— Ну, с этим проблем не будет. На борту «Гавриила» вообще не будет ни одной женщины. Все состоящие в браке члены экипажа автоматически получат развод.

— Развод?! — повторил Хэл, судорожно сглотнув комок в горле.

Макнефф поспешил его успокоить:

— Тебя, конечно, ужасает сама идея развода. Но мы, уриэлиты, досконально изучив «Западный Талмуд», еще раз убедились в гении Сигмена, ибо он мудро скрыл под метафорами и иносказаниями разрешение на развод для данного случая, когда супружеские пары будут разделены на восемьдесят объективных лет. Он не мог писать об этом открыто, ибо иначе наши враги израильтяне сумели бы проникнуть в наши планы и расстроить их.

— Я согласен, — сказал Хэл. — Теперь вы можете рассказать мне все остальное.

Спустя шесть месяцев Хэл Ярроу любовался туманным шаром Земли из обзорной каюты «Гавриила». Корабль находился над Восточным полушарием, где сейчас царила ночь. Мегаполисы Австралии, Японии, Китая, Юго-Восточной Азии, Индии и Сибири сверкали драгоценными камнями в бархатной

темноте. Хэл по лингвистической привычке начал мысленно отмечать шариками центры распространения различных языков и развлекался, собирая эти шарики в ожерелье.

Австралия, Филиппины, Япония и Северный Китай были заселены американоязычными подданными союза Гайяак.

Южный Китай, вся Юго-Восточная Азия, Южная Индия и Цейлон принадлежали Малайской Федерации, и ее жители говорили на «баззаре» — смеси восточных языков.

Вся Сибирь общалась на исландском.

Хэл мысленно поворачивал земной шар: вот Африка. К югу от моря Сахары говорят на суахили. Все Средиземноморье, Малая Азия, Северная Индия и Тибет говорят на иврите. Через всю Европу между Республикой Израиль и исландоговорящей Северной Европой протянулась тонкая полоска Пограничья. Официально она не принадлежала никому и служила постоянным предметом территориальных споров между Израилем и Гайяаком: оба государства претендовали на нее и оба боялись сделать первый шаг, который может привести к новой войне Судного дня. Тем временем местное население сформировало собственное правительство, которое, впрочем, признавали только они сами. Говорили жители Пограничья на всех выживших языках Земли и также пользовались новым универсальным языком, являющимся опримитивленной смесью шести основных земных языков с такими простыми правилами грамматики, что их можно было бы записать на половине листа бумаги Этот искусственный язык они называли «линго»

Хэл продолжил свое мысленное путешествие: Исландия, Гренландия, Карибские острова и восточная часть Южной Америки. И здесь тоже все говорили на исландском. После войны Судного дня Исландия быстро стала развиваться, так как именно туда хлынул поток беженцев из Северной Америки и восточной части Южной.

Так, что там дальше — Северная Америка. Здесь все говорят на американском, исключая дюжину обитателей заповедника Гудзонского залива, сохранивших канадо-французский.

Хэл знал, что, когда Земля еще чуть-чуть повернется, перед ним засверкают мириады огней Сигмен-Сити. И одним из этих огоньков будет окошко его пака. Но Мэри не так уж долго проживет в ней одна, так как через пару дней ей сообщат, что ее муж погиб в дорожной катастрофе. Она, конечно, поплачет немножко в одиночку, потому что по-своему она его все-таки любит, но на людях появится с сухими глазами. А ее друзья и коллеги будут высказывать ей соболезнования, но не по поводу того, что она потеряла возлюбленного супруга, а потому что ее

угораздило выйти замуж за человека, способного на такой многоложный поступок, как смерть в автокатастрофе (ведь если бы он этого не захотел сам, с ним бы этого не случилось). Понятие «несчастный случай» давно уже вышло из употребления. Кстати, весь экипаж «Гавриила» поголовно согласился «погибнуть», для того чтобы скрыть исчезновение такого количества специалистов. Это было тщательно подготовленной мистификацией: столь непопулярная, даже можно сказать — позорная смерть избавляла от необходимости публичной церемонии кремации «тел умерших» с последующим ритуальным развеиванием пепла по ветру. Тела многоложцев, предавших церкводарство, без всяких церемоний, без свидетелей отправлялись рыбам на прокорм.

При мысли, что Хэл расстается с Мэри навсегда, у него почему-то слезы навернулись на глаза, но он был вынужден сдержать свои чувства, так как был не один — почти весь свободный от вахты экипаж «Гавриила» толпился у иллюминаторов, прощаясь с Землей.

«И все же, — подумал Хэл, — это наилучший выход для нас обоих: больше уже нам не придется изводить друг друга, совместная пытка окончена». Теперь Мэри свободна и может снова выйти замуж, считая, что ее прежний брак расторгла смерть. И она так никогда и не узнает, что ее развод — государственная тайна. У нее будет целый год на раздумья, чтобы выбрать себе спутника жизни из списка, который для нее составит ее иоах. И может так статься, что психологические барьеры, препятствовавшие зачатию ребенка от Хэла, наконец упадут. Все может быть. Хэл был бы рад, если бы так и случилось, но сильно сомневался в этом — Мэри была слишком фригидна: она была словно заморожена ниже пояса. Впрочем, то же Хэл мог бы сказать и о себе. Кого бы там ни подобрал ей в женихи иоах...

Иоах. Порнсен. Никогда Хэл больше не увидит его жирную рожу, никогда больше не услышит ненавистный гнусавый голос!..

— Хэл Ярроу! — раздалось из-за спины со слишком знакомой интонацией.

Медленно, словно его снаружи обварили кипятком и нашпиговали льдом, козл обернулся. И увидел до боли знакомое тонкогубое лицо с крючковатым носом и тяжелой челюстью. Из-под лазурно-голубой конической шляпы на брыжи черного воротника ниспадали волосы цвета «соль с перцем». Лазурный китель рельефно облегал выпирающий живот (Порнсен постоянно подвергался критике своих наставников за переедание). На широком голубом ремне висела пристегнутая к

серебряному ушку плеть. Жирные ноги были втиснуты в облегающие лазурные рейтузы с черными лампасами. Его ступни были на удивление маленькими, чтобы служить опорой для такой глыбы жира, и казались еще меньше из-за украшавших носки высоких, до колен, лазурных же сапог маленьких семигранных зеркалец. Среди низших классов ходило немало довольно пошлых анекдотов о назначении подобного украшения. Хэл как-то подслушал один из них и до сих пор, вспоминая о нем, покрывался румянцем.

— Кого я вижу! — ощерившись в улыбке, загнусавил Порнсен. — Мой вечный подопечный! Моя постоянная головная боль! Вот уж не ожидал, что тебя возьмут в это достославное путешествие. Хотя я должен был это предвидеть: мы связаны с тобой вечными узами братской любви. Сам Сигмен свел нас снова. Возлюбленный мой подопечный!..

— Сигмен вас тоже любит, — сказал Хэл, поперхнулся и закашлялся. — А я уж тоже никак не надеялся, что снова увижу здесь своего заботливого ангела-хранителя! Я-то, грешный, думал, что мы расстались на веки вечные...

ГЛАВА 5

«Гавриил» лег на курс и постепенно начал набирать скорость — в конце концов она должна была достигнуть 33,1% от скорости света. К этому времени большая часть экипажа, кроме вахтенных, отправилась на ближайшие десятилетия в анабиоз. Чуть позже, после окончательной сверки курса, к ним должны были присоединиться и все остальные, так как после этого «Гавриил» из-за постоянного ускорения достигнет скорости, которую незамороженное тело не сможет выдержать. Как только разгон будет закончен, автоматические системы отключат двигатели, и безмолвный, но обитаемый корабль силой инерции осуществит скачок к звезде, являющейся целью его назначения.

Очень много лет спустя аппараты, отсчитывающие фотоны, определят, что цель близка, и автоматически включится торможение, хотя скорость еще будет слишком велика, чтобы при этом акте присутствовали живые люди. Наконец постепенно корабль перейдет на режим в 1 g, автоматы разбудят вахтенных, а те включат оттаивание всех остальных. Когда до цели останется полгода, уже весь экипаж корабля будет бодрствовать и готовиться к приземлению.

Хэл Ярроу вошел в анабиоз одним из последних и был разбужен одним из первых, так как за время полета ему предстояло полностью изучить по записям своего предше-

ственника язык наиболее развитой нации планеты Этаоз — сиддо. И как оказалось, сделать это было не так-то просто. Предыдущая экспедиция, открывшая Этаоз, составила довольно приблизительный словарь на пять тысяч слов и выражений, что было очень мало. О грамматике сведения вообще были скудными, а углубившись в работу, Хэл вскоре обнаружил множество ошибок и несоответствий. Все эти открытия не прибавили Хэлу хорошего настроения, так как в его обязанности входило и составление программы для обучения языку сиддо части экипажа. Но если он будет пользоваться тем, что имеется в его распоряжении, он рискует тем, что обучить-то землян он обучит, но не будет никаких гарантий, что их кто-нибудь поймет.

Ко всему этому были и дополнительные сложности, и главной из них было то, что строение органов речи этаозцев сильно отличалось от аналогичных органов землян. Оно отличалось настолько, что повторить некоторые звуки было физически невозможно. Надо было попытаться имитировать их с максимальным приближением, но и тогда не было никакой уверенности, что аборигены его поймут.

Второй проблемой была грамматика, основанная на временных конструкциях. Для определения времен вместо изменения окончаний глаголов или использования суффиксов этаозцы предпочитали просто использовать абсолютно разные слова. Так, например, слово «жить» в инфинитиве мужского рода звучавшее как dabhumaksanigalu'ahai, в настоящем времени превращалось в ksu'u'peli'afo, а в будущем — в mai'teipa. И так любой глагол во всех временах, а их в американском как-никак девять, не считая составных. Плюс к этому кроме трех используемых землянами родов — мужского, женского и среднего — сиддо использовали еще два — духовный и неодушевленный. Различия между родами выражались чисто интонационно, что для землян было порой просто неуловимо, и к тому же определение рода также изменялось во всех временах.

А все остальные части речи склонялись и спрягались еще похлеще глаголов. В довершение всего разные классы общества, говоря по сути на одном языке, использовали диалектизмы и жаргонизмы настолько разнообразные, что казалось, будто каждый из них говорит на своем особом наречии.

Письменный язык сиддо по сложности можно было сравнить разве что с земным древнеяпонским. Как и там, вместо алфавита использовались иероглифы, в которых значение слова изменялось от угла наклона штрихов, их толщины, взаиморасположения и других нюансов, вроде особого утолщения, обозначающего род.

Просиживая часами в своей одноместной каюте, Хэл, пользуясь тем, что его никто не слышит, не раз от души поминал всуе имя Сигмена, его утраченную правую руку, а также лингвиста и капитана первой экспедиции. Потому что именно капитана угораздило выбрать для приземления континент, населенный нацией, говорящей на самом трудном для изучения языке на всей планете. Если бы он предпочел высадиться с другой стороны, его лингвисту пришлось бы выбирать между четырьмя более простыми языками. Сравнительно простыми, конечно, но, по крайней мере, слова у них были намного короче Хэл узнал об этом из взятых наугад с другого материка проб

Сиддо, материк в Южном полушарии Этаоза, был примерно одних размеров с Африкой, но имел другую форму. Между ним и вторым континентом лежали многие тысячи миль океана Если местные геологи не ошибались в своих теориях, некогда здесь тоже была своя Гондвана, расколовшаяся на несколько частей, впоследствии разбежавшихся друг от друга, причем на каждой из них эволюция пошла своим путем. В то время как на соседнем континенте доминировали насекомые и их отдаленные родственники — членистоногие, материк Сиддо стал колыбелью млекопитающих; правда, насекомых там тоже хватало

В итоге на планете возникло два вида разумных существ: на Сиддо это были гуманоиды, на удивление схожие с людьми, а на северном материке Абака'а'ту цивилизацию создали разумные насекомые — жуки-очкецы. Homo Etaoz успели достигнуть цивилизации, соответствующей уровню Древнего Египта и Вавилона, а затем все гуманоидное население материка — и дикое, и цивилизованное — внезапно вымерло.

Это случилось всего за тысячу лет до того, как очкецовый Колумб вступил на Сиддо. В результате исследований, которые очкецы вели около двухсот лет, жуки пришли к выводу, что аборигенов можно считать полностью вымершим видом Однако по мере колонизации и заселения нового континента очкецы-пионеры стали периодически сталкиваться с крошечными группками гуманоидов. Те отступали в пустыни, где обнаружить их было так же сложно, как пигмеев в джунглях По приблизительным оценкам, их осталось не больше одной-двух тысяч, рассеянных на территории около ста тысяч квадратных километров

Очкецам удалось поймать несколько мужчин, и перед тем, как их выпустить, они постарались изучить их язык. Особенно их интересовала причина, по которой гуманоиды так внезапно и таинственно исчезли с лица планеты. Но аборигены смогли

рассказать им только несколько легенд, полных противоречий и имевших явно мистический уклон. Как видно, они сами не знали истинной причины. По их мифам, катастрофа объяснялась Великим Мором, насланным Богиней-Матерью. По другой версии, та же богиня наслала на впавших в грех людей полчища демонов, дабы они смели нечестивцев с лица земли Еще один миф рассказывал о том, как Праматерь раскачала небесную твердь и звезды градом посыпались на головы грешников, истребив весь их род.

В любом случае, для того чтобы начать обучение остальных, Хэлу явно не хватало информации. У его предшественника на то, чтобы обучить нескольких очкецов американскому и с их помощью составить первый словарь, было только восемь месяцев. Вообще-то первая экспедиция находилась на планете десять месяцев, но первые два из них ушли на сбор атмосферных, химических, биологических образцов и их исследование с целью установления степени опасности этой планеты для жизни землян.

Когда земляне наконец отважились выйти, то, несмотря на все предосторожности, двое тут же умерли от укусов ядовитых насекомых, а еще одного сжевал местный хищник. Затем пол-экипажа свалила болезнь, доводящая до полного истощения, но, к счастью, оказавшаяся не смертельной. Впоследствии выяснилось, что она была вызвана совершенно безобидной для аборигенов бактерией, которая в телах их земных гостей подверглась своеобразным мутациям.

Опасаясь, что могут обнаружиться новые болезни, и памятуя, что главным заданием экспедиции был поиск, а не подробные исследования, капитан отдал приказ возвращаться домой Прежде чем экипажу позволили вступить на родную землю, их довольно долго продержали в карантине на одном из спутников. И все же через пару дней после возвращения домой лингвист умер.

Пока строился новый корабль, медики разработали вакцину против этой болезни. Все остальные образцы бактерий и вирусов, привезенные с Этаоза, также были всесторонне исследованы и проверены сначала на животных, а потом на людях, приговоренных к отправке к Ч. В результате этого был получен ряд вакцин, и всему экипажу «Гавриила» были сделаны прививки, после которых многие чувствовали себя не очень хорошо.

По причинам, известным только иерархам, капитан первой экспедиции был разжалован. Хэл подозревал, что это каким-то образом связано с тем, что он не сумел добиться согласия очкецов на предоставление землянам проб своей крови (конечно,

для чисто научных целей!) и на вскрытие нескольких трупов. Очкецы отказали, объяснив это чисто религиозными причинами, по которым вскрытие умерших является частью ритуала, который может проводить лишь психосвященник и присутствие посторонних при котором недопустимо. Раздобыть труп в обход запрета тоже не удалось, так как тела сразу же кремировались.

Капитан собирался было прямо перед отлетом захватить пару аборигенов в плен, но потом отказался от такой мысли, так как это могло привести к ненужному обострению отношений между двумя планетами. Он знал, что после его рапорта на Этаоз будет послан другой, более мощный корабль, и вот тогда, если переговоры о пробах крови снова зайдут в тупик, можно будет применить и силу.

Пока «Гавриил» строился, записи лингвиста первой экспедиции изучал козл из ламедоносцев. Но большую часть времени он потратил на попытки соотнести сиддо с каким-нибудь из земных языков, мертвых или живых. Вместо того чтобы составлять программу скоростного обучения экипажа, он развлекался таблицами и графиками, так впоследствии никому и не пригодившимися. Может быть, именно потому, что он сам понимал, в какую лужу он сел, ламедоносец под предлогом состояния здоровья отказался от участия в экспедиции.

Итак, Хэл ругался и продолжал работать. Он прослушивал записи и изучал возникавшие на осциллоскопе от различных фонем кривые. Он мучился, пытаясь скопировать их своими неэтаозскими губами, зубами, небом, гортанью и языком. Он трудился над этаозско-американским словарем, по возможности исправляя и дополняя работу своих предшественников.

Хэл работал как вол до последней минуты все шесть месяцев, пока не пришло время погружаться в анабиоз, где находился уже практически весь экипаж, кроме вахтенных. И, конечно же, Порнсена, который так обрадовался встрече, что не уснул бы спокойно, зная, что Хэл еще бодрствует. Кто бы тогда надзирал за этим строптивым козлом и наставлял его на путь истинный? Присутствие иоаха приходилось терпеть, правда, первое время Хэл с ним почти не разговаривал, оправдывая это тем, что он слишком загружен работой первостепенной важности. Но потом, устав от одиночества, он все же начал вступать в разговоры с наставником, хотя тот и оставался последним человеком, с которым хотелось бы общаться. Но он и был последним — все остальные уже спали. Из анабиоза Хэл вышел одним из первых. Как ему сказали, он проспал сорок лет. Умом он принял этот факт, но так и не смог поверить в него окончательно. Ни в нем, ни в его коллегах не

произошло никаких изменений — ни физических, ни психических. А единственным изменением снаружи корабля было все усиливавшееся сияние звезды, к которой они летели.

Наконец она стала самым ярким объектом на экране. Потом стали видны обращающиеся вокруг нее планеты. Затем стала расти четвертая из них — Этаоз. Издалека она была похожа на Землю, тем более что была приблизительно тех же размеров. И вот однажды «Гавриил» лег на орбиту вокруг нее. Две недели экипаж корабля был занят сбором данных, которые ему поставляли сотни зондов и автоматических разведчиков.

Наконец Макнефф приказал капитану идти на посадку.

Плавно, насколько позволяла мощность двигателей и огромная масса, «Гавриил» стал опускаться и аккуратно, словно снежок, запущенный в мишень, приземлился прямо посередине центрального парка столицы Сиддо. Парка? Да весь город был парком! В Сиддо было столько деревьев, что сверху казалось невозможным, чтобы в этом городе жила четверть миллиона жителей. Зданий здесь было достаточно, некоторые были даже десятиэтажными, но между ними были такие расстояния, что трудно было назвать это городом. Улицы здесь были широкими и повсеместно засеянными травой, такой густой и живучей, что ей не угрожало быть вытоптанной. Только в районе порта вид Сиддо в чем-то приближался к привычному облику земных городов: здесь домишки сбивались в кучки, а море пестрело от парусов различных суденышек и колесных пароходов.

На лугу, где приземлился «Гавриил», уже начала собираться толпа. Сандальфон отдал приказ открыть центральный люк и, сопровождаемый Хэлом на тот случай, если он собьется в своей приветственной речи, ступил на землю первой открытой землянами обитаемой планеты.

«Как Колумб, — пронеслось в голове Хэла. — Повторится ли История?»

Позже земляне установили, что «Гавриил» приземлился прямо над пересадочным узлом подземки. Но, так как между ними лежали двести метров глины и шесть метров гранита, а корабль стоял на опорах, исключающих крен, и был настолько велик, что большая часть его веса распределялась над твердыми породами, капитан решил, что его можно оставить там, где он стоит, без всякой для него угрозы.

С восхода до заката весь экипаж корабля проводил время с аборигенами, стремясь как можно больше узнать об их языке, истории, обычаях, биологии и многом другом, чего не успела изучить первая экспедиция.

Прошло шесть недель, прежде чем Хэл отважился заговорить с очкецами о пробах крови, пытаясь убедить их, что

землянам она нужна не для того, чтобы ее пить. Но те по-прежнему продолжали ссылаться на религиозные запреты.

В то время Хэл в основном общался с инопланетянином по имени Фобо — одним из двоих очкецов, работавших с лингвистом первой экспедиции. Еще тогда он выучил американский и даже немного научился говорить по-исландски. В древних языках своей планеты он разбирался слабо, но зато с его помощью Хэл сделал ощутимые шаги в современном сиддо. Вскоре они довольно свободно могли разговаривать на общие темы, используя смесь из двух языков.

Одним из объектов особого, тайного интереса землян была этаозская техника. Логически рассуждая, землянам нечего было ее бояться — уровень развития индустрии здесь был не выше, чем на Земле на границе XIX и XX веков (по старому стилю). И все же земляне не были уверены до конца, что очкецы ничего не скрывают. А что, если они, припрятав где-нибудь мощное оружие, только выжидают удобного момента, чтобы захватить своих гостей врасплох?

«Гавриил» не боялся ни термоядерных ракет, ни атомных бомб (к тому же этаозцы, возможно, еще не умели их делать). Но зато аборигены достигли больших высот (а кое в чем превзошли землян) в биологии, а уж тут могли изобрести кое-что пострашнее атомного оружия. Для землян местные болезни, даже если и не использовать их как оружие, представляли серьезную опасность: ведь то, что у приобретшего за тысячелетия иммунитет этаозца вызвало бы лишь легкое недомогание, землянина могло уложить в могилу.

Так, тихо и со всеми предосторожностями, собирались сведения обо всем, что только возможно. Сведения проверялись, сверялись, сводились в графики и системы... И так должно было продолжаться до тех пор, пока гайяакцы не будут абсолютно уверены в том, что, начав проект «Этаозоцид», они не встретят ни малейшего сопротивления.

Вот в такой обстановке через четыре месяца после прибытия «Гавриила» два предположительно дружественных очкецам землянина и два столь же предположительно дружественных землянам очкеца отправились в совместную экспедицию. Их целью было обследование развалин древнего города, построенного две тысячи лет назад вымершими гуманоидами. И Хэл устремился к осуществлению своей давней, родившейся еще на Земле мечты: найти следы пребывания здесь Предтечи. Фантастика!

Экипаж, на котором они отправились, тоже выглядел фантастично

ГЛАВА 6

Мотор чихал, кашлял и хрипел, а машина дребезжала и резко скакала по ухабам Этаозец, сидевший на заднем сиденье, наклонился прямо к уху Хэла и что-то прокричал.

— Что? — заорал Хэл в свою очередь, полуобернувшись назад. — Не слышу!

И перевел свои слова на сиддо: «Abhudai'akhu?»

Фобо снова наклонился к Хэлу и зачирикал как можно громче (его американский, украшенный этаозскими трелями и прищелкиваниями, было трудно назвать человеческой речью):

— Зугу говорит, чтобы ты стукнул вон по тому рычажку, справа. Это увеличит подачу спирта в карбюратор.

Антенна, украшавшая менингитку Фобо, щекотала Хэлу нос и пыталась ткнуть в глаз. В ответ на совет землянин старательно разразился словопредложением из тридцати слогов, что, собственно, означало «премного благодарен». Начиналось оно с глагола мужского рода, стоявшего в настоящем времени, одушевленного, в единственном числе. К нему был приставлен слог, обозначающий, что и говорящий и слушающий беседуют по доброй воле, а не по принуждению. Затем следовало личное местоимение; потом еще один слог, указывающий на то, что говорящий признает своего собеседника более сведущим в данном вопросе; затем еще одно местоимение, на сей раз мужского рода в единственном числе, третьем лице; завершалась вся конструкция еще двумя слогами, дающими в сочетании оттенок юмористического отношения к происходящему (если их поменять местами, они определяли бы ситуацию как крайне серьезную)

— Что ты сказал? — засвиристел Фобо так громко, что Хэл вздрогнул, и тут же вспомнил, что забыл добавить в конце фразы особый щелчок, отсутствие которого делало все выговоренное им бессмысленным набором звуков; но у него уже не было сил повторять все это снова.

Вместо этого он просто дернул рычаг скоростей, на который указал ему Фобо; для этого ему пришлось перегнуться через сидящего рядом Порнсена.

— Тысячу извинений! — проорал он иоаху в ухо.

Но тот словно не обратил внимания: он сидел, прямой как палка, глядя перед собой, в напряжении сцепив руки так, что побелели костяшки Как и его подопечный, он первый раз в жизни ехал на машине с двигателем внутреннего сгорания. В отличие от Хэла, он чувствовал себя крайне неуверенно в автомобиле, который едет по земле и при этом дребезжит, грохочет и плюется вонючими выхлопами.

Хэл усмехнулся: ему-то этот автомобильчик, словно сошедший со страниц старинной исторической книжки о заре автомобилестроения, очень и очень нравился. Он получал огромное удовольствие, поворачивая тугой руль и чувствуя, как механизм ему подчиняется: он ощущал эту машину каждым мускулом. Стук четырехцилиндрового мотора и запах горящего спирта приводили его в состояние полной эйфории. Вести эту машину было столь же романтично, как отправиться в море на рыбачьей лодке, и он тихо надеялся, что и это он тоже успеет, прежде чем навсегда оставит Этаоз.

Но его наслаждение усиливалось еще и мыслью о том, что все то, что доставляло ему такую радость, ввергало Порнсена в состояние животного страха (хотя Хэл и не хотел себе в этом признаваться).

И тут все закончилось: цилиндры начали стрелять, а затем заскворчали. Машина встала на дыбы, подпрыгнула и, прокатившись по инерции еще чуток, остановилась как вкопанная. Оба очкеца тут же выпрыгнули через борта, так как дверей не было, и, подняв капот, закопошились в моторе. Хэл тут же присоединился к ним, но Порнсен остался в машине. Он достал из кармана пачку «Милосердного Серафима» (когда ангелы курят, они курят только «Серафима») и прикурил.

Хэл отметил про себя, что у иоаха дрожат руки и что это уже четвертая с сегодняшней заутрени сигарета. Если Порнсен не будет за собой следить, то превысит дневную норму для иоахов первого класса. А это означало, что, если он опять прицепится к Хэлу, у того будет чем крыть... Нет! И еще раз нет! Даже и мысли такой нельзя допускать! Она чудовищно многоложна и ведет прямиком в мнимобудущее. ОН ЛЮБИТ СВОЕГО ИОАХА! И ИОАХ ТОЖЕ ОЧЕНЬ ЛЮБИТ ЕГО! И Хэл не должен строить планы, уводящие его со светлого пути, проложенного Предтечей!

Дав себе отповедь, Хэл подумал, что все же расстояние до Земли очень велико, что Сигмен очень занят, что в конце концов... В конце концов он может себе позволить извлечь из злоупотребления табаком своего иоаха хоть небольшое послабление для себя. Как-нибудь потом...

Хэл потряс головой, словно пытаясь вытряхнуть из нее все эти непотребные мысли, и заглянул в мотор, чтобы помочь Зугу. Но тот прекрасно обходился без помощников: ведь он сам изобрел и собрал собственными руками эту модель. Это был первый и пока единственный образец машины с двигателем внутреннего сгорания на Этаозе.

Сейчас Зугу откручивал длинный тонкий шланг, соединявший карбюратор и круглую стеклянную банку, служившую отстойником.

— Возлюбленный сын мой! — подал голос Порнсен. — Мы что, собираемся торчать здесь весь день?

И хотя большую часть лица прикрывали дорожные очки, его губы скривились в достаточно выразительной гримасе, чтобы можно было судить о его настроении. Было очевидно, что если ситуация немедленно не изменится к лучшему, то в следующем же рапорте иоах даст своему подопечному самую нелестную оценку.

Дело в том, что Порнсен предлагал отложить поездку на два дня, пока не получит в распоряжение разведывательную шлюпку, и тогда вся дорога до руин заняла бы не больше пятнадцати минут, проведенных к тому же в тишине и комфорте. Но Хэл осмелился возразить ему, аргументируя тем, что, путешествуя по такой лесистой местности на машине, они смогут разведать гораздо больше, чем с воздуха. Больше всего Порнсена возмутило и обидело то, что его начальники согласились с мнением его подопечного.

Поэтому весь день он дулся и мрачно наблюдал за тем, как молодой землянин по инструкциям и подсказкам Зугу вел этого автоублюдка все дальше в глубь лесов.

Только один раз иоах снизошел до разговора, напомнив Хэлу о том, что жизнь человека — священный дар, и поэтому он приказывает сбавить скорость.

Хэлу пришлось униженно попросить извинения и слегка ослабить нажим на педаль акселератора. Но чуть погодя, опьяненный путешествием, он снова вдавил его почти до упора, и машина вновь с веселым фырчанием поскакала по ухабистой лесной дороге.

Зугу вытащил шланг, взял один его конец в рот (похожий на две «V», вставленные одна в другую) и стал его продувать. Однако у него ничего не вышло. Он закрыл свои огромные голубые глаза, надул щеки, сделал глубокий вдох и предпринял еще одну попытку. Но и это ни к чему не привело, кроме того, что его бледно-зеленая кожа приобрела темно-оливковый оттенок. Он постучал медным мундштуком по капоту и попытался продуть еще раз. И снова безрезультатно.

Тогда Фобо залез в висевший на поясе поддерживающий его объемистое брюшко большой кожаный мешок и осторожно, двумя пальцами извлек оттуда крошечное голубое насекомое, которое тут же запустил в шланг. Через пять секунд с другого конца выскочил маленький красный жучок, а вслед за ним, хищно шевеля жвалами, вывалился голубой.

Фобо ловко поймал своего питомца и вернул его в сумку, а красного Зугу с не меньшей ловкостью раздавил сандалией.

— Видал! — сказал Фобо. — Это спиртохлеб. Обычно он ведет спокойный образ жизни в канистре с горючим — вольный пловец в волнах алкогольного моря. Что за жизнь! Но периодически его охватывает страсть к приключениям, он забирается в отстойник, сжирает фильтр и застревает в шланге. Ну вот, Зугу уже заменил фильтр — можно ехать.

От Фобо исходил странный тошнотворный запах — Хэл предположил, что очкец и сам хлебнул алкоголя. Но до сих пор он никогда в жизни не видел пьяных, поэтому был не совсем уверен в своем предположении. Да, он мог ошибаться, но даже мысль об этом слегка нервировала: если иоах предположит, что на заднем сиденье ходит по рукам бутылка, он не выпустит Хэла из-под надзора ни на секунду.

Очкецы забрались в машину.

— Погнали! — сказал Фобо.

— Минуточку, — встрял Порнсен и тихо шепнул Хэлу: — Я думаю, что будет лучше, если этот... кхм, аппарат поведет теперь Зугу.

— Если вы попросите жука сесть за руль, — так же тихо ответил Хэл, — то это в их глазах будет расценено как проявление вами недоверия мне, землянину. Вы же не хотите, чтобы они подумали, будто вы считаете жука умнее человека.

Порнсен закашлялся, словно пытаясь проглотить эту мысль, к тому же с превеликим отвращением.

— Нет-нет, конечно! Сигмен упаси! Я всего лишь заботился о твоем благоденствии. Я подумал, что ты мог устать: весь день ты напрягал нервы и силы, управляя этим весьма примитивным и незнакомым тебе (да и к тому же довольно опасным в обращении) механизмом.

— Благодарю вас за такую глубокую любовь ко мне, — усмехнулся Хэл, но тут же прибавил, стараясь, чтобы голос звучал как можно серьезнее: — Я счастлив ощущать вашу неусыпную опеку, знать, что вы всегда на страже, чтобы управлять мной и не давать мне сбиться с пути верносущности в мнимобудущее.

— Я давал клятву на «Западном Талмуде», что не оставлю тебя до конца жизни, — торжественно сказал Порнсен.

Хэл, усмиренный упоминанием священной книги, осторожно тронул машину с места и первые пять минут ехал так медленно и осторожно, что даже иоаху было не к чему придраться. Но потом нога как-то сама собой нажала на педаль, и деревья со свистом понеслись мимо. Он искоса взглянул на Порнсена — его сжатые зубы и напрягшееся тело говорили о

том, что тот снова раздумывает, как бы покрасочнее описать всю многоложность поведения своего подопечного в рапорте, который он подаст верховному уззиту, как только вернется на корабль.

Хэл Ярроу всей грудью вдыхал ветер, бивший в лицо. Да пошел этот Порнсен к Ч! И верховного уззита туда же! Кровь в нем бурлила — воздух этой планеты был нисколько не похож на безвкусный спертый воздух Земли. Он наслаждался. Он дышал свободой и счастьем и настолько опьянел от этого, что, попадись ему сейчас сам архиуриэлит, он бы не побоялся дернуть его за нос.

— Осторожно! — заверещал Порнсен.

В ту же секунду Хэл успел краем глаза заметить большого антилопоподобного зверя, внезапно метнувшегося из леса справа наперерез машине. Хэл тут же вывернул руль, машина пошла юзом и забуксовала в глине. Хэл еще не постиг всех тонкостей вождения, и поэтому, хотя ему и удалось избежать столкновения, зверь все же пропорол рогом правый бок машины, насквозь проткнув и рукав Порнсена. После того как ей наподдали рогом, машину понесло прямиком в земляной холм на обочине, и, врезавшись в него, она подпрыгнула, сопроводив свое приземление взрывом всех четырех покрышек. Но даже это ее не остановило: на Хэла мчался огромный куст, он попытался как-то исправить положение, но было уже слишком поздно. Машина еще раз подпрыгнула, Хэла швырнуло грудью на руль, сверху навалился орущий Фобо, отчего давление руля на ребра стало невыносимым. Хэл тоже закричал и скинул очкеца со спины.

Затем внезапно наступила тишина, лишь из треснувшего радиатора с тоненьким шипением вырывалась струйка пара. Хэл начал поспешно выпутываться из цепких колючих объятий куста и вдруг застыл, завороженный взглядом больших карих глаз, возникших в ореоле сплетения веточек и пара. Он потряс головой. Глаза? И руки, как ветви? Или ветви — как руки? Он, наверное, подпал под власть кареглазой нимфы. Или, как их там звали... дриады? Но спросить об этом было некого: кто мог знать хоть что-то о нимфах и дриадах, если их вымарали из всех книг, включая хасковское издание «Исправленного и верносущного Мильтона» Только благодаря своей специальности Хэл был допущен к прочтению экземпляра «Потерянного Рая», не подвергавшегося цензуре, откуда и узнал о классической древнегреческой мифологии.

Мысли скакали в его голове, сверкали и вспыхивали, словно огоньки на приборной панели «Гавриила»: нимфы иногда оборачивались деревьями, чтобы скрыться от своих

преследователей. Так, может, сейчас на него смотрела одна из этих сказочных женщин, бросая кроткие взгляды из-под ресниц, длиннее которых он не видел в своей жизни?

Хэл закрыл глаза и страстно пожелал, чтобы, если даже причиной этого дивного видения стала какая-нибудь травма головы, она оказалась неизлечимой: галлюцинации вроде этой стоят того, чтобы сохранить их на всю оставшуюся жизнь. И его мало волнует, насколько они верносущны. Или многоложны.

Он открыл глаза. Галлюцинация исчезла.

«Это была всего лишь антилопа! — мысленно вздохнул он. — Это она смотрела на меня. А теперь она ускакала. Удирая с места столкновения, она оглянулась и посмотрела на меня сквозь куст. Это были глаза антилопы. А мое темное "я" дорисовало вокруг них белое лицо, черные длинные волосы, стройную шею, пышные груди... Нет! Это многоложество! Всего-навсего мое больное подсознание, ошеломленное шоком, на секунду выпустило на свет все то, что тайно кипело и мучило меня все это время на корабле, где я не видел ни одной женщины, разве что на фотографиях...»

Но тут он забыл о глазах: в нос ударила сильнейшая едкая вонь. Похоже, авария сильно испугала очкецов, что вызвало у них непроизвольное расслабление сфинктера, контролирующего шейку «психсумки». Этот пузыревидный, расположенный у поясницы орган некогда использовался пращурами этаозцев как мощное средство защиты (примерно как у земного жука-бомбардира). У современных очкецов этот орган выполнял функции некоего психического клапана, помогавшего им снимать внутреннее напряжение. Но хотя его действие было достаточно эффективным, у него были и свои отрицательные стороны. Так, например, очкецы-психиатры могли работать только с постоянно открытыми окнами, а с особо трудными пациентами даже в противогазе.

Кеоки Амиэль Порнсен в это время с помощью Зугу на четвереньках выбирался из-под куста. В своей лазурной униформе с болтающимися на спине помятыми нейлоновыми ангельскими крылышками и колышущимся брюхом он напоминал громадного жирного голубого жука. Наконец он с трудом поднялся на ноги и сорвал очки. Лицо под ними было смертельно бледным. Дрожащими руками он ощупывал эмблему союза Гайяак — скрещенные шпагу и песочные часы, потом пальцы заплясали дальше по груди, стараясь попасть в карман. Он отстегнул магнитную застежку и вытащил пачку «Милосердного Серафима», и, хотя почти с первого раза

поймал губами сигарету, прикурить от прыгающей в руках зажигалки оказалось делом совсем непростым.

Хэл поднес ему огонек своей зажигалки. Его рука не дрожала.

Тридцать один год дрессировки не прошел даром: ему даже удалось скрыть ухмылку.

Порнсен позволил себе прикурить. Но уже через секунду жесткая складка у губ дала понять, что он сознает утрату части своего превосходства над Ярроу. Он отдавал себе отчет в том, что не может позволить себе сначала принять услугу (пусть даже такую маленькую) у человека, а потом хладнокровно его выпороть.

И все же...

— Хэл Шамшиэль Ярроу, — начал он самым формальным тоном.

— Шиб, абба. Слушаю и повинуюсь, — так же формально ответил Хэл.

— Итак, как ты можешь объяснить эту аварию?

Хэл удивился — голос иоаха звучал мягче, чем он ожидал. Однако он не позволил себе расслабиться, так как знал, что Порнсен, возможно, именно этого и хочет добиться, чтобы его подопечный не смог отразить атаку.

— Я... или, возможно, Противотеча во мне... отошел от верносущности. Я... то есть мое темное «я» увлекло меня в мнимобудущее.

— Да неужто? — тихо спросил Порнсен с тонким оттенком сарказма. — Ты говоришь, «твое темное я», Противотеча... И это все, что ты можешь сказать? Почему ты всегда ищешь, на кого свалить вину? Ты знаешь, ты просто обязан это знать, потому что вынуждал меня пороть тебя за это без счета; ты, и только ты в ответе за все. Когда тебя учили, что твое темное «я» может подстрекать тебя отклоняться от единоверного пути, тебя также учили и тому, что Противотеча ничего не сможет сделать, пока ты — твое истинное «я», Хэл Ярроу — полностью не согласишься объединиться с ним.

— Это шиб, как и левая рука Предтечи, — ответил Хэл. — Но возлюбленный мой иоах, в своей лекции вы упустили один небольшой нюанс. — Теперь и в его голосе появилась нотка сарказма.

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросил Порнсен.

— Я хочу сказать, — радостно заявил Хэл, — что в аварию попал не один я. Соответственно, вы за нее в ответе в не меньшей мере, чем я!

Порнсен вытаращился на него, а затем промямлил:

— Но. но ведь это же ты вел машину.

— Но в свете того, что вы мне только что сказали, это не делает между нами никакого различия. — Хэл мрачно улыбнулся. — Вы тоже были согласны попасть в аварию, потому что, если бы вы этого не хотели, ее бы не произошло и зверь бы благополучно миновал нас.

Порнсен сделал глубокую затяжку. Его рука дрожала. Ярроу следил за его второй рукой, пальцы которой уже плясали на рукоятке плетки. Наконец иоах снова заговорил, сопровождая свою речь пыхтением после каждой новой затяжки.

— Ты всегда проявлял зачатки достойной сожаления гордыни и непокорности. А подобное поведение не соответствует структуре мироздания, явленной нам Предтечей, да верносущным будет имя его!

Мне довелось (пуфф!) — да простит их Предтеча! — уже отправить к Ч дюжины две таких упрямцев, как ты. И делал я это скрепя сердце, ибо любил их всеми фибрами души. Я рыдал над рапортами, которые был вынужден посылать иерархам, ибо я — человек чувствительный и добрый. (Пуфф!) Но таков уж мой долг исполняющего обязанности ангела-хранителя: следить за омерзительными паршами, дабы они не распространились и не заразили других истинно верующих последователей Сигмена. Не должно терпеть многоложие. А человек так слаб и так легко поддается соблазнам.

Я был твоим иоахом с самого твоего рождения (пуфф!). Ты всегда был строптивым — с самого детства. Лишь любовью можно было привести тебя к раскаянию и смирению — и ты часто ощущал мою любовь к тебе!

У Хэла тут же заныла спина. Он все еще не спускал глаз с пальцев иоаха, сжимавших рукоять семихвостой выразительницы его любви.

— Однако разве ты не проявил свою многоложную сущность уже тогда, когда тебе исполнилось восемнадцать и ты продемонстрировал свою слабость перед мнимобудущим, заявив, что не хочешь выбирать себе узкой специальности. А я ведь предупреждал тебя, что, став козлом, ты противопоставишь себя всему обществу, но ты лишь продолжал упорствовать. И только потому, что мы все же нуждаемся в подобных профессионалах, и потому, что я вернопослушен своему начальству, я позволил тебе сделать этот нелепый выбор.

Но это было полным нешибом (пуфф!). А когда я выбрал наиболее подходящую тебе женщину для законного брака — что было моим долгом и правом (кому еще, как не нежно любящему тебя иоаху, понять, какой именно тип женщины тебе наиболее подходит?) — ты явил свою гордыню и много-

ложие во всей красе: ты спорил, противоречил, протестовал, пытался через мою голову отсрочить этот брак и только через год дал согласие жениться. И за этот год многоложного поведения ты должен церкводарству...

От лица Хэла отхлынула кровь, и на нем вдруг четко обозначились семь тонких линий, тянущихся от левого угла рта к уху.

— Я ничего не должен церкводарству! — взорвался он. — Мы с Мэри были женаты девять лет! Но у нас так и не было детей. Тесты показали, что оба мы не являемся стерильными. Получается, что один из нас или мы оба не хотели потомства. И я подал петицию о разводе, даже несмотря на то что это могло привести меня к отправке к Ч. Почему же вы, вместо того чтобы перехватывать мои заявления, не помогли мне, как требовал ваш долг?

Порнсен продолжал дымить все так же громко, в его лице не дрогнула ни единая черточка, но одно его плечо стало опускаться, словно что-то осело у него внутри. Хэл, заметив это, понял, что иоах готовится перейти к обороне.

— Когда я впервые увидел тебя на «Гаврииле», я уже тогда был уверен, что ты проник туда отнюдь не из страстного желания служить во славу церкводарства! Я (пуфф!) ждал, что рано или поздно ты чем-нибудь выдашь себя. А теперь я наконец-то шиб, до мозга костей шиб, знаю эту причину — ты сделал это из мерзкого расчета удрать от своей жены! И так как есть только три законных основания для развода: бесплодие, измена и космический полет, и при этом измена ведет к отправке к Ч, ты (пуфф!) выбрал единственно безопасный для себя путь. Став членом экипажа «Гавриила», для Земли ты официально стал мертвецом. И ты легально...

— Не надо говорить ни о чем легальном! — закричал Хэл. Его трясло от ярости и от ненависти к себе за то, что он не способен сдержаться и скрыть свои эмоции. — Вы-то очень хорошо знаете, что не слишком держались буквы закона. Когда вы положили мое заявление о разводе под сукно, вы нарушили свои обязанности иоаха. Я был вынужден...

— Вот так я и думал! — констатировал Порнсен и с довольной улыбкой выпустил большой клуб дыма. — Я отказал тебе, потому что просьба твоя была многоложна. Да будет тебе известно, что я видел сон, очень яркий и конкретный: я видел Мэри, кормящую грудью твоего ребенка всего через два года. И это был не какой-нибудь обманный сон, но как раз один из тех, что имеют безошибочные приметы откровения, ниспосланного нам Предтечей. И после этого сна я был твердо уверен, что твое желание развестись есть желание многоложное, ведущее

тебя в мнимобудущее. Я знал, что истинное будущее в моих руках и, только направляя тебя, я могу проявить его. В то же утро я записал этот сон. И было это всего лишь спустя неделю после того, как я получил твое заявление, и я...

— Вот вы и доказали, что хотели изменить реальность, смутившись сном, насланным Противотечей! — закричал Хэл. — Порнсен, я подам на вас рапорт! Вы осудили себя собственным языком!

Порнсен побелел, челюсть отвисла, и сигарета упала на землю, щеки его мелко затряслись:

— Ч-ч-что ты ска... сказал?

— Да как у нее может быть от меня ребенок через два года, когда меня нет на Земле? Как я могу быть его отцом? То, что вы, по вашим словам, видели во сне, невозможно в истинном будущем. А это значит, что вы разрешили себе обмануться искусами Противотечи! И уж вы-то знаете, чем это пахнет. Да вы же — кандидат на отправку к Ч!

Иоах весь подобрался, осевшее было левое плечо поднялось опять до уровня правого, а правая рука рванулась к плети. Пальцы крепко стиснули украшавший ее крест, он сорвал ее с пояса, и семь хвостов просвистели буквально в дюйме от лица Хэла.

— А это видел?! — завизжал иоах. — Семь бичей! По одному на каждую из Семи Смертельных Многоложностей! Ты и раньше испытывал их на себе, испытаешь и сейчас!

— Да заткнись ты! — сорвался Хэл.

И снова челюсть Порнсена затряслась, и он пролепетал чуть не плача:

— Да как... как ты осмелился?.. Я — твой возлюбленный иоах... Да я...

— Я сказал тебе, чтобы ты закрыл пасть! — сказал Хэл уже тише, но с еще большей страстью. — Меня тошнит от твоего скулежа. Меня тошнило от него все эти годы. Всю мою жизнь.

И тут он увидел, что к ним направляется Фобо. А за его спиной на дороге лежит мертвая антилопа.

«Животное мертво, — пронеслось в голове Хэла. — А я думал, что ему удалось убежать. Те глаза, что смотрели на меня сквозь куст... Но если антилопа мертва, то чьи же тогда глаза я видел?»

Голос Порнсена вернул его к действительности.

— Я думаю, сын мой, что оба мы говорили в ярости и запальчивости, а не по заранее обдуманному злому умыслу. Давай же простим друг друга и ничего не будем рассказывать уззитам, когда вернемся на корабль.

— Если с вами будет шиб, то и со мной тоже, — ответил Хэл.

Он с удивлением заметил, что по щекам Порнсена катятся слезы. Но еще больше его удивило — почти потрясло — то, что иоах предпринял робкую попытку положить руку ему на плечо.

— Ах, мальчик мой, если бы ты только знал, как сильно я тебя люблю и как мне больно каждый раз, когда я вынужден тебя наказывать.

— Мне уже трудно в это поверить, — сказал Хэл и пошел навстречу Фобо, оставив Порнсена одного.

У Фобо тоже из его нечеловечески круглых глаз текли крупные слезы и, стекая по длинному носу, капали на дорогу. Но он лил их по другой причине: он оплакивал погибшее в аварии животное. Однако с каждым шагом выражение печали на его лице таяло, а слезы становились все мельче, пока не иссякли окончательно. Он остановился и описал указательным пальцем вокруг себя окружность.

Хэл уже знал, что этот жест имеет отношение к религии очкецов и используется ими во множестве различных ситуаций. Сейчас, похоже, Фобо прибег к нему, чтобы снять напряжение и расслабиться. И тут же его V-образный рот распахнулся в ужасающей жучьей улыбке. Он снова был в хорошем настроении. Его суперчувствительная нервная система реагировала на все мгновенно.

— Что, джентльмены, столкновение личностей? Несогласие, спор, диспут?

— Нет, — ответил Хэл. — Мы просто слишком перенервничали. Лучше скажи, далеко ли нам теперь придется идти? Ваша машина совсем развалилась. Скажи Зугу, что я приношу ему свои извинения.

— Ой, да не морочь себе череп... то есть голову. Зугу как раз созрел, чтобы построить новую, усовершенствованную модель. А что касается прогулки, я думаю, она будет приятной и взбодрит нас. Осталось не больше... как это?.. километра. Или что-то вроде этого.

Хэл вслед за этаозцами швырнул свои очки в машину. Затем забрал из багажника свою сумку, а сумку иоаха так и оставил лежать. Впрочем, не обошлось без легкого укола совести: ведь как подопечный он должен был предложить иоаху свои услуги.

— Ну и Ч с ним, — пробормотал он себе под нос, а вслух спросил Фобо: — А вы не боитесь, что оставленные вещи могут украсть?

— Пардон? — загорелся Фобо, услышав новое для себя слово — Что это значит «украсть»?

— Взять единицу собственности у кого-то тайком без его разрешения и оставить это у себя Это преступление, наказуемое законом

— Преступление?

Хэл сдался и быстро зашагал вперед. А за его спиной Порнсен, оскорбленный тем, что его бросили и нарушили этикет, заставляя его самого тащить свою сумку, крикнул ему в спину:

— Не заходи слишком далеко, ты.. козл!

Даже не оглянувшись, Хэл прибавил скорости. Его яростный порыв, благодаря которому он справился с иоахом, теперь уже улетучился. И вдруг краем глаза он заметил в кружеве листвы отблеск белой кожи.

Всего на миг, было — и не стало. А может, это сверкнула белым оперением какая-нибудь птица? Хотя. на Этаозе нет никаких птиц.

ГЛАВА 7

— Soo Yarrow. Soo Yarrow Wuhfvayfvoo, soo Yarrow.

Хэл проснулся. В первую секунду он с трудом сообразил, где находится, но, окончательно проснувшись, вспомнил, что устроился на ночь в мраморной комнате одного из дворцов мертвого города. Лунный свет, более яркий, чем на Земле, струился в дверной проем. Освещенная им, на арке входа вниз головой висела маленькая фигурка. Рядом с ее неподвижным силуэтом тускло сверкнуло пролетающее мимо насекомое Мелькнуло что-то тонкое и длинное, подхватило летуна и отправило его во внезапно распахнувшуюся пасть.

Когда-то жители руин специально приручали этих ящерок, чтобы они избавляли их от паразитов.

Хэл оглянулся на окно, находившееся в футе над его головой Мухолов сегодня хорошо поработал — не видно ни одного москита

Тот странный голос, похоже, шел от этого узкого прямоугольника, заполненного лунным светом. В тщетной надежде услышать его снова он вслушался в ночную тишину. Но она словно сгустилась, а затем раздался звук легких шагов. Хэл вскочил на ноги. В дверном проеме обрисовалась фигурка размером с енота. Это было одно из псевдонасекомых, так называемый щекастый жук. Он был представителем ветви членистоногих, не получивших развития на Земле. В отличие от своих дальних земных родственников, он дышал не только

бронхами, но и имел пару симметричных эластичных мешочков, как у лягушки, раздувавшихся и опадавших, вместо щек. Звук шагов издавали именно эти мешочки.

И хотя в лунном свете его силуэт был похож на зловещие очертания богомола, Хэл не испугался, так как Фобо предупредил его, что для людей этот жук не представляет никакой опасности.

Тишину прорезал резкий звонок, как от будильника. Порнсен сел на своей койке Увидев насекомое, он завопил так, что оно тут же бросилось наутек. Порнсен сразу замолчал, словно у него кончился завод, снова улегся и простонал:

— Эти проклятые жуки будят меня сегодня уже в шестой раз.

— Отключите браслет-сигнализатор, — посоветовал Хэл.

— А ты тогда выскользнешь из комнаты, чтобы пролить свое семя на землю? — прогнусавил иоах.

— У вас нет никаких оснований обвинять меня в столь многоложном поведении, — чисто автоматически и беззлобно огрызнулся Хэл, так как в эту минуту думал о голосе, который слышал в полусне.

— Предтеча говорил, что нет ни единого человека без упрека, — пробормотал Порнсен, потом вздохнул и, уже засыпая, продолжил: — Хорошо бы, если бы слухи подтвердились... Предтеча мог во плоти объявиться на этой планете... Он пестует нас... он предсказывал... аах...

Хэл застыл на койке без движения, дожидаясь, пока Порнсен не засопит, хотя у него самого глаза слипались. А может, действительно этот странный голос, говоривший на каком-то загадочном языке, только приснился? Скорее всего так и было. Голос был явно человеческий, а ведь они с иоахом единственные представители гомо сапиенс на округу в двести миль.

И этот голос был женский! О Предтеча! Снова услышать женский голос! Не голос Мэри (ее голос он не хотел слышать больше никогда и никогда больше не хотел слышать ничего о ней). Она была единственной женщиной, которой он обладал И от этого осталось воспоминание как об унизительной, неприятной, оскорбительной пытке (смел ли он себе в этом признаться? Стыдно подумать!), растянувшейся на годы. И все же брак с Мэри не ослабил его желания, его потребности в женщине. Он был рад, что Предтеча не мог сейчас прочитать его мысли (ведь его не было сейчас на этой планете), потому что Хэл мечтал о встрече с другой женщиной, которая смогла бы дать ему удовольствие, о котором он до сих пор мог только гадать, не зная ничего иного, кроме удовлетворения после выброса семени, что было — помоги мне, Предтеча! — лишь

слабым предощущением того, что он так страстно желал испытать...

— Soo Yarrow. Wuhfvayfvoo. Sa mfa, zh'net Tastimak. R'gateh wa f'net.

Хэл, стараясь не издать ни звука, приподнялся. За шиворот словно сунули кусок льда. Шепот шел из окна, и Хэл посмотрел туда. В квадрате плотного лунного света, словно на гравюре, вырисовывался силуэт женской головки. И гравюра вдруг ожила — сверкнула жемчужная кожа поднявшейся руки, и белый палец перечеркнул темное пятно губ.

— Poo wamoo tu baw choo. E'ooteh. Seelahs. Fvooneh. Fvit, seelfvoopleh.

Он встал, подчиняясь таинственному зову, и, словно получив большую дозу наркотика, непослушными ногами побрел к выходу. Однако он все же сохранил какие-то остатки разума, так как по дороге оглянулся, спит ли Порнсен.

На секунду им снова овладела выдрессированная годами сознательность и громко воззвала, чтобы он немедленно разбудил иоаха. Но он сумел заглушить в себе этот зов и отдернул руку, уже было потянувшуюся к плечу ангела-хранителя. Он должен использовать свой шанс. Тем более что в голосе женщины звучали страх и нетерпение, говорившие о том, что она, очевидно, находится в отчаянном положении и нуждается в его помощи. И совершенно очевидно, что она не хочет, чтобы он будил Порнсена.

Да и что может сказать или сделать Порнсен, если только узнает, что здесь женщина?

Женщина? Но откуда здесь быть женщине?

Ее слова что-то напоминали ему. Где-то внутри было ощущение, что он что-то знает о языке, на котором она говорила. Но он никак не мог вспомнить что.

Он замер. О чем он думает? А если Порнсен вдруг снова проснется и посмотрит на его койку, чтобы убедиться, что его подопечный на месте? Хэл вернулся и из сумки, пиджака и одеяла смастерил подобие человеческой фигуры, которое прикрыл простыней. Если повезет, иоах спросонья сможет принять это за силуэт спящего Хэла.

Покончив с этим, он босиком прокрался к дверям. Их охраняла статуэтка архангела Гавриила с полураспахнутыми крыльями и занесенным над головой мечом. Это был сторожевой механизм: как только в поле, окружавшем его на два фута, появится объект массой больше мыши, тут же сработает сигнал на браслете Порнсена и раздастся звонок, как в том случае со щекастым жуком, и иоах вынырнет из самого глубокого сна.

Конечно же, он поставил ангела в дверях не только для того, чтобы преградить вход случайным посетителям, но и для того, чтобы Хэл не мог покинуть комнату, не уведомив своего иоаха. Единственной причиной, по которой он мог это сделать, было отсутствие во дворце отхожего места и необходимость выходить по нужде на улицу; а иоах должен был его сопровождать при этом, чтобы быть уверенным: его подопечный не будет делать ничего, кроме того, что должно делать в таком случае.

Хэл взял мухобойку из упругой древесины. Ее ручка не обладала массой, достаточной для того, чтобы воздействовать на поле сторожа. Очень осторожно он протянул трепещущую ручку к статуэтке и тихонечко стал ее отодвигать от дверей. Приходилось действовать очень аккуратно, чтобы не уронить ее, так как это автоматически вызвало бы сигнал тревоги. Правда, его задачу облегчало то, что в этой комнате хлам и обломки, накопившиеся за века, были убраны, а пол, отполированный ногами многих поколений, был зеркально-гладким.

Оказавшись снаружи, Хэл так же осторожно вернул статуэтку на место. Сердце его колотилось как сумасшедшее. Напряжение от возни с ангелом и волнение от предстоящей встречи с женщиной слились. Он завернул за угол.

Женщина успела отойти от окна и спрятаться за статую коленопреклоненной богини ярдах в сорока от него. Он шагнул в ее сторону и только сейчас понял, почему она спряталась: к нему шел Фобо. Хэл кинулся к нему, чтобы успеть перехватить его достаточно далеко от женщины и в то же время отойти подальше от дома, чтобы их разговор случайно не разбудил Порнсена.

— Шалом, алоха, добрых снов. Сигмен любит тебя, — сказал Фобо. — Ты чем-то обеспокоен. Все еще переживаешь аварию?

— Нет. Просто хочется еще полазать по этим руинам. Они так красивы, особенно в лунном свете.

— Да, они великолепны, прекрасны, сверхъестественны и немного печальны. Я много думал об этих людях, о множестве поколений людей, рождавшихся здесь, игравших, смеявшихся, плакавших, сражавшихся, дававших жизнь другим и умиравших. А теперь все они мертвы, до единого, все обратились в прах. Ах, Хэл, это вызывает у меня слезы и горестные раздумья о собственной судьбе.

Фобо вытащил из кармана платок и высморкался.

Хэл подумал, как много человеческого в этом чудовищном порождении Этаоза. Этаоз. Странное название со странной историей. Как там было? Якобы тот, кто открыл эту планету,

впервые увидев ее обитателей, воскликнул: «Это — Оз!» И действительно, аборигены внешне напоминали жука-профессора Очкеца, придуманного Фрэнком Баумом. У них были круглые тела и непропорционально тонкие конечности. Их рты напоминали две растянутые в ширину латинские «V», вставленные одна в другую. Губ у них было четыре — по одной на каждую перекладинку V, разделенных между собой разрезом. Когда-то на заре эволюции они исполняли функции рук, теперь же это были рудиментарные органы, изменившиеся настолько, что вряд ли кто-то мог бы предположить их прежнее назначение. Когда широкий рот этаозца распахивался в дружелюбной улыбке, землян бросало в дрожь. Зубов как таковых у жуков не было, вместо них на челюстях торчали острые зазубренные выросты. С нёба свисала кожаная складка — рудимент второго верхнего языка. Именно он придавал речи этаозцев переливчатость, и с его помощью они издавали такие трели, что земляне тщетно ломали языки, пытаясь их сымитировать.

Кожа очкецов была слабо пигментирована, как у Хэла, — бледного, как все рыжие. Но там, где кожа у него была розовой, у них она была салатовой; основой их крови была медь, а не железо. Или, по крайней мере, так они говорили, так как до сих пор отказывались дать землянам кровь для научных исследований. Правда, сейчас дело сдвинулось, и они пообещали дать разрешение в течение ближайших четырех-пяти недель. Их отказ — настаивали они — связан с определенными религиозными табу. Но как только они окончательно убедятся, что землянам кровь нужна не для того, чтобы ее пить, они тут же дадут им возможность взять пробы.

Макнефф не особенно им верил, хотя истинных причин отказа понять не мог. Поэтому он продолжал вести переговоры, тщательно скрывая свое нетерпение. Ведь не рассказывать же жукам, зачем на самом деле землянам так нужна их кровь!

Метаболизм, основанный на меди, а не на железе, должен был сделать этаозцев слабее землян как в физическом, так и в психическом смысле. Их кровяные шарики, в отличие от эритроцитов, были не настолько эффективными переносчиками кислорода, чтобы организм мог работать интенсивно. Но Природа всегда компенсирует недостачу чего-то: у Фобо было два сердца, которые к тому же бились быстрее, чем сердце Хэла, а артерии и вены у них были шире, чем у землян. Но, несмотря на это, любой землянин дал бы сто очков вперед самому быстрому спринтеру Этаоза.

Хэл уже раздобыл их книгу по эволюции, но, так как читать ее пока мог лишь с пятого на десятое, удовлетворялся разглядыванием множества цветных иллюстраций. А жуки объясняли, что на них нарисовано.

Хэл абсолютно не воспринял их теорию эволюции.

— Вы говорите, что млекопитающие произошли от доисторического морского червя! Но это же неверно! Мы знаем, что первичной формой наземной жизни была амфибия. Потом ее хвост развился в две ноги, и она утратила способность усваивать кислород из морской воды. Затем она эволюционировала в рептилию, потом в примитивное млекопитающее, затем в праобезьяну, затем в обезьяну и наконец прямоходящий разумный вид и вот — венец творения — современный человек!

— А так ли это? — спокойно спросил Фобо. — Нет, я не сомневаюсь, что все происходило именно так, как ты рассказал. Но на Земле. А здесь, у нас, эволюция пошла в другом направлении. У нас были три червя-прародителя — se"ba'takufu. У одного были кровяные тельца с гемоглобином, у другого — с медью, а у третьего — на ванадиевой основе. Первый, конечно же, имел естественные преимущества над двумя другими. Но по некоторым причинам этот вид получил развитие только на этом континенте. У нас есть свидетельства того, что потом этот вид довольно быстро расщепился на две ветви, обе из которых были нотохордами, но млекопитающих породила только одна...

— Но, — прервал тогда его лекцию Хэл, — эволюция просто не может идти по такому пути! Ваши ученые где-то допустили огромную, достойную всяческого сожаления ошибку. В конце концов, планетология как наука у вас находится еще в пеленках — ведь ей не больше ста лет!

— Ах, — сказал Фобо, — ты слишком терроцентричен. Ограничен. У тебя слабое воображение. Твои извилины закоснели и спрямились. Ну попробуй хоть на минуточку допустить возможность того, что в нашей вселенной может быть миллиард обитаемых планет и на каждой из них эволюция идет своим уникальным путем. Великая Богиня — большой экспериментатор, и ей быстро надоедает повторять одно и то же. Ну как, представил?

Но Хэл был твердо уверен, что очкецы ошибаются, и никакие доводы Фобо не могли его сдвинуть с позиций земной науки. К сожалению, им не дано просветиться в лучах мощной и более древней науки союза Гайяак — они просто не доживут до этого.

Фобо сдвинул на затылок менингитку с двумя фальшивыми антеннами, символизирующими его принадлежность к клану

Кузнечика. Теперь он еще больше походил на профессора Очкеца — такой же лысый блестящий лоб, тугие завитки светлых волос на затылке. Особенно сходство усиливал длинный, лишенный переносицы нос, смешно торчавший посередине лица. Под его хрящом были спрятаны две антенны, служившие органами обоняния.

Да, первого землянина, впервые увидевшего этаозца, можно извинить за его удивленное восклицание. Если только он действительно так сказал (а вот это как раз вызывало у Хэла большие сомнения). Во-первых, сами аборигены называли свою планету Этаозом. Во-вторых, книги о стране Оз в союзе Гайяак были запрещены. Так что единственным разумным объяснением того, что космонавт читал Баума, было то, что он мог купить книгу у буклегера. Вообще космонавты имели славу (точнее, дурную славу) людей, презиравших опасность и относившихся с весьма слабым почтением к заповедям церкводарства, особенно когда они были не на Земле. Так что ни автор этой легенды, ни тот парень, что рассказывал ее Хэлу, не особо заботились о том, что их могут обвинить в чтении запрещенной литературы.

Хэл поймал себя на том, что увлекся воспоминаниями, в то время как Фобо все еще продолжал ему что-то говорить. Он заставил себя сосредоточиться.

— ...Этот «козл», как тебя в ярости называл монсеньор Порнсен, что это у вас означает?

— Это означает человека, не являющегося специалистом в какой-нибудь одной науке, но разбирающегося во всех понемножку. На деле я — связующее звено между различными учеными и государственным аппаратом. Мое основное занятие — суммировать и интегрировать текущие научные исследования и в обработанном виде представлять их иерархам.

Говоря это, он как бы невзначай взглянул на статую — женщины не было видно.

— У нас наука, — продолжал он, — стала настолько специализирована, что общение между учеными даже близких специальностей стало почти невозможным. Каждый из них имеет узкую специализацию, он развивает свои познания, двигаясь как бы по вертикальному лучу, но по горизонтали на тех же уровнях у него нет никакого соприкосновения с другими лучами. И чем больше он развивает и изучает собственную тему, тем больше он отдаляется от других. У него физически не хватает времени, чтобы обработать огромный поток информации в различных направлениях. Наша беда в том, что из двух докторов, занимающихся патологией носа, один глубоко и

всесторонне изучает правую ноздрю, а второй — соответственно — левую.

Фобо в ужасе воздел руки к небесам.

— Но это же заведет науку в тупик. Нет, конечно же, ты преувеличиваешь.

— Насчет докторов носовых наук — честно говоря, да, — признался Хэл, пытаясь выдавить хотя бы слабенькую улыбку. — Но, впрочем, не намного. И то, что наша наука уже развивается не в геометрической, как некогда, прогрессии, а гораздо медленней, это правда. У ученых не хватает времени на самое минимальное общение, им больше не помогают открытия, сделанные в других областях, потому что они о них просто ничего не знают.

Хэл увидел, как из-за статуи буквально на секунду высунулась голова и тут же исчезла. Его прошиб холодный пот

Но Фобо никак не хотел уходить и продолжал терзать его вопросами. Теперь его уже интересовала религия Предтечи. Хэл отмалчивался как мог, отвечал скупо, а несколько вопросов просто проигнорировал, тем более что разговор становился все труднее. Очкец не соглашался понимать и принимать ничего, в чем, по его мнению, отсутствовала логика. А логика была тем светом, который Хэл не смел обратить против того, что с детства слышал от уриэлитов.

— Все, что я могу тебе сказать, — так это то, что большинство людей действительно могут субъективно путешествовать во времени. Но только Предтеча, его брат-отщепенец Противотеча и жена Иуды — единственные люди, способные перемещаться во времени объективно. И это истина, не вызывающая сомнения. Предтеча не раз предсказывал, что произойдет в будущем, и все его предсказания всегда сбывались...

— Так уж все-все-все?

— Ну хорошо, все, кроме одного. Но потом уриэлиты исследовали этот вопрос и признали его многоложной фальшивкой, которую Противотеча исхитрился вписать в «Западный Талмуд» с целью ввергнуть нас в мнимобудущее.

— А откуда вы тогда знаете, что среди тех предсказаний, которые еще не сбылись, нет других фальшивок?

— Откуда? Да мы и не знаем. Единственный способ проверить — это подождать, пока придет то время, когда они должны сбыться. Таким образом.

— Именно таким образом ты и узнал, что то частное предсказание было сфальсифицировано Противотечей, — с улыбкой вставил Фобо.

— Ну да. Но уриэлиты уже несколько лет разрабатывают метод, благодаря которому мы по тайным признакам научимся

отличать истинные предсказания от сфальсифицированных. Когда мы готовились к полету сюда, они были настолько близки к решению, что мы буквально с минуты на минуту ждали сообщения: метод найден. Но теперь, конечно, чтобы это узнать, нам придется ждать, пока мы не вернемся на Землю.

— Чувствую, что этот разговор тебе не по душе, — сказал Фобо, — уж очень ты нервничаешь. Вернемся к этому как-нибудь в другой раз. Лучше поговорим об этом городе. Как он тебе?

— У меня к нему особый интерес, потому что его исчезнувшие создатели были млекопитающими, как и мы, земляне. И мне трудно представить себе причину, по которой они вымерли. Если они были вроде нас (а, похоже, они такими и были), они должны были бы сейчас процветать.

— Это было очень сварливое, капризное, алчное и кровожадное племя, — поморщился Фобо. — Хотя, вне всякого сомнения, среди них было немало порядочных людей. И все же я сильно сомневаюсь, что они перерезали друг друга, оставив пару дюжин на развод, или что всех в одночасье скосила какая-нибудь чума. Нет, здесь было что-то другое, а вот что? Может, когда-нибудь мы и узнаем правду. А теперь пойду-ка я в постель. Что-то устал сегодня.

— А я — нет. Пожалуй, поброжу немного еще, если ты не возражаешь. Уж очень здесь красиво, особенно ночью.

— Напомни мне при случае, чтобы я прочел тебе одно из стихотворений нашего величайшего поэта Шамеро. Если, конечно, я его вспомню и смогу перевести на американский.

Фобо зевнул во весь четырехгубый рот:

— Все. Пошел спать. Просто отключаюсь. Да, кстати, у тебя есть какое-нибудь оружие, желательно огнестрельное? Здесь по ночам бродят не только любители древности.

— У меня в сапоге нож. Другого оружия мне не дозволено.

Фобо достал из-под плаща пистолет:

— Держи. Надеюсь, что тебе не придется использовать его, но ведь никогда не знаешь наперед. Мы живем, друг мой, в жестоком мире, полном опасностей — особенно здесь, в джунглях.

Хэл с интересом повертел в руках пистолет — нечто подобное он уже видел в Сиддо, но тогда у него не было возможности разглядеть подробно. Конечно, по сравнению с автоматическими парализаторами и бластерами с «Гавриила» он смотрелся кустарно, но у него было свое очарование. Он не казался пустячком и был похож в чем-то на первые земные пистолеты. Шестигранное дуло не больше тридцати санти-

метров длиной, калибр приблизительно около десяти миллиметров. В обойме пять латунных патронов, набитых порохом и свинцовой дробью, а в капсюлях, по предположению Хэла, должна была быть гремучая ртуть. Однако у него не было спускового крючка — палец нажимал прямо на боек, оттягивая его, а на место его возвращала тугая пружина.

Хэл с удовольствием еще занялся бы изучением механизма, поворачивающего барабан, но ему не хотелось задерживать Фобо. И все же он не удержался и спросил, почему нет курка. Фобо очень удивился этому вопросу. А когда Хэл разъяснил ему, что имеет в виду, этаозец заморгал большими круглыми глазами (довольно неприятное для землянина, особенно с непривычки, зрелище — очкецы моргают нижними веками) и сказал:

— Никогда не думал об этом! Но, похоже, это более эффективно, да и металл не так быстро амортизируется.

— Для меня это очевидно. Но я же — землянин. И думаю, как землянин. И уже успел заметить (что меня, впрочем, не особо удивляет), что у нас с вами во многом различное мышление. — Он протянул пистолет Фобо и добавил: — Спасибо, но я не могу его взять. Мне запрещено иметь огнестрельное оружие.

Фобо посмотрел на него с удивлением, но, очевидно, посчитал, что спрашивать причину этого будет не очень вежливо. А может, он просто хотел спать.

— Хорошо. — Он еще раз зевнул. — Шалом, алоха, добрых снов, и да посетит тебя Сигмен.

— И тебе шалом, — ответил Хэл. Он проводил взглядом исчезающую в ночной тени широкую спину и вдруг признался себе, что испытывает странную симпатию к этому жуку, несмотря на то что они были полностью чуждыми друг другу обитателями разных миров. Да, Фобо по-человечески нравился Хэлу, хоть и не был человеком.

Хэл убедился, что остался один, и направился к статуе Великой Матери. Но только он ступил в тень ее постамента, женщина перебежала в темноту, сгустившуюся у подножия огромной кучи щебенки, и полезла по ней вверх. Хэл последовал за ней, ориентируясь только по звуку осыпающихся из-под ее ног камней. По ту сторону кучи раскинулось озеро — серебряно-черное в лунном свете.

Хэл уже почти догнал женщину, до нее оставалось не более пяти метров, как вдруг она остановилась и заговорила тихим грудным голосом:

— Baw sfa, soo Yarrow

— Baw sfa, — как эхо повторил он, понимая, что на ее языке это должно означать приветствие.

— Baw sfa, — повторила она и после, старательно произнося звуки, перевела эту фразу на сиддо: — Abhu'umaigeitsi'i.

Что действительно означало: «Добрый вечер».

Хэл остолбенел.

ГЛАВА 8

Ну конечно же! Теперь он наконец-то понял, почему ее слова показались ему неуловимо знакомыми! Ритм ее речи всколыхнул в его памяти недавний опыт работы с крохотной общиной последних франкоговорящих землян в заповеднике Гудзонского залива.

Baw sfa. Baw sfa — это, наверное, — Bon soir*.

И хотя язык, которым она пользовалась, с точки зрения лингвиста, сильно изменился и выродился, но все же не исказился настолько, что было невозможно определить его корни. Baw sfa. А те, другие слова, которые он слышал в комнате? Wuhfvayfvoo. Должно быть, это — Levez-vous, что по-французски значит: вставай, просыпайся.

Soo Yarrow. Может быть, это — Monsier? Начальная «м» отпала, а французское «е» трансформировалось в нечто, созвучное американскому «у»? Очень может быть. В ее французском были и другие изменения, чисто фонетические. Развитие придыхания. Отказ от произношения «в нос». Замещение гласных. Замещение звука «к» люфтпаузой перед гласной. Оглушение «д» до «т», «л» превратилось в «в», а «в» стало звучать как нечто среднее между «ф» и «в». Так, еще что? Кроме того, должны быть трансмутации значений слов и новообразования, вытеснившие старые слова.

Да, несмотря на все искажения, в этом языке все же чувствовалась едва различимая галльская основа.

— Baw sfa, — еще раз повторил он.

И подумал, как необычно и странно звучат эти слова сейчас: вот стоят два человеческих существа, встретившихся за сорок с лишним световых лет от Земли — мужчина, уже целый год субъективного времени не видевший ни одной женщины, и женщина, вынужденная прятаться и дрожать от страха, так как является единственной представительницей своего пола на этой планете И все, что они могут сказать друг другу· «Добрый вечер»

---

* Добрый вечер *(фр.)*

Он подошел к ней поближе, и тут же горячая волна смущения чуть не заставила его развернуться и убежать: белизну ее кожи перечеркивали две узенькие полоски ткани — одна прикрывала грудь, вторая — бедра. И это было всей ее одеждой! Такого он еще никогда не видел, ни разу в жизни (если не считать той фотографии. .).

Но смущение прошло в ту же секунду — он увидел, что у нее на губах помада, и застыл в смертельном ужасе: ее губы были ярко-алыми, совсем как у развратной жены Противотечи!

Огромным усилием воли он сдержал дрожь. Надо рассуждать трезво и спокойно. Эта женщина никак не может быть Анной Менялой, явившейся из глубокого прошлого, чтобы его соблазнить, ведь тогда она не стала бы говорить на этом выродившемся французском. К тому же вряд ли бы она стала заниматься такой ничтожной фигурой, как Хэл — она бы отправилась прямиком к верховному уриэлиту Макнеффу.

Теперь осталось разобраться с губной помадой. С приходом Предтечи вся косметика была запрещена, и ни одна женщина не осмелилась бы. . Хотя нет. Это касалось только женщин-гаек. Израильтянки, малайки и банту продолжали краситься. Но ведь все они были известно какого сорта!

А что, если этот алый цвет губ вовсе не краска? И тут у него словно гора с плеч свалилась. Она не могла быть женой Противотечи, как не могла быть и женщиной, рожденной на Земле. А это значит, что она была гуманоидом с Этаоза! Он же сам видел на фресках в руинах таких яркогубых женщин, а Фобо говорил ему, что им была присуща яркая пигментация.

Но ответ на один вопрос сразу вызвал лавину новых вопросов. Тогда почему она говорит на языке Терры или, скорее, на одном из его диалектов? Который к тому же (Хэл был в этом уверен) сформировался не на Земле?

Но тут ему стало не до вопросов — девушка упала в его объятия, содрогаясь от рыданий, и он неуклюже обхватил ее, пытаясь успокоить. Она заливала его слезами и сыпала словами с такой скоростью, что только благодаря знанию, что это французский, ему удалось понять одно-два из них.

Хэл остановил ее и попросил повторить все сначала, только очень медленно. Она слегка склонила голову к левому плечу и откинула волосы на спину. Он понял, что этот жест характерен для нее, когда она о чем-то размышляет.

Она заговорила, медленно и старательно произнося каждый звук, но по мере рассказа снова перестала следить за собой и затараторила с прежней скоростью. Ее полные алые губы двигались, словно два существа, независимые от нее и друг от друга, живущие своей собственной жизнью. Хэл, как

зачарованный, не мог оторвать от них взгляда, но потом, устыдившись, попробовал смотреть в ее огромные темные глаза. Но и это было для него слишком большим испытанием, поэтому он уставился ей в висок и попытался сосредоточиться на том, что она говорит.

Ее рассказ был бессвязным, со множеством отступлений и повторений. Многих ее слов он не понимал, и оставалось лишь догадываться об их значении по контексту. Но главное он ухватил: оказалось, что ее зовут Жанет Растиньяк и что попала она сюда с плато в Центральных горах, где жила раньше с сестрами и тетками — насколько она знает, единственными представительницами ее вида на континенте. Что она сбежала из плена очкецов, которые прибыли туда с научной экспедицией, поймали ее и хотели отвезти в Сиддо. Что все время после побега она пряталась в развалинах и ближних лесах. Что по ночам она видела много страшного и перепугана до смерти. Что питалась она все это время дикими фруктами и ягодами, да еще тем, что удавалось стащить у местных фермеров. Что она увидела Хэла в тот момент, когда автомобиль столкнулся с антилопой. Да, это были ее глаза, а не антилопы, как он подумал.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросил он.

— Я прокралась за вами и хотела подслушать ваш разговор. Но ничего не поняла, кроме того, что ты отзываешься на имя «Хэл Ярроу». Это было не так трудно сообразить. Гораздо больше меня поразило то, что ты и тот второй мужчина, похожий на моего отца, — гуманоиды. Но я подумала, что раз ты не говоришь на языке моего отца, значит, ты прилетел не с его планеты.

Но потом я подумала — конечно же! — отец мне рассказывал, что, прежде чем его народ обосновался на Ле-Бопфей, они жили на какой-то другой планете. Так что по логике вещей выходило, что ты прилетел с той планеты, откуда вышли и предки моего отца.

— Я не совсем тебя понимаю, — перебил ее Хэл. — Предки твоего отца прилетели на эту планету, на Этаоз? Но... нет же никаких исторических документов о том, что сюда прилетали люди. Фобо говорил мне...

— Нет-нет! Ты действительно меня не понял. Мой отец Жан-Жак Растиньяк родился на другой планете. А оттуда прилетел на эту А его предки прилетели на ту, другую планету из мира, вращающегося вокруг одной из наиболее удаленных отсюда звезд.

— Тогда они наверняка с Земли. Но и об этом нет никаких документов. По крайней мере, я ничего подобного не встречал.

К тому же они были французами, но если это так, то они должны были оставить Землю по меньшей мере двести лет назад. Причем они не могли быть канадцами (тех почти не осталось после войны Судного дня), они должны были быть европейскими французами. Но последний человек, говоривший по-французски в Европе, умер больше двухсот пятидесяти лет назад. Значит...

— Достаточно запутанная история, nespfa*? Я знаю лишь то, что мне рассказывал отец. Он говорил, что он и еще несколько человек с Ле-Бопфей случайно открыли Этаоз и решили приземлиться на этом континенте. Но в аварии при посадке погибли все его спутники. Он остался один, а потом встретил мою матушку.

— Твою матушку? Сюрприз за сюрпризом! — У Хэла глаза полезли на лоб.

— Она была местной. Ее народ всегда жил здесь. Это они построили этот город. Они...

— А твой отец был землянином? И ты хочешь сказать мне, что произошла от его союза с этаозским гуманоидом? Но этого не может быть!.. Ведь хромосомы твоего отца и твоей матери...

— Какое мне дело до хромосом! — сказала Жанет дрожащим голосом. — Я стою перед тобой. Ты что, хочешь мне сказать, что меня не может быть? Меня что, не существует? Да, мой отец спал с моей матерью, и появилась я! А теперь попробуй скажи, что меня нет и быть не может!

— Я вовсе не это имел в виду... Я хотел сказать... мне казалось... — он окончательно запутался и замолчал.

И тут она снова заплакала, крепко прижавшись к нему. Он ощутил теплоту ее мягких грудей и нежную силу рук, обвивавших его шею.

— Спаси меня, — молила она, — я не могу больше оставаться здесь. Забери меня с собой. Ты должен меня спасти.

Хэл лихорадочно соображал: ему нужно вернуться в комнату до того, как Порнсен проснется, а проснуться он мог в любую минуту. Утром ему с Жанет повидаться больше не удастся, потому что придет шлюпка с корабля, чтобы их забрать на «Гавриил». Что бы он ни собирался делать дальше, у него было очень мало времени.

И тут внезапно в голове его сложился план, порожденный другой, более давней мыслью, семена которой запали в его душу еще до того, как он оставил Землю. До сих пор у него не хватало мужества, чтобы реализовать ее, но теперь, с появлением в его жизни этой девушки, он почувствовал, что у него

---

* Не так ли? *(Здесь и далее искаж. фр.)*

хватит смелости ступить на этот путь, без оглядки и без сожаления.

— Жанет, — торопливо заговорил он, — слушай меня внимательно. Ты будешь ждать меня здесь каждую ночь. Не бойся того, что таится во мраке. Главное — жди меня. Я не могу сказать тебе точно, когда я смогу раздобыть шлюпку и прилететь за тобой. Думаю, что где-то в пределах трех недель. Но даже если я не уложусь в срок, все равно жди меня. Обязательно жди! Я прилечу за тобой. Я прилечу и отвезу тебя туда, где тебе будет нечего бояться. По крайней мере, хотя бы на время. А потом... Так ты сможешь выдержать? Спрятаться здесь и ждать?

Она кивнула и сказала «Fi»*.

ГЛАВА 9

Две недели спустя Хэл сдержал свое слово. Блеснув в ярком свете луны, игловидный кораблик сделал круг над развалинами беломраморного дворца и опустился на площадь. Хэл огляделся: перед ним раскинулся город — молчаливый, выбеленный лунным светом. Кубы, пирамиды, конусы, цилиндры, статуи — словно игрушки, разбросанные ребенком-великаном, который, заигравшись, заснул. И заснул навеки.

Хэл вышел из шлюпки и шагнул под гигантскую арку. Луч фонарика пронзил еще больше сгустившуюся тьму. Он звал, и голос его возвращался к нему эхом, отражаясь от стен и потолка.

— Жанет! Sah mfa. Fo tami, Хэл Ярроу. Жанет! Ou en tu? Это я. Твой друг. Где ты?

Он спустился по широченной — в пятнадцать метров — лестнице вниз в королевскую усыпальницу Луч скользил по ступенькам, стенам, потолку, опять по ступенькам.. пока не осветил черно-белую фигурку девушки.

— Хэл! — воскликнула она. — О, благодарю тебя, Великая Мать Камней! Я ждала каждую ночь. И я знала, что ты придешь.

На ее длинных ресницах дрожали слезинки, алые губы трепетали — было видно, что она изо всех сил старается удержаться от рыданий. Хэлу очень хотелось ее обнять и успокоить, но все его воспитание восставало против того, чтобы даже смотреть на раздетую женщину, а уж заключать такую в объятия!.. Немыслимо! Никогда в жизни! По крайней мере, так он думал в эту минуту

---

* Да.

А уже в следующую она скользнула к нему и, словно ища защиты, прижалась щекой к его груди. Он и опомниться не успел, как его руки лежали у нее на талии. Он судорожно прижал ее к груди и почувствовал, как в пах ударила горячая волна. Это остудило ему голову. Хэл отстранился от девушки и выдавил:

— Поговорим позже. У нас нет времени. Идем.

Она молча последовала за ним, но, подойдя к шлюпке, остановилась. Он нетерпеливым жестом пригласил ее войти.

— Ты подумаешь, что я струсила, — замялась она, — но... но я никогда еще не летала. Покинуть землю...

Он ошеломленно уставился на нее, но ему некогда было разбираться в душевных переживаниях человека, абсолютно не подготовленного к полетам по воздуху.

— Залезай! — рявкнул он.

Жанет покорно, больше не споря, забралась в кабину и села в кресло второго пилота, но было видно, как она дрожит и оглядывает всю эту незнакомую ей аппаратуру своими огромными карими глазами скорее с испугом, чем с интересом.

Хэл взглянул на часы:

— Десять минут на то, чтобы добраться до моей городской квартиры, минута на то, чтобы высадить и спрятать тебя там, полминуты, чтобы вернуться на корабль, затем еще пятнадцать минут на мой рапорт о разведывательном полете и тридцать секунд на возвращение домой. Сойдет.

Он засмеялся.

— Я мог бы прилететь сюда уже два дня назад, но не было ни одной свободной шлюпки. Тогда я притворился, что забыл дома суперважные записи, и взял один из корабликов с ручным управлением, которые используются для разведки за городом. Но мне и в жизни бы никто этого не позволил, если бы не вот это, — он с гордостью коснулся большого золотого нагрудного знака с выбитой на нем древнееврейской «Л». — Это означает, что я один из избранных. Я сподобился Метра.

Жанет, уже почти справившаяся со своими страхами, наконец посмотрела на него и, увидев его лицо в свете разноцветных огоньков приборной панели, не сдержала крика:

— Хэл Ярроу! Что они с тобой сделали?

Вокруг глаз у него были темные круги, щеки ввалились, лоб обметала сыпь, и на бледной коже горели семь тонких шрамов.

— Все говорили, что я сошел с ума, — хмыкнул он. — Что я сую голову в львиную пасть. Но моя голова осталась цела, ее не откусили. Вместо этого я сам прикусил льву язык.

— О чем ты?

— Слушай. Не кажется ли тебе странным, что сегодня Порнсен не дышит мне в затылок своей смрадной пастью? Нет? Ну да, откуда тебе знать наши дела. У меня был только один способ перебраться с корабля в городскую квартиру. В квартиру, где я живу один, без иоаха, следящего за каждым моим шагом. Чтобы было куда привезти тебя. Ведь я же не мог оставить тебя одну в этом страшном лесу!

Ее палец тихонько гладил шрам, идущий к уголку рта. Раньше он уклонился бы от подобной ласки, потому что не терпел физического контакта с кем бы то ни было. Но сейчас он и не подумал отстраняться.

— Хэл, — прошептала она. — Maw sheh*.

Тепло волной растеклось по его телу. «Мой дорогой». А почему бы и нет?

Преодолевая опьянение от ее прикосновения, он продолжил:

— Да, у меня был только один способ: добровольно пройти испытание Метром.

— Wuh Met? 'Es'ase'asah?**

— Это единственное, что может освободить тебя от постоянного преследования иоаха. Один раз сподобившись Метра, ты считаешься впредь непорочным, выше всяких подозрений. По крайней мере в теории.

Моя петиция застала наших иерархов врасплох. Они и помыслить не могли, что кто-нибудь из ученых (не говоря уж обо мне) решится на это добровольно. Уриэлиты и уззиты отваживаются на это, чтобы продвинуться по служебной лестнице в иерархи...

— Уриэлиты? Уззиты?

— Если использовать древнюю терминологию, это наши священники и копы. Предтеча заменил эти названия на имена ангелов из Талмуда. Это было сделано из религиозно-государственных соображений. Поняла?

— Нет.

— Ну ладно, объясню как-нибудь потом. В любом случае добровольно на это идут только самые фанатичные сигмениты. Все остальные — по принуждению; объясню почему чуть попозже. Иерархи отнеслись к моему прошению весьма кисло, но по закону они не имели права мне отказывать. К тому же им здесь уже наскучило, и они решили, что это шанс поразвлечься — на их мрачный манер. — Он нахмурился, вспоминая. — На следующий день мне было приказано явиться в

---

* Мой дорогой.

** Какой Метр? Что это такое?

психолабораторию к 23.00 к. в. (по корабельному времени то есть). Я выждал, когда Порнсен куда-то отлучился, и достал из своего чемодана бутылку с надписью: «Пища Пророка». Вообще-то в ней должен был бы находиться порошок, в состав которого входит пейот (это такой наркотик, некогда использовавшийся индейскими знахарями).

— Kfe?*

— Да слушай. Ты пойми главное: «Пищу Пророка» принимают во время ритуала Очищения. Это когда на двое суток запираешься в келье, постишься, молишься, бичуешь себя электрокнутом и любуешься галлюцинациями, которые у тебя появляются от голода и «Пищи Пророка». Что-то вроде субъективного путешествия во времени.

— Kfe?

— Не перебивай меня своим бесконечным чтоканьем. У меня нет сейчас времени, чтобы рассказать тебе всего Сигмена. Лично у меня ушло десять лет на то, чтобы освоить даннологию, и даже после этого у меня осталось немало вопросов. Но я не рискнул их задавать — могли подумать, что я сомневаюсь. Ладно, об этом потом. Короче говоря, в моей бутылке была не обычная «Пища Пророка», а мой собственный состав, который я приготовил втайне от всех незадолго до того, как улетел с Земли. Вот в этом-то порошочке и крылась причина, почему я так смело пошел на испытание. Хотя сказать, что я пошел смело.. честно говоря, у меня поджилки тряслись. Уж поверь мне.

— Я верю. Ты смелый. Ты сумел преодолеть свой страх.

Хэл почувствовал, что краснеет: первый раз в жизни ему сделали комплимент.

— Где-то за месяц до того, как началась экспедиция на Этаоз, я отметил в одном из научных журналов сообщение о том, что синтезирован новый наркотик — как лекарство от марсианской чесотки. Но у этой заметки было примечание, которое меня очень заинтересовало. Оно, видишь ли, было напечатано на иврите и самыми меленькими буковками, что означало, что автор заметки осознавал его секретность.

— Pookfe?**

— Почему? Да потому, что оно было напечатано на иврите, чтобы его не понял никто, кроме специалистов. Это было мерой предосторожности, потому что если такой секрет станет широко известным. .

---

* Что?

** Почему?

Короче, в этом примечании было открыто сказано, что человек, болеющий марсианской чесоткой, приобретает временный иммунитет к воздействию гипноисповедника. И что уриэлиты должны особо проследить за тем, чтобы кандидат на испытание Метром был абсолютно здоров.

— Я не понимаю тебя, — призналась она.

— Я буду говорить медленнее. Гипноисповедник — это наиболее широко используемый у нас наркотик, заставляющий говорить только правду. В этой статье был определенный подтекст: в самом начале ее говорилось, что марсианской чесоткой можно заразиться искусственно (конечно, в чисто научных целях) при помощи другого наркотика, название которого не упоминалось. Но мне не понадобилось много времени, чтобы найти его название в других статьях, посвященных этой теме. И я подумал, что если естественная чесотка делает человека иммунным к гипноисповеднику, то почему этого не может сделать вызванная искусственным путем?

Сказано — сделано. Я заготовил ряд вопросов, содержащих сведения о моей личной жизни, зарядил их в психотестер, ввел себе наркотик, вызывающий чесотку, потом ввел себе гипноисповедник и поклялся себе, что буду врать тестеру напропалую. И я смог врать, сколько влезет, даже накачавшись гипноисповедником по самую макушку.

— Какой же ты умный, что смог все это придумать, — промурлыкала она.

Потом она прикоснулась к его бицепсу, и Хэл его тут же напряг. Пускай это было тщеславием, но ему хотелось, чтобы она думала, что он еще и сильный.

— Да, ерунда, — небрежно бросил он. — Это и слепой был увидел. Я не удивился бы, если бы узнал, что уззиты арестовали этого химика и отдали приказ использовать при допросах другие наркотики. Но даже если они это и сделали, то со мной они опоздали. Наш корабль успел уйти в космос, и мы пока недостижимы для их новых указов.

Но первый день испытания не сулил вообще ничего, о чем стоило бы беспокоиться. Я прошел двенадцатичасовой письменный и устный экзамен по сериализму (это теория времени по Данне, усовершенствованная Сигменом). Да вся моя жизнь до этого была сплошным экзаменом на эту тему, так что ответить на все вопросы было очень просто, под конец мне стало даже скучно.

На следующий день я встал очень рано, вымылся и съел немного того, что они считали «Пищей Пророка». В этом заключался весь мой завтрак, а потом я пошел в келью на ритуал Очищения. Там я в полном одиночестве провалялся

двое суток на койке, лишь время от времени глотая новые порции моего «ПП», запивая их водой и периодически нажимая кнопку электробичевателя. Чем больше себя лупишь, тем выше к тебе доверие.

Никаких видений у меня не было. Я просто отключался, потому что действительно был болен чесоткой. Но если бы у кого-нибудь возникли подозрения по поводу моей сыпи, я сказал бы, что это аллергия на «ПП». У некоторых это бывает.

Хэл посмотрел вниз: лес, словно заиндевевший в лунном свете, и редкие квадратики света маленьких ферм. А впереди — гряда высоких холмов, за которыми прятался Сиддо.

— Ну и вот, — продолжил он, машинально говоря быстрее, потому что холмы быстро приближались. — Когда мое «очищение» подошло к концу, я встал, оделся, съел ритуальный обед из саранчи с медом...

— Фу!

— Ну, саранча не так уж и плоха, особенно если к ней привык с детства.

— Саранча-то мне нравится, я ела ее много раз. Но меня замутило при одной мысли об ее сочетании с медом.

Он пожал плечами, а потом сказал:

— Пора выключать свет в кабине. Тебе придется лечь на пол и надеть плащ и ночемаску, чтобы, если кто тебя и увидит, тебя приняли за очкеца.

Жанет послушно соскользнула с сиденья и наклонилась, чтобы надеть плащ. Прежде чем выключить свет, он не смог удержаться от того, чтобы бросить быстрый взгляд на ее соблазнительную грудь: соски были такими же алыми, как и губы. И хотя он тут же отвернулся, но все, что он увидел мельком, запечатлелось в его сознании с фотографической точностью. Он почувствовал, как его захлестывает желание, и уже знал, что скоро испытает чувство стыда и острого раскаяния. Чтобы скрыть неловкость, он снова заговорил:

— Потом в келью вошел архиуриэлит сандальфон Макнефф, а за ним вся свора теологов и даннологов: психонервические параллелеисты, субстратомисты, проникаторы, хронотрописты, псевдотемпоралисты и космообозреватели.

Они усадили меня на стул, установленный в фокусе модулятора магнетического детектора. Потом ввели мне в вену гипноисповедник, выключили весь свет и стали нараспев читать молитвы и главы из «Западного Талмуда» и «Исправленного Писания». Затем из элохиметра сфокусировали луч...

— 'Es'ase'asah?*

---

* Что это?

— Элохим — это Бог на иврите. А метр — вроде этого, — он указал на один из множества циферблатов на панели. — Только элохиметр круглый и очень большой — у него стрелка величиной с мою руку. На циферблате по кругу расположены древнееврейские буквы, и во время испытания она прыгает вверх и вниз, оценивая степень непорочности испытуемого.

Большинство людей понятия не имеют, что значат все эти буквы, но я-то — козл. У меня был доступ к книгам, где все это подробно описывается.

— И ты знал, что нужно отвечать, nespfa?

— Fi. Но это не спасло бы меня от гипноисповедника, уж он-то бы вытащил всю правду наружу, если бы только... если бы только я не был болен марсианской чесоткой.

Он рассмеялся, но как-то безрадостно, словно прокаркал.

— Под этим наркотиком, Жанет, вся грязь и непотребство, которое ты когда-либо совершил, или даже просто подумал: вся твоя ненависть к тем, кто выше тебя; все твои сомнения в доктринах Предтечи — вся эта муть поднимается из глубин твоего подсознания, как мыльная пена на поверхность грязной воды в ванне: такая нежная, легкая и тут же буреющая от грязи.

Но я сидел и смотрел на стрелку, словно глядя в лицо самому Господу, Жанет, — можешь ли ты меня понять? — и лгал ему Но я не переигрывал, я не притворялся слишком непогрешимым или фанатиком. Я даже признался в некоторых небольших многоложествах. В те моменты стрелка трепетала и возвращалась на несколько делений назад. Но на главные вопросы я отвечал так, как нужно. Потому что для меня это был вопрос жизни или смерти. И я победил.

А потом я рассказал им свои сны — мои субъективные путешествия во времени.

— Soopji'tiw?*

— Fi. Любой из нас субъективно путешествует во времени. Но объективно на это способен только Предтеча, его брат-отступник и жена брата.

Я построил свои сны по всем законам архитектуры — добротно и красиво. И главное, по вкусу моих заказчиков. И увенчал все шедевром (или ложью, называй как хочешь) о том, что Предтеча самолично посетит Этаоз и будет беседовать с сандальфоном Макнеффом. И это великое событие должно произойти через год.

— О, Хэл, — выдохнула она, — но зачем ты им это сказал?

---

* Субъективные?

— Затем, что теперь, maw sheh, экспедиция затянется на год. Они не смогут отказаться от шанса лицезреть Сигмена во плоти. Так что, как видишь, моя чудовищная ложь обеспечила нам с тобой год спокойной жизни.

— А потом?

— У нас будет время об этом подумать.

— И ты все это сделал ради меня... — проворковала она из темноты под сиденьем.

Хэл не ответил, он был слишком занят тем, чтобы вести шлюпку как можно ниже над крышами. Одна за другой мелькали кучки домов, разделенные парками. Он летел так быстро, что чуть было не проскочил мимо дома Фобо — средневекового трехэтажного замка с амбразурами на башнях, со множеством каменных уродцев и насекомоподобных горгулий, обсевших карнизы и высовывающих свои фантастические головы из различных ниш. Дом стоял особняком.

Жанет надела длинноносую ночемаску. Дверь шлюпки отъехала в сторону, и они побежали по дорожке к дому. Проскочив холл, взлетев на второй этаж, они остановились перед дверями в квартиру Хэла только потому, что он не сразу нашел в кармане ключ. Хэл мог бы заказать замок на корабле, но не очень-то доверял своим, так как с них сталось бы сделать дубликаты ключей. Поэтому замок ему делал жук-столяр, а врезал жук-плотник.

Наконец ключ нашелся, но теперь никак не желал вставляться. Хэл справился и с этим и подтолкнул Жанет к дверям.

— Подожди, Хэл, — сказала она, снимая маску, — а ты ничего не забыл?

— О Предтеча! О чем ты? Это что-то важное?

— Да нет, я просто подумала, — улыбнулась она и прикрыла веки, — что по земному обычаю мужчина должен перенести свою невесту через порог их нового дома на руках. Так рассказывал мне отец.

Его губы задрожали: невеста? А не слишком ли много она себе позволяет? Но у него не было времени на споры, поэтому он, ни слова не сказав, поднял ее на руки и внес в дом. Потом поставил на пол и сказал:

— Вернусь, как только смогу. Если кто-нибудь постучит или попытается войти, спрячься в специальный ящик в шкафу в спальне. И ни одного звука, пока не убедишься, что это я.

Она бросилась к нему на шею и нежно поцеловала:

— Maw sheh, maw gwah, maw fooh*.

---

* Мой дорогой, мой сильный, мой дурачок.

Он смешался, окончательно запутался, не нашелся, что ей ответить, и даже не вернул ее поцелуй. Ведь если он правильно понял, она назвала его ее дорогим, большим и сильным мужчиной. Он не мог поверить в то, что она сказала это всерьез.

Хэл повернулся, чтобы запереть за собой дверь, но все же сделал это не сразу: ему хотелось еще раз взглянуть на белое лицо в нимбе черного капюшона с алой чертой губ, контрастирующей с белизной кожи.

Его трясло. Он чувствовал, что Жанет не сумеет быть сдержанной и холодной супругой, каковой ей надлежит быть по предписанию церкводарства.

ГЛАВА 10

Визит на «Гавриил» занял целый час. Сандальфон задержал Хэла для того, чтобы во всех деталях обсудить его пророчество о встрече с Сигменом. Наконец, отделавшись от архиуриэлита, он приказал отвезти себя на шлюпке домой. По дороге в ангар он встретил Порнсена.

— Шалом, абба, — сказал Хэл, широко улыбаясь, и как бы невзначай коснулся сверкающего ламеда у себя на груди.

Левое плечо иоаха опустилось ниже, чем когда бы то ни было: оно осело прокисшим тестом, флагом, приспущенным при капитуляции. Теперь, если бы ситуация потребовала бичевания, плетка была бы в руках у Хэла. Он гордо выпятил грудь и собрался идти дальше, но Порнсен остановил его:

— Одну минутку, сын мой. Ты собираешься в город?

— Шиб.

— Шиб. Я поеду с тобой. Я теперь живу в том же здании, что и ты, на третьем этаже. Это напротив Фобо.

Хэл открыл было рот, чтобы отказаться, но так и не придумал, что сказать. Теперь улыбался Порнсен. А потом он повернулся и пошел впереди, словно указывая путь, предоставив Хэлу его догонять. Тот последовал за иоахом, мрачно покусывая губы. А что, если старик ухитрился проследить за ним и видел его встречу с Жанет? Да нет, конечно. Если бы он это видел, то Хэл был бы уже арестован. Ерунда. Иоаха бояться нечего: его фантазии хватает лишь на то, чтобы, поселившись в одном доме с Хэлом, постоянно мозолить ему глаза и отравлять радость с таким трудом завоеванной победы. Вспомнилась старая поговорка: «Что у иоаха в зубах — того он уже не выпустит».

Матрос уже ждал у шлюпки, они молча забрались в нее, и серебристый кораблик нырнул в ночную тьму.

Но, подойдя к дому, Хэл ухитрился протиснуться в дверь перед Порнсеном, тем самым нарушив этикет, и выражение лица иоаха показало, что он хоть чуть-чуть отыгрался.

Остановившись у своих дверей и, как обычно, роясь в поисках ключа, Хэл услышал, как шаги его бывшего ангела-хранителя замедлились, и тогда, поддавшись внезапно сверкнувшей в его голове нахальной мысли, он обернулся и позвал: «Абба!»

— Что?

— А не хотите ли вы проверить мою квартиру, чтобы убедиться, что я не прячу там женщину?

Иоах побагровел. Он закрыл глаза, пытаясь справиться с приступом ярости, но это, как видно, ему не удалось, потому что он завопил, выпучив глаза:

— Ярроу! Если я когда и видел ходячую многоложность — то это ты! Я не понимаю, как ты ухитрился пролезть в иерархи! Я думаю, что ты... что ты не так прост! Ты изменился. Ты всегда старался быть таким скромным, таким покорным... А теперь ты высокомерен и самонадеян!

Хэл заговорил, постепенно повышая голос:

— Не так уж давно вы подробно объяснили мне, что я с самого рождения был отщепенцем и грешником. Но высшие инстанции считают иначе, они убеждены, что я являюсь образцом безупречного поведения. Да-да, одним из тех, кого церкводарство жалует саном духовного пастыря. Я знаю, что всегда и до этого признания моего высокого морального уровня вел себя соответственно! А это значит, что вы всегда были и остаетесь лишь низким, завистливым, злобным чиреем с птичьими мозгами, вскочившим на заднице церкводарства, который необходимо выдавить, пока он не лопнул и не забрызгал всех своей скверной!

Хэл остановился, чтобы перевести дыхание, сердце, казалось, сейчас выскочит из груди. Сквозь туман ярости, застилавший ему глаза, он увидел, что Порнсен в ужасе пятится от него, вытянув руки — то ли пытаясь успокоить Хэла, то ли пытаясь защититься от него.

— Хэл Ярроу! Хэл Ярроу! Приди в себя! О Предтеча, до чего же он меня ненавидит! А я-то все эти годы думал, что ты любишь меня, своего возлюбленного иоаха... А ты, оказывается, ненавидишь меня. Но за что?

Ярость отпустила Хэла. Взгляд его прояснился.

— Вы что, говорите это всерьез?

— Конечно! Да я и помыслить не мог о подобной неблагодарности. Все, что я когда-либо делал для тебя, служило для

твоей же пользы. Каждый раз, наказывая тебя, я разбивал себе сердце. Но я укреплял себя мыслью, что делаю это ради тебя...

Хэл неожиданно расхохотался и смеялся все время, пока Порнсен улепетывал по лестнице вверх и не исчез на верхнем этаже, бросив на прощание ошалелый взгляд. Смех прекратился так же внезапно, как и начался, и Хэл, как-то сразу ослабев, прислонился спиной к дверям, чтобы не упасть. Невероятно! Всю свою жизнь он считал, что Порнсен тоже ненавидит его, видя в нем неестественного урода, оскорбление природы. И что, наказывая и унижая своего подопечного, он получает удовольствие. А оказывается, что...

Хэл потряс головой, чтобы привести мысли в порядок. Да нет, все он врал, этот старикашка — просто перепугался до смерти, вот и искал себе оправдание!

Он отклеился от двери, открыл ее и вошел. Снова и снова он возвращался к мысли, что храбростью так себя вести с Порнсеном обязан появлению в его жизни Жанет. Без нее он так и остался бы обидчивым, дрожащим от страха кроликом. Несколько часов с нею смогли расшатать то, что вколачивалось в него годами жесточайшей дисциплины.

Он включил свет в гостиной, заглянул в столовую и увидел, что дверь в кухню прикрыта, но оттуда доносился звон кастрюль. Хэл глубоко вдохнул запахи, струящиеся по квартире.

О! Бифштексы!

Но тут же его радость сменилась яростью: он же велел ей прятаться до его прихода! А если бы с ним вошел очкец или уззит?

Хэл рванул кухонную дверь, и она с визгом отъехала. Жанет стояла спиной, но на первый же звук резко обернулась, обмерла, выронила лопаточку и инстинктивно прикрыла рукой рот, чтобы не вскрикнуть.

Злые слова, которые Хэл приготовил, умерли у него на губах — Сигмен упаси! — а то опять расплачется.

— Maw tyuh!* Как ты меня напугал!

Он что-то проворчал себе под нос и подошел к ней, попутно поднимая крышки кастрюль.

— Я жила такой жизнью, — виноватым дрожащим голосом сказала она, — что всегда надо было быть настороже, чтобы меня не поймали. Вот и вздрагиваю от любого резкого звука.

— Как эти хитрые жуки обвели меня вокруг пальца! А я-то считал их вежливыми и добрыми.

Жанет искоса посмотрела на него. Она уже пришла в себя, и алые губы раздвинулись в улыбке.

---

* Господи!

— Да нет, они не такие уж плохие. Ко мне они были добры и давали мне все, что я хотела, кроме свободы. Они боялись, что я смогу найти дорогу домой, к сестрам.

— А им что за дело?

— Они опасались, что где-то в джунглях могут быть еще мужчины и я могу от них нарожать детей. Они панически боятся того, что наш вид снова расплодится и войдет в прежнюю силу. Потому что тогда война будет неизбежна. А они не любят войн.

— Да, они странные создания, — уже мягче сказал Хэл. — Но что можно ожидать от тех, кто не ведает верносущности, открытой нам Предтечей? Да к тому же они ближе к насекомым, чем к людям.

— А что, принадлежность к человеческому роду сразу ставит тебя выше их? — довольно резко бросила она.

— Все Божии создания имеют свое место в Мироздании. Каждому отведено свое особое. И лишь человеку место повсюду и во всех временах. Он один имеет право занять любое пространство в космосе и двигаться во времени куда ему угодно. И если у него есть необходимость выжить какое-нибудь существо из того места или времени, которое ему понадобилось для осуществления своих великих целей, он так и поступит. И это будет его правом.

— Цитата из Предтечи?

— Да.

— Ну, может, он и прав. Все может быть. Только что такое человек? Существо, наделенное сознанием. Но и жуки наделены сознанием. Таким образом, и очкеца тоже можно назвать человеком.

— Шиб. Давай не будем спорить. А то мы совсем забыли про ужин.

— Но я и не собираюсь спорить, — она улыбнулась, — потому что сейчас, когда мы сядем за стол, тебе нужно будет решить, умею я готовить или нет. А этот вопрос решается не путем дискуссий.

Она принялась хлопотать, накрывая на стол, Хэл помогал ей. Наконец, когда все было готово, оба чинно уселись друг против друга, и Хэл, соединив руки, возложил их на стол, склонил голову и произнес вслух молитву:

— Исаак Сигмен, Предтеча, да верносущным будет имя твое, благодарим тебя за то, что ты сделал возможным наше благословенное настоящее. Благодарим тебя за пищу, реализованную тобой из ее потенциала и дарованную нам. Мы знаем и верим, что ты сразишь Противотечу, пресечешь все его мерзкие посягательства на прошлое и этим изменишь наше

настоящее. Сделай же наше мироздание устойчивым и верносущным, не подверженным капризам времени. Мы, собравшиеся за этим столом, от души благодарим тебя. И да будет так. На все воля твоя.

Он поднял голову и взглянул на Жанет — она смотрела на него во все глаза. Повинуясь внезапному импульсу, он сказал:

— Ты тоже можешь помолиться, если хочешь.

— А вдруг тебе моя молитва покажется многоложной?

— Да, пожалуй, — растерялся Хэл. — Я сам не знаю, как у меня вырвалось такое предложение. Конечно же, я никогда бы не предложил помолиться израильтянину или, скажем, банту... Правда, я никогда не ел ни с кем из них за одним столом. Но ты... ты — другое дело. Ну, может, потому, что ты не относишься ни к одному известному мне народу. Я... я и правда не знаю.

— Спасибо, — ответила она и, описав указательным пальцем правой руки в воздухе треугольник, произнесла куда-то вверх: — Мы благодарим тебя, Великая Мать.

Хэл с трудом подавил в себе странное чувство неприязни, возникшей от такой многоложности, и, чтобы скрыть его, полез в ящик под столом и достал оттуда две широкополые шляпы с длинными вуалями. Одну он надел на себя, вторую протянул Жанет.

— Зачем это? — удивилась она.

— Чтобы не видеть друг друга в процессе поглощения пищи, — раздраженно сказал он. — Это очень удобно: между лицом и вуалью достаточно места, чтобы пронести вилку или ложку. Это называется столовый убор.

— Но для чего все это?

— Я же сказал тебе, он прячет наши лица во время еды.

— Ты что, хочешь сказать, что не можешь смотреть на то, как я ем? Может, тебя еще тошнит от этого?! — Ей передалось его раздражение.

— Естественно.

— Естественно?! Да что в этом естественного?

— Но ведь поедание... уф!.. ну, оно выглядит слишком животно.

— И вы всегда так делали? Или только тогда, когда поняли, что вы не животные?

— Нет. До прихода Предтечи мой народ ел с нагими лицами, не ведая стыда. Но он не ведал тогда и верносущности.

— А израильтяне и банту тоже прячут свои лица во время еды?

— Нет

Жанет поднялась из-за стола:

— Извини, но я не смогу есть с этой штукой на голове. Мне будет стыдно.

— Но я... Как ты не понимаешь? — дрожащим голосом взмолился он. — Если я буду есть в твоем присутствии без убора, меня... меня может вырвать.

Она что-то сказала на языке, которого он не знал, но по интонации он понял, что это ругательство.

— Ну извини меня, — пошел он на попятную. — Но так есть. Так должно быть.

Она тихо опустилась на свой стул и молча натянула на голову убор.

— Ну хорошо, Хэл. Но мы обязательно поговорим об этом позже. У меня такое чувство, что это разделяет нас с тобой. А в том хорошем, что дарит нам жизнь, не должно быть никакого разделения.

— Только, пожалуйста, старайся не издавать во время еды никаких звуков. И если захочешь что-нибудь сказать, прежде тщательно разжуй пищу и проглоти ее. Не затыкать же мне уши на время еды.

— Я сделаю все, чтобы тебя не вырвало, — мрачно пообещала она. — Можно только еще один вопрос? А как вам удается переносить ваших детей за едой?

— Они никогда не едят вместе со взрослыми. Единственные взрослые за столом — их иоахи. А они умеют быстро обучать правильному поведению.

— Ага.

Дальше ужин шел в полном молчании, лишь иногда напряженную тишину нарушало звяканье ложек о тарелки. Наконец Хэл, покончив с едой, снял свой убор.

— Ах, Жанет! Ты — редкостный повар! Ты так все приготовила, что я чуть было не впал в грех чревоугодия. А твой суп — вкуснее я не ел в жизни! Твой хлеб — просто деликатес, салат — шедевр, а бифштекс вообще выше всяких похвал!

Жанет едва притронулась к еде. И все же она улыбалась.

— Это мои тетки меня научили. У моего народа девочка с детства учится всему тому, что может доставить удовольствие мужчине. Всему абсолютно.

У Хэла вырвался нервный смешок, и, чтобы скрыть свою неуверенность, он закурил. Жанет тут же попросила у него сигарету.

— Раз я вся горю, от меня может пойти немножко дыма, — хихикнула она.

Хэл не очень понял, что она имеет в виду, но на всякий случай рассмеялся, чтобы показать ей, что не сердится за инцидент со столовыми уборами.

Жанет прикурила, вдохнула дым, раскашлялась и опрометью бросилась вон. Она вернулась из кухни со слезами на глазах, но тут же мужественно повторила свою попытку. А в скором времени она уже дымила, как заядлая курильщица.

— У тебя очень высокая приспосабливаемость ко всему, — заметил Хэл. — Ты очень быстро обучаешься. Вот ты копируешь мои движения, мою манеру говорить... А ты знаешь, что твое американское произношение уже не хуже моего?

— Мне стоит показать что-нибудь один раз, и повторять уже не придется. Нет, я не претендую на то, что у меня высокий интеллект, скорее это, как ты отметил, инстинктивный талант имитатора. Что, конечно, не означает, что я не способна на то, чтобы придумать что-нибудь новенькое.

Хэл слушал ее непринужденную болтовню о ее жизни с отцом, сестрами и тетками и думал, что она уже забыла обиду на столовые уборы. Его радовало то, что она не будет таить ее в сердце, чтобы высказать в самый неподходящий момент. Он любовался ею: когда она смеялась, ее брови поднимались вверх — две темные полоски, расходящиеся от переносицы почти под прямым углом, затем резко устремляющиеся вниз к внешним углам глаз и заканчивающиеся маленькими пикантными крючками.

Хэл перебил ее, спросив, не была ли форма бровей передана ей по наследству от народа, к которому принадлежала ее мать. Но она рассмеялась и сказала, что это точная копия бровей ее отца-землянина.

Ее смех был тихим и музыкальным. Он не действовал на нервы, как смех Мэри. Почти убаюканный им, Хэл расслабился и чувствовал себя абсолютно счастливым. И всякий раз, когда мысль о том, чем может закончиться этот вечер, спускала его с небес, тут же раздавалось какое-нибудь забавное замечание Жанет, и он снова возвращался в прежнее благодушное состояние. Казалось, она была способна в одно мгновение почувствовать, в чем он в данный момент нуждается: печали рядом с ней рассеивались, а радость умножалась.

Проблаженствовав с час, Хэл поднялся и направился на кухню. Проходя мимо Жанет, он вдруг обнаружил, что его рука сама потянулась к ней и зарылась в ее пышные густые волосы. Девушка подняла лицо и закрыла глаза, словно приглашая поцеловать ее. Но вот этого-то он почему-то сделать не смог. Да, он хотел этого. Но переломить себя и отважиться на первый шаг пока что было выше его сил

— Тарелки надо помыть, — сказал он. — Чтобы какой-нибудь случайный гость не заметил, что стол был накрыт на двоих. Да и вот еще что· нужно прятать сигареты и тщательно

проветривать комнаты. Раз уж я сподобился Метра, я вроде как должен отказаться от такой многоложной привычки, как курение.

Если Жанет и была разочарована, то она этого никак не показала и тут же занялась уборкой. Хэл курил и продумывал, где ему достать столько женьшеневого табака. Ей так понравились эти сигареты, что у него и мысли не было убедить ее бросить курить. Один из членов экипажа, с которым у него хорошие отношения, не курит, но получает свой табачный рацион и потом распродает его команде. Что ж, можно использовать какого-нибудь очкеца в качестве посредника, того же Фобо, например... Но прежде все нужно тщательно продумать, чтобы исключить малейший риск.

Хэл вздохнул: Жанет рядом — это изумительно, но ведь она уже начинает влиять на его жизнь и создавать проблемы. Вот, пожалуйста, он уже планирует уголовное преступление, словно для него это обычнейшее дело.

Жанет закончила уборку и остановилась перед ним с сияющими глазами:

— А теперь, Хэл, maw namoo*, если у нас найдется чего-нибудь выпить, мы проведем потрясающий вечер!

Он вскочил.

— Извини меня, я забыл, что ты не умеешь варить кофе.

— Нет-нет. Я имела в виду ликер или какой-нибудь другой алкоголь, а вовсе не кофе.

— Алкоголь? Великий Сигмен! Девочка, мы не пьем опьяняющих напитков! Это одно из самых омерзительных...

Взглянув на нее, он поперхнулся — похоже, она опять обиделась. Но ведь, в конце концов, она не виновата: она пришла из другого мира, с другой культурой. Она даже, строго говоря, была не совсем человеком.

— Ну, прости меня, — вздохнул он, — это у нас запрещено религией.

Но ее глаза все равно продолжали наполняться слезами. Плечи задрожали. Она прижала его ладони к своему лицу и, уткнувшись в них, тихо заплакала.

— Ты не сможешь этого понять. Но мне это нужно. Мне это необходимо.

— То есть как? Что необходимо?

— Пока меня держали в заключении, — всхлипывая, забормотала она, — у меня там было так мало развлечений и занятий... И мои тюремщики давали мне ликер, чтобы я меньше тосковала по дому Да и время так шло быстрее.

---

* Любовь моя

И прежде чем я поняла это, я уже стала ал.. ал... алкоголичкой.

Хэл сжал кулаки и зарычал:

— Ах, эти жучьи дети!

— Теперь ты сам видишь, что мне просто необходимо выпить. Мне сразу станет лучше. Потом, позже, я попытаюсь преодолеть это. Я знаю, я смогу, если ты мне поможешь. Но сейчас, поверь, мне очень-очень нужно...

— Но... — он развел руками, — где же я тебе сейчас достану выпивку?

У него засосало под ложечкой при одной мысли, что ему придется где-то торговаться из-за бутылки из-под полы. Но... Он взглянул на ее заплаканное лицо... Если ей так уже необходимо, он должен сделать все, чтобы ей помочь.

— А может быть, у Фобо что-нибудь найдется? — спросила она.

— Но ведь Фобо был одним из тех, кто тебя тогда поймал. И если я так вдруг заявлюсь к нему и попрошу бутылку чего-нибудь такого, он может что-то заподозрить.

— Но он может подумать, что это для тебя.

— Ладно, — мрачно сказал он, внутренне коря себя за свой похоронный тон: ведь она ни в чем не виновата, ее нужно ободрить, поддержать... Но он ничего не мог с собой поделать. — Пойми, меня ужасает сама мысль о том, что кто-то может подумать, будто я пью. Даже если это будет только очкец.

Она прильнула к нему, словно пытаясь слиться с ним в одно, и ее губы нежно прижались к его губам. Это длилось целую минуту, пока он почти силой не оторвался от нее.

— Ну как я могу оставить тебя? — прошептал он. — Разве ты не можешь хотя бы один день потерпеть? Только сегодня? А завтра я принесу тебе что-нибудь.

— Маw пamoo, — она выглядела совсем несчастной, — я очень бы хотела обойтись. Как бы я об этом мечтала! Но — нет. Пока не могу Поверь мне.

— Я верю тебе.

Он отпустил ее и, понурившись, словно на плечи его легла огромная тяжесть, пошел в прихожую и достал из шкафа плащ и ночемаску Весь вечер испорчен. Он будет не в состоянии находиться рядом с ней, если из ее рта будет идти запах алкоголя. А она, конечно, удивится, почему он так холоден с ней, и у него не хватит духу признаться, что его от всего этого тошнит Ведь это может ранить ее. Ей и так нелегко. Хотя, если он откажет ей в объяснении, это может ранить ее не меньше.

Прежде чем он вышел, она еще раз поцеловала его в мрачно сжатые губы.

— Только постарайся поскорее вернуться. Я буду тебя ждать. Очень.

— Ага.

ГЛАВА 11

Хэл Ярроу тихонько постучал в дверь Фобо, но никто не открыл. Ничего удивительного — там, за дверью, было слишком шумно. Хэл постучал погромче, но так, чтобы не привлечь внимание Порнсена: раз уж он поселился напротив Фобо, то запросто мог высунуть нос наружу, чтобы разведать, что происходит. И хотя Хэл имел полное право навещать очкецов, сегодня ему не стоило привлекать к себе внимание. А то Порнсен мог в своем неуемном стремлении шпионить наведаться в квартиру своего бывшего подопечного в его отсутствие. А там Жанет. И тогда...

Но тут Хэл заставил себя рассуждать здраво: нечего ему пугаться. Порнсен трусоват и должен понимать, что если он себе позволит вольность зайти к Хэлу, то его там могут застукать, а так как теперь Ярроу ламедоносец, то это ему грозит разжалованием, а то и отправкой к Ч.

Наконец, когда, не в силах больше ждать, Хэл громко и нетерпеливо забарабанил в дверь, она распахнулась. На пороге, широко улыбаясь, стояла жена Фобо Абаса.

— Хэл Ярроу! — воскликнула она на сиддо. — Добро пожаловать! А чего ты стучишь? Не мог так войти?

— Я не могу «так входить». — Хэл был шокирован до глубины души.

— Но почему?

— Мы никогда не входим без стука.

Абаса пожала плечами, но из вежливости удержалась от комментариев. Она только еще шире улыбнулась и пригласила:

— Да ты заходи, чего на пороге топтаться. Я не кусаюсь.

Хэл пошел и, прикрывая за собой дверь, украдкой бросил взгляд на дверь Порнсена: та была закрыта.

Внутри на него обрушились, многократно усиленные эхом, отдававшимся от стен и потолка комнаты, больше напоминавшей размерами и убранством волейбольный зал, вопли двенадцати жучат.

Следом за Абасой Хэл пересек этот импровизированный спортзал с дощатым полом. В следующей комнате за столом сидели три жучихи, очевидно, пришедшие к Абасе в гости.

Они шили, потягивали из высоких бокалов напитки и без умолку трещали. Из того, что он успел услышать, Хэл не понял ни одного слова, так как женщины очкецов, общаясь, использовали особый «женский язык». Но этот обычай уже начал постепенно отмирать по причине растущей урбанизации. Так что уже дочки Абасы вряд ли будут ему учиться.

Абаса провела Хэла дальше по коридору, распахнула перед ним дверь и провозгласила:

— Фобо, дорогой! У нас в гостях безносый Хэл Ярроу!

Хэл, услышав свою характеристику, улыбнулся. Первый раз однажды услышав это прозвище, он было обиделся, но потом понял, что очкецы не вкладывают в него уничижительного смысла.

Фобо пошел к нему навстречу, он был одет по-домашнему — только в алый килът. Хэл, хотя видел очкецов без одежды уже много раз, каждый раз не переставал удивляться их странной анатомии: эта плоская, лишенная сосков грудь; эта странная конструкция, при которой плечи торчали прямо из брюшного позвоночника...

— Очень рад тебя видеть, Хэл, — сказал очкец на сиддо, а затем перешел на американский. — Шалом. Какой счастливой случайности мы обязаны твоим посещением? Присаживайся. Могу предложить тебе чего-нибудь выпить. Но компанию тебе не составлю — я уже принял свою дозу.

Хэл решил было, что ему удалось спрятать свой страх и нерешительность, по крайней мере внешне, но очкеца провести было невозможно:

— Что-то случилось?

Землянин решил не тянуть и решительно перешел прямо к делу.

— Да. Где я могу раздобыть кварту ликера?

— Тебе нужна выпивка? Шиб. Я провожу тебя. В ближайшем отсюда заведении собираются самые подонки общества. Так что у тебя будет хороший шанс понаблюдать вблизи данный слой общества Сиддо, о котором ты, без сомнения, не знаешь почти ничего.

Очкец залез в стенной шкаф и вытащил оттуда охапку одежды. Вокруг своего объемистого брюшка он затянул кожаный ремень, к которому была пристегнута короткая шпага в ножнах. Затем он прицепил к поясу еще и пистолет. На плечи накинул длинный ярко-зеленый плащ со множеством черных оборок и завершил свой наряд менингиткой с двумя искусственными антеннами — отличительным знаком клана Кузнечика. Когда-то все очкецы были обязаны вне дома носить свои знаки отличия, но теперь клановая система ослабла, к ее

символике стали относиться более небрежно. Единственной сферой, где принадлежность к тому или иному клану играла еще какую-то роль, была политика.

— Мне, пожалуй, тоже следует выпить чего-нибудь покрепче, — сказал Фобо. — Видишь ли, я, как профессиональный сочувственник, постоянно сталкиваюсь со случаями, которые сильно действуют мне на нервы. Ежедневно ко мне на прием приходят множество разнообразных психов и невротиков, и основной принцип моей терапии состоит в том, чтобы влезть в их шкуру и поглядеть на мир их глазами. Затем я вылезаю из их шкуры и ставлю диагноз. Используя это (он постучал себя по голове) и вот это (он постучал себя по носу), я становлюсь ими даже больше, чем собой, и вот тогда-то мне иногда бывает трудно их излечить, потому что вместе со своей сущностью я теряю и медицинские познания.

Хэл знал, что подразумевал Фобо, указывая на свой нос: две высокочувствительные антенны, скрытые под выступающим хрящом, могли определить тип и уровень эмоций его пациентов: запах пота очкеца мог рассказать сочувственнику больше, чем выражение его лица.

Прежде чем выйти, Фобо подробно доложился Абасе, куда идет, и они на прощание нежно потерлись носами.

У дверей Фобо протянул Хэлу маску, сделанную в виде лица очкеца, и сам натянул такую же. Хэл не стал спрашивать, для чего это нужно, он знал, что во всем Сиддо существует обычай носить ночемаски. Они служили для того, чтобы сберечь лицо от различных насекомых, но, кроме того, еще имели некоторые социальные функции.

— Мы, представители высших классов, надеваем их, когда отправляемся... как это будет по-американски?

— Кутнуть? — предположил Хэл. — Это значит, когда представители высших классов идут повеселиться в трущобы.

— Кутнуть, — повторил Фобо. — Обычно, когда я иду в подобные места, я не надеваю маски, потому что иду повеселиться, посмеяться с людьми, а не над ними. Но сегодня, ввиду того что ты — мне не очень удобно тебя так называть — безносый, я думаю, нам обоим будет спокойнее в масках.

Уже на улице Хэл спросил, зачем Фобо взял с собой оружие.

— Ну, здесь не так уж много опасностей — в нашем... как это сказать? — захолустье. Но все же лучше быть настороже. Помнишь, что я говорил тебе там, в развалинах? Судя по твоим рассказам, насекомые нашего мира далеко опередили ваших в развитии и специализации. Ты знаешь о паразитах и мимикрирующих жучках, которыми кишит любой муравейник?

Жучки, выглядящие точь-в-точь как муравьи и использующие это сходство в свою пользу Или, например, карликовые муравьи, прячущиеся в щелях стенок муравейника и поедающие яйца и личинок.

Существуют паразиты, похожие на очкецов. Но эти охотятся за нами. Они хоронятся в канализации, в листве деревьев, в дуплах, в норах, и все они вылезают по ночам и рыщут по городу в поисках жертвы. Именно поэтому мы не разрешаем нашим детям гулять, когда на улице темно. Город хорошо освещен и патрулируется, но у нас так много парков!

Они шли по аллее, освещенной газовыми фонарями. Но Сиддо находился уже в том переходном периоде, когда электричество стало вытеснять старые способы освещения. Поэтому на одних улицах горели лампы накаливания, а другие по старинке освещались газом. Когда они вышли из парка на широкую улицу, Хэл еще раз убедился, что основной чертой этаозской культуры на данный момент является сочетание старого и нового. Очкецы верхом на местных животных и на паровых автомобилях так и сновали по проезжей части, засеянной настолько густой травой, что ее, очевидно, вытоптать было невозможно.

И все же дома отстояли друг от друга так далеко, что было трудно привыкнуть к мысли, будто ты находишься в большом городе. Хэл с грустью подумал: это обилие жизненного пространства из-за стремительного роста населения рано или поздно исчезнет, и на месте чудесных парков вырастут дома. К сожалению, это неизбежно, когда-нибудь Этаоз будет населен и обжит так же густо, как Земля.

Правда, к тому времени заселен он будет не очкецами... Если «Гавриил» успешно выполнит свою миссию, место туземцев займут люди из союза Гайяак.

И тут вдруг заговорила его совесть, причем изрекла она весьма многоложную мысль о том, что это будет чудовищной ошибкой и несправедливостью. Да есть ли право у пришельцев с другой планеты хладнокровно истребить все местное население?

Но ведь это слова Предтечи: так все и должно свершиться, а следовательно, это дает им право. Но вот только говорил ли это Предтеча? Хэл не помнил.

— Ага, это здесь, — Фобо указал на ближайшее здание, построенное в виде трехэтажного зиккурата со ступенчатыми арками, поднимающимися от входа до крыши. Как у многих старых зданий в Сиддо, здесь не было внутренних лестниц, и жители поднимались в свои квартиры по аркам.

Несмотря на то что здание было довольно старым, на первом этаже сверкала большая электрическая вывеска: «Юдоль радости Дюроки». По крайней мере, именно так перевел эти иероглифы Фобо.

Бар находился в полуподвале. Хэл спустился по ступенькам, и волна алкогольного запаха ударила ему в лицо. Он остановился на секунду, чтобы справиться с отвращением, а потом, как в омут головой, шагнул вслед за Фобо.

Атмосфера бара представляла собой мешанину перегара, дикой для земного уха музыки и гула голосов. Очкецы теснились вокруг квадратных столов, сплошь заставленных оловянными кружками, и, нагибаясь над ними, кричали друг другу в лицо. Официантка, помогая себе подносом, с трудом пробивалась сквозь толпу. В одном месте она споткнулась и, развернувшись, обрушила свой поднос на голову очень толстого зеленолицего жука, шевелящего жвалами. Его дружки разразились громким смехом, разинув свои V-образные рты. Официантка тоже рассмеялась и сказала что-то, очевидно, достаточно забористое, отчего загоготали за всеми соседними столами.

На небольшой эстраде в конце зала оркестр из пяти очкецов трудился вовсю, хотя его никто не слушал. Хэл заметил, что три музыкальных инструмента были довольно схожи с земными: арфа, труба и барабан. Четвертый музыкант тыкал палочкой в клетку, в которой сидело насекомое (по виду — гибрид крысы и цикады). Раздраженное тычками, оно расправляло прозрачные крылья и издавало ногами четыре долгих скрипа, завершавшихся длинной душераздирающей трелью.

Пятый музыкант в поте лица раздувал мехи, из которых торчали три длинные тонкие трубки, издававшие жалобный визг.

— Только не думай, что этот шум является образчиком нашей музыки, — закричал у него над ухом Фобо. — Это так, дешевка, каприз моды. Давай на днях как-нибудь сходим на симфонический концерт, вот там ты услышишь поистине великую музыку!

Фобо повел Хэла к одной из расположенных вдоль стен кабинок со шторами. Как только они сели, тут же как из-под земли появилась официантка. Пот стекал с ее лба и большими каплями срывался с длинного носа.

— Не снимай маски, пока нам не принесут заказ, а потом мы задвинем занавески, — прошептал Фобо.

Официантка затараторила что-то на наречии, незнакомом Хэлу

— Пиво, вино и жучий сок, — перевел Фобо. — Что касается меня, то к двум первым я не притрагиваюсь — это разве что для женщин и детей.

Хэлу не хотелось терять лицо, и он сказал с наигранной бравадой:

— Ну конечно, последнее.

Фобо поднял два пальца. И официантка почти мгновенно поставила перед ними две большие кружки. Очкец поднес одну из них к носу, глубоко вдохнул запах, потом в экстазе закрыл глаза, припал к кружке и, не отрываясь, выпил ее до дна. А потом со вкусом рыгнул и облизал губы.

— Славное пойло. Хорошо пошло и обещало вернуться, — промычал он.

Хэлу стало плохо. Его слишком часто пороли в детстве за нечаянные отрыжки.

— Э, Хэл, — заметил Фобо, — а ведь ты еще не выпил.

— Damif'ino, — устало сказал Хэл на сиддо, что в переводе означало: «Надеюсь, мне это не повредит», и выпил.

Огонь устремился по его глотке вниз, словно лава в жерле вулкана. И, как вулкан, Хэл тут же начал извергать: он кашлял и плевался, из глаз покатились крупные слезы, а изо рта и носа хлынул жучий сок.

— Здорово, правда? — ласково спросил Фобо.

— Здорово, здорово, — прохаркал Хэл — его горло словно продрали наждаком. И хотя большую часть напитка он изверг, но все же какая-то малость ухитрилась просочиться в желудок, а оттуда, очевидно, в ноги, так как по телу вверх и вниз побежали горячие волны, словно приливы и отливы по велению луны, плывущей величавыми кругами в его голове и озарявшей сверканием внутреннюю поверхность его черепа.

— Давай еще по одной, — весело предложил очкец.

Вторую порцию Хэл перенес уже получше. По крайней мере внешне — он не кашлял и не плевался. Но внутри... Желудок завязался морским узлом и захотел вывернуться наизнанку, но, сделав несколько глубоких вдохов, Хэл сумел уговорить его остаться на месте. И все же он рыгнул — лава поднялась слишком высоко по жерлу пищевода, прежде чем он сумел ее остановить.

— Извини, — прошептал он, заливаясь краской.

— За что? — удивился Фобо.

Хэлу показалось, что это одна из самых удачных шуток, которые он когда-либо слышал, поэтому он громко захохотал и отхлебнул от кружки еще. Если он быстренько допьет ее до конца и купит кварту ликера для Жанет, то сумеет вернуться домой до наступления ночи.

Когда до дна кружки оставалась где-то половина, он словно издалека услышал голос Фобо, находившегося почему-то на конце очень-очень длинного туннеля. Очкец предлагал сходить посмотреть, как делают этот сногсшибательный напиток.

И Хэл на это ответил: «Шиб».

Он поднялся, но, чтобы сохранить равновесие, ему пришлось опереться руками об стол. Фобо попросил его снова надеть маску.

— Земляне до сих пор вызывают здесь излишнее любопытство. К чему нам терять целый вечер, отвечая на глупые вопросы и наливаясь навязанным угощением?

Сквозь гудящую толпу они пробились в заднюю комнату.

— Извольте взглянуть, — Фобо сделал широкий жест. — Это — кесарубу.

И Хэл взглянул. Если бы часть его моральных установок не была смыта алкогольным шквалом, он был бы чрезвычайно шокирован. А так он только слегка удивился.

Существо, сидевшее за столом, на первый взгляд можно было принять за обычного очкеца. У него был венчик пышных светлых волос вокруг лысого черепа, V-образный рот и длинный нос. Кроме того, он обладал обычным для этаозцев брюшком.

Но при втором взгляде можно было заметить, что все его тело покрыто твердым светло-зеленым хитином. Существо было одето в длинный плащ, оставлявший открытыми руки и ноги — словно состоящие из множества браслетов и цилиндров, покрытых нежно-салатовой броней.

Фобо заговорил с ним. Хэл понял только несколько слов — понять все он был просто не в состоянии.

— Дако, это мистер Ярроу. Скажи мистеру Ярроу «Хэлло».

На Хэла уставились два огромных голубых глаза. Казалось, они не отличаются от глаз других очкецов, но в них не было ни проблеска мысли.

— Хэлло, мистер Ярроу, — сказал Дако голосом попугая.

— Скажи мистеру Ярроу, что сегодня хороший вечер.

— Сегодня хороший вечер, мистер Ярроу.

— Скажи ему, что Дако очень рад его видеть.

— Дако рад тебя видеть.

— И служить ему.

— И служить тебе.

— Покажи мистеру Ярроу, как ты делаешь жучий сок.

Хозяин, стоящий рядом, взглянул на наручные часы и что-то засвиристел. Фобо переводил.

— Он сказал, что Дако как раз полчаса тому назад поел и сейчас готов к использованию. Эти существа каждые полчаса съедают огромное количество пищи, а затем... смотри!

Дюроки поставил перед Дако кувшин совершенно земного вида, и тот наклонился так, чтобы конец торчащей из груди небольшой трубочки лег на его край. То, что увидел Хэл, было похоже на вскрытие трахеи. Из трубочки ударила струйка прозрачной жидкости и лилась до тех пор, пока кувшин не наполнился до краев. Дюроки забрал его и унес, а потом вернулся с большой тарелкой обильно посыпанных сахаром спагетти. Дако тут же принялся за еду, орудуя огромной ложкой.

Мозги Хэла работали не очень хорошо, но кое-что он уже начал соображать. Перво-наперво он огляделся в поисках местечка, где можно было бы хорошо проблеваться. Но тут Фобо сунул ему под нос еще один стакан с жучьим соком. Выхода не было. А, пропадать, так с музыкой! — и Хэл отпил еще несколько глотков. Однако, к большому его удивлению, огненная жидкость легко проскользнула в желудок и там весьма уютно устроилась. Более того — она соблазнила остаться там все, что рвалось наружу.

— Именно так, — ответил Фобо на полупридушенный вопрос Хэла. — Эти существа — блестящий экземпляр мимикрирующих паразитов. Эти псевдонасекомые очень похожи на нас. Внешне. Они живут с нами и отрабатывают свой кров и хлеб, снабжая нас дешевым и приятным алкогольным напитком. Ты заметил его ненормально раздутый живот? Шиб? Именно там они так быстро вырабатывают сок и легко его отрыгивают. Просто и естественно. У Дюроки работают еще двое, но сегодня у них выходной, и они, наверное, выпивают в ближайшем кабаке. Сегодня праздник моряков...

— Можем мы наконец купить ликер и убраться отсюда? — вдруг ни с того ни с сего взорвался Хэл. — Мне плохо. Должно быть, во всем виновата духота. Ну, или что-то другое...

— Конечно, другое, — проворчал Фобо и послал официантку за двумя квартами. Пока они ждали заказ, их внимание привлек застывший в дверях низенький очкец в голубом плаще; его черные сапоги сверкали, а хоботок маски был поднят, словно перископ субмарины, в поисках жертвы.

Хэл разинул рот от удивления и выдавил из себя: «Порнсен! Вон из-под плаща торчит край формы!»

— Шиб, — согласился Фобо. — И это опущенное плечо тоже выдает его. Интересно, кого он хочет здесь провести?

— Мне надо сматываться, — честно сказал Хэл.

Тут вернулась официантка с двумя бутылками. Фобо расплатился и протянул одну из них Хэлу, который машинально сунул ее во внутренний карман плаща. Иоах видел их, но явно

не узнавал: Хэл был в маске, а сочувственник был для Порнсена на одно лицо со всеми другими очкецами. Порнсен, похоже, собирался приступить к тщательному поиску со свойственной ему методичностью. Он отважно поднял одно плечо, двинулся к ближайшей кабинке и стал раздвигать шторки одну за другой. И если он видел там очкеца в маске, тут же срывал с него его личину.

Фобо прыснул и сказал по-американски:

— Недолго же ему позволят этим заниматься! За кого он нас принимает? За мышей?

Случилось так, как он и ожидал: когда Порнсен собрался сорвать маску с очередного, весьма дородного очкеца, тот поднялся во весь свой огромный рост и сам сорвал маску с иоаха. Пораженный тем, что под ней оказались не этаозские черты, он с секунду пялился на землянина, а затем, издав победный взвизг, схватил его за нос.

И началось светопреставление: Порнсен опрокинулся на стол, сметая с него кружки, а потом рухнул оттуда на пол. В ту же секунду на него ринулись два очкеца. Два других почему-то сцепились между собой и стали кататься по полу. Дюроки, вооружившись короткой дубинкой, попытался вразумить своих клиентов, но кто-то плеснул ему прямо в лицо жучьим соком.

Тут Фобо щелкнул выключателем, и весь кабачок погрузился в темноту.

Хэл замер на месте, не зная, что предпринять. «Положись на меня», — послышался шепот, чья-то рука стиснула его ладонь. Хэл побрел, спотыкаясь в темноте и полагаясь только на своего провожатого.

Но, похоже, идея о черном ходе пришла в голову не только Фобо, и половина толпы ринулась туда. Хэла оторвали от очкеца, опрокинули, и он почувствовал, что на него несколько раз наступили. Сочувственник словно растворился — как Хэл его ни звал, он слышал только отдельные возгласы:

— Лупи его!

— Слезь с моей спины, ты, жучий сын!

— Великая Лярва!

— Да где тут выход-то?!

К шуму добавились резкие звуки выстрелов. Хэл уже задыхался от мерзкого запаха, выпущенного очкецами из своих психосумок, и отчаянно стал пробиваться на улицу Через несколько секунд сумасшедшей пляски по ворочающимся телам он оказался на свободе и тут же понесся со скоростью, на какую только был способен. Ему было все равно куда бежать. Единственное, чего он сейчас хотел, —

это как можно больше и скорее увеличить расстояние между собой и Порнсеном.

Он летел со всех ног, налетая на углы и торопясь убраться с освещенной улицы. Наконец он решил, что пробежал уже достаточно, и, свернув в переулок, присел за большой квадратный контейнер (мусорный — судя по запаху) и позволил себе отдышаться. Теперь, когда он мог слышать что-то еще, кроме своего шумного дыхания, он рискнул выглянуть и прислушаться: вроде никто за ним не гнался. В кармане плаща он нащупал бутылку, чудом уцелевшую в свалке. Ну что ж, Жанет получит свое спиртное. И хороший рассказ в придачу. В конце концов, он прошел сквозь все эти муки ради нее! И заслужил награду.

При мысли о награде он покрылся гусиной кожей и быстро пошел вперед. Он понятия не имел, где находится, но у него в кармане была карта города, отпечатанная на корабле, с названиями улиц на трех языках: сиддо, американском и исландском. Так что оставалось только подойти к ближайшей табличке, свериться с картой и благополучно вернуться домой. А что до Порнсена... у него нет никаких прямых улик, и ему придется здорово потрудиться, чтобы их добыть. Золотой ламед Хэла ставит его выше всяких подозрений. А этот Порнсен...

ГЛАВА 12

Порнсен! Стоило лишь помянуть его, как он тут же явился во плоти. Хэл услышал у себя за спиной стук высоких каблуков и оглянулся: на него надвигалась низкая круглая фигурка. В свете фонарей был отчетливо виден кривобокий силуэт, черные кожаные сапоги ярко блестели, и маски на нем уже не было.

— Ярроу! — пронзительным голосом воззвал гордый своим триумфом иоах. — Не пытайся бежать! Я видел тебя там, в этом притоне разврата. Тебе не уйти от возмездия.

Он подскочил к остолбеневшему, все еще не верящему своим глазам Хэлу и принюхался:

— Ага, ты пил! Я так и знал, что ты предаешься этому мерзкому пороку!

— Да ну? — просипел Хэл. — А еще что?

— А тебе этого мало?! — заверещал иоах. — Хотя.. неизвестно, каким еще порокам ты предаешься тайно в своей квартире А ну, пошли! Сейчас мы обследуем твое логово, и я не удивлюсь, если найду там свидетельства всех семи смертельных многоложеств!

Хэл сжал было кулаки, но, вспомнив, что Порнсен отведет его к дому Фобо, вздохнул и поплелся, подталкиваемый иоахом в спину. Они вышли на главную улицу, являя собой образец торжества закона и порядка: ангел-хранитель, конвоирующий преступника. Вот только преступник малость портил эту величественную картину, потому что был вынужден все время опираться на стенки домов, чтобы не упасть.

— Ты, нажравшийся козл, иди быстрее, — стонал Порнсен, — а то у меня от тебя выворачивает желудок.

— Я здесь такой не единственный, — защищался Хэл, — посмотри вон туда!

Он указал на большого, очевидно, вдребезги пьяного жука, который держался на ногах только благодаря тому, что зацепился носом и одной рукой за фонарный столб. Он был похож на классического пьяницу XIX столетия: высокая шляпа, плащ и фонарный столб — полный комплект. Время от времени он издавал страдальческие стоны.

— Думаю, надо остановиться и посмотреть, может быть, он ранен, — предложил Хэл. На самом деле ему плевать было на пьяного очкеца, но он цеплялся за слабую надежду, что какое-то его слово или действие смогут оттянуть роковую развязку, ожидавшую их дома. И прежде чем иоах успел возразить, Хэл шагнул к очкецу, положил руку ему на плечо и спросил на сиддо:

— Мы можем вам чем-то помочь?

Пьяница выглядел так, словно тоже побывал в драке: его плащ с широкой прорехой на спине был весь в пятнах засохшей зеленой крови. Он отвернулся от землянина и что-то неразборчиво пробормотал.

Порнсен подергал своего пленника за рукав:

— Пошли, Ярроу. Обойдется без нашей помощи. Одним побитым жуком больше, одним меньше — нам-то что за дело?

— Шиб, — еле слышно согласился Хэл. Его рука бессильно упала с плеча жука, и он побрел дальше. Порнсен шел за ним на расстоянии шага, поэтому, когда Хэл внезапно остановился, иоах врезался в него.

— Чего встал, Ярроу? — голос ангела-хранителя почему-то дрожал, словно его охватило дурное предчувствие.

И вдруг он истошно закричал, словно от мучительной боли.

Хэл резко развернулся, чтобы увидеть, как внезапно и ужасно оправдалась его догадка, сверкнувшая в голове мгновение назад и послужившая причиной его внезапной остановки: когда он положил ладонь на руку пьяницы, он ощутил не тепло кожи, а гладкость и холод хитина. В тот момент он сразу не сообразил, что к чему, но, припомнив, о чем они с

Фобо говорили по дороге в кабак и зачем Фобо носит с собой оружие, он уже собрался предостеречь Порнсена, но было поздно: иоах скорчился на земле, закрывая лицо руками, продолжая кричать от боли. Огромная фигура, прежде цеплявшаяся за фонарь, теперь направлялась прямо к Хэлу. Казалось, тело монстра разбухает с каждым шагом. На его груди раздувался издававший тихое шипение трепещущий серый шар, увеличивавшийся все больше и больше, а его воронкообразный хоботок уже нацелился Хэлу в лицо. Да, то, что он было принял за обычный этаозский нос, было хоботком, а дышало это чудовище через две щели над огромными глазами, надувая кожистый мешок на трахее. Наверное, его дыхание обычно вырывается из щелей с большим шумом, но, очевидно, монстр умел его сдерживать, чтобы не вспугнуть жертву раньше времени.

Хэл завопил от ужаса. В одну секунду он сорвал с себя плащ и швырнул чудовищу в морду. Может, его маска и могла спасти его, но он не хотел испытывать судьбу.

Что-то обожгло тыльную часть кисти, и он вскрикнул от боли, но отважно бросился в атаку. Прежде чем этот кошмар успел набрать новую порцию воздуха в свой мешок, чтобы выплеснуть из хоботка новый заряд кислоты, Хэл ударил его головой прямо в брюхо.

Насекомое шумно вздохнуло и опрокинулось на спину, суча руками и ногами, пытаясь перевернуться — ни дать ни взять огромный ядовитый жук. Впрочем, он им и был. Не давая ему оправиться от шока и подняться на ноги, Хэл изо всех сил пнул его тяжело подбитым сапогом, с хряском пробив хитиновый панцирь. Он поспешно отдернул ногу, и из раны хлынул поток темной в газовом свете крови. Хэл ударил снова, насекомое заверещало и попыталось удрать на четвереньках. Тогда землянин высоко подпрыгнул и обеими ногами обрушился ему на спину, придавив монстра к каменному тротуару, затем припечатал каблуком его тонкую шею и навалился на него всей своей тяжестью. Что-то хрустнуло, и жук перестал дергаться. Его нижняя челюсть отвисла, открывая два ряда острых как иголки зубов Рудиментарные ручки в уголках рта дернулись в последний раз и опали.

Грудь Хэла ходила ходуном, он тщетно пытался вдохнуть хоть чуть-чуть воздуха. Казалось, желудок подступил к самому горлу Хэл наклонился, и его вырвало.

И сразу почувствовал, что трезвеет Хэл оглянулся в поисках Порнсена. Тот лежал, съежившись, в канаве и уже больше не стонал. Хэл перевернул его и содрогнулся: глаза были почти полностью выжжены, губы превратились в сплош-

ной волдырь, и из них вываливался распухший язык с облезающей кожей. Часть яда Порнсен, похоже, проглотил.

Хэл выпрямился и побрел прочь. Патруль очкецов обнаружит тело иоаха и передаст его землянам. Пускай иерархи сами догадываются, что здесь произошло. Порнсен мертв, и только сейчас Хэл понял, насколько он ненавидел своего иоаха и как рад его смерти. Он не нашел в себе ни капли сострадания мучениям Порнсена в последние минуты жизни. Да, его муки были ужасными — но что с того? — он сам мучил Хэла и издевался над ним в течение тридцати лет!

За спиной послышался какой-то звук. Шаги?

— Фобо — ты? — с надеждой обернулся Хэл.

В ответ донесся стон и жалобное бормотание.

— Порнсен? Этого не может быть... ты же... ты же мертв!

Но Порнсен был жив. Он уже стоял на ногах. Потом он протянул руки вперед и, ощупывая воздух, сделал несколько неуверенных шагов.

Хэл оцепенел от ужаса. Больше всего ему хотелось убежать отсюда как можно дальше. Но усилием воли он заставил себя остаться на месте и рассуждать трезво. Если очкецы найдут Порнсена, они доставят его на «Гавриил», где врачи вживят ему новые глаза из банка органов и введут ему регенераторы. Через две недели его язык восстановится настолько, что он сможет говорить. О Предтеча! И что же он понарасскажет!

Две недели? А прямо сейчас не хочешь? Писать-то Порнсен не разучился.

Иоах корчился от физической боли, а Хэл Ярроу от душевной: у него оставался только один выход, и какой! О Предтеча!

Он подошел к иоаху и взял его за руку. Тот вздрогнул и что-то залопотал.

— Это я, Хэл, — сказал Ярроу.

Порнсен залез свободной рукой в карман, достал оттуда ручку с блокнотом, нацарапал несколько строчек и протянул блокнот Хэлу.

Луна светила достаточно ярко, чтобы дать возможность читать, и хотя иоах писал вслепую, его каракули все же можно было разобрать.

«Отведи меня на "Гавриил", сын мой. Клянусь Предтечей, что не скажу никому ни единого слова об алкоголе. Я буду твоим вечным должником. Только не оставляй меня здесь на милость монстров и мучительной боли. Я люблю тебя»

Хэл похлопал его по плечу и сказал:

— Держись за меня, я отведу тебя куда следует

Но тут в конце улицы показалась шумная компания очкецов

Хэл тут же свернул в темный парк, таща за собой Порнсена и помогая ему не наткнуться на кусты или деревья. Пройдя с сотню ярдов, они остановились в тени большой купы кустов. Хэл заколебался — из-за них доносилось непонятное чавканье и посвистывание.

Обогнув кусты, он обнаружил источник этих звуков: луна ярко освещала небольшую полянку; в центре ее лежал труп очкеца — вернее, то, что от него осталось. Вокруг него и на нем копошилось множество серебряно-белых насекомых, похожих на муравьев, только длиною с фут. Они с чавканьем отрывали кусочки трупа, а свист шел от дыхательных мешков, поднимавшихся и опадавших у них на головах.

Но внезапно они всполошились и мгновенно разбежались, спрятавшись в тени деревьев. Хэл помедлил, сообразив, что они испугались его, обнаружив как-то его присутствие. Но потом подумал, что их, очевидно, интересует падаль, и они не представляют опасности для живого человека. Но если этот очкец был из недавно прошедшей здесь пьяной компании, то получается, что это они убили его? А может, он упал и только тогда они на него набросились? Но если они испугались Хэла, значит, ему их все же не следует бояться. И он решился выйти на полянку, таща Порнсена за собой. Потом усадил его, а сам занялся изучением трупа, так как это был редкий шанс наконец разобраться в анатомии туземцев.

Позвоночник очкеца располагался спереди. Он поднимался дугой от бедер совершенно негуманоидной формы как зеркальное отражение человеческого позвоночника. Две полости кишечного тракта располагались по бокам и практически лежали на бедрах.

Именно подобного внутреннего устройства и можно было ожидать от существ, чьими дальними предками были насекомые. Сотни миллионов лет назад прародителями очкецов были червеподобные пречленистоногие. И эволюция предназначила их в предки разумных существ. Осознав ограниченные возможности рода членистоногих, она отщепила от них пращура очкецов. К тому времени когда ракообразные, паукообразные и насекомые закончили формирование внешнего скелета и увеличили количество ножек, прапрадедушка Очкец ...надцатый отказался следовать их примеру. Он не захотел прятать свою нежную кожу под панцирем из хитина, а вместо этого вырастил скелет внутри тела. Но его нервная система осталась в брюшном узле. Таким образом, то, что у человека находится в спине, у него оказалось в животе. Остальные части тела внешне абсолютно не были похожи на соответ-

ствующие органы млекопитающих, но, очевидно, выполняли схожие функции.

Хэл хотел бы еще немного продолжить свои исследования, но ему нужно было торопиться. Ночь проходила, а у него осталось невыполненным кое-что еще.

Кое-что, от чего мурашки бежали по коже.

Порнсен тем временем снова протянул Хэлу блокнот.

«Сын мой, меня мучает ужасная боль. Прошу, не медли, доставь меня на корабль. Я никогда не предам тебя. Разве я когда-нибудь не выполнял своих обещаний? Я люблю тебя».

«Единственные обещания, которые ты всегда выполнял, — это выпороть меня», — подумал Хэл.

Он задумчиво посмотрел на муравьев, все еще прятавшихся в тени между деревьями и отсюда похожих на грибы с белыми шляпками. Они терпеливо ждут, пока он уйдет, чтобы продолжить свой пир.

Порнсен снова что-то залопотал и уронил голову.

— Ну почему — мне? Почему именно я? — прошептал Хэл, а в голове его билось: «Нет, я не смогу. Не сумею. Мы с Жанет можем попросить убежища у очкецов. Хотя бы у Фобо, например. Они могут спрятать нас. Вот только захотят ли? Если бы только я был в этом уверен... Но ведь — нет. Кто их знает, а вдруг они выдадут нас уззитам?»

— Нет смысла тянуть, — сказал он сам себе шепотом и застонал уже в голос: — Ну почему я должен это делать? Почему он не сдох сразу?

И он вытащил из-за голенища сапога длинный нож.

В этот момент Порнсен поднял голову. Он, казалось, искал Хэла своими выжженными глазницами, руки тянулись к нему, страшная карикатура на улыбку скривила шелушащиеся губы.

Хэл торжественно занес над ним нож и громко произнес:

— Жанет! Я делаю это ради тебя!

И. он не смог опустить нож, он выронил его и отступил.

— Нет, я не могу этого сделать, — с грустью вздохнул Хэл. — Не могу, и все

Теперь ему снова придется изобретать что-то, что не позволит Порнсену рассказать обо всем на корабле, или что-то, что позволит им с Жанет поскорее удрать.

Более того, его совесть проснулась и теперь громко требовала, чтобы он проследил за тем, чтобы Порнсену была оказана медицинская помощь. Теперь страдания иоаха заставляли самого Хэла корчиться от сочувствия. Ах, если бы хватило духу его убить — он бы уже не мучился! Но не получилось.

Порнсен встал и, протягивая руки вперед, словно в поисках Хэла, сделал несколько шагов, бормоча что-то сожженными губами. Хэл молча отступил, лихорадочно соображая, что делать дальше. Сейчас у него в голове была только одна мысль: забрать Жанет и удирать куда глаза глядят! И посылать очкецов за Порнсеном, чтобы они отвели его на корабль, не следует, ничего, пусть еще чуть-чуть помучается. Хэлу сейчас необходима каждая секунда, а тратить время на то, чтобы облегчать страдания иоаха, — это просто предательство по отношению к Жанет! Да и к самому Хэлу тоже.

Порнсен тем временем медленно продвигался вперед, волоча ноги по траве, чтобы не споткнуться, пока наконец не задел ногой останки очкеца. Он остановился и наклонился пощупать, что это такое. Когда его руки коснулись костяка и залезли в таз, он застыл, пораженный догадкой. Несколько секунд он не двигался, затем его руки стали лихорадочно сновать по всему скелету, чтобы определить его размеры. Его пальцы суетливо обежали вокруг черепа, ощупывая по пути свисавшие остатки кожи.

Пораженный мыслью, что существо, которое так объело жука, может быть где-то рядом, а он — совершенно беспомощен, иоах вскочил и помчался очертя голову. Он пересек полянку, и тут же до Хэла донесся душераздирающий вопль, резко оборвавшийся на высокой ноте — Порнсен врезался в дерево и упал. Но, прежде чем он успел подняться, его тело скрылось под копошащейся массой чавкающих и посвистывающих грибообразных трупоедов.

Хэл не смог вынести этого зрелища — не слушая доводов разума, он, издав отчаянный вопль, бросился на муравьев. И они тут же разбежались, снова укрывшись в тени деревьев.

Хэл опустился рядом с Порнсеном на колени и осмотрел его. За несколько секунд эти твари успели разорвать всю одежду в клочки и кое-где добраться до тела.

Яремная вена была перекушена.

Хэл со стоном поднялся на ноги и поспешил прочь. За его спиной снова послышалось посвистывание и причмокивание — муравьи вышли из укрытия и вернулись к трепезе. Но Хэл ни разу не обернулся. Лишь когда он вышел на освещенную улицу, напряжение, так долго в нем копившееся, нашло наконец выход. По его щекам покатились слезы, плечи затряслись от рыданий. Он качался из стороны в сторону, как пьяный. Желудок разрывало от боли, тошнота снова подступила к горлу

Он сам не знал, что его так крутит: горе или последний взрыв ненависти, потому что объект его ненависти больше уже

не сможет ему отомстить? Возможно, было и то и другое. Но каково бы ни было это чувство, оно действовало на его тело словно яд: свинцовая усталость сковала его ноги, руки отяжелели, у него едва хватило сил подняться по ступенькам дома.

И все же на сердце у него было легко, ибо рука, сжимавшая его, разжалась теперь уже навсегда.

ГЛАВА 13

Из-под декоративной арки у входа в дом навстречу землянину скользнула высокая тень в светло-голубом, похожем на саван одеянии. Это был Фобо, сочувственник. Он откинул капюшон, и Хэл увидел, что одна щека у него расцарапана, а вокруг правого глаза расплылся огромный синяк.

— Какой-то жуч-чара сорвал с меня маску и распахал мне всю морду, — сказал он со смешком. — Но было весело. Время от времени можно позволить себе немного расслабиться и отвести душу. А как ты выбрался из этой заварухи? Я боялся, что тебя может замести полиция. В моих глазах ты от этого ничего бы не потерял, но думаю, ваши с корабля посмотрели бы на это крайне неодобрительно.

Хэл слабо улыбнулся:

— Неодобрительно — это слишком мягко сказано.

И мысленно удивился тому, что Фобо предполагал реакцию иерархов на подобное событие. Так сколько же эти очкецы на самом деле знают об обитателях Земли? Может, они все-таки в курсе той игры, которую ведет с ними Гайяак, и уже готовятся к отражению атаки? Но если и так, то чем им защищаться? В развитии техники они намного отстали от Земли. Правда, они обогнали землян в изучении психики, но это объясняется тем, что церкводарство в свое время объявило: в психологии уже открыто все необходимое и в дальнейших исследованиях поэтому нет никакой нужды. В результате все научные разработки в этом направлении были закрыты.

Впрочем, Хэл чувствовал себя совсем разбитым, ему было не до очкецов и их наук. Все, о чем он мечтал, — это как можно скорее добраться до постели.

— Я расскажу тебе, что со мной случилось. Но только завтра.

— Догадываюсь, — ответил Фобо. — Твоя рука говорит за тебя. Пошли-ка со мной, тебе надо подлечиться. Яд ночного кайфеца слишком опасен.

Хэл позволил увести себя, как ребенка, к Фобо домой, где тот смазал рану мазью, от которой ему сразу стало легче.

— Шиб и еще раз шиб, — сказал Фобо. — Отправляйся в постель. Все разговоры завтра.

Хэл поблагодарил его и спустился на свой этаж. Он долго рылся в карманах и, лишь помянув имя Сигмена всуе, смог отыскать ключ. Заперев за собой дверь, он позвал Жанет. Очевидно, она, услышав, как открывается входная дверь, спряталась в своем укрытии в спальне. Но вот она уже рядом с ним и обнимает его.

— Maw num, maw num! Что случилось? Я так беспокоилась за тебя. Я уже думала, что, если ты не придешь до утра, я буду кричать.

Хэлу стало совестно, что он заставил ее так волноваться. Но к угрызениям совести примешивалась радость: ведь она так волновалась — за него! Мэри, конечно, тоже переживала за него, но она была слишком вышколена подавлять свои эмоции из чувства долга. И все, чем бы она встретила его в такой ситуации, была бы лекция о его многоложном поведении и о том, что он сам во всем виноват.

— Была драка, — только и сказал он, решив пока не рассказывать Жанет об иоахе и встрече с кайфецом. Он расскажет ей позже, когда придет в себя.

Она забрала у него плащ и маску и отнесла их в прихожую, а Хэл упал в кресло, устало прикрыв глаза.

Но тут же их открыл, вздрогнув от звука льющейся в бокал жидкости. Жанет уже обнаружила бутылку и теперь стояла перед ним с бокалом жучьего сока в руке. Его запах и мысль о том, что эта нежная девушка сейчас будет пить эту омерзительную бурду, вызвали в его желудке очередную бурю.

— Kuetil? — она подняла брови.

— Так, ничего, — простонал он. — Со мной все в порядке.

Она поставила бокал на столик и, взяв Хэла за руку, отвела его в спальню. Там она заботливо помогла ему улечься и наклонилась, чтобы снять сапоги. Он не сопротивлялся. Она расстегнула ему рубашку и, нежно погладив по волосам, спросила:

— Ты действительно хорошо себя чувствуешь?

— Шиб. Да сейчас, если бы весь мир ополчился на меня, я справился бы с ним одной левой.

— Хорошо.

Скрипнула кровать. Жанет встала и вышла. Хэл начал проваливаться в сон, но, услышав шаги, снова открыл глаза и увидел у себя под носом бокал.

— Не хочешь глоточек?

— Великий Сигмен! Да неужели ты не поняла до сих пор, что я... — он даже сел от возмущения. — Почему мне плохо,

как ты думаешь? Да просто не терплю я этого! Меня тошнит от алкоголя! И я не могу смотреть, как ты пьешь эту мерзость! Потому что меня затошнит от тебя! У тебя вообще есть мозги?

Ее глаза широко открылись, кровь отхлынула от лица. Но губы оставались по-прежнему яркими — кроваво-красная луна в белом озере. Рука задрожала так сильно, что она пролила напиток.

— Но... но почему... — пролепетала она. — Ты... ты же сам сказал, что тебе хорошо. И я поверила. Я... я подумала, что ты хочешь спать со мной.

Хэл громко застонал, закрыл глаза и откинулся на спину. Ей совершенно была чужда ирония — она понимала все буквально. И ее уже не переделаешь. Если бы он сейчас не был так измучен, ее открытое предложение возмутило бы его. Ведь точно то же самое говорила Алая Женщина, пытаясь соблазнить Предтечу, как повествуется об этом в «Западном Талмуде».

Но было еще нечто, поднимавшееся из тайных уголков его сознания, нашептывающее, что она в самых простых и ясных словах выразила то, что он хотел от нее услышать всем сердцем. Но нашла же время! Сигмен побери!

Звон разбитого стекла прервал его мысли. Он подскочил. Жанет стояла с искаженным страданием лицом, и слезы медленно катились по ее щекам. В руках уже ничего не было. Большое мокрое пятно на стене, с которого еще сбегали тонкие струйки, свидетельствовало о том, что стало с бокалом.

— Я-то думала, что ты любишь меня! — закричала она.

Он, не в состоянии ничего ответить, молча взирал на нее — в голове не было ни одной мысли. Девушка круто развернулась и выбежала из комнаты. Он услышал ее громкий плач в прихожей. Не в силах этого перенести, он вскочил с кровати и побежал за ней. Хотя квартира и считалась звуконепроницаемой, мало ли, а вдруг кто-нибудь услышит ее вопли?

Но дело было не только в этом: она затронула в нем нечто, чему он еще и сам не мог найти названия.

Остановившись в дверях, он, глядя на ее скорбную фигуру, тщетно искал слова. Но он не знал, не умел, не представлял себе, что нужно говорить и делать, когда перед тобой плачет женщина, а не гайка.

Наконец он решился, робко подсел к ней и тронул ее за плечо — такое мягкое и нежное.

— Жанет

Она обернулась, порывисто уткнулась ему в грудь и, всхлипывая, заговорила:

— Мне показалось, что ты меня совсем не любишь. А для меня это непереносимо. Я просто умру без любви.

— Ну, Жанет, я... Я вовсе не это хотел сказать... я не...

Он замолчал. У него не хватало смелости, чтобы признаться ей в любви. Никогда, ни одной женщине он не говорил ничего подобного (любовь к Мэри была лишь «супружеским долгом», и признания были лишь частью предписанного ритуала). И ни одна женщина тоже не говорила ему никогда ничего подобного. И вдруг эта девушка с далекой планеты, по сути только получеловек, отдает ему в дар всю себя — и душу, и тело. С ума сойти можно!

Он тихо заговорил. Слов искать уже было не надо, так как он цитировал статью Морального кодекса АТ-16:

— ...все существа с праведным сердцем — братья... Мужчины и женщины — братья и сестры. Любовь разлита во всем... но любовь должна быть возвышенной. Мужчина и женщина должны чувствовать здоровое отвращение к животному физиологическому акту, который Космическое Сознание пока еще считает объективной необходимостью для дальнейшего эволюционного развития... Придет время, когда дети будут зачинаться лишь мыслью о них... Мы, сигмениты, признаем сексуальные отношения лишь с одной целью: рождение детей, получение потомства...

Ба-бах! Его голова дернулась, и перед глазами поплыли радужные круги.

Это Жанет, вскочив на ноги, изо всех сил влепила ему затрещину.

Ее глаза метали молнии, она открывала и закрывала рот, словно у нее от ярости перехватило горло. Так ничего и не сказав, она повернулась и убежала в спальню. Хэл поплелся за ней. Девушка лежала ничком на кровати, снова захлебываясь от плача.

— Жанет, ты не понимаешь...

— Fva tuh fe fu'!*

Когда до него дошло, что она сказала, его лицо залилось краской. Ярость ударила ему в голову: он грубо схватил ее за плечи, рывком поднял, развернул лицом к себе и вдруг сказал:

— Но я же люблю тебя, Жанет. Очень люблю.

Эти, казалось бы, обычные слова сейчас прозвучали для него самого как-то непривычно: то, что она называла любовью, было для него абсолютно чуждым или забытым... как это лучше сказать-то? — заржавленным, нуждающимся в полировке? Он держал в своих объятиях создание, чья природа,

---

* Какой же ты дурак!

инстинкты, образование — все вертелось вокруг одного ядра: любви.

А он-то думал, что этой ночью уже выплакал все свои слезы! Но сейчас, забыв о своем решении не рассказывать о своих приключениях, по мере того как он шаг за шагом описывал ей все ночные события, слезы снова заструились по его щекам. Оказывается, что за тридцать лет их накопилось у него столько, что еще нескоро он сможет выплакать их все.

Жанет тоже плакала и горько каялась в том, что рассердилась на него, и обещала, что больше никогда-никогда... А он говорил ей, что теперь все в порядке. И они целовались снова и снова, пока, как два ребенка, лишившиеся сил после бурной ссоры и не менее бурного примирения, незаметно для себя уснули.

ГЛАВА 14

Ровно в девять по корабельному времени Хэл Ярроу взошел на борт «Гавриила», все еще неся воспоминание о запахе утренней росы. Перед началом совещания у него было еще немного времени, и он решил заглянуть к Тарнбою, корабельному историку. Поговорив о том о сем, он как бы между прочим поинтересовался, знает ли тот что-нибудь о французских космических экспедициях, состоявшихся вскоре после войны Судного дня. Тарнбой, в восторге от возможности блеснуть своими знаниями, тут же выложил ему, что после войны остатки галлов собрались в долине Луары и образовали ядро того, что должно было стать Новой Францией.

Но вскоре их стали теснить с севера переселенцы с Исландии, а с юга — израильтяне. Однажды кольцо сомкнулось, и Новая Франция обнаружила, что находится под сильным религиозным и экономическим давлением. Толпы миссионеров, проповедовавших учение Сигмена, паслись на ее территории, а торговля этой маленькой страны задыхалась, задавленная высокими пошлинами. И тогда небольшая группа французов, предвидя неизбежную ассимиляцию их языка, религии и территории, отправилась на шести довольно примитивных ракетах искать Новую Галлию, вращающуюся вокруг какой-то пока безымянной звезды. Но шансов ее найти у них было очень мало.

Хэл поблагодарил Тарнбоя и отправился в конференц-зал.

Ожидая начала, Хэл оглядывал собравшихся, машинально занимаясь лингвистической статистикой.

Примерно половина из присутствующих, как и он сам, обладала монголоидными чертами лица. Это были американо-

говорящие потомки гавайцев и австралийцев, выживших в той же войне, что уничтожила Францию. Именно их прапрадеды вновь заселили обе Америки, Японию и Китай.

Другая половина экипажа говорила по-исландски. Их предки, покинув свой суровый остров, рассеялись по Северной Европе, Сибири и Маньчжурии.

Для шестнадцатой части команды родным языком был грузинский. Их далекие предки спустились с Кавказских гор и расселились по территории южной части России, Болгарии, Северного Ирана и Афганистана.

Это совещание было для Хэла историческим. Во-первых, Хэла пересадили с двенадцатого места слева от архиуриэлита на шестое справа. (Причиной этого был ламед на его груди.) Во-вторых, обстоятельства смерти Порнсена привели к тому, что ее расценили как начало необъявленной войны. Всех еще раз особо предупредили об осторожности и бдительности во время ночных разведывательных вылазок.

Макнефф приказал Хэлу, как духовному сыну погибшего иоаха, заняться подготовкой его похорон.

Затем сандальфон перешел к главной теме совещания. Он вытянул из рулона под потолком огромную карту Земли. Она представляла собой образец гайкинского остроумия и сделана была на манер китайской головоломки: это была политическая карта земного мира, каким его было выгодно представить очкецам. Выгодно для союза Гайяак, конечно. Так как пояснение внизу карты гласило, что страны Сигмена обозначены зеленым цветом, а еврейские страны — желтым. Но весь фокус-то был в том, что на этой карте зеленый окружал Средиземное море, широкой полосой шел через Аравию и покрывал южную часть Средней Азии и Северную Индию.

Другими словами, если вдруг по какой-нибудь невероятной случайности очкецам удастся захватить «Гавриила» и построить по его образцу свои корабли, то, узнав из компьютера расположение Солнца, они в первую очередь атакуют не Гайяак, а его противника. Нет никаких сомнений, что они перед этим не будут вступать в контакт ни с кем из землян, чтобы не потерять преимущества неожиданного нападения. Таким образом, Израиль не сможет уберечься от их бомб, зато гайки, предупрежденные нападением на их врага, смогут тут же поднять в воздух весь свой космический флот для обороны.

— Однако, — продолжал Макнефф, — я не думаю, что то мнимобудущее, которое я вам сейчас так подробно описал, станет когда-нибудь реально-верносущным. Разве что Противотеча обладает большей властью, чем я предполагаю. Хотя, с

другой стороны, кто-то может посчитать, что и этот путь был бы очень неплох. Что может быть лучше, чем смести с лица Земли наших извечных врагов израильтян лапками этих нелюдей?

Но, повторяю, это все же почти невероятно, так как наш корабль практически защищен от любой попытки его захватить или угнать. Наши радары, лазеры, оборудование слежения, звездоскопы работают круглосуточно. Оружие всегда наготове. Очкецы же — полные дилетанты в технике. Они не способны изобрести ничего такого, чего бы мы не отразили с легкостью.

Но даже если они по наущению Противотечи изобретут какой-нибудь хитроумный способ пробраться внутрь корабля, то и тут их ждет полное фиаско: как только хоть один из них ступит на борт, дежурный офицер, круглосуточно несущий вахту на мостике, нажмет кнопку, дающую сигнал полностью стереть банк памяти навигационного компьютера. И жуки никогда не смогут определить местонахождение нашего Солнца.

А если же они (Сигмен упаси!) сумеют добраться до мостика, то дежурный офицер нажмет еще одну кнопку.

Макнефф сделал внушительную паузу и со значением оглядел сидящих за столом. Большинство из них побледнели, так как знали, что он собирается сказать.

— Водородная бомба немедленно уничтожит корабль, а вместе с ним взлетит на воздух весь Сиддо. Мы же с вами удостоимся величайшей чести и славы в глазах Сигмена и нашего церкводарства.

Естественно, мы предпочли бы все же, чтобы этого не случилось. Я даже склонялся одно время к мысли предостеречь этаозцев от нападения на нас, частично открыв им те меры, которые мы можем предпринять в ответ. Но потом подумал, что сделать так — означало бы испортить наши нынешние добрые с ними отношения, и в результате нам пришлось бы привести в действие проект «Этаозоцид» прежде, чем мы будем к этому окончательно готовы.

После совещания Хэл занялся организацией похоронной церемонии. Это и другие дела задержали его настолько, что он вернулся домой только поздним вечером. Закрыв за собой дверь, он услышал шум льющейся воды. Он повесил плащ, и тут же плеск прекратился. Как только он вошел в спальню, из второй двери, ведущей в неупоминаемую, выступила Жанет. Она вытирала волосы большим полотенцем и была абсолютно обнажена.

— Baw уоо, Хэл, — сказала она и прошла мимо него в гостиную. Он почувствовал себя полным идиотом из-за своей

робости и внезапно возникшей слабости; и в то же время омерзительно многоложным, потому что его сердце вдруг заколотилось как сумасшедшее, дыхание перехватило, ногти впились в пышущие жаром ладони, а в паху стала разрастаться сладостная боль.

Жанет вернулась уже одетая в светло-зеленую рясу, которую он купил специально для нее (она уже успела ушить ее по своему размеру и придать ей более пикантный фасон). Пышные черные волосы были собраны на макушке в узел a'la Психея. Она нежно поцеловала его и пригласила посидеть с ней на кухне, пока будет готовить. А он ответил, что сделает это с большим удовольствием.

Пока Жанет варила спагетти, Хэл попросил ее продолжить рассказ о ее жизни, и она начала с того момента, где остановилась в прошлый раз.

— ...Так мой отец и его люди обнаружили планету земного типа и поселились на ней. Это была изумительная планета, поэтому ее и назвали Ле-Бопфей — Прекрасная земля.

Отец говорил, что там на одном континенте жило около тридцати миллионов человек. Но ему не по нраву было жить по старинке — проводить всю жизнь в обработке земли, ожидании урожая, беготне по рынкам и воспитании многочисленного потомства. Он и еще несколько парней взяли последний оставшийся на ходу из тех шести кораблей и отправились снова к звездам. Так они попали на Этаоз и разбились здесь при посадке. Ничего удивительного — корабль был слишком старым.

— Крушение произошло где-то недалеко отсюда?

— Fi. Близко от того места, где жили мои тетки и кузины.

— А твоя мать что, умерла?

Она замялась, а потом кивнула:

— Да. Она умерла, давая мне жизнь. Мне и моим сестрам. Отец умер позже. По крайней мере, мы так думаем. Он однажды ушел на охоту и больше не вернулся.

Хэл нахмурился, соображая, и спросил:

— Ты говорила, что твоя мать и тетки были последними представительницами вида гуманоидов на этой планете. Но ведь это не так. Фобо рассказывал, что до сих пор в джунглях прячется не меньше тысячи маленьких, изолированных друг от друга племен. К тому же ты говорила, что Растиньяк был единственным землянином, уцелевшим после аварии. Он был мужем твоей матери, и (как бы невероятно это ни звучало) их союз дал потомство! Представляю, как забегают наши, когда однажды узнают об этом — это же рушит все их доктрины об избранности землян, о том, что ни одно неземное существо не

может достичь нашего уровня развития и сам химизм их организма и хромосомы никогда не достигнут того совершенства, чтобы сочетаться с нашими! Но... ты говорила, что у сестер твоей матери тоже были дети. А если последний мужчина из вашего племени умер задолго до того, как к вам на голову свалился Растиньяк, то кто же были их отцы?

— Мой отец, Жан-Жак Растиньяк. Он был мужем моей матери и трех ее сестер. И все они говорили, что он был непревзойденным любовником — очень мужественным и опытным.

— А-а... — только и сказал Хэл.

И больше, пока она заканчивала готовить салат, он не сказал ни слова. Он снова вспомнил о своей морали. В конце концов этот француз мало чем от него отличался. Может, он, Хэл, даже еще хуже. Он мысленно хихикнул: легко осуждать того, кто ступил на путь грехопадения. Легко до тех пор, пока ты сам не оказываешься на его месте. И еще он подумал: а как бы вел себя Порнсен, если бы Жанет предпочла познакомиться с ним, а не с Хэлом?

— ...И тогда мы спустились по этой реке в джунглях, — продолжала она свой рассказ, — там они перестали следить за мной так строго, потому что думали, что мне не хватит смелости убежать домой. Потому что пешком это заняло бы два месяца пути по непроходимым чащобам, полным смертельных опасностей, по сравнению с которыми кайфец — это так, мелкая неприятность. — Она нахмурилась, вспоминая. — И вот наконец мы пришли в деревню, находившуюся на границе джунглей и цивилизованных земель. Там они позволили мне гулять по окрестностям одной. У них я выучилась их языку, а они учились у меня моему. Но все наши разговоры были на самом простом уровне. Один ученый из их группы — Аса'атси — просто замучил меня всякими опытами, анализами и тестами на физическое и умственное развитие. Там в деревне была в больнице машина, которая могла делать снимки того, что у меня внутри. Мой скелет, мои органы... Maw tyuh! Всю меня насквозь, почти что наизнанку

И они еще говорили, что для них это-то и является самым интересным! Представь себе: меня разглядывали во всех подробностях, как ни одну женщину до меня, и говорили, что им именно это во мне интересно! Куда уж дальше!

— Ну хорошо, — рассмеялся Хэл. — Но ты же не доставила им удовольствия разобраться, чем млекопитающий мужчина отличается от млекопитающей женщины. это

Она лукаво взглянула на него:

— А я что, тоже млекопитающая?

— Несомненная, стопроцентная и с восторгом принимаемая!

— Вот за это ты получишь поцелуй.

Она наклонилась, и ее губы оказались у самого его рта. Он сжался, вспоминая о том, что он чувствовал, когда его бывшая жена обещала его поцеловать. Но вдруг она прошептала:

— Ты мужчина, а не каменный столб. А я женщина, которая тебя любит. Поцелуй меня сам, достаточно я целовала тебя...

— О нет, не так сильно, — промурлыкала она через несколько секунд, — целуй меня, но не пытайся раздавить мои губы своими. Мягче, нежнее... твои губы должны слиться с моими. Вот так...

И она пощекотала его язык кончиком своего. А потом отпрянула от него, лукаво улыбаясь влажными алыми губами. Его трясло, он почти задыхался.

— А ваш народ считает, что язык нужен только для того, чтобы им болтать? Может, то, что я сейчас сделала, у вас считается омерзительным многоложеством?

— Не знаю. Никто и никогда не говорил со мной об этом, — он облизнул пересохшие губы.

— Но ведь тебе понравилось. Я знаю. А ведь это тот же самый рот, которым я ем. Тот самый, который я должна прятать под вуалью, когда сажусь с тобой за стол.

— Ну так не надевай ее! — вырвалось у него. — Я... я уже думал об этом. И не нашел разумной причины, зачем это делать. Просто мне с детства внушали, что подобное зрелище должно вызывать здоровое отвращение у человека. Собака Павлова рефлекторно начинала выделять слюну, когда слышала особый звонок; вот так и мне, извини, чисто рефлекторно становится плохо, когда я вижу, как кладут пищу в обнаженный рот.

— Пошли ужинать. Потом выпьем, поговорим о наших делах. А потом... Потом будем делать все, что нам захочется и как нам захочется.

Он быстро всему обучался и даже ни разу не покраснел за ужином.

ГЛАВА 15

После еды Жанет в большом кувшине развела жучий сок водой и сиропом пурпурного цвета, что придало напитку вкус винограда, и разлила этот коктейль в бокалы с кубиками льда, украсив их дольками местного апельсина. Хэл попробовал, и ему понравилось.

— А почему ты выбрала меня, а не Порнсена?

Она сидела у него на коленях, одной рукой обвивая его шею, а второй держа бокал.

— Ну, ты такой симпатичный, а он просто урод. К тому же я интуитивно почувствовала, что на тебя можно положиться. Отец рассказывал мне о землянах и что им нельзя доверять. Поэтому мне нужно было сделать свой выбор очень обдуманно — от него ведь зависели мои жизнь и свобода.

— Твой отец был прав. Но интуиция верно подсказала тебе, Жанет. Если бы у тебя, как у местных этаозцев, были антенны, я сказал бы, что ты ими улавливаешь настроения и эмоции. Давай-ка проверим: а вдруг ты их где-нибудь прячешь? — и он запустил пальцы в ее пышные густые волосы, но она со смехом уклонилась. Он засмеялся, вторя ей, и его рука, упав на ее плечо, так и осталась там, лаская ее нежную кожу.

— Я, наверное, единственный человек на нашем корабле, которому ты можешь полностью довериться. Хотя все теперь так запуталось: твое присутствие здесь разбудило Противотечу и ввергло меня в смертельную опасность. Но я не променял бы свое нынешнее положение со всеми его опасностями на все сокровища мира. А вот то, что ты рассказала про рентгеновский аппарат, меня несколько встревожило: до сих пор нам не показывали ни одного. Очкецы что, прячут их от нас? Но зачем? Мы же знаем, что у них есть электричество и что теоретически они готовы к использованию рентгеновских лучей. Разве что они прячут их как свидетельство того, что обладают более развитой техникой, чем хотят нам показать? Опять-таки почему? Или все-таки мы не знаем об этом просто потому, что мы не так уж давно здесь и у нас не хватает людей для планомерных исследований?

Да, скорее всего так. Я что-то стал слишком подозрительным — совсем нервы расшатались. В любом случае придется доложить об этом Макнеффу. Но ведь тогда мне придется рассказать ему, откуда я это знаю. А если я ему что-нибудь навру об источнике информации, он легко сможет это проверить. Всего же не предусмотришь...

Да, вот уж дилемма так дилемма — с двумя рогами. Куда ни сунься — напорешься...

— Дилемма? Никогда не встречалась с таким зверем.

Он нежно привлек ее к себе:

— Надеюсь, что никогда и не встретишься.

— Послушай, а зачем тебе обязательно дергать Макнеффа? Если сиддо нападут на гаек (как метко, по твоим словам, вас называют ваши враги) и победят их, нам-то это чем плохо? Ведь тогда мы сможем отправиться ко мне домой.

Хэл в ужасе замахал на нее руками:

— Но ведь это — мой народ! Мои земляки! Они, то есть все мы, — сигмениты! Я не могу предать их! Не могу обмануть!

— Но ведь ты уже сделал это, спрятав меня от них, — веско возразила она.

— Да, знаю, — тихо ответил Хэл. — Но ведь это не такое уж большое предательство... Да и не предательство вовсе! Ну чем им может навредить, что я тебя здесь прячу?

— Меня не волнует, что может навредить им, я беспокоюсь о том, что может навредить тебе.

— Мне? Да я сейчас счастливейший человек на свете! И ничего поэтому не боюсь!

Она рассмеялась и легонько поцеловала его в висок.

— А теперь поговорим серьезно, Жанет. Раньше или позже, и скорее раньше, чем позже, нам с тобой нужно будет спрятаться. И лучше всего где-нибудь под землей. И поглубже. Лишь когда все будет кончено, мы сможем выйти наружу. Тогда у нас будет в запасе по меньшей мере лет восемьдесят, — а этого нам с тобой более чем достаточно. Потому что именно такой срок понадобится, чтобы «Гавриил» вернулся домой и колонизаторские корабли с Земли прилетели сюда. Мы будем жить, как Адам и Ева. Только мы вдвоем и, может быть, еще какие-то виды животных.

— Что ты этим хочешь сказать? — ее глаза широко распахнулись.

— Только то, что наши специалисты день и ночь работают с пробами крови, которые нам наконец-то предоставили очкецы. Они пытаются синтезировать искусственный поливирус, который сможет изменить химический состав крови аборигенов.

— Kfe?

— Я попытаюсь тебе это объяснить, так, чтобы ты все поняла, но мне придется говорить на жуткой смеси американского, французского и сиддо.

Поливирус этого типа во время войны Судного дня был причиной гибели большинства населения земного шара. Не буду вдаваться в исторические подробности, достаточно будет сказать, что его тайно распылили в земную атмосферу корабли марсианских колонистов — потомков землян, когда-то высадившихся на Марсе. Их предводителем был Зигфрид Расс — истинное воплощение зла, — так по крайней мере говорится о нем в учебниках истории.

— Ничего не понимаю, — вздохнула она, но продолжала слушать, не сводя огромных глаз с его лица.

— Главное, чтобы ты ухватила суть. Четыре марсианских корабля, притворяясь торговыми суднами, после того как их пустили на орбиту, выбросили в атмосферу Земли миллиарды этих вирусов. Невидимые белковые молекулы опускались все ниже и ниже, распространяясь по всему земному шару, пока

не покрыли его весь тончайшим слоем. Попадая на человеческую кожу, эти молекулы проникали в кровь и связывались с молекулами гемоглобина в эритроцитах. И тогда молекулы глобина начинали как бы «сцепляться» между собой, собираясь в цепочки, как бы кристаллизируясь. Бублики эритроцитов превращались в ятаганы, что вызывало серповидноклеточную анемию.

Созданная в лаборатории анемия протекает намного быстрее и эффективнее естественной, потому что поражается буквально каждая клетка крови, а не только их часть. И каждый эритроцит вскоре лопается, а когда некому переносить кислород, организм гибнет.

Гибнет тело, умирает, Жанет! Тело человека. Почти все люди планеты задохнулись от недостатка кислорода.

— Похоже, я сумела понять большую часть из того, что ты рассказал, — задумчиво сказала она. — Но ведь умерли же не все?

— Нет. Как только это началось, земляне довольно быстро обнаружили причину и отправили на Марс отряд кораблей, который искусственными землетрясениями разрушил большинство построек марсиан.

На Земле же выжило где-то по миллиону человек на каждый континент. Были районы, населения которых болезнь практически не коснулась. Почему? Этого никто не знает Возможно, воздушные потоки, ветры, унесли вирус прежде, чем он коснулся земли. А если он не находит себе носителя, то через некоторое время погибает.

Короче говоря, сохранились Гавайские острова и Исландия со всем населением и организованным правительством. Также сохранился Израиль, словно длань Господня прикрыла его от смертельного дождя. И еще — Кавказ и Северная Австралия.

Эти народы и стали расселяться по опустевшей земле, заселяя мир снова, поглощая единичных представителей других народов, выживших после эпидемии. В джунглях Африки и на Малайском полуострове сохранилось достаточно людей, чтобы дать переселенцам отпор Они восстановили собственную государственность, прежде чем их поглотила волна захватчиков

И вот то, что произошло когда-то на Земле, теперь уготовано этой планете Как только все будет готово, сандальфон отдаст приказ, и с «Гавриила» взлетят несколько невинных с виду корабликов со смертельным грузом Только вирус на сей раз будет ориентирован на кровяные тельца этаозцев. И эти кораблики будут кружить и кружить над планетой, заливая ее

невидимым смертельным дождем. И потом.. повсюду... только черепа, черепа, черепа...

— Замолчи! — Жанет прикрыла ему рот ладонью. — Я не знаю, что такое белковые молекулы и эти, как их, эритроциты! Это все у меня в одно ухо влетело — в другое вылетело. Но я знаю, что чем дольше ты говорил, тем страшнее тебе становилось. Ты говорил все громче и громче, а глаза твои раскрывались все шире и шире.

Кто-то сильно запугал тебя в прошлом. Нет! Не перебивай меня. Они пугали тебя, но ты был достаточно сильным мужчиной, чтобы прятать свой страх в себе. И все же они основательно поработали, настолько, что ты не смог превозмочь его полностью.

Но теперь, — ее влажные губы касались его уха, — я собираюсь изгнать из тебя все страхи. Я собираюсь вывести тебя из твоей долины ужаса. Нет! Не протестуй. Я знаю, твоему эго трудно смириться с мыслью, что женщина может знать о том, что ты чего-то боишься. Но ведь я вовсе не об этом. Я восхищаюсь тобой еще в большей степени, так как знаю, что ты умеешь справляться со своим страхом, побеждать его. Я знаю, чего тебе стоило предстать перед Метром! И я знаю, что сделал ты это ради меня. Я горжусь тем, что ты сделал. Я люблю тебя за это. И я знаю, чего тебе стоит прятать меня здесь, когда любой неверный шаг может привести тебя к позорной смерти. Это моя природа, инстинкт и профессия — знать это и ценить.

А теперь давай выпьем вместе. Помни, что сейчас мы не там, снаружи, где нужно все время чего-то бояться, мы здесь, внутри, за этими крепкими стенами. И никого больше — только ты и я. Пей. И люби меня. Я люблю тебя, Хэл. Сейчас наше время. Забудь обо всем в моих объятиях.

Их губы слились в поцелуе. Пальцы, лаская, побежали по коже, и Хэл и Жанет говорили и говорили друг другу те ласковые и нежные слова, что обычно говорят друг другу любящие.

Между поцелуями Жанет подливала в бокалы пурпурный напиток, и Хэл глотал его теперь даже с удовольствием. Он решил, что дело, очевидно, было не столько в алкогольных напитках, как таковых, сколько в запахе, омерзительном для него до сих пор. Но если нос удовлетворен, то и желудок с ним согласен. И с каждым глотком пить было все легче и приятнее.

Он осушил три бокала, встал и, подняв Жанет на руки, понес ее в спальню. Ее губы щекотали его шею, покрывая ее легкими поцелуями, и ему казалось, что с ее губ срываются электрические заряды, пронзающие кожу, обжигающие молниями мозг и трепещущую грудь. Они теплой волной стекали

вниз, по бедрам, по зашевелившемуся члену, к подгибающимся коленям и еще ниже, к самым ступням, которые единственные, на удивление, оставались холодны как лед. И ему не хотелось уклоняться от ее поцелуев, как бывало, когда Мэри целовала его во время исполнения супружеского долга перед женой и церкводарством.

И все же, даже находясь в экстазе предвкушения, Хэл не мог победить крепость своих последних страхов — крошечное пятнышко мрака среди бушующего огня желания. Он не мог полностью забыться: он боялся, что может потерпеть неудачу, как бывало уже не раз, когда он в кромешной тьме копошился в кровати с Мэри.

Черное семя паники, зароненное неуверенностью в себе, потихоньку прорастало. Если у него сегодня не получится — он убьет себя. С ним будет покончено раз и навсегда.

Но, твердил он сам себе, этого не случится! Это не должно случиться. Это невозможно, когда он держит в объятиях Жанет и его губы прижаты к ее губам.

Он уложил свою сладкую ношу на кровать и выключил люстру, но Жанет тут же включила ночник.

— Зачем? — Хэл так и застыл в изножье кровати, чувствуя, как паника вновь разрастается в нем, гася желание, и недоумевая, как Жанет успела так быстро и незаметно для него скинуть с себя всю одежду

— Вспомни, что сам говорил мне недавно. Великолепная цитата: «И сказал Господь: "Да будет свет!"»

— Да, но мы лучше обойдемся без него!

— А я не обойдусь. Я должна видеть тебя каждый миг. Темнота отнимает половину удовольствия. Я хочу видеть тебя в любви.

Она нагнулась к ночнику, чтобы изменить угол падения света, и ее груди, всколыхнувшиеся при этом, нанесли ему несокрушимый удар.

— Вот так, — удовлетворенно промурлыкала она. — Теперь я смогу видеть твое лицо Особенно в тот момент, когда ты будешь любить меня больше всего.

Она протянула ногу и коснулась большим пальцем его колена. Плоть коснулась плоти. Словно ангел перстом своим указал Хэлу его неизбежную судьбу Он опустился на колени, а Жанет подтянула ногу к себе, все еще не отрывая пальца, словно от него в его плоти проросли корни.

— Хэл, Хэл, — зашептала она, — что они с тобой сделали? Что они сделали со всеми вашими мужчинами? Ты говорил, что вы все такие Что же они натворили! Вместо любви они научили тебя ненависти и назвали ненависть любовью. Они

сделали из тебя полумужчину, который обращает свою энергию сначала против себя, а потом наружу, против какого-нибудь врага, которого они тебе укажут. Да, вы стали бравыми солдатами. Но это потому, что вы не умеете любить.

— Это неправда, — возразил он. — Неправда!

— Я же вижу все. Это правда.

Она выпрямила ногу и плотно прижала ее к его ноге.

— Иди ко мне, — прошептала она. И когда он, все еще на коленях, придвинулся ближе, она приподнялась и уложила его голову у себя на груди. — Коснись губами вот здесь. Стань снова ребенком. И я сумею пробудить в тебе любовь и заставить тебя забыть твою ненависть. И тогда ты станешь мужчиной.

— Жанет, Жанет, — хрипло прошептал он и, найдя на ощупь выключатель ночника, взмолился: — Только не при свете!

— Только при свете, — она положила ладонь сверху его руки, сжимавшей выключатель, но потом добавила: — Ну хорошо, Хэл. Выключи. Но ненадолго. Если тебе так необходимо вернуться во тьму, возвращайся, и как можно глубже. А потом ты снова родишься и увидишь свет. Вот тогда мы его и включим.

— Нет! Пусть остается, — проворчал он. — Я не в чреве своей матери и не хочу туда возвращаться. Мне нет никакой необходимости в этом. Я возьму тебя приступом, как армия берет город.

— Не будь солдатом, Хэл. Будь любовником. Ты должен любить меня, а не насиловать. Да и как ты возьмешь меня приступом, если я буду вокруг?

Она мягко прикоснулась к нему рукой, слегка выгнула спину, и внезапно он оказался в окружении. Мощная волна захлестнула его, сходная с той, что прокатилась по нему, когда Жанет целовала его в шею, но намного сильнее и ярче.

Он зарылся пылающим лицом в шелк ее душистых волос, но она положила ладони к нему на грудь и с неожиданной силой отодвинула его от себя.

— Нет Я должна видеть твое лицо. Особенно в то время, когда мне необходимо... Мне необходимо видеть, как ты изливаешься в меня.

Она распахнула глаза так, словно пытаясь каждой клеточкой своего тела запечатлеть лицо своего любовника на веки вечные.

И Хэл не посрамил себя. Он был настолько захвачен открывшимся ему новым миром, что не обратил бы внимания, если бы сейчас сам архиуриэлит стал ломиться к нему в двери.

Он забыл обо всем и не видел больше ничего, кроме ее распахнутых глаз, зрачки которых уменьшились до размеров игольного ушка.

ГЛАВА 16

Всех алкоголиков в союзе Гайяак обычно отправляли к Ч. Ради людей, предававшихся этому пороку, не считали нужным тратиться ни на психотерапию, ни на наркологию. Поэтому Хэл, озабоченный стремлением излечить Жанет от ее пагубного пристрастия, решил обратиться за помощью к медицине тех, кто ее к этому пристрастил. Но хитро притворился, будто лечение необходимо ему самому.

— А у нас на Этаозе пьют все, — сказал Фобо. — Но до алкоголизма допиваются единицы, и мы умеем их лечить быстро и эффективно. Почему бы мне не попробовать стать твоим сочувственником?

— Извини, но мне это запрещено.

Этот же довод он приводил, объясняя, почему никогда не приглашает Фобо к себе в гости.

— У вас, похоже, государство запрещает вам все, что можно, и даже то, что нельзя. — И Фобо надолго залился лающим смехом. Отсмеявшись, он заметил: — Тебе ведь и пить запрещено, однако это тебя почему-то не удержало. Ладно, я не упрекаю тебя в непоследовательности. Если говорить серьезно, у меня есть одно средство как раз для твоего случая. Оно называется «Алкодот». Мы добавляем его в ежедневную норму алкоголя, постепенно увеличивая дозу, пока наконец не замещаем алкоголь им полностью. Через две-три недели пациент уже пьет состав, на 96% состоящий из «Алкодота». Вкус у него почти тот же, так что пациент редко замечает подмену, и по окончании лечения полностью освобождается от своей зависимости. Есть только один минус, — Фобо выдержал паузу и закончил: — Появляется зависимость от лекарства!

Он крякнул, шлепнул себя по бедру так, что даже затрясся его хрящеватый нос, и снова захохотал, пока на глазах не выступили слезы. Наконец, угомонившись и промокнув глаза носовым платком в виде морской звезды, он сказал:

— Специфика «Алкодота» в том, что он помогает пациенту избавиться от потребности в алкоголе. А затем пациент проходит курс сочувственной терапии, во время которого он избавляется от зависимости от лекарства. И так как у меня нет возможности заняться твоей психикой тайно от тебя, я надеюсь, что ты используешь эту возможность сам, если тебя

действительно заботит твое здоровье. Как только ты будешь готов к моей помощи, сразу без стеснения обращайся.

Хэл принес бутылку домой и стал каждый день доливать его потихоньку в коктейли Жанет. К тому же он считал себя достаточно квалифицированным психологом, чтобы самому помочь своей пациентке, когда «Алкодот» окажет свое действие.

И в то же время, сам того не замечая, он все же стал пациентом Фобо. В своих ежедневных беседах сочувственник исподволь, по капле вливал в него яд сомнения в основах религии Гайяак. Фобо прочел биографию Сигмена и его труды: «Пре-Тора», «Западный Талмуд», «Исправленное писание», «Основы сериальности», «Время и теология» и «Личность и пути мироздания».

Развалившись в кресле с бокалом в руке, он с хладнокровием хирурга анатомировал основные положения даннологии. Хэл приводил множество доказательств в защиту учения, а Фобо их опровергал. Он утверждал, что вся даннология базируется на искажающих истину домыслах; что аргументы Данне и Сигмена опираются на множество высосанных из пальца постулатов и притянутых за уши их интерпретаций. И если убрать эти подпорки, вся выстроенная ими структура тут же рассыплется.

— Кроме того, — говорил Фобо, — позволь мне отметить, что ваша теология пестрит несоответствиями. Вы, сигмениты, верите, например, в то, что каждый человек ответствен за все, что с ним происходит, поэтому, если происходит что-то плохое, винить в этом некого, кроме самого себя. Если ты, Хэл Ярроу, споткнешься об игрушку, оставленную на твоем пути счастливым младенцем, лишенным всяческого чувства ответственности, и разобьешь себе локоть, то получается, что случилось это потому, что ты сам хотел себе нанести именно это увечье. А если ты серьезно пострадаешь при несчастном случае, то для тебя это будет не «несчастный случай», а твое личное согласие с тем, чтобы потенциальная опасность реализовалась. Ведь если тебе не захочется вовлекаться в подобную «многоложность», ты всегда можешь по своему желанию реализовать другую линию будущего.

Если ты совершишь преступление (конечно же, только по собственному желанию, обстоятельства в счет не идут!) и тебя поймают, это будет означать лишь то, что дело не в твоей бездарной организации преступления или в том, что уззиты оказались умнее тебя (кстати, как их у вас зовут в народе: «узами»?), а в том, что ты сам этого хотел. Ты, преступник, сам

хотел, чтобы тебя поймали — ведь ты сам так развернул всю ситуацию!

И если ты умрешь, то только потому, что ты сам этого захотел, а не потому, что кто-то там навел на тебя дуло и спустил курок. Ты умрешь потому, что поймал пулю по собственной воле и был абсолютно согласен со своим палачом, что тебя необходимо убить.

Подобная религия и философия очень удобна церкводарству, просто шиб какой-то! Она же снимает с них полностью всякую ответственность за то, что они наказывают, пытают и несправедливо осуждают вас, короче, распоряжаются вами с грубой бесцеремонностью. Ведь если бы ты сам не хотел, чтобы тебя распинали, давили налогами, дискриминировали, то этого бы не было? А?

Но если ты хоть в чем-то не согласен с церкводарством и решаешься бросить ему вызов, то оказывается, что ты делаешь это только потому, что по наущению Противотечи пытаешься реализовать мнимобудущее, а значит, автоматически становишься государственным преступником. Такую крепкую систему в одиночку не разбить.

А теперь слушай меня внимательно: ты уверен в том, что по собственной воле можешь сам определить свое будущее. Но ведь оно уже определено после того, как Сигмен совершил путешествие во времени и закрепил будущее! Ах да, его брат Иуда-Меняла может временно расстроить будущее и прошлое! Но ваш-то Сигмен всегда начеку и восстановит утраченное равновесие!

Так позволь мне задать тебе вопрос: как же ты сам можешь формировать свое будущее, когда оно уже раз и навсегда сформировано и предсказано Сигменом? Прости, но надо выбрать что-то одно: или ты его творец, или — Предтеча. Но не оба же сразу.

— Ну ладно, — сказал Хэл, стараясь говорить спокойно, хотя грудь его ходила ходуном, руки тряслись, а голова кружилась от ярости. — Я и сам задавался этим вопросом.

— А кому-нибудь еще его задавал?

— Нет, но... — осторожно ответил Хэл, чувствуя, что его заманивают в ловушку — Нам, конечно, было дозволено задавать вопросы учителям, но этого вопроса не было в рекомендованном списке!

— Ты хочешь сказать, что для вас были разработаны вопросники?

— Ну да, а почему нет? — вспылил Хэл. — Эти вопросники были специально разработаны для нашей же пользы. Церкводарство путем долгих экспериментов установило наиболее

распространенные вопросы, которые могут возникнуть у студентов, и составило на их основе рекомендательный список для менее сообразительных.

— Ага, понятно, — сказал Фобо. — И я могу предположить, что все остальные вопросы, не входящие в список, были определены как опасное свободомыслие, способствующее многоложеству?

Хэл мрачно кивнул.

И Фобо продолжил свое безжалостное вскрытие и под конец настолько разошелся, что осмелился посягнуть на святая святых — на неприкосновенную персону самого Сигмена!

Он заявил, что, когда он прочитал биографию и теологические труды Предтечи, перед ним предстал, как перед объективным и незаинтересованным читателем, портрет сексуально-фригидного женоненавистника, страдающего комплексом мессианства, имеющего параноидальные и шизофренические отклонения, которые временами прорываются сквозь ледяную оболочку целомудрия всплесками религиозно-научных фантазий и откровенного бреда.

— Все другие лидеры, — говорил Фобо, — стремятся самореализоваться и утвердить свои идеи в то время, в котором они живут. Но Сигмен переплюнул всех бывших до него вождей и мессий.

Пользуясь омолаживающими сыворотками, он прожил достаточно долго времени не только для того, чтобы построить общество по своему образцу, но и укрепить его и искоренить все его недостатки. И не умер, пока цемент его социальной формации окончательно не затвердел.

— Но Предтеча не может умереть, — запротестовал Хэл. — Он живет во времени. Он все время с нами, перемещаясь из настоящего в прошлое, выныривая из прошлого в будущее. Везде, где ему необходимо изменить мнимое время на истинное, — он там.

— Ах, ну да, конечно, — улыбнулся Фобо. — По этой-то причине ты и помчался в развалины: а вдруг там на фресках найдется свидетельство его пребывания здесь? Что, разве не так?

— Я и до сих пор так считаю, — сказал Хэл. — Но я отметил в своем докладе, что, хотя пришелец со звезд на фреске имеет некоторое сходство с Предтечей, все же считать факт его пребывания здесь доказанным — преждевременно.

— Как бы то ни было, я расцениваю все твои доводы как весьма спекулятивные. Ты заявляешь, что все его пророчества рано или поздно сбываются. На это я могу сказать, что, во-первых, они весьма двусмысленно составлены, а во-вторых,

ваше обладающее огромной властью церкводарство прилагает все усилия, для того чтобы они сбылись.

А ваше общество! Вся эта иерархия ангелов-хранителей, образующих пирамиду: каждые двадцать пять семей имеют своего иоаха, надзирающего за ними даже в самых интимных мелочах; каждые двадцать пять семейных иоахов имеют во главе блок-иоаха; и каждые пятнадцать блок-иоахов подчиняются сверх-иоаху, и так далее, и так далее... Подобное общество базируется на страхе, взаимной ненависти и унижении...

Иногда Хэл, потрясенный сказанным, соглашался, а иногда в возмущении порывался уйти. Тогда Фобо останавливался и предлагал себя опровергнуть, если он не прав. В ответ Хэл взрывался от смятения и отчаяния фонтаном цитат, сам понимая слабость своей позиции, чувствуя, как уходит из-под его ног фундамент, некогда казавшийся незыблемым. Иногда, когда его вспышка заканчивалась, его вежливо приглашали сесть и снова продолжить беседу. Иногда даже Фобо выходил из себя, и тогда они переходили на личности и теологический спор превращался в вульгарную драку. Дважды они, исчерпав все аргументы, бросались друг на друга с кулаками: Фобо раскровянил Хэлу нос, а тот засветил сочувственнику под глаз хороший фонарь. После таких сцен очкец обычно падал землянину в объятия и просил прощения, и они усаживались рядышком и пили до тех пор, пока нервы окончательно не приходили в порядок.

Хэл понимал, что ему не нужно слушать Фобо и позволять жуку втягивать себя в беседы, многоложные по своей сути и содержанию. Но и уйти он не мог. Даже предельно возмущаясь доводами Фобо, он испытывал одновременно странное удовлетворение от этих дискуссий. В них для него была своего рода прелесть. Что-то не давало ему заставить замолчать это существо с другой планеты, чей беспощадный язык порой разил больнее, чем бич Порнсена.

А потом он делился своими переживаниями с Жанет. Она просила его повторять содержание их бесед снова и снова, пока он не выговаривался полностью и боль разочарования, отчаяние, ненависть и сомнения не отступали. А потом всегда вступала в свои права Ее Величество Любовь. Первый раз в жизни он понял наконец, как женщина и мужчина могут слиться в единую плоть. Он и его бывшая жена в такие моменты замыкались в кругу собственного одиночества, собственных эмоций и ощущений. Но Жанет знала геометрию, которая размыкала эту окружность и втягивала его внутрь ее

круга, и химию, благодаря которой его существо вступало во взаимодействие с ее.

И всегда эти праздники сопровождались ярким светом и выпивкой. Но ни то ни другое больше не раздражало его, а Жанет не знала, что теперь она пьет чистейший «Алкодот». К постоянному свету ночника он относился как к ее милой причуде, так как она настаивала на нем только в минуты любви — темноты она не боялась. Он этого не понимал, но терпел. Ну, может, она хочет запечатлеть в памяти все до мельчайших подробностей, прежде чем однажды потеряет его навсегда. А если так, то пусть ее — да будет свет!

К тому же при свете Хэлу легче было изучить ее тело, к которому он испытывал отчасти сексуальный интерес, отчасти — научный. Он был поражен и восхищен множеством мелких различий ее тела с телом земной женщины. Например, у нее на нёбе был небольшой кожистый отросток, очевидно, рудимент какого-то органа, чьи функции в процессе эволюции атрофировались. Зубов у нее было двадцать восемь — отсутствовали зубы мудрости. Это могло быть, а могло и не быть характеристикой ее предков по матери.

Он предполагал, что грудная мускулатура у нее была более развита, чем у землянок: ее конические, довольно большие груди стояли торчком. Они представляли собой тот идеал женской красоты, что веками воспевался мужчинами-художниками и скульпторами и так редко встречается в природе.

На нее не только приятно было смотреть, с ней было приятно жить рядом. По меньшей мере раз в неделю она радовала его новым нарядом: она любила шить и из материи, которую он приносил, кроила блузки, юбки и даже платья. Меняя наряды, она меняла и прически к ним. В ней всегда была прелесть новизны, и всегда она была элегантна. В первый раз в жизни, благодаря ей, Хэл понял, насколько может быть прекрасно женское тело, или, точнее сказать, он осознал, насколько прекрасно может быть тело гуманоида. И это чувство прекрасного доставляло ему огромное наслаждение. Он знал, что ее красота будет радовать его если не вечно, то по крайней мере еще очень долго.

Их взаимное удовольствие от общения друг с другом росло и укреплялось по мере того, как она овладевала его языком. Однажды она как-то сразу перешла со своего специфического французского на американский и уже через неделю смогла говорить на простые темы, постоянно расширяя свой словарь со скоростью, которая поражала даже его — опытного лингвиста.

Однако он настолько погрузился в радости совместной жизни, что даже слегка начал пренебрегать своими рабочими обязанностями: его прогресс в изучении языка сиддо замедлился.

Однажды, когда Фобо спросил его, насколько он продвинулся в чтении книг, которые он ему давал, Хэл признался ему, что пока они для него слишком трудны. Тогда Фобо дал ему учебник по эволюции для начальной школы.

— Попробуй прочитать это. Здесь два тома, но они написаны довольно простым языком. А благодаря множеству иллюстраций ты разберешься в тексте намного скорее. Он адаптирован для школьников нашим великим педагогом Ве'енаи.

Жанет так рьяно взялась за чтение этой новой книги, что Хэл окончательно разленился и потребовал, чтобы она читала ему ее вслух на сиддо и потом переводила (в учебных целях, конечно!) на американский, а если не хватало словарного запаса — на французский.

Она начала читать довольно бодро и с первой главой, в которой описывалось формирование планеты и зарождение на ней жизни, справилась довольно легко. Но так как между делом она прихлебывала коктейль, то в середине второй главы, описывающей развитие очкецов из пречленистоногих, она широко зевнула и выразительно посмотрела на Хэла. Однако он притворился, что ничего не заметил. Тогда ей пришлось читать дальше о том, как очкецы предпочли стать хордовыми. Ве'енаи отпустил парочку тяжеловесных острот о своеволии жуков-очкецов, проявляющемся по сей день. Третья глава повествовала об эволюции млекопитающих на втором континенте, достигшей своей кульминации в виде человека разумного.

— Но человек, — переводила она, позевывая, — тоже имел своих мимикрирующих паразитов. Один из них приходился дальним родственником нашему кабацкому жуку. Но, естественно, «кабацкий человек» выглядел не как очкец, а как гуманоид, и его дар преобразователя алкоголя вполне устраивал людей. Он сопровождал своих хозяев с доисторических времен и постепенно стал играть в их культуре довольно большую роль. Настолько большую, что, следуя одной из гипотез, он стал одним из основных факторов, способствовавших крушению цивилизации гуманоидов.

Однако стоит ли винить в исчезновении с лица планеты гуманоидов одних «кабацких людей», тем более что эти существа нуждаются в постоянном контроле и, как и большинство полезных вещей, могут использоваться как в добро, так и во зло?

А люди пользовались ими без всякой меры, тем более что у них в этом были помощники и подстрекатели, о которых следует сказать особо...

Жанет отложила книгу:

— Я не знаю этого слова, Хэл. Читать дальше? Это все так скучно...

— Не надо. Оставь. Лучше уж почитай что-нибудь из своего любимого комикса.

Она улыбнулась, отчего еще больше похорошела, и, отложив учебник, углубилась в «Приключения Лейфа Магнуса, любимого ученика Предтечи».

Он слушал, как она мужественно сражалась с примитивным и трескучим языком столь популярного среди матросов «Гавриила» чтива, переводя с американского на сиддо. Наконец, когда в 1037-м выпуске Лейф вступил в смертельную схватку с Ужасом с Арктура, она забастовала.

А потом у них еще долго горел свет, но они уже не читали.

Конечно, порой между ними случались конфликты и споры — Жанет ведь не была ни куклой, ни рабыней, и, если то, что говорил или делал Хэл, было ей не по нраву, она со свойственной ей прямотой тут же ему об этом заявляла. А если он смел огрызнуться в ответ, она погребала его под лавиной насмешек и упреков.

Однажды, вернувшись домой после тяжелого рабочего дня, Хэл обнял Жанет, но она, поцеловав его, сделала гримаску:

— Ты колешься. У тебя щеки как наждак. Сейчас я принесу крем, и позволь мне самой привести тебя в человеческий вид.

— А вот этого как раз делать не нужно.

— Почему? — мимоходом удивилась она, направляясь в неупоминаемую. — Мне нравится ухаживать за тобой.

Она вернулась с тюбиком средства для удаления волос.

— Садись. Сейчас я тобой займусь. А пока я буду удалять с твоего лица этот чертополох, можешь расслабиться и подумать о том, как я сильно тебя люблю.

— Да ты не понимаешь, Жанет. Мне нельзя бриться. Теперь я — ламедоносец, и мне по чину положена борода.

Она застыла с тюбиком в руках.

— Положена? Ты хочешь сказать, что у вас есть такой закон и если ты его не будешь исполнять, то станешь преступником?

— Ну, это не совсем так... В общем-то у нас нет такого закона. Это скорее обычай, как бы знак особого отличия: бороду отращивать дозволено лишь тем, кто носит на груди ламед.

— А что случится, если ее отпустит не ламедоносец?

— Откуда я знаю! — он уже начал потихоньку заводиться. — Такого еще не случалось. Это же само собой разумеется, хотя у Сигмена об этом ничего не сказано. Такие вопросы могут возникать только у чуждых нам по духу людей.

— Но борода — это такое уродство, — она стояла на своем. — Она к тому же исцарапает мне все лицо. Мне будет казаться, что я целуюсь с кустом репейника.

— В таком случае, — рявкнул он, — тебе либо придется научиться целоваться с репейником, либо научиться обходиться без поцелуев вовсе! Я обязательно отпущу бороду!

— Ну послушай, — она прильнула к нему, доверчиво глядя ему в глаза, — тебе же вовсе не обязательно ее отращивать. Что за радость быть ламедоносцем, если это не дает тебе большей свободы, чем раньше? Ты же все равно продолжаешь делать только то, что другие решили за тебя.

Хэл не знал, на что решиться: если он не согласится, то она действительно может перестать его целовать; а если он согласится с ней, то что скажут остальные ламедоносцы? На «Гаврииле» подобный жест могут счесть подозрительным.

В результате этой внутренней борьбы он заявил Жанет, что она полная дура; она ответила ему с не меньшим жаром и страстью, и кончилось все это тем, что они окончательно разругались. Причем настолько, что прошло полночи, прежде чем она сделала первые шаги к примирению. Рассвет застал их в полном согласии, умиротворенно доказывающих друг другу свою любовь.

В это прекрасное утро он побрился. И ничего не случилось: в течение трех последующих дней он не услышал на «Гаврииле» ни одного замечания и уже стал приписывать косые взгляды, которые, как ему казалось, он иногда замечал, своему воспаленному, отягощенному комплексом вины воображению. В конце концов он решил, что у всех есть дела поважнее, чем забивать себе голову вопросами, почему ламедоносец Ярроу ходит без бороды. Он до того распоясался, что стал уже подумывать, нет ли у ламедоносца других обязанностей, которыми можно было бы также пренебречь.

А на четвертый день его вызвали к Макнеффу.

Сандальфон, прежде чем ответить на приветствие, несколько минут изучал лицо Хэла своими выцветшими глазами и наконец сказал, поглаживая свою пышную холеную бороду:

— Я знаю, Ярроу, что вы с головой ушли в работу по изучению очкецов. Это похвально. Однако, несмотря на ваше рвение и самоотверженность, вам не стоит забывать о некоторых не менее важных вещах. Да, конечно, мы живем здесь, оторванные от родных корней, и все наши помыслы направлены на то, чтобы поскорее приблизить день реализации Проекта.

Он поднялся из-за стола и принялся расхаживать по кабинету.

— Но вы обязаны знать, что звание ламедоносца не только дает вам привилегии, но и требует от вас выполнения определенных обязанностей.

— Шиб, абба.

Макнефф резко остановился, развернулся и ткнул в сторону Хэла длинным костлявым пальцем:

— Тогда где ваша борода? — громоподобным голосом спросил он, добавив к вопросу испепеляющий взгляд.

Хэла бросило в дрожь, как всегда с самого детства, когда тот же трюк проделывал с ним Порнсен. И как обычно в таком состоянии, мозги отказали.

— Но я... Я же...

— Мы не только должны прилагать все свои силы, чтобы добиться титула «ламеда», но также и после мы должны неукоснительно заслуживать честь носить это звание. Безупречность и еще раз безупречность — вот чего нам следует держаться в нашей извечной борьбе за чистоту и целомудренность.

— Приношу извинения, абба, — голос Хэла дрожал, — но я и стараюсь изо всех сил извечно бороться за чистоту и целомудренность.

Он отважился, говоря это, поднять глаза на сандальфона и сам поразился, откуда вдруг в нем взялось столько нахальства: так возмутительно врать ему, погрязшему в многоложестве, врать в глаза самому сандальфону, безупречному и совершенному! Наглость высшей пробы!

— Однако, — Хэл начал постепенно приходить в себя, — я как-то не подумал, что моя непорочность зависит от того, бреюсь я или нет. Ни в «Западном Талмуде», ни в каком другом из трудов Предтечи нет ни слова на эту тему.

— И это ты осмеливаешься мне толковать писание?! — прогромыхал Макнефф.

— О нет, ни в коем случае. Но ведь то, что я сказал, соответствует действительности, не так ли?

Макнефф возобновил свои хождения.

— Мы должны стремиться к чистоте и безупречности. И малейшее отклонение от верносущности, малейший шажок к мнимобудущему ляжет на нас несмываемым пятном. Да, действительно, Сигмен никогда не говорил об этом прямо. Но давно уже известно, что лишь чистота дает нам право уподобиться Предтече в облике его. Быть безупречным — значит и выглядеть безупречно, как наш великий духовный вождь.

— Полностью с вами согласен, — Хэл почтительно склонил голову. Растерянность, продиктованная привычкой трепе-

тать перед Порнсеном, уже прошла. Какой там Порнсен — иоах мертв, сожжен, и пепел его развеян по ветру. Хэл сам организовывал всю эту траурную церемонию! Так что надо себя брать в руки и закреплять свои позиции.

— Как только обстоятельства мне позволят, я тут же перестану бриться. Но сейчас, когда я постоянно общаюсь с очкецами, в целях получения у них большей информации, я делаю то, что считаю более соответствующим цели и духу нашей работы.

Я выяснил, что борода вызывает у них чувство антипатии, так как у них самих, как вы знаете, она не растет. Они никак не могут понять, зачем мы оставляем ее, если можем сбрить. В присутствии бородатых людей они чувствуют себя скованно, словно не в своей тарелке. Мне пока что не хотелось бы терять у них то доверие и расположение, которых я уже добился.

Но как только проект будет запущен, я тут же начну отращивать бороду.

— Хм-м-м! — Макнефф задумчиво потеребил завиток волос на щеке. — В этом что-то есть. В конце концов, мы находимся в чрезвычайных обстоятельствах. А почему ты раньше мне об этом не сказал?

— Вы работаете днем и ночью — я не осмелился побеспокоить вас из-за такой мелочи, — ответил Хэл, внутренне опасаясь того, что Макнефф сможет найти время и дать себе труд проверить его утверждение об отношении очкецов к растительности на лице. Лично Хэлу они об этом не говорили ни слова. Он изобрел себе оправдание, вспомнив о том, что когда-то читал о реакции индейцев на бороды белых.

Макнефф, прочитав еще одну коротенькую лекцию о необходимости стремления к безупречности и чистоте, наконец отпустил Хэла, и он, внутренне содрогаясь от пережитого, вернулся домой. Там он, для того чтобы успокоиться, принял пару коктейлей, а потом еще пару для того, чтобы окончательно прийти в себя и морально подготовиться к ужину в обществе Жанет. Он уже заметил, что чем больше выпьет, тем легче ему переносить отталкивающее зрелище обнаженного рта, пережевывающего еду.

ГЛАВА 17

Как-то раз, вернувшись домой и разгружая на кухне большую коробку с продуктами, Хэл игриво заметил:

— Ты что-то быстро на сей раз истребила все наши запасы. Ты ешь, случайно, не за двоих? А может, за троих?

Она побледнела.

— Maw choo! Ты сам понял, что сказал?

Он поставил коробку на стол и пожал плечами:

— Шиб. Да, Жанет. Последнее время я только об этом и думаю. Я просто не заговаривал с тобой об этом, чтобы не волновать тебя лишний раз. Но теперь скажи мне, я прав?

— Нет. — Ее трясло, как от сильного холода. — Нет-нет! Это невозможно!

— Но почему?

— Я знаю почему. И не спрашивай меня откуда. Этого просто не может быть. И лучше тебе вообще не затрагивать эту тему. Даже в шутку. Я этого не вынесу.

Он привлек ее к себе и сказал, глядя через ее плечо в пустоту:

— Ты не можешь? Ты уверена, что никогда не сможешь выносить моего ребенка?

Она тихо кивнула, и он ощутил нежный аромат ее пышных волос.

— Да, я уверена. И не спрашивай, откуда я это знаю.

Он еще крепче прижал ее к себе.

— Послушай, Жанет. Я скажу тебе, что тебя так заботит: ты и я принадлежим к разным видам. Но ведь и твои родители тоже! И все же у них были дети. Правда, ты можешь думать о том, что если, например, у осла и кобылицы может быть потомство, то мулы всегда стерильны; у тигра и львицы тоже может быть потомство, но у тигрольва его быть не может. Тебя это беспокоит? Ты решила, что стерильна, как мул?

Она спрятала лицо у него на груди, слезы намочили ему рубашку.

— Ну давай посмотрим правде в глаза, девочка моя, — продолжал он, — ну даже если и так — то что? Предтеча знает, что у нас положение и так достаточно сложное, чтобы отягощать его еще заботами о ребенке. Мы были бы счастливы, если бы ты... Но если так — то что ж, у тебя есть я, а у меня есть ты. И это самое главное. Чего мне еще желать!

Но все то время, пока он поцелуями осушал ее слезы и помогал ей складывать продукты в холодильник, его преследовала какая-то смутная, еще несформировавшаяся толком мысль...

И все же Жанет ела все больше и больше с каждым днем и особенно много пила молока. Но, несмотря на это, ее фигура абсолютно не менялась, сохраняя совершенство форм. Что при ее растущем аппетите было особенно странным.

Прошел месяц. Хэл тайком приглядывался к ней, но ничего не изменялось: талия оставалась по-прежнему тонкой, а аппетит по-прежнему рос.

В конце концов Ярроу отнес неразрешимость этой тайны за счет своей полной неосведомленности об ее инопланетном метаболизме.

Прошел еще месяц. Однажды Хэл столкнулся в дверях библиотеки с Тарнбоем, и историк остановил его вопросом:

— Слышал? Ученые таки нашли глобинозапирающую молекулу! Похоже, на сей раз «сарафанное радио» не врет, потому что на 15.00 назначено общее собрание.

— Шиб, — только и сказал Хэл и постарался поскорее уйти от историка, чтобы тот не заметил его отчаяния.

Когда два часа спустя собрание закончилось, Хэл чувствовал себя так, словно на его плечи легла огромная тяжесть. Вирус был уже запущен в производство. И уже через неделю его будет синтезировано достаточно, чтобы загрузить им шесть ракет, готовых к тайному распылению его в атмосфере. Они должны будут начать с тотального опыления столицы, а затем, двигаясь по расширяющейся спирали, время от времени возвращаясь на дозаправку вирусом, методично обработать всю планету очкецов.

Придя домой, он застал Жанет в постели. Ее волосы разметались по подушке, словно черная корона. Она жалко улыбнулась.

— Что с тобой, Жанет? — Все его заботы тут же сменились одной: тревогой за нее. Он пощупал ей лоб — кожа была сухой и горячей.

— Сама не знаю. Вот уже две недели я чувствовала себя не очень хорошо, но я не придавала этому значения — думала, что само пройдет. А сегодня сразу после завтрака мне стало так плохо, что даже пришлось лечь в постель.

— Ничего, вылечимся. Я помогу тебе, — бодро сказал Хэл, хотя в глубине души он был совершенно растерян: если у нее действительно что-то серьезное, то где он возьмет для нее врача? А если лечить самому — то как? И от чего?

Следующие несколько дней она почти не вставала. Ее температура колебалась от 37,5 по утрам до 37,8 по ночам. Хэл ухаживал за ней, как умел: он прикладывал ко лбу холодные компрессы и пузыри со льдом, давал ей аспирин. Она почти перестала есть и только жадно пила, особенно молоко. И полностью отказалась от сигарет и даже жучьего сока.

Если со своими переживаниями по поводу ее болезни он еще как-то справлялся, то ее молчание просто приводило его в отчаяние. Прежде она все время беззаботно щебетала обо всем на свете, а когда молчала — ее молчание бывало красноречивей всяких слов. Теперь же она предоставляла говорить

ему, и, когда он уставал наконец молоть языком, она не нарушала повисшую тишину ни вопросом, ни просьбой.

Пытаясь хоть как-нибудь ее приободрить, Хэл однажды стал обсуждать с ней план украсть шлюпку и отвезти ее в родные джунгли в горах. Ее прежде безразличные ко всему глаза на сей раз засветились радостью — первый раз за последние дни. Она даже села на постели, когда он расстелил перед ней карту континента. Жанет быстро разобралась в ней и указала ему район, в котором находилось горное плато, где в развалинах древнего города жили ее сестры и тетки. Хэл пристроился рядом на банкетке и начал вычислять его координаты, время от времени озабоченно поглядывая на больную. Она лежала на боку: нежные плечи были белее ее ночной рубашки, а глаза казались вдвое больше от залегших вокруг теней.

— Все, что мне нужно, — это исхитриться стащить малюсенький ключик. — Хэл говорил обо всем, что только приходило в голову, лишь бы не молчать. — Как ты знаешь, счетчик пройденного километража перед каждым полетом устанавливается на ноль. На ручном управлении шлюпка может пройти не больше пятидесяти километров, потому что, дойдя до этой отметки, она автоматически останавливается и посылает на центральную базу сигнал о своем местоположении. Это сделано для того, чтобы никто не пытался бежать. Но автостоп и сигнал можно отключить при помощи маленького ключика, который я, конечно же, раздобуду. Так что не волнуйся, все будет хорошо.

— Ты, наверное, очень сильно меня любишь.

— Если тебе будет шиб, то и мне будет шиб.

Он встал и поцеловал ее. Ее губы, прежде такие мягкие и влажные, теперь были сухими и жесткими, словно кожа на них ороговела.

Он вернулся к своим расчетам и так погрузился в них, что лишь ее стон заставил его очнуться. Она лежала, закрыв глаза, и тяжело дышала, слегка приоткрыв рот. Все лицо было покрыто испариной.

А он-то надеялся, что жар спал! Ничего подобного: ртуть поднялась уже до отметки 38 градусов и ползла потихоньку вверх.

Жанет что-то прошептала. Он нагнулся к ней:

— Что?

Она бормотала что-то на языке своих родичей, непонятном для Хэла. Выходит, она бредила!

Хэл выругался. Он обязан что-то предпринять. Плевать на всех и вся! Он рванул в ванную, вытряхнул из бутылочки таблетку снотворного и сунул ее Жанет в рот. Заставить ее

проглотить хоть немного воды, чтобы запить лекарство, стоило ему большого труда. Заперев двери и нацепив плащ, он помчался в ближайшую аптеку очкецов, где приобрел три шприца и упаковку антикоагулянта. Вернувшись домой, он тут же попытался взять у нее кровь на анализ, но ввести шприц в вену удалось только с четвертой попытки, и то, когда он со злости и отчаяния ткнул изо всех сил. Во время этой зверской процедуры она ни разу не пошевелила рукой и веки ее даже не дрогнули. Когда наконец шприц начал наполняться, он вздохнул с облегчением. Он вдруг обнаружил, что до крови прикусил губу и сдерживал дыхание, пока наконец не увидел цвет жидкости в шприце: он только сейчас позволил себе вспомнить все подозрения, возникавшие за последний месяц и загонявшиеся им куда-нибудь поглубже в подсознание. Теперь он наконец убедился, что все они ничего не стоили: ее кровь была красной.

Он попытался приподнять больную, чтобы взять у нее анализ мочи. Она забормотала что-то непонятное и погрузилась в сон, а может быть, и в кому, — этого он не знал. В отчаянии он начал похлопывать ее по щекам, пытаясь привести в сознание. Потом еще раз выругался, потому что не догадался взять анализы, прежде чем дал ей снотворное. Надо же было свалять такого дурака! Впрочем, ему было трудно мыслить ясно: слишком уж он был обеспокоен ее состоянием и озабочен тем, что ему предстояло еще сделать на корабле.

Хэл приготовил чашку очень крепкого кофе и попытался влить ей его в рот. Наконец почти чудом ему удалось заставить ее сделать пару глотков — остальное пролилось ей на подбородок и ночную рубашку. Очевидно, кофеин все-таки подействовал, потому что Жанет наконец открыла глаза и не закрывала их, пока он объяснял ей, что ему от нее нужно и что он собирается с этим сделать. Набрав мочи в прокипяченную бутылочку, он завернул ее и шприцы в платок и сунул его в карман плаща. Затем вызвал по телефону-браслету шлюпку с корабля. Почти тут же снаружи донесся гудок. Он бросил на Жанет последний взгляд, запер двери и устремился по лестнице вверх. Шлюпка уже была пришвартована к крыше. Он вскочил в нее и нажал кнопку пуска. Лодка подпрыгнула на тысячу футов вверх и затем устремилась в парк к «Гавриилу».

Медчасть была пуста, если не считать ординарца, который выронил комикс и поспешно вытянулся по стойке «смирно».

— Расслабься, приятель, — сказал Хэл. — Мне нужно провести кое-какие исследования на лабтехе и неохота возиться с разрешением. Это так, маленькое личное дело, понятно? — Он

снял плащ, чтобы парень мог увидеть его сияющий золотом ламед.

— Шиб, — промычал ординарец.

Хэл протянул ему пару сигарет.

— От это да! Пасибо! — парень прикурил, удобно устроился и снова раскрыл свой комикс «Предтеча и Далила в городе Порока». Хэл зашел за угол лабтеха, чтобы ординарец не мог видеть, чем он занимается, и включил нужный ему анализатор. В ожидании результатов Хэл присел, но уже через несколько секунд вскочил и стал в нетерпении мерить шагами лабораторию. А лабтех тем временем урчал, словно сытый кот, переваривающий эту довольно странную для котов пищу. Полчаса спустя он затрясся, и на табло загорелась зеленая надпись: «Анализ закончен».

Хэл нажал на кнопку — из металлического зева высунулся бумажный язычок. Хэл дернул за него, вытащил из машины длинную ленточку и пробежал ее глазами. Моча была нормальной, никакой инфекции в ней не было обнаружено. Также все в порядке было и с кровью.

Он, правда, не был уверен, что «глаз» лабтеха сможет разобраться в ее кровяных тельцах, но, однако, вероятность того, что они могут не отличаться от земных, была очень велика. Да почему бы и нет? Эволюция на планетах, даже разделенных между собой множеством световых лет, может пойти сходными путями. А форма эритроцита лучше всего предназначена для переноски кислорода. Или, по крайней мере, он так считал до того, как увидел кровяные шарики этаозцев.

Машина снова застрекотала и выплюнула новую бумажную ленту: «Обнаружен неизвестный гормон». Гормон, похожий по молекулярной структуре на гормон околощитовидной железы, контролирующей кальциевый метаболизм.

Что бы это значило? Не этот ли таинственный гормон был причиной ее болезни?

Еще одна ленточка: содержание кальция в крови 40%.

Очень странно. Такой ненормально высокий процент означал, что почки уже не справляются, и избыток кальция должен был бы попасть и в мочу. Но в ней его не было. Так куда же он делся?

На лабтехе загорелись красные буквы: «Анализ закончен».

Хэл снял с полки справочник по гематологии и открыл его на главе «Кальций». Прочитав ее, он почувствовал, как расправляются его плечи. Надежда? Возможно.

Случай Жанет выглядел так, словно у нее было перекальцирование организма, которое служило симптомом ряда забо-

леваний — от рахита до хронического гипертонического артрита, но что бы там ни было, главной причиной этого была околощитовидная железа. Оставалось только включить автоматического фармацевта. Хэл нажал три кнопки, набрал код, подождал пару минут и открыл дверцу, из которой тут же выскочил поднос. На нем, аккуратно упакованные в целлофан, лежала бутылочка с сывороткой Джеспера для мгновенного восстановления функций околощитовидной железы и шприц.

Хэл надел плащ, сунул упаковку в карман и вышел. Ординарец даже не посмотрел в его сторону.

Теперь надо было зайти на оружейный склад. Здесь Хэл предъявил дежурному ордер (в трех экземплярах, как положено) на один пистолет и коробку разрывных патронов. Охранник мельком взглянул на бумаги (он также был заворожен ламедом) и открыл дверь на склад. Хэл взял крошечный пистолетик, умещавшийся в ладони, и спрятал его в карман брюк.

В ключехранилище он совершил еще одно преступление. То есть попытался совершить.

Но дежурный офицер Мото, ознакомившись с его бумагами, слегка замялся:

— Прошу прощения, но мне приказано сверять все заявки с главным уззитом. И боюсь, что в течение ближайшего часа это будет невозможно, так как он сейчас на совещании с архиуриэлитом.

Хэл спрятал свои бумаги.

— Ладно, ничего, это подождет. Зайду утром.

По дороге домой он прокручивал в голове варианты: что и как делать дальше. Как только он введет Жанет сыворотку, ее можно будет перенести на шлюпку. Контрольную панель можно выломать и, вытащив оттуда два проводка, соединить их напрямую, — так можно снять ограничение километража. Но помешать сигналу тревоги, который при этом шлюпка пошлет на «Гавриил», он не сможет.

Оставалось надеяться, что ему удастся удрать под прикрытие гор, окружающих Сиддо, а это может сбить с толку радар. На то время, пока он будет расправляться с сигнальным устройством, придется подключить автопилот. После того он пойдет бреющим полетом над джунглями, чтобы найти какое-нибудь озеро или глубокую реку и отсидеться под водой до сумерек. В темноте он сможет вынырнуть, а если заметит за собой слежку, то всегда сможет спрятаться под водой, так как, по счастью, на «Гаврииле» нет сонора.

Он оставил шлюпку на приколе у крыши и, перескакивая ступеньки, понесся по лестнице вниз. Ключ попал в скважину

уже со второй попытки. Он распахнул дверь, не заботясь о том, чтобы ее запереть:

— Жанет!

Ему ответил протяжный стон. Он влетел в спальню, оставив и эту дверь нараспашку, и бросился к своей любимой. Девушка лежала с открытыми глазами.

— Жанет, тебе лучше?

— Нет, хуже. Гораздо хуже.

— Не волнуйся, детка. Я принес тебе лекарство, которое поднимет тебя на ноги. Через пару часов ты уже будешь уплетать бифштексы, а на молоко даже смотреть не захочешь — будешь галлонами хлестать свой «Алкодот»...

Он поперхнулся, увидев, как внезапно страшно исказилось ее лицо: черты застыли в гримасе отчаяния, словно оно превратилось в одну из гротескных деревянных масок из греческого театра.

— О нет... нет! — простонала она. — Что ты сказал? «Алкодот»? — Она почти закричала: — И ты поил меня этим все последнее время?!

— Шиб, Жанет. Не думай об этом сейчас. Тебе же он нравился. Так какая же разница, в конце концов? Главное, что мы сейчас полетим...

— О, Хэл, Хэл! Что ты натворил!

Он не мог оторвать глаз от ее измученного лица: по щекам катились слезы. Если камень мог бы плакать, то тогда ее можно было бы сейчас принять за плачущую мраморную статую.

Он выбежал на кухню, разорвал упаковку с лекарством, быстро наполнил шприц и тут же вернулся в комнату. Она снова перенесла молча и без движений все попытки попасть в вену. Был момент, когда он даже испугался, что может сломать иголку: настолько твердой вдруг стала ее кожа.

— Эта штука вылечивает землян в одно мгновение! — приговаривал он, как ему казалось, в манере доброй нянюшки.

— Хэл, наклонись ко мне. Теперь уже слишком поздно.

Он выдернул иглу, протер ранку спиртом и приложил кусочек ватки. Потом опустился на колени у изголовья и поцеловал ее в губы. Они были жесткими.

— Хэл, ты любишь меня?

— Неужели ты до сих пор мне не поверила? Сколько же раз я могу тебе это повторять?

— Даже несмотря на то, что можешь узнать обо мне что-то такое...

— Я знаю о тебе все.

— Нет. Не знаешь. Не можешь знать. О, Великая Мать! Если бы я только могла тебе это рассказать, Хэл! А может, ты продолжал бы любить меня, как и прежде? Может быть...

— Жанет! Что происходит? Что с тобой?

Ее веки тяжело опустились. Тело затрясло в приступе боли. Когда припадок прошел, она что-то прошептала непослушными губами. Он склонился над ней:

— Что ты сказала? Говори, Жанет!

Но она молчала. Он потряс ее за плечи. Очевидно, жар спал, потому что они были абсолютно холодными. И абсолютно твердыми.

— Отвези меня к сестрам и теткам, — еле слышно бормотала она, почти не шевеля губами. — Они знают, что делать. Не для меня... А для...

— О чем ты?

— Хэл, будешь ли ты всегда любить...

— Да! Да! Ты же знаешь! Но нам нужно еще столько сделать! У нас есть сейчас более важные дела, чем говорить об этом.

Если она даже слышала его, то ничем этого не показала. Ее голова упала на подушки, и точеный носик теперь смотрел прямо в потолок. Веки и губы сомкнулись, а руки вытянулись по швам, плотно прижавшись к бокам. Грудь не двигалась. Даже если она еще дышала, то настолько слабо, что ее дыхания уже не хватало на то, чтобы приподнять грудную клетку.

ГЛАВА 18

Хэл колотил в двери Фобо, пока на грохот не высунулась Абаса.

— Ну и напугал же ты меня!

— Где Фобо?

— На совещании.

— Мне немедленно нужно с ним поговорить.

— Если это действительно так важно, то поторопись, парень! — крикнула жена сочувственника уже ему в спину. — Он всегда смертельно скучает на этих заседаниях!

Хэл тем временем уже несся вниз, перепрыгивая через три ступеньки. Он одним махом преодолел расстояние до колледжа, в котором работал Фобо. Ему казалось, что его легкие наполнены горячим паром, но он не мог дать себе поблажки и, даже не отдышавшись, ворвался в комнату, где заседали жуки.

Попытавшись что-то сказать, он понял, что сначала надо немного успокоить дыхание.

— Что случилось? — вскочил со стула Фобо.

— Ты... ты должен... пойти со... мной! Вопрос... жизни или... смерти!

— Извините, джентльмены, — сказал сочувственник.

Десять очкецов кивнули и продолжили совещание, а сочувственник надел плащ, шапочку с антеннами и вывел Хэла наружу.

— Ну, что произошло?

— Слушай. Мне придется довериться тебе. Я знаю, что ты ничего не можешь обещать мне заранее. Но я надеюсь, что ты не выдашь меня нашим. Ты верносущный парень, Фобо.

— Ближе к делу, дружище.

— Так я и говорю: вы, очкецы, во многом отстав от нас, в эндокринологии разбираетесь не хуже нашего, а может, даже в чем-то нас и превзошли. Вы же проводили над ней какие-то опыты и брали у нее анализы! Вы должны знать хоть что-то об ее анатомии, психике и обмене веществ! Вы...

— Так ты это о Жанет? О Жанет Растиньяк, лалите?

— Да. Я прятал ее у себя в квартире.

— Я знаю.

— Ты знаешь? Но откуда? Я думал...

Очкец положил ему руку на плечо.

— Есть кое-что, о чем и тебе следовало бы знать. Я собирался рассказать тебе об этом сегодня вечером сразу после работы. Сегодня утром человек по имени Арт Ханах Пакаи нанял себе квартиру в здании, что стоит напротив нашего. Он объяснил это тем, что хочет жить среди нас, так как это ему поможет быстрее изучить наш язык и наши нравы. Но большую часть времени он прослонялся по нашему дому с сумкой, набитой, как я предполагаю, различной подслушивающей аппаратурой. И это из-за тебя. Его интересовал ты, а не мы. Однако хозяин дома следил за ним достаточно внимательно, так что ему не удалось пристроить ни одно из своих устройств.

— Пакаи — уззит.

— Можно назвать его и так. В данный момент он заперся у себя и наблюдает за нашим домом в мощный телескоп.

— И может слышать, о чем мы с тобой сейчас говорим — у него достаточно чувствительная аппаратура. Хотя стены здесь достаточно толстые и имеют звуконепроницаемые прокладки... Да ну его к Ч! Не до него теперь!

Наконец они добрались до квартиры Хэла. Очкец пощупал Жанет лоб и попытался приподнять ей веко, чтобы взглянуть на зрачок. Но веко не поднималось.

— Хм-м-м! Кальцификация внешнего кожного покрова увеличилась, можно сказать, достигла предела.

Одной рукой он откинул прикрывавшую ее простыню, а другой рванул за ворот тонкую ткань ночной рубашки, одним махом разорвав ее до подола. Девушка лежала обнаженная, молчаливая и прекрасная, словно шедевр неведомого скульптора.

Ее любовник издал сдавленный крик при подобном надругательстве над ее беззащитным телом, но потом прикусил язык, понимая, что Фобо руководил чисто медицинский интерес. (К тому же у очкеца она просто не могла вызывать никаких сексуальных эмоций.)

Дальше вообще Фобо повел себя очень странно: кончиками пальцев он стал выстукивать ее плоский живот и, приложив к нему ухо, прислушался к чему-то внутри, потом выпрямился и покачал головой:

— Не буду обманывать тебя, Хэл. Даже если мы сделаем все, что в наших силах, этого может оказаться недостаточно. Ее надо срочно отправить к хирургу: если мы успеем извлечь из нее яички прежде, чем они выведутся, то тогда, в сочетании с сывороткой, которую ты ей ввел, у нее появится шанс выкарабкаться.

— Яички? Какие яички?

— Потом объясню. Заверни ее, а я побежал звонить доктору Като.

Хэл бережно обернул Жанет одеялом. Она была жесткой, словно манекен. Смотреть на каменную маску было выше его сил, и он прикрыл ей лицо.

Заверещал телефон-браслет. Он машинально хотел включить его на прием, но тут же отдернул руку. Телефон продолжал звенеть — требовательно и настойчиво. Тут наконец Хэл сообразил, что если немедленно не отзовется, то это может показаться его начальству подозрительным.

— Ярроу!

— Шиб.

— Немедленно явитесь к архиуриэлиту. Вам дается пятнадцать минут.

— Шиб.

Вернулся Фобо и спросил:

— Что ты собираешься делать?

— Взять ее за ноги, — сказал Хэл сквозь зубы, — а ты бери за плечи. Она так затвердела, что обойдемся без носилок.

Уже поднимаясь по лестнице, он спросил:

— А ты сможешь спрятать нас после операции?

— Не волнуйся, — загадочно бросил очкец через плечо, — у землян скоро будет достаточно других забот, чтобы еще за тобой гоняться!

Для того чтобы погрузить тело в шлюпку и доставить его в больницу, понадобилось не больше шестидесяти секунд.

— Подожди, давай ее на минутку положим на пол, — предложил Хэл, — а я поставлю шлюпку на автоматическое возвращение на «Гавриил». Так, по крайней мере, они нескоро меня найдут.

— Нет. Оставь шлюпку здесь. Возможно, она тебе пригодится, когда все кончится.

— Что кончится?

— Об этом потом. А, вот и Като!

В комнате ожидания Хэл метался из угла в угол и нещадно дымил «Серафимом», прикуривая одну сигарету от другой. Фобо сидел на стуле, озабоченно потирая лысину и оглаживая пышные кудри на затылке.

— Всего этого можно было бы избежать, — грустно сказал он. — Если бы я только знал, что ты живешь с лалитой, я мог бы догадаться, для чего тебе понадобился «Алкодот». Хотя, может, и не догадался бы. Короче, я узнал, что она живет у тебя, только два дня назад. А все это время я был настолько занят Земным проектом, что мне было просто не до вас.

— Земной проект? Это еще что такое? — удивился Хэл.

V-образные губы Фобо раздвинулись в улыбке, открывая зазубренные кромки челюстей.

— Я не могу тебе рассказать всего, потому что твои земляки с «Гавриила» еще могут выжать из тебя информацию о проекте прежде, чем он вступит в силу. Однако я думаю, что могу открыть тебе один секрет: мы прекрасно осведомлены о ваших планах разбрызгать в атмосфере смертельный для нас вирус.

— Было время, когда я сам ужаснулся, узнав об этом, — вздохнул Хэл. — Но теперь что об этом говорить...

— И ты не хочешь знать, каким образом мы все это узнали?

— Догадываюсь, — мрачно ответил Хэл.

— Когда вы впервые попросили у нас пробы крови, это сразу показалось нам подозрительным. Конечно, мы не способны были прочитать ваши мысли, но внутри этого кусочка плоти, — Фобо потеребил кончик своего длинного носа, — спрятаны две антенны. Они очень чувствительны. Эволюция не притупила нашего чувства обоняния, как это вышло с вами. Мы способны улавливать по запаху малейшие изменения в обмене веществ у других. Так вот, когда один из ваших эмиссаров попросил нас дать кровь для научных исследований, мы ощутили исходящую от него при этом эманацию... если так можно назвать — «хитрости». В конце концов мы дали вам

кровь. Но не свою, а одного из домашних животных. Основа его крови — медь. Наша же кровь основана на магнии.

— Так наш вирус не сработает?

— Да. Конечно, к тому времени когда вы научитесь читать наши книги и овладеете нашими учебниками, вы узнаете правду. Но, прежде чем это могло бы случиться, будет уже слишком поздно. Я надеюсь, верю и молюсь, что эта правда уже не будет играть никакой роли.

Короче, когда мы определили, к чему вы стремитесь, нам понадобилось узнать подробности. И тут (я с горечью должен в этом признаться) нам пришлось применить силу. Но у нас не оставалось другого выхода, так как на карту было поставлено наше существование. Да-да, агрессорами были вы, а не мы! Поэтому, когда на прошлой неделе наш колледж посетил ваш биохимик в сопровождении своего иоаха, мы загипнотизировали их, а потом ввели им наркотик. Должен признаться, что даже с применением подобных средств нам пришлось попотеть, прежде чем мы вытянули из них все — мешал языковой барьер. Но ведь я не зря так настойчиво изучал американский и, как видишь, добился успехов.

Да, то, что мы узнали, нас потрясло, но ни в коем случае не удивило. Мы с самого начала видели, что вы прячете что-то за пазухой. С самого первого контакта. И поэтому своевременно начали готовиться к ответному удару. Так что с того момента как «Гавриил» приземлился, дел у нас было невпроворот. Как ты знаешь, он стоит прямо над...

— А почему же вы не загипнотизировали меня? — перебил его Хэл. — Меня не надо было ловить, и вы знали бы все уже давным-давно.

— Потому что мы сомневались, что ты полностью посвящен в эту аферу с кровью. К тому же нам нужен был тот, кто обладает всей необходимой информацией. Признаюсь, мы наблюдали и за тобой, но, как видишь, не очень тщательно, раз ты ухитрился спрятать от нас лалиту

— А как вы узнали о Жанет? — спросил Хэл. — Мне потом можно будет с ней увидеться?

— К сожалению, на твой второй вопрос я должен ответить «нет», — вздохнул Фобо. — Что же касается первого, то мы смогли установить подслушивающее устройство, достаточно чувствительное, чтобы знать, что происходит у тебя, не далее как два дня назад. Как ты сам признал, в некоторых направлениях мы вас обогнали!

— Но ведь я обследовал свою пака каждый день! — возразил Хэл. Но, подумав, добавил: — Теперь же, когда я уже кое-что знаю о ваших достижениях, я лучше промолчу.

— Честно говоря, нам было не очень-то до тебя. Ваш визит стимулировал развитие различных направлений науки, и наши ученые работали как оглашенные.

Вошла сестра и сказала:

— Доктор, вас к телефону.

Фобо поспешно вышел.

Хэл продолжал кружить по комнате, дымя сигаретой. Фобо вернулся почти тут же.

— Скоро нам кое-кто составит компанию. Один из моих коллег, который ведет сейчас наблюдение за кораблем, сообщил, что сюда летит сам Макнефф и с ним два уззита. Они могут появиться в любую секунду.

Ярроу застыл с открытым ртом:

— Здесь? Но как они узнали?

— Подозреваю, что у них есть свои способы, о которых тебя забыли предупредить. Не трусь, я с тобой.

Хэл застыл, словно в столбняке, даже забыв о сигарете: она тихонько тлела в его руке, пока не обожгла пальцы, и лишь тогда он выронил ее и раздавил каблуком.

В коридоре загрохотали шаги.

Первым в дверях возник длинным зловещим призраком сам архиуриэлит Макнефф. Его сопровождали двое коренастых широкоплечих коротышек, затянутые в черную кожу. Их мясистые ладони расслабленно покоились на поясах, но было видно, что они в любой момент готовы нырнуть за оружием. Четыре глаза с тяжелыми веками сначала обшарили Фобо, а затем остановились на Хэле.

Макнефф шагнул вперед. Его выцветшие голубые глаза метали молнии, а безгубый рот щерился в обаятельной улыбке черепа.

— Ты, выродок! — загрохотал сандальфон. Его рука устремилась к поясу, свистнула плеть, и на побелевшем лице Хэла вспухли красные кровоточащие полоски. — Тебя отвезут на Землю в цепях и там выставят в зоопарке как образец мерзейшего из извращенцев, предателя и... и!..

У него не хватило слов, и их недостаток возмещали обильные брызги слюны.

— Ты... Ты — сподобившийся Метра, который счел твое поведение непорочным, ты — впал в животную похоть и возлежал с насекомой блудницей!

— Что?!

— Да! С созданием, с тварью, стоящей ниже, чем дикий зверь. Даже Моисей, когда запрещал людям совокупляться с животными, не помыслил о подобной мерзости! Сам Сигмен, реформируя заповеди, отмел это с пренебрежением, как недо-

пустимое даже в мыслях! А ты! Это! Совершил! Ты — Хэл Ярроу, безупречный и целомудренный ламедоносец!

Фобо встал со стула и тихим голосом вставил между грозными обличениями разбушевавшегося сандальфона:

— Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что предложенная вами классификация не совсем точна. Лалита относится вовсе не к классу насекомых, а к классу хордовых псевдочленистоногих.

— Что?! — спросил Хэл упавшим голосом — он уже перестал что-либо понимать.

— Помолчи, — проворчал очкец. — Говорить буду я.

И, обернувшись к Макнеффу, продолжил:

— Так вы, выходит, знали о ней?

— Вы шиб знаете, что мы полностью осведомлены обо всем. Ярроу думал, что нас можно провести! Но как бы умны эти многоложники ни были, они сами расставляют себе сети. В его случае было большой ошибкой задавать Тарнбою вопрос о французских космонавтах. Тарнбой как человек, ревностно относящийся к своим обязанностям перед церкводарством, передал весь разговор нам. Его рапорт какое-то время (правда, очень недолгое) пролежал в моих бумагах. Изучив его, я отдал его на заключение психологам. А они отметили, что вопросы Ярроу выпадают из общей модели его поведения. То есть его интерес невозможно связать с тем, что мы о нем знаем, а следовательно, он связан с тем, что Ярроу скрывает от церкводарства.

Последовавший за этим отказ отращивать бороду показался нам более чем подозрительным. За ним установили слежку, и наш агент обнаружил, что козл покупает вдвое больше продуктов, чем ему нужно. К тому же, как только вы, очкецы, научились у нас делать сигареты, он тут же стал их у вас покупать. Вывод был очевиден: он прячет у себя женщину.

Мы сразу отмели версию, что это женщина-очкец, так как ее прятать не было никакой необходимости. Таким образом, она должна была быть человеком. Но мы не могли догадаться, как она попала на Этаоз. Не мог же он, в самом деле, прятать ее на «Гаврииле» в течение всего полета! Значит, она прилетела сюда на каком-то другом звездолете или же была потомком тех, кто бывал здесь до нас.

Ключ к этой проблеме дал нам разговор Ярроу с Тарнбоем. Да, она была отпрыском французских космонавтов. Где этот козл ее разыскал — мы не знаем. Да это и не так уж важно сейчас. Со временем мы расследуем это дело с пристрастием и узнаем все подробности.

— Я думаю, что вы докопались гораздо глубже, — вкрадчиво сказал Фобо. — Вы же узнали как-то, что она — не человек?

— Извините, я присяду, — пролепетал Хэл. — Меня что-то ноги не держат...

ГЛАВА 19

На подгибающихся ногах он шагнул к стене и плюхнулся на стул. Один из уззитов сделал шаг в его сторону, но Макнефф жестом приказал ему оставаться на месте и ответил:

— Тарнбой нашел очкеца, который перевел ему одну из ваших книг по истории человека на Этаозе. Он встретил там столько упоминаний о лалитах, что у него возникло предположение: девушка, которую мы ищем, могла быть только одной из них.

Неделю назад один из ваших психиатров упомянул между делом в разговоре о том, что как-то исследовал одну лалиту, но она сбежала. Догадаться, где она прячется, не составило нам особого труда.

— Мальчик мой, — спросил Фобо, поворачиваясь к Хэлу, — разве ты не прочел учебник Ве'енаи до конца?

— Мы начали читать, но потом Жанет его куда-то забросила.

— И конечно же, доказала тебе, что у тебя есть занятия и проблемы поважнее? О, они прекрасно умеют вертеть сознанием мужчины, как им хочется. Ну а почему бы и нет? Ведь именно в этом заключается весь смысл их жизни!

Сейчас я тебе все объясню. Лалита относится к типу мимикрирующих паразитов, причем это наиболее развитый их вид из всех нам известных. Среди разумных существ они вообще уникальны. И их уникальность в том, что все они только женского пола. Если бы ты прочел книгу Ве'енаи, ты бы знал, что археологи обнаружили их останки еще в том периоде, когда этаозский человек представлял собой насекомоподобную обезьяну. Уже тогда в их стаях наряду с самками их вида жили самки лалит. Эти животные выглядели и, конечно же, пахли, как и самки человекообразных обезьян, и поэтому они жили в стаях и совокуплялись с самцами наравне со своими млекопитающими сестрами. Но, хотя они выглядели как близнецы, вскрытие доказало их принадлежность к псевдочленистоногим.

Существует гипотеза, что лалиты паразитировали на предках гуманоидов еще задолго до того, как те развились до обезьян, то есть они могли встретиться почти сразу, как только

вышли из породившего их океана. Первоначально этот вид делился на два пола, но потом в процессе эволюции в нем остались только женские особи.

Лалита — самый удивительный эксперимент природы в области паразитизма и поиска параллельных путей развития: по мере эволюции гуманоида лалита мгновенно копировала все его изменения, так как теперь она зависела для продолжения своего рода от мужчин чужого вида.

Легкость, с которой они вошли в первобытные племена неандертальцев и питекантропов, просто поражает. Но с появлением на арене гомо сапиенс у них начались трудности. Их приняли лишь несколько племен и семей, в остальных же их безжалостно убивали, чувствуя чужаков. Им пришлось для сохранения вида пойти на невиданные ухищрения, и они стали пытаться выдавать себя за настоящих женщин. Впрочем, им это было нетрудно: они достигли такого уровня мимикрии, что различия проявлялись только в одном случае — когда они беременели, так как их беременность всегда кончается обязательной смертью матери-лалиты.

Хэл издал какой-то утробный рык и закрыл лицо руками.

— Хоть и больно, зато — правда, как сказал бы наш друг Макнефф, — продолжал Фобо. — Эта их тайна породила образование так называемых женских общин, куда лалита могла уйти, обнаружив, что она беременна. Там она рожала, и ее товарки заботились о ее нимфах, пока те не принимали тот вид, в котором могли вернуться в человеческое общество, куда их чаще всего внедряли как подкидышей и подменышей.

О них сохранилось множество упоминаний в народном фольклоре. Правда, чаще всего им отводилась роль ведьм, демонов и прочей нечисти.

Но однажды в их судьбе произошла счастливая перемена: первобытные племена научились изготавливать алкогольные напитки. А алкоголь оказывал на их организм поистине чудесное действие — он делал их стерильными и практически бессмертными: их не брала никакая болезнь, более того — их невозможно было убить никаким способом. Даже несчастные случаи, катастрофы, природные катаклизмы не могли нанести их телам никакого вреда.

Хэл отнял руки от лица:

— Ты... ты хочешь сказать, что Жанет могла бы жить вечно? А я поил ее...

— Да, она могла бы прожить еще много тысячелетий — мы имеем доказательства, что такие среди них встречаются. И, кроме того, они не подвержены физическому старению и

навсегда остаются в состоянии организма, соответствующем возрасту двадцати пяти лет.

Может быть, то, что я собираюсь сейчас рассказать, тебе будет больно слышать, но это должно быть сказано.

Неимоверно большой срок жизни лалит привел к тому, что они постепенно пришли к верховной власти у народов, среди которых жили и нередко почитались как богини. Иногда они жили так долго, что, придя в юности в крошечное племя, становились свидетельницами его развития, подъема, превращения в большое государство и его расцвета, потом переживали его падение и рассеивание в других народностях. А это, как ты знаешь, процесс достаточно долгий. При подобном долгожительстве лалиты стали как бы средоточием власти, мудрости и богатства. Даже появились религии, в которых лалитам поклонялись как бессмертным богиням, и их любовниками становились сменяющие друг друга смертные короли и священники.

Правда, некоторые народы изгнали лалит, но и в этом случае такие племена либо покоряли народы, находившиеся под правлением долгожительниц, либо их правители заменяли марионетками. Будучи всегда прекрасными, они становились женами и предметом обожания наиболее влиятельных людей. В состязании с женщинами-гуманоидами они, приняв правила игры своих соперниц, уложили тех на обе лопатки. В лалите природа создала образец совершенной женственности.

Они веками продолжали оттачивать мастерство на своих любовниках и полностью захватили над ними власть. Но только не друг над другом. Некогда созданное тайное общество взаимопомощи стало трещать и разваливаться на куски. Лалиты стали идентифицировать себя с нациями, которыми они правили, и натравливать их друг на друга. Бессмертие цариц стало причиной, по которой сравнительно молодые лалиты, не имевшие трона, вступали с ними в борьбу за власть, что, естественно, повлекло за собой волну преступлений и кровопролитий.

К тому же их влияние стало фактором деградации общества, так как они стремились к сохранению статус-кво во всех областях культуры, а это постепенно привело к тому, что любые прогрессивные идеи стали отвергаться и люди, защищавшие их, просто уничтожаться.

Фобо помолчал, а потом продолжил:

— Все это, конечно, только гипотеза, которая в основном базируется на том, что рассказывали нам те немногочисленные гуманоиды, которых мы ловили в джунглях. Но, кроме того, в одном очень давно разрушенном дворце мы нашли

пиктограммы, которые дали нам дополнительную информацию и отчасти подтвердили наши теории. Поэтому мы считаем свою реконструкцию истории лалит достаточно обоснованной.

Да, кстати, Жанет вовсе необязательно было от нас сбегать: как только мы получили бы все необходимые сведения, ее тут же вернули бы к семье. Мы даже обещали ей это, но она, как видно, не поверила.

Из дверей операционной вышла санитарка и что-то прошептала сочувственнику на ухо. Макнефф, очевидно, пытаясь подслушать, как бы ненароком приблизился к ним, но, так как она говорила на сиддо, который он так и не удосужился выучить, сандальфон продолжил свои хождения взад-вперед с разочарованным видом. Хэл только сейчас начал соображать и очень удивился тому, что его не выволокли отсюда в первую же секунду, а также тому, что Макнефф хочет выслушать Фобо до конца. Но потом он объяснил себе это тем, что, очевидно, архиуриэлит хочет, чтобы рассказ о подноготной Жанет превратился для него в пытку.

Санитарка снова ушла в операционную, и тогда Макнефф громко вопросил:

— Ну что, эта тварь мертва?

Хэл вздрогнул от слова «мертва», как от удара, но Фобо не обратил внимания на сандальфона.

— Твоих личин... то есть твоих детей извлекли. Теперь они в инкубаторе. Они... — он замялся, — хорошо покушали. В общем, они будут жить.

По его тону Хэл понял, что о состоянии матери спрашивать уже ни к чему. И тут из круглых голубых глаз сочувственника заструились крупные слезы.

— Ты не сможешь понять того, что произошло, пока не вникнешь в суть их уникального метода самовоспроизведения, Хэл. Для зачатия лалите необходимы три условия. Первое состоит в том, что девочка, достигшая половой зрелости, должна быть инфицирована созревшей женщиной, так как это необходимо для получения ею наследственного материала.

— Наследственного материала? — несмотря на свой шок и ужасное положение, Хэл внезапно заинтересовался тем, что говорил Фобо.

— Да. Хотя лалиты и должны использовать мужчину как инициатора, получить от него это они не могут и вынуждены обмениваться между собой. Вот как это происходит: дело в том, что лалита, достигшая зрелости, имеет как бы три банка генов. Два из них дублируют хромосомы друг друга, а третий... О нем мы поговорим чуть позже.

Матка лалиты содержит яйцеклетки, гены которых дублируются в микроскопических живчиках, формирующихся в слюнных железах, находящихся у лалиты во рту Взрослая особь выделяет их постоянно.

У девочки, не достигшей половой зрелости, очевидно, есть иммунитет к ним, но, как только она созревает, избежать заражения ей невозможно: инфекция передается через что угодно — поцелуй, брызги слюны, просто прикосновение. Получив от зрелой лалиты гены посредством этих микроскопических, невидимых глазом живчиков один раз, девушка начинает вырабатывать иммунитет против слюнных клеток других лалит. Таким образом, этот обмен происходит один-единственный раз. Живчики, попав в организм, сразу же начинают всеми путями — через кровеносную систему, кишечник, клетки кожи — пробиваться к матке. Там эти слюнные клетки соединяются с яйцеклетками матки, чтобы производить зиготы. И тут оплодотворение временно приостанавливается, так как теперь обеспечены все генетические данные для производства новой лалиты, за исключением тех, что формируют черты лица будущего ребенка. Вот эту-то информацию лалита и получает от мужчины, с которым совокупляется. Но происходит это не раньше, чем будут выполнены два остальных необходимых условия.

Одно из них — это обязательный оргазм. Другое — стимуляция фотокинетических нервов. Одно не может состояться без другого. И конечно, оба эти условия не смогут реализоваться, если не будет реализовано первое. Очевидно, слияние слюнных и маточных яйцеклеток становится причиной химических изменений в организме лалиты и делает ее способной переживать оргазм и полностью использовать фотокинетические нервы.

Фобо замолчал и повернул голову, словно прислушиваясь к чему-то снаружи. Хэл, уже хорошо разбирающийся в мимике и пластике очкецов, понял, что тот ждет: с минуты на минуту должно произойти что-то очень важное. Очень-очень важное. И, что бы это ни оказалось, оно напрямую касалось землян.

И вдруг его пронзила невероятная мысль, что он, оказывается, на стороне очкецов! Для землян (для Гайяака-то точно!) он стал теперь отщепенцем.

— Ты, похоже, полностью сбит с толку, — сказал ему Фобо.

— Полностью, — признался Хэл. — Например, я никогда в жизни не слышал о фотокинетических нервах.

— Ну, это бывает только у лалит Начинаясь в сетчатке глаза вместе со зрительными нервами, они идут в головной мозг, а затем по спинному мозгу устремляются к матке, кото-

рая совсем не похожа на аналогичный орган земной женщины. Их даже невозможно сравнивать. Ее скорее можно назвать комнатой для проявки, расположенной в лоне лалиты, где царит фотограф, печатающий фотографическое изображение лица отца на лицах его дочерей.

Это происходит при помощи фотогенов: они-то и хранятся в третьем банке, о котором я тебе уже говорил. Благодаря освещению, которого лалита обязательно требует при половом акте, в момент оргазма в этом нерве происходит серия электромагнитных реакций и он как бы «фотографирует» лицо мужчины. Спинальный рефлекс не дает лалите в этот момент закрыть глаза. Более того, если она, скажем, закроет глаза руками, она тут же перестанет испытывать оргазм.

Ты сам мог это заметить во время актов с ней (так как я уверен, что она настаивала на том, чтобы и ты не закрывал глаз); ее зрачки в этот момент сужаются до размеров игольного ушка. Это явление обусловлено ее рефлексом, направленным на то, чтобы ограничить поле зрения только твоим лицом. Эдакая природная диафрагма. Мы не знаем, каким путем фотокинетические нервы передают в банк данных информацию о цвете твоих волос. Но как-то они это делают.

У тебя волосы темно-рыжего оттенка. Эта информация каким-то образом попала в банк данных, и он тут же отверг все гены, отвечающие за другие цвета. Ген «рыжести» дублируется и присоединяется к зиготе. То же самое происходит со всеми остальными генами, определяющими черты лица будущих дочерей. Форма носа, который должен быть более женственным, достигается определенной комбинацией генов, которая также дублируется и...

— Ну что, наслушался?! — внезапно загремел Макнефф. — Ты породил личинок! Лярв! Монстров, зачатых в омерзительном многоложном блуде! Дети-насекомые! И все они будут иметь твое лицо — живые свидетельства твоей... даже не животной — насекомой похоти!

— Я, конечно, не очень большой знаток людей, — перебил его Фобо, — но этот молодой человек произвел на меня впечатление человека энергичного и достаточно самостоятельного. По-своему, по-человечески, как вы понимаете...

Он обернулся к Хэлу:

— Теперь ты знаешь, почему Жанет было так необходимо освещение в определенные моменты. И почему она требовала алкоголь. Ведь если она пила перед совокуплением, ее фотокинетический нерв, очень чувствительный к его воздействию, как бы анестезировался. Таким образом она могла испытывать оргазм без риска забеременеть и зародить в себе свою будущую

смерть. Но когда ты стал замещать алкоголь «Алкодотом», конечно, не подозревая ни о чем...

Макнефф разразился мефистофельским хохотом:

— Что за ирония судьбы! Истинно сказано, что за многоложество плата одна — смерть!

ГЛАВА 20

— Не стесняйся, Хэл, — громко сказал Фобо. — Плачь, если хочешь. Что, не можешь? Желаю тебе выплакаться — станет легче.

Ладно, я продолжаю. Лалита, как бы по-человечески она ни выглядела, все же не смогла до конца избавиться от своей наследственной принадлежности к членистоногим. Нимфы, которые выведутся из личинок, очень скоро станут похожи на обычных детей. Но сейчас на самих личинок, думаю, тебе лучше не смотреть, хотя они не уродливее пятимесячного человеческого эмбриона (во всяком случае для меня).

Грустно говорить о том, что дающая жизнь лалита обязана умереть во время родов. Сотни миллионов лет назад, когда она была еще примитивным членистоногим, в ее теле сформировался гормон, кальцифицировавший ее кожу, превращавший ее самое в склеп для себя и инкубатор для будущих детей. Она окукливалась, и ее личинки первое время, вылупившись из яичек, питались ее органами и костями, размягчавшимися из-за оттока кальция к внешней оболочке. Все функции личинок заключаются в том, чтобы есть и расти, затем они превращаются в нимф и выходят из своего инкубатора на свободу, пробивая скорлупу в самом слабом месте. Эта точка уязвимости расположена в пупке — он единственный остается мягким, когда остальной эпидермис кальцифицируется. К тому времени когда нимфы готовы выйти, в мягких тканях пупка начинается процесс разложения, что является толчком для химического процесса декальцификации скорлупы вокруг него, постепенно захватывающего весь живот. Нимфы, еще слабые, похожие на человеческих детей, но гораздо меньше их размерами, подчиняясь инстинкту, «проклевываются» сквозь ставшую хрупкой и тонкой оболочку.

Ты должен понять, Хэл, что пупок не только мимикрия, он еще и функционален. Так как личинки не связаны с матерью пуповиной, у них, конечно, нет пупка как такового, но вместо него есть имитирующий его нарост, играющий, как ты видел, важную роль при родах.

Кстати, груди взрослой особи также имеют двойную функцию. Как и у земной женщины, они одновременно служат для

сексуальной привлекательности и играют свою роль в процессе беременности. Конечно, они никогда не дадут молока, но в них находятся особые железы, которые с момента окончательного оплодотворения начинают работать как два мощных насоса, стимулирующих кальцификацию внешнего покрова.

Как видите, у природы все функционально.

— Я могу понять необходимость фотогенеза среди гуманоидов — на их ступени эволюции. Но так как лалита относится к животным, — сказал Хэл, — почему же им так необходимо копировать черты лица отца? У животных разница в чертах между мордой самца и самки невелика и не играет такой важной роли.

— Не знаю, — ответил Фобо. — Возможно, лалита прегуманоидная не использовала свой фотокинетический нерв. Еще возможно, что этот нерв в процессе эволюции трансформировался из некоего другого органа, выполнявшего другие функции. Возможно, это вообще рудиментарный орган. У нас есть некоторые свидетельства того, что некогда лалита, постепенно поднимаясь по эволюционной лестнице, использовала фотогенез для копирования человеческих органов. Это звучит довольно правдоподобно, учитывая, что это ей было необходимо для выживания. К сожалению, к тому времени когда наша наука развилась настолько, что мы смогли заняться изучением лалит, получить возможность исследовать их стало почти невозможно. То, что мы нашли Жанет, было делом случая. И даже ее мы не успели подробно исследовать — ряд ее органов до сих пор для нас еще тайна за семью печатями. А для того чтобы говорить о каких-то серьезных результатах и выводах, нужно обследовать не одну, а десятки особей.

— Еще один вопрос, — сказал Хэл. — А что бывает, когда у лалиты больше чем один партнер? Чьи тогда черты лица унаследуют ее дети?

— Ну, если лалиту, например, изнасилует банда, она просто не испытает оргазма, так как негативные эмоции страха и отвращения исключат саму его возможность. Если же у нее будет больше чем один партнер (при условии, что она не пила перед этим), ее дети будут имитировать черты лица того, кто был у нее первым. Потому что к тому времени, когда она начнет акт со следующим (даже если он будет немедленно после первого), реакции оплодотворения уже завершатся.

Фобо скорбно покачал головой:

— Самое печальное, что за все эпохи развития в лалитах не изменилось одно: матери жертвуют собой ради потомства. Поэтому Природа в качестве компенсации и дала им особый дар: по аналогии с рептилиями, которые продолжают расти в

течение всей своей жизни, лалита может жить до тех пор, пока она не забеременеет. А тогда...

— Замолчи! Хватит! — закричал Хэл, вскакивая на ноги.

– Прости меня, — мягко сказал Фобо. — Я просто пытаюсь объяснить тебе, почему Жанет не могла рассказать тебе всей правды о себе. Должно быть, она действительно любила тебя, Хэл. Она испытывала к тебе искреннюю страсть и глубокую привязанность. Она была счастлива ощущать полное слияние с тобой, настолько полное, что трудно было сказать, где кончается одно тело и начинается другое... Я знаю, что так и было — как сочувственник, я умею войти в нервную систему любого существа и полностью испытать все его эмоции.

Но в ее любви к тебе всегда был привкус горечи: она боялась, что ты, узнав, что она относится к совсем чуждой тебе ветви животных на древе эволюции и что она благодаря своему внутреннему строению не способна к нормальному человеческому браку и деторождению, в ужасе отвернешься от нее. Эта мысль отравляла даже самые светлые минуты ее жизни.

— Нет! Я все равно любил бы ее! Да, сначала я был бы потрясен. Но я сумел бы преодолеть себя. Для меня она была человеком. Да она была человечнее любой женщины, которых я встречал в своей жизни!

Макнефф издал звук, словно его тошнило. С трудом справившись с собой, он зарычал:

— Ты, гнездилище порока! Да как можешь ты оставаться спокойным, узнав, что возлежал с развратным чудовищем?! Почему ты еще не вырвал себе глаза, взиравшие на нее с низким вожделением? Почему ты до сих пор не откусил себе губы, целовавшие ее насекомую плоть? Почему ты не отрубил руки, блудливо щупавшие эту чудовищную карикатуру на женское тело? Почему ты не вырвал с корнем член, которым ты...

— Макнефф! — попытался пробиться сквозь эту гневную тираду Фобо. — Макнефф!!

Похожая на череп голова медленно повернулась к сочувственнику. Глаза его мрачно сверкнули, а губы раздвинулись в ужасающей из улыбок — оскале ярости.

— Что? — пробормотал он, словно очнувшись.

— Макнефф, я хорошо знаю ваш психологический тип. Разве вы не планировали сохранить лалиту для себя, если она только останется в живых? Да-да, для себя. Для своих плотских утех! И не является ли основной причиной вашей ярости то, что ваши надежды не сбылись? В конце концов, у вас уже год не было женщины и...

Сандальфон разинул рот. Кровь бросилась ему в лицо, сделав его багровым, но тут же цвет сменился на трупно-желтый. Он зловеще ухнул, как филин:

— Довольно! Уззиты, отведите этого... это существо, называвшее себя человеком, в шлюпку.

Двое в черном приблизились к Хэлу отработанным за долгие годы маневром: спереди и сзади. Они уже привыкли, что арестованные никогда не оказывали сопротивления: перед представителями церкводарства любые преступники немели от страха. Поэтому и сейчас, невзирая на исключительность ситуации, так как Хэл был вооружен, они не ожидали от него никакого сопротивления.

Он и стоял с опущенной головой, ссутулившись, руки безвольно висели — типичный арестант, подходи и бери.

Но так он простоял не более одной секунды, а уже в следующую он превратился в свирепого тигра.

Уззит, подступавший к нему спереди, полетел кувырком, пачкая хлещущей изо рта кровью свой черный китель. Врезавшись в стену, он со стоном выплюнул несколько зубов.

А Хэл тем временем, крутанувшись на каблуках, уже впечатал с размаху свой кулак в пухлое объемистое брюхо того, что стоял у него за спиной.

— Уфф! — вот и все, что смог сказать на это уззит, и попытался рухнуть, но, оседая, наткнулся подбородком на предупредительно согнутое колено Хэла: раздался треск ломающихся костей, и уззит растянулся на полу, окончательно выйдя из игры.

— Осторожно! — завизжал Макнефф. — Он вооружен!

Рука уззита, лежавшего у стены, нырнула под китель, пытаясь вытащить из кобуры пистолет, но огромный фолиант в бронзовом переплете, брошенный Фобо, попал ему прямо в висок.

— Ты смеешь оказывать сопротивление, Ярроу! — кричал Макнефф. — Ты еще сопротивляешься!

— И еще как шиб сопротивляюсь! — проревел Хэл и устремился на сандальфона.

Макнефф занес плеть — семь тонких хвостов впились Хэлу в лицо и обвились вокруг его головы. Но он, словно и не почувствовав боли, обрушился всем весом на фигуру в пурпуре и свалил ее на пол.

Макнефф приподнялся на колени, но Хэл, рухнув рядом, дотянулся до его горла и с наслаждением его сдавил.

Лицо архиуриэлита посинело, он вцепился в запястья Хэла, пытаясь оторвать его руки от себя, но обезумевший козл только усилил хватку

— Ты... не смеешь... сделать... — задыхаясь, просипел Макнефф, — не можешь... невозмож.

— Могу! И смею! — пыхтел Хэл. — Я всю жизнь мечтал сделать именно это, Порнсен!.. То есть Макнефф!

Вдруг весь дом заходил ходуном так, что задребезжали оконные стекла. И почти сразу же раздался ужасающий грохот. Воздушная волна ударила в окна, и стекла вылетели. Хэл растянулся на полу. Ночь снаружи превратилась в день. А потом снова обрушилась ночь.

Хэл поднялся на ноги. Макнефф продолжал лежать, ощупывая шею.

— Что это было? — спросил Хэл у Фобо. Тот молча направился к разбитому окну, не обращая внимания на кровоточащую царапину на щеке, и выглянул наружу.

— Случилось то, чего я так долго ждал, — наконец сказал он и, повернувшись к Хэлу, добавил: — С первой минуты как «Гавриил» приземлился, мы стали подрываться под него. И...

— Но ведь наши звуковые детекторы...

— ...уловили шум подземных поездов, проходивших прямо под кораблем. Так мы и рыли только тогда, когда шли поезда, чтобы скрыть шум наших работ. Раньше поезда шли по тоннелю каждые десять минут, но мы стали пускать их каждые две минуты, особенно под конец, и позаботились о том, чтобы это были в основном длинные товарняки.

Пару дней назад мы закончили заполнение полости под «Гавриилом» порохом. И уж поверь мне, завершив это, мы все вздохнули с облегчением, так как все же опасались, что нас смогут услышать, или того, что огромный вес корабля может продавить почву под собой и уничтожить все наши труды. Ну и наконец, капитан мог по какой-нибудь причине просто поменять место стоянки.

— Вы его что, подорвали? — спросил Хэл. Он уже устал удивляться — слишком быстро все происходило.

— Надеюсь. Хотя сколько бы тонн взрывчатки мы под него ни подложили, он все-таки построен так крепко, что ее могло не хватить. С другой стороны, нам не хотелось бы особенно его разрушать, потому что мы собирались его потом как следует изучить.

Наши расчеты показали, что ударная волна, пройдя сквозь металлическую обшивку, убьет всех, кто будет находиться на борту.

Хэл тоже подошел к окну. По бледному от лунного света небу растекался сизый дым — скоро он окутает весь город.

— Вам лучше немедленно послать на борт своих людей, — сказал землянин. — Если взрыв только оглушил офицеров, дежурящих на мостике, и если они придут в себя до того, как

вы успеете до них добраться, они взорвут водородную бомбу. А она уничтожит все на много миль вокруг. Ваш взрыв по сравнению с тем, что может быть, — легкое дуновение. И что еще хуже: после него останется радиоактивное излучение, которое, если ветер его отнесет в глубь континента, может убить миллионы.

Фобо побледнел и попытался выдавить улыбку:

— Я думаю, что наши солдаты уже на борту. Но я сейчас же свяжусь с ними и предупрежу, чтобы они были особенно внимательны...

Он вернулся через минуту, и теперь ему уже не нужно было прилагать усилий, чтобы широко улыбнуться:

— На борту нет ни одного живого человека, включая и тех, что на мостике. Я посоветовал капитану группы захвата быть поосторожнее с незнакомыми кнопками.

— Да, вы, похоже, все предусмотрели, — вздохнул Хэл.

Фобо нахмурился:

— Мы очень миролюбивы. Но мы реалисты. И когда мы собираемся провести акцию против хищников, то лучшее, что мы можем сделать для сохранения своей жизни, — это истребить их полностью. На нашей планете у нас уже есть большой опыт борьбы с хищниками и паразитами.

Он взглянул на сандальфона, поднявшегося на четвереньки, мотающего головой с остекленевшими глазами, словно раненый медведь.

— Но тебя, Хэл, я не причисляю к хищникам. Ты абсолютно свободен — иди куда хочешь, делай что хочешь.

Хэл опустился на стул и сказал потерянно:

— Я думал, что всю свою жизнь я только и мечтал об этом: о свободе идти куда хочу и делать что хочу. Но сейчас — что у меня осталось? Только она — свобода. И что мне с ней теперь делать? Я уже ничего не хочу.

— Да, крепко тебе досталось, — всхлипнул Фобо, и из его глаз сочувственника заструились слезы, собираясь крупными каплями на кончике его длинного носа. — У тебя остались еще твои дочери. Тебе есть о ком заботиться и есть кого любить. Они проживут в инкубаторе совсем недолго. Они хорошо перенесли извлечение из материнского тела и скоро станут очаровательными малышками. Они же твои! И ничуть не хуже обычных земных детей. К тому же они — вылитый ты (конечно, женская модификация твоего лица). В них твои гены. И так ли уж важно, получили они их привычным тебе или фотокинетическим способом?

И без женщины ты не останешься. Ты забыл, наверное, но у Жанет есть еще сестры и тетки — все они молоды и прекрасны. Я уверен, что мы сможем их найти.

Хэл сгорбился и закрыл лицо руками:

— Спасибо, Фобо, но это не для меня.

— Сейчас — да. Конечно, — мягко сказал сочувственник. — Но со временем твоя боль ослабеет, и ты снова почувствуешь вкус к жизни.

Кто-то вошел в комнату. Хэл поднял голову и увидел, что это санитарка.

— Доктор Фобо, мы собираемся увозить тело. Хочет ли человек проститься с ним?

Хэл покачал головой. Фобо озабоченно положил ему руку на плечо:

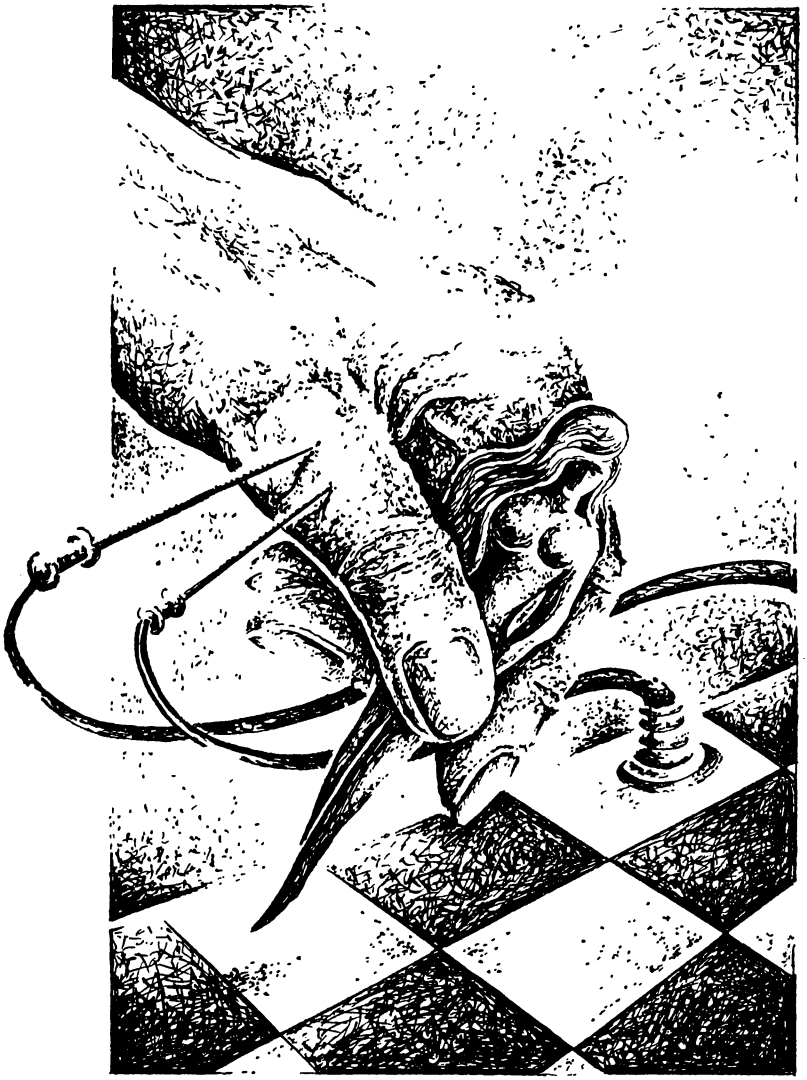
— Похоже, ты близок к обмороку. Сестра, у нас есть какие-нибудь нюхательные соли?

— Не надо, обойдусь, — слабо отмахнулся Хэл.

Две санитарки вывезли из операционной носилки на колесиках, покрытые белой простыней, под которой проступали контуры куколки. Лишь с подушки струились волнами темные пышные волосы.

Хэл не встал навстречу. Он так и остался сидеть на стуле, обхватив голову руками.

— Жанет! — стонал он. — О, Жанет! Если бы ты любила меня настолько, чтобы рассказать мне обо всем...



КОНЕЦ ВРЕМЕН

ГЛАВА 1

Доктор Лейф Баркер притянул женщину к себе. Она не сопротивлялась — пока; не за этим она пришла к нему. Насколько было известно Баркеру, женщина намеревалась проявить покладистость, а затем вопить во всю глотку, пока не ворвутся поджидающие поблизости уззиты, чтобы арестовать богохульника. Или сделать вид, что арестовывают.

Женщина подняла взгляд; ее накрашенные губы были полуоткрыты.

— Вы думаете, это все же верносущно? — спросила она.

— Во всяком случае, реально, — ответил Лейф и накрыл ее губы своими.

Она отозвалась на его поцелуй страстно — даже слишком страстно: он-то знал, что она играет. И переигрывает. Или... быть может, ей такая работа нравится больше, чем пришлось бы по вкусу ее начальству.

Лейф протянул руку и, прежде чем женщина поняла, в чем дело, ухватил стягивавший тонкую шею плоеный воротничок и с силой разодрал сзади ее платье.

Голубые глаза широко раскрылись, женщина попыталась отстраниться, сказать что-то, но Лейф впился в ее губы. Она не смогла даже шевельнуться, прежде чем оказалась обнажена до талии. Потом Лейф отпустил ее, готовый оглушить ее ударом ребром ладони по шее при попытке взвизгнуть.

Женщина, однако, была совершенно ошеломлена той стремительностью, с которой он приступил к соблазнению. Возможно, она недостаточно долго занималась своим ремеслом, чтобы без должного почтения отнестись к ламедоносцу. Благодаря промывке мозгов она твердо усвоила, что занимающий пост Лейфа Баркера — выше всяких подозрений. Возможно.

Что бы ни творилось в ее мозгу, лицо женщины оставалось прекрасно. Тот, кто послал ее, знал, что делал. Трудно не поддаться чарам этой хрупкой высокой блондинки, чье тело

кричало о женственности, но черты лица сохраняли детскую невинность. Страстное, но все же дитя. Однако обнажившиеся теперь груди разрушали это впечатление, и Лейфу стало легче решиться продолжить план.

Осознав, что Лейф бесстыдно разглядывает ее бюст, женщина поспешно прикрыла грудь ладонями. Лейф расхохотался.

— В чем дело? — спросил он. — Тебе вдруг расхотелось становиться моей любовницей? И ты вовсе не восхищалась мной издалека, сколько себя помнишь? И ошиблась, придя сюда, чтобы отдаться мне? Решила не нарушать законов святого церкводарства?

— Н-нет, — чуть запинаясь, ответила женщина. — Я... я просто не ожидала, что...

— Что твои приятели не успеют добраться сюда, прежде чем я совращу тебя по-настоящему, — закончил Лейф все с той же чарующей улыбкой.

Женщина побледнела, раскрыла рот, пытаясь ответить, но парализованная ужасом глотка отказывалась пропускать звуки.

— Это символ нашего времени, — заметил Лейф.

— К-какой символ? — выдавила из себя женщина.

— Когда-то, — объяснил Лейф, — носивший этот символ, — он дотронулся до приколотого к рубашке значка — золотого «Л» еврейского алфавита, — считался выше всех искушений. А будучи выше искушений, он оказывался выше подозрений. И уззиты не пытались тогда доказать верносущность его поступков неуклюжими попытками соблазнения. Но мы живем в убогое время и подозреваем всех. — Он помолчал секунду и резко спросил: — Тебя Кандельман послал?

Женщина вздрогнула, и Лейф понял, что нащупал правду с первой попытки. Итак, его проверяло не руководство Корпуса Холодной Войны. Ловушку поставил Кандельман, глава уззитов — тайной полиции союза Гайяк.

— И много твоих приятелей сидит в засаде? — осведомился он.

Женщина молчала. Лейф взял ее за руки и резко отвел их, заставляя обнажить груди. Женщина отвернулась, чтобы не видеть его глаз. Снизу вверх, от самых бедер по бледной коже начал распространяться румянец.

— Не хочешь говорить — не надо, — произнес Лейф. — Гляди!

Он отошел, нажал несколько потайных кнопок на стене, и тут же перед ним засветился экран. Видна была гостиная пентхауза и три распростертых на полу тела в черных уззитских мундирах.

— Ламедоносцы имеют много привилегий, — пояснил Лейф. — Одна из них — право защищать свое уединение. Так

что нажатием этой вот кнопки я могу наполнить гостиную наркотическим газом.

— Но газовые клапаны дол... — Женщина осеклась.

— Должны были быть испорчены одним из твоих приятелей? — ехидно подбодрил ее Лейф. — Так оно, наверное, и было. Но не такой же я дурак, чтобы не установить дублирующую систему, о которой Кандельман, увы, не знает.

Женщина судорожно пыталась прикрыться обрывками платья. В ее голубых глазах плескался ужас.

— Зачем вы мне это рассказываете? — прошептала она.

Из ее вопроса Лейф понял: она ждет, что Лейф убьет ее.

— Потому что ты будешь и дальше работать на Кандельмана, — объяснил он. — И на меня — тоже. Но верна ты будешь прежде всего мне. Выдать меня уззитам ты побоишься.

— О чем вы?.. — выдохнула она.

Лейф медленно подошел, вновь потянулся к ее груди.

— Ну ты же знаешь Кандельмана. Он не потерпит полового многоложества даже от своих агентов. Я ведь знаю — тебе полагалось возбудить меня и тут же позвать своих. Кандельман у нас такой высокоморальный — он готов убить человека или ввести в искушение ламедоносца, но не потерпит, чтобы его девочки играли роль до конца.

— Не хотите же вы...

— Конечно, хочу. После того как я тобой овладею, ты вряд ли осмелишься выдать меня Кандельману. Кроме того, ты красива, а у меня уже месяц не было женщины.

— А ваша жена? — Женщина попятилась.

— Мы с женой, — Лейф коротко рассмеялся, — даже не целовались.

Его жертва отступала, пока не уперлась обнаженными лопатками в холодный камень стены. Тогда она рухнула перед ним на колени.

— Во имя любви Предтечи! — взмолилась она. — Не надо! Я буду проклята навеки!

Какое-то мгновение Лейф и вправду подумывал: а не отпустить ли ее. Потом он решил не делать глупостей. Чтобы эта подсадная утка не выдала его Кандельману, ему надо или изнасиловать ее, или убить. Последнего делать ему не хотелось. Красивая все же женщина.

— Дорогая моя Ингрид, — пропел он успокаивающе, — это вовсе не так омерзительно, как ты думаешь.

— Нет, прошу вас! — надрывно взвизгнула она. — Меня заставили! Кандельман отправил бы моего отца к Ч, если бы я отказалась!

Лейф заколебался. Может, в этой истории есть доля правды? Сомнительно. Фанатик Кандельман доверился бы только другому фанатику.

— Ты лжешь, — проговорил Лейф. — А если и не лжешь — я хочу тебя!

Он подхватил ее и легко поднял с пола. Через пять минут она прекратила сопротивляться, а еще через минуту — отвечала ему с той же страстью, что и до той секунды, когда Лейф сорвал с нее платье. Теперь она не играла — в этом Лейф был уверен.

ГЛАВА 2

В прозрачном кубе на стене бушевал вихрь огненных искр, бросался на стенки, как пойманный зверь; катились тучи и сверкали молнии.

Внезапно хаос сменился порядком. Куб бешено затрещал, в нем поплыли тени, одна из которых напоминала сидящего за столом человека. Несколько секунд контуры его колебались, потом, точно решив все-таки воплотиться, тень обрела четкие очертания, став миниатюрным подобием реальности.

Показывал куб правительственную телестудию. Стол, диктор за столом и портрет Исаака Сигмена за спиной диктора были точным подобием настоящих, только вшестеро меньше.

В своем пентхаузе на крыше больницы Суровой Благости доктор Лейф Баркер потягивал кофе и сонно пялился в куб. С каждым днем устройство работало все паршивее. Можно, конечно, вызвать перегруженных работой техов, и если те смогут реквизировать требуемые материалы — очень большое «если», — то доведут куб до девяноста процентов КПД. Ненадолго — потому что скверного качества запчасти быстро вернут аппарат к нынешним семидесяти восьми процентам.

Нет, техов вызывать не стоит. Эти неполадки — знак грядущих перемен.

Лейф Баркер глотнул обжигающего кофе. «Добрый знак».

Лейфу такие знаки нравились. Он сам создавал их, он был пауком, который, сплетя сеть, время от времени подергивает за ниточки.

— ...Верносущен ли приход Конца Времен в течение года, нельзя сказать, — бубнил голос в кубе. — Однако события последних шести месяцев указывают на подобную возможность. Все вы знаете, о чем идет речь — странные знамения и знаки, столь многочисленные в последнее время.

Лейф сонно усмехнулся. Да, руководство союза Гайяак само распустило слухи о скором Конце Времен — предсказанном священными писаниями дне, когда Сигмен вернется из

своих странствий по прошлому и будущему в настоящее. В тот день сокрушатся враги его и награждены будут истинно верующие. Каждый из верносущных получит в свое распоряжение собственную вселенную; никто больше не будет иметь власти над избранными, и ангелы-хранители не будут больше проверять каждый их шаг.

Правительство Гайяак само решило отвлечь собственных жителей от утомительного труда и нищенской зарплаты. Но эстафету перехватил Корпус Холодной Войны Пограничья, и крохотный камушек вызвал лавину. По плану Корпуса, средний «гайка» должен истово поверить в скорое пришествие Сигмена, самого Предтечи.

«А когда народ начнет ожидать Конца Времен со дня на день — берегитесь, гайки! Вы получите не одного Предтечу, а...» И Лейф погрузился в приятные мечтания, представляя себе, как отчаянно будет гайяакская бюрократия останавливать потоп, который сама же и вызвала. «Нет человека более злобного и склонного к бунту, чем верующий, когда святое откровение оказалось ложью».

Это и сокрушит страну — это, вместе с другим движением, к которому принадлежал Лейф.

Звонок прозвучал, когда Лейф доканчивал вторую чашку кофе. Доктор раздраженно щелкнул переключателем, и картина в кубе изменилась. Диктор растворился в радужном тумане, уплотнившемся затем в фигуру секретарши, сидевшей в этот момент в кабинете десятью этажами ниже.

Строго говоря, о фигуре говорить не приходилось. Трудно сказать что-то о женской фигуре, скрытой плотным длинным платьем. Добродетели, отштампованные на восковой душонке секретарши могучим церкводарством, не стерлись даже от долгого общения с Лейфом. Рахиль была очень правильной девушкой. Ее не застанешь за ведущим к мнимобудущему поступком. Она — *верносущная*.

Лейф пристально посмотрел на девушку. Та покраснела.

— Да?

Больше всего Лейфу хотелось зарычать, но он заставил себя улыбнуться. Если сейчас ему удастся состроить радостную гримасу, до обеда она продержится.

— Доктор Баркер, Зак Роу настаивает, что должен вас увидеть.

Лейф поправил рассыпающуюся улыбку.

— Ему же назначено на десять часов утра. Передай ему, что он ошибся.

В кубе появилась еще одна миниатюрная фигурка. В стеклянную коробочку на столе Рахили заглянул сам Зак Роу,

высокий сутулый старик в робе рабочего. По-исландски он говорил с легким сибирским акцентом.

— Пожалуйста, доктор. — Зак поклонился, нервно тиская шляпу в руках.— Я знаю, что не вовремя. Но я забыл — мне же сегодня начинать обряд очищения.

— Так зачем ты пришел?

— Думал, может, вы сейчас опыты проведете. Таким образом, всем хорошо будет. Я знаю, ваши опыты очень важные, доктор. — Зак глупо хихикнул, выпучив голубые глаза.

— Шиб, сейчас спущусь, — вздохнул Лейф. — Рахиль, будь добра, передай Сигуру, пусть включает энцефалограф.

Рахиль кивнула. Лейф отключил куб, поспешно допил обжигающий кофе, съел китовый бифштекс с яйцом. Роу произнес пароль — «таким образом». Это значило, что дело не терпит отлагательств.

Что-то заваривается. Иначе Зак никогда не нарушил бы расписания и не дал бы повода иоаху придраться. По счастью, объяснение он выбрал хорошее. Обряд очищения — прежде всего, а тупой грузчик, которого изображал Роу, мог о нем и забыть.

Быстрыми шагами Лейф миновал несколько комнат — неплохо обставленных для таких бедных и мрачных лет — и вызвал лифт. Колли по кличке Опасность подбежал к нему и очень обиделся, когда хозяин только потрепал пса по голове.

— Нет времени, — пробормотал Лейф, нажимая кнопку «Энцефалография».

Пусть неожиданное стечение обстоятельств пока не предвещало опасности — Лейф нервничал. План претворялся в жизнь беспрепятственно. Даже слишком гладко. Но нельзя позволить беспокойству появиться на лице. Ламедоносцу бояться нечего. Вымучив улыбку, Лейф изгнал тревожные мысли, вернувшись к размышлениям о больничных делах.

Больше всего Лейф желал сейчас выпить еще кофе. Он зевнул и посмеялся над собой. Зевать и желать — только этим он в последнее время и занимается, хотя вчерашний вечер снял остроту желания.

Двери лифта раздвинулись. Лейф вышел в комнатку Рахили.

— Доброе утро, доктор, — сказала девушка.

— Благослови тебя Предтеча, — ответил Лейф. — Срочные письма есть?

Ему не хотелось показывать, как он спешит. Рахиль может и задуматься, к чему столько суеты вокруг такого ничтожества, как Зак?

— Никаких писем, абба, — ответила секретарша.

— Не называй меня отцом, — возмутился Лейф. — Я старше тебя только на десять лет.

— Я почитаю вас как отца. — Рахиль потупилась.

Взявшись за подбородок, Лейф поднял лицо девушки и крепко поцеловал в губы.

— Это отцовский поцелуй, — объяснил он небрежно. — Буду тебя так наказывать каждый раз, когда ты назовешь меня «абба». — Он усмехнулся. — И так же буду награждать каждый раз, когда ты *не* назовешь меня отцом.

— Доктор Баркер! — Щеки Рахили пылали. — Как вы можете!

— Я бессовестно пользуюсь своим положением ламедоносца, — с ухмылкой ответил Баркер. — Какой смысл носить ламед, если не можешь этим пользоваться?

Челюсть Рахили отвисла. Лейф подавил искушение закрыть ей рот еще одним поцелуем. Хороша, слов нет, но холодна, как рыба. Мужчина, который сломает ее броню, быстро обнаружит, что зря потратил время и силы. Не тот бизнес, в который стоит вкладывать капиталы.

Что ж, она только человек и не виновата в своих недостатках. Лейф шагнул в лифт, весело помахал секретарше рукой и тут же забыл о ней. Что-то затевалось. Возможно, ставкой будет ее жизнь.

ГЛАВА 3

Войдя в энцефалографическую лабораторию, Лейф обнаружил, что Сигур уже усадил Зака Роу в кресло и надел пациенту на голову танталовый шлем.

— Возлюби вас Сигмен, доктор. — Зак обнажил в улыбке заячьи зубы.

— Вернобудущего тебе, — отозвался Лейф.

По его кивку Сигур нажал кнопку. Завертелся барабан кимографа. Его шороху аккомпанировал прерывистый писк, якобы отвлекающий испытуемого. Эксперимент должен был установить взаимосвязь между мозговыми волнами пациента и вокализацией. Лейф уже довольно давно — последние два года — тратил по часу в день на проект, призванный научить машину читать человеческие мысли.

Нижняя часть установки представляла собой самый настоящий энцефалограф, добросовестно записывающий на ленте кимографа мозговые волны испытуемого. А вот в верхней части корпуса пряталось устройство, переправленное Лейфу Корпусом Холодной Войны, — действующий образец того механизма, который доктор Баркер якобы пытался создать, машина,

читающая мысли и преобразующая их в комбинации гудков. В данный момент — мысли Зака Роу.

— Я задам тебе обычные проверочные вопросы, — произнес Лейф. — Отвечай коротко. Сейчас неважно, говоришь ты правду или врешь. Потом я попрошу тебя говорить только правду. Понял?

— Ага, — проворчал Зак. — Я не такой тупой, как кажется, док. Мы же это все делали, да?

Лейф покосился на Сигура. Его помощник стоял у кимографа, наблюдая, как перо выводит альфа-, бета-, гамма-, каппа- и эта-волны. Писк продолжался. Сигур не обращал на шум внимания.

— Когда ты родился, Зак?

— Третьего дня месяца Плодородия, в сто девяностом П.О., — ответил Роу.

Лейф сделал пометку в записной книжке, подмигнул Заку.

— Теперь ответь на тот же вопрос по-английски, Зак. Мы хотим обнаружить различия в волнах, порождаемые использованием разных языков.

Зак подчинился, и в тот же момент ритм гудков изменился. Натренированное ухо Лейфа сразу уловило смысл.

Где тебя черти носили, Лейф?! Это не ждет. Тебе бегом надо было бежать. Шиб. Сообщение такое: Алла Даннто, жена архиуриэлита, в полвосьмого попала в автомобильную аварию. Ее отвезли в этот госпиталь. Срочно отправляйся к ней, срочно! Смени дежурного врача и вызови Аву.

Если Алла Даннто мертва, тут же кремируй тело. Никто, кроме Авы, не должен об этом знать. Потом сиди в ее палате и делай вид, что она жива. Не упоминай о смерти Аллы при женщине, которая вскоре придет. Когда та появится, на ней будет старомодная чадра. Вопросов не задавай. Прими ее как настоящую Аллу Даннто. Понял?

Лейф кивнул, будто в ответ на свои мысли.

— А теперь следующий вопрос, Зак, — сказал он.

В комнату влетела Рахиль.

— Доктор Баркер! — выдохнула она. — Мне только что позвонил доктор Трауст и передал для вас сообщение. Ваш куб, кажется, не работает, и я прибежала сама. Вас просят немедленно спуститься в палату 113. Только что привезли супругу архиуриэлита Даннто, она серьезно ранена. Трауст хочет передать больную вам.

Лейф поднял брови.

— А сам он не справится?

— По-моему, он думает, что для него эта пациентка — слишком важная персона. Кроме того, ее жизнь в опасности.

— И он хочет спихнуть ответственность на меня? — усмехнулся Лейф. — Передай ему, что я сейчас спущусь. И вот что, Рахиль, — позвони моей жене. Скажи ей, пусть бросает все, даже если это младенец, и мчится в 113. Шиб? — Он обернулся. — Сигур, на сегодня эксперименты закончены. Остальным можешь сказать, чтобы уходили.

Он выскочил из комнаты, столкнувшись со стоявшим за дверью мужчиной. Тот отшатнулся, и Лейфу показалось, что не от удара, что незнакомец только делает вид, будто его толкнули.

— Простите, — пробормотал Лейф и хотел было уйти, но его остановила легшая на плечо сильная рука.

— Доктор Баркер? — спросил незнакомец, прокашлявшись.

В его теноре проскальзывал странный акцент.

— Я тороплюсь, — бросил Лейф. — Подойдите ко мне попозже.

В то же время Лейф приглядывался к незнакомцу. Он старался запоминать всех, кого видит по пути: кто эти люди, что делают — потом это может пригодиться. И Лейф был поражен. Собеседник казался искусственным — настолько необычной была его внешность. Он был невысок и плотно сложен. Очень светлая кожа, почти бесцветные волосы, голубые глаза странно не соответствовали толстым губам и большим ушам без мочек, а горбинка на переносице — широким вывороченным ноздрям.

— Как вас зовут? — осведомился Лейф.

Незнакомец кашлянул.

— Мы... Я Джим Крю.

Лейф обратил внимание на это «мы». Он обернулся — в приемной сидели еще трое, мужчина и две женщины. Все — молодые и похожие на Джима Крю, как брат и сестры.

— Вы все на энцефалографию? — спросил Лейф.

— Нет, абба, — ответил Джим Крю.

Он обернулся к остальным, и двое закрыли глаза — ресницы походили на ноги паука-сенокосца. В воздухе вдруг зазвенело напряжение. Лейф физически ощутил, как вокруг него стягиваются невидимые нити.

— Что вам надо? — потребовал он.

— Абба, — произнес Джим Крю, — мы пришли к вам, потому что вы единственный человек в Париже, кто может помочь нам.

Одна из женщин поднялась на ноги. Лицо ее потрясло Лейфа жестокой, сияющей красотой, и в то же время оно оставалось до странного отрешенным. «Икона, написанная художником-кубистом», — пришло в голову Лейфу.

— Наша дочь умирает, — проговорила она дрожащими губами. Голос ее был низок и глуховат.

Она протянула руку, и Джим Крю сжал ее пальцы.

— Нашу дочь сбила та же машина, — сказали они вместе, — что и погибшую Аллу Даннто.

— Наша дочь умирает, — не открывая глаз, простонала женщина, сидящая на диване. — Ее череп пробит, и осколок кости давит на мозг.

Второй мужчина внезапно расхохотался. Контраст с очевидным горем остальных был так страшен, что Лейф вздрогнул.

— Это неважно, — произнес смеющийся. — В чем-то важно, а в чем-то — нет. Но если вы не придете скоро, наша дочь умрет.

Лейфу казалось, что он видит кошмарный сон. Он так торопился в палату Даннто — и не мог уйти.

— Что вы знаете о госпоже Даннто? — спросил он. — Откуда вы знаете, что она мертва?

— Мы знаем, — просто ответил Джим Крю. — И знаем, что она живет вновь.

— Я должен идти к госпоже Даннто, — сказал Лейф. — Мне очень жаль вашу дочь, и я сделаю для нее все, что смогу, как только освобожусь немного. В какой она палате?

— Ее нет здесь, — ответила стоящая женщина. Она открыла ярко-синие глаза, и Лейфу почудилось, что они сияют собственным, а не отраженным светом. — Наша дочь в пещерах глубоко под городом.

— Да в чем дело?! — рявкнул Лейф. — Говорите быстрее. У меня нет времени на ваш бред!

— Мы, — сидящий на диване обвел рукой своих товарищей, — видим в безумии истинный смысл.

Джим Крю печально улыбнулся.

— Нашу дочь сбила машина, врезавшаяся в автомобиль Аллы Даннто. Мы не привезли ее сюда, потому что это значило бы убить ее — и нас.

— Оч-чень интересно, — выдавил Лейф. Жилы на его шее вздулись. — Но я понятия не имею, о чем вы толкуете. По-моему, стоит вызвать уззитов. Вы как раз из их... контингента.

— Вы не сделаете этого, — ответил Джим Крю.

— Вы не сможете, — дополнила красавица. — Мы знаем. Наша дочь знает.

— Вы придете в подземелья, — сказала вторая женщина.

— Ч с два! — отрубил Лейф. — Если хотите, чтобы я оперировал вашу дочь — везите ее сюда.

Он шагнул к выходу, отстранив Джима Крю. И у порога остановился на полушаге, точно завязнув в отвердевшем воздухе, потому что до него донесся не-звук, голос, не имевший ничего общего с колебаниями воздуха, но тем не менее слышный.

— *Quo vadis?*

Лейф обернулся.

— Что вы делаете?

— Не надо считать это насилием, доктор Баркер, — произнес Джим Крю. — Мы сделали это только для того, чтобы вы не считали нас... безумцами.

— Или, — добавила красавица, — безответными дурачками.

Она внимательно посмотрела на Лейфа, и того внезапно переполнила скорбь настолько глубокая, что сдержать ее он сумел лишь огромным усилием воли. Должно быть, внутренняя борьба отразилась на его лице, потому что в следующую секунду скорбь прошла, не оставив и следа.

Сидящий на диване расхохотался — и Лейфу захотелось смеяться вместе с ним.

Он схватился за дверной косяк и сжал до боли в пальцах. Боль помогала удержаться, отторгнуть непрошеные чувства. Незнакомцы пристально смотрели на него, восемь глаз сияли идущим из глубины пронзительно-голубым светом: точно единый луч просачивался сквозь четыре пары замочных скважин. Но он не хотел впитывать этот свет! Он стал зеркалом, отражающим этот свет, отбрасывающим его, не поглощая. Лейф должен был подчинить себе собственный рассудок — иначе он не хотел и не мог.

— Я пошел бы с вами, — выдавил он. — Но если вы знаете так много, то знаете, и что я не могу.

— Ах-ха! — Джим Крю резко выдохнул; раздулись широкие ноздри. — Вы можете. Алла Даннто мертва. Помочь ей вы уже не в силах.

Пол ушел у Лейфа из-под ног. Он был уверен, что тайну знают только трое — он сам, Зак и дежурный врач. И только врач мог быть уверен твердо.

Но разбираться не было времени. Зак слишком настаивал на том, чтобы Лейф добрался до палаты 113 как можно скорее и незаметнее. Когда на горизонте сгущаются смутные, темные тени, не остается времени на пустую болтовню.

Лейф захлопнул за собой дверь, подошел к выступающему из стены кубу и вызвал Рахиль. Прозрачный пластик засветился изнутри, в нем замерцало смутное изображение секретарши.

— Рахиль, — осведомился Лейф, — ты связалась с моей женой?

— Да, абба. Она уже едет.

Лейф повернулся было, чтобы идти, но голос Рахили остановил его потянувшуюся к выключателю руку.

— Подождите, доктор Баркер! Вас вызывают.

Лейф вернулся к кубу, перенабрал номер. Изображение прояснилось.

— Соединяю с архиуриэлитом Даннто, — сообщила Рахиль, нажимая на невидимые кнопки, и ее кабинет пропал, сменившись другим, гораздо более просторным и роскошным.

Рядом с огромным столом стоявший около него человек как-то терялся, хотя Авессалом Даннто был весьма крупным мужчиной. Широкие плечи возвышались над гороподобным брюхом, второй подбородок подрагивал, как вымя перепуганной коровы. Лейф улыбнулся про себя этой мысли и тут же подавил ее — с архиуриэлитом шутки плохи.

— Баркер? — прогремел Даннто. Губы архиуриэлита превратились в нить. — Мне только что сообщили, что моя жена попала в аварию и находится в вашем госпитале. Насколько она пострадала?

Лейфа удивило прозвучавшее в словах Даннто неподдельное чувство.

— Не слишком сильно, абба. Мне только что сказали об этом. Вы поймали меня по дороге к ней.

— Баркер, ты единственный, кому я позволю лечить Аллу. Иди и спаси ее.

— Я всегда делаю все возможное. — Лейф потупился. — Кем бы ни был пациент.

— Знаю. Но, во имя Предтечи, сделай невозможное. — В голосе архиуриэлита звучала боль.

— Все, что только можно, — сделаю, — пообещал Лейф и потянулся к выключателю. Только он один мог осмелиться на подобное.

— Подожди! — остановил его Даннто. — Насколько я понял, она ехала в автоматическом такси. Я подозреваю техов центра управления в многоложестве. Поэтому я отправил Кандельмана на расследование. Он скоро прибудет. Окажи ему всемерную помощь в поимке мерзавцев. Через пару часов я подъеду сам — как только смогу получить разрешение на взлет. Ты отвечаешь за Аллу передо мной.

— Шиб, абба, — ответил Лейф. — Значит, Кандельман мне не указ?

— Я сказал — передо мной, Баркер.

ГЛАВА 4

Лейф отключил куб и быстрым шагом двинулся по коридору, почти не обращая внимания на восхищенные взгляды медсестер, очарованных мягкой улыбкой широкоплечего светловолосого врача. Лейф говорил и смеялся, не испытывая страха, он не пытался склонить их к мерзкому многоложеству, и в его присутствии персонал позволял себе расслабиться и ощутить себя людьми.

Лейф остановил идущий наверх лифт.

— Вы слышали, что госпожа Даннто ранена? — спросила ехавшая в лифте медсестра, когда Лейф вошел.

— Предполагается, что это большой секрет, — сухо ответил Лейф. — Я как раз направляюсь туда. Не возражаете, если я отправлю лифт вниз?

— А есть смысл возражать? — Сара подняла брови.

Лейф нажал кнопку скоростного спуска.

— Сейчас — нет. Что еще слышала?

— Доктор Траусти говорит, что госпожа Даннто уже скончалась.

Лейф мысленно выругался и выдавил улыбку.

— Госпожа Даннто не может умереть, пока я не сообщу об этом официально, Сара. И хотя мне известно, что подвергать сомнению диагноз коллеги неэтично, но доктор Траусти тоже человек и мог ошибиться. Кроме того, он весьма занят, ему некогда читать специальную литературу. А то он знал бы, что новые методы преуспели в раздувании последней искры жизни у пациентов, признанных уже мертвыми.

Лейф, конечно, лгал. Но Сара была не только очаровательна, но и очень болтлива. Не успеет он войти в 113 палату, как весь госпиталь будет гудеть слухами о том, как замечательный доктор Баркер новейшими методами воскресил госпожу Даннто. А к тому времени как слухи обойдут госпиталь Суровой Благости кругом, они будут уже изображать Аллу Даннто выбегающей из палаты, торопясь на теннисный матч, через минуту после начала лечения.

Выскочив из лифта, Лейф промчался по коридору. Дверь сто тринадцатой оказалась закрыта; Лейф постучался. Невдалеке толпились медсестры и санитары. Лейф окинул их ледяным взглядом, и те поспешно разошлись.

Дверь открыл Траусти.

— Коллега, тут что-то очень странное, — пробормотал он, откидывая длинную черную челку с высокого лба.

Лейф прошел в палату, бросил короткий взгляд на прикрытое простыней тело на каталке.

— Странное? — переспросил он, вложив в свой тон точно рассчитанную порцию угрозы, точно он винил во всем необычном именно Трауст.

Молодой врач, видимо, уловил это — сжимавшие фотопленку руки затряслись.

— Простите, доктор Баркер, — проблеял он. — Я имею в виду нечто совершенно необычное. Мне так кажется. То есть... не кажется. Я позволю вам сделать собственные выводы.

Лейф поднял бровь:

— Позвольте?

Трауст уже трясло.

— Я... я хочу сказать... я хотел только обратить ваше внимание на... на озадачившее меня явление.

— А, понимаю, — ответил Лейф голосом, подразумевавшим, что он ничего не понял и понимать не собирается. — Так в чем дело?

Про себя Лейф веселился от души — Трауст нещадно гонял подчиненных ему медсестер и интернов. Поэтому Лейф любил выводить Трауст из равновесия. Подозревая, что младший врач доносит на него уззитам, Лейф надеялся поставить Трауст в такое положение, чтобы без опаски донести на него самого, избавившись таким образом от опасности, а заодно и облегчить жизнь беднягам, вынужденным сносить бесконечные придирки его подчиненного.

— Я говорю о рентгеновских снимках госпожи Даннто, — продолжал Трауст. — Причиной ее смерти послужил, очевидно, перелом позвоночника...

— Официально о ее смерти буду сообщать я, — перебил его Лейф. — От вас мне нужны только сведения об этой вашей... аномалии.

— Шиб, шиб, доктор Баркер. — Трауст сглотнул. — Но я обязан доложить вам результаты обследования. Вы, конечно, можете поступать с ними, как знаете. Основываясь на этих снимках, я поставил следующий диагноз: переломы позвоночника, костей таза, левого предплечья и бедра, а также двух ребер, разрыв капсулы печени и проникающая рана эпигастрия. Когда вы посмотрите пленки, вы сможете проверить мой диагноз. — Врач махнул рукой в сторону прикрепленных к просмотровой доске снимков. — Но вот эти фотографии, — Трауст потряс лентой, которую держал в руках, — на них видно нечто... простите, я могу ошибаться.. нечто довольно... необычное. Это снимки малого таза.

Лейф вырвал пленку из дрожащих пальцев Трауст. Одного взгляда на просвет ему хватило, чтобы понять, о чем говорил врач. За задним сводом влагалища, в том месте, где оно соединя-

ется с шейкой матки, виднелось некое вытянутое изогнутое тело.

— Опухоль, наверное, — бросил Лейф, засовывая пленку в карман. — Что бы это ни было, оно подождет, пока жизнь госпожи Даннто не окажется вне опасности.

Он понятия не имел, доброкачественная это опухоль, раковая или вообще не опухоль. Но любопытство Трауст следовало унять любой ценой.

Молодой врач трясущейся рукой подал второй снимок.

— Это фронтальный срез передней части головы.

Лейф поднес снимок к свету... и чуть не уронил.

Рентгеновскими эти снимки назывались по традиции. На самом деле изображение давали отраженные от внутренних органов ультразвуковые волны — проникающие на заданную глубину. Трауст обратил внимание на один из серии вертикальных срезов, разделенных миллиметровыми слоями ткани. Картина была предельно ясной. От лобной кости внутрь через dura mater* шли два нервных ствола, теряющихся в ткани лобных долей мозга.

Ничего подобного Лейф раньше не видел. Потому что никаких нервов тут быть не должно.

Стараясь ничем не выдать внутреннего потрясения, Лейф отправил в карман и второй снимок.

— Я уже видел один такой случай, — соврал он. — Тоже женщина. Вскрытие показало, что эти нервные стволы — результат мутации. Но, поскольку госпожа Даннто еще жива, мы вряд ли сможем ее вскрыть, не так ли? — Лейф замолк на секунду, прищурился, потом резко спросил: — Медицинскую карту госпожи Даннто вы видели?

Трауст несколько раз сглотнул.

— Н-нет. Я не думал, что стоит запрашивать ее карту, раз она несомненно мертва. То есть я думал...

— Так запросите историю немедленно в Монреале! — вскричал Лейф. — Вы виновны в многоложестве, заключающемся в халатности и самоуправстве! Как я могу лечить больного, не зная его анамнеза?!

Казалось, Трауст сейчас задохнется.

— Так вы думаете?.. — выдавил он.

— Я думаю, — безжалостно произнес Лейф, — что мы, врачи-ламедоносцы, знаем несколько больше о медицине, чем вы, обычные. Есть методы, доступные только членам иерархии; низшим классам в них отказано, ибо они их недостойны. Кто-нибудь, кроме вас и госпожи Палссон, видел эти снимки?

---

* Твердая мозговая оболочка. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Траусти помотал головой, и черные кудри упали ему на глаза.

— Вот и молчите оба, — посоветовал Лейф. — Архиуриэлиту может очень не понравиться, что его жена не совсем нормальна. Я совершенно уверен, что ему это совсем не понравится. Так что излишне разговорчивые легко могут по его приказу отправиться к Ч.

Траусти, и без того бледный, как рыбье брюхо, ухитрился побелеть совершенно.

— Я передам госпоже Палссон.

— И немедленно, — уточнил Лейф. — Госпожой Даннто отныне занимаюсь я. Вы отстранены от лечения этой пациентки.

— Но она же мертва! — в отчаянии воскликнул Траусти.

— Может быть. Закройте дверь. С той стороны.

Лейф сдернул простыню с обнаженного тела искалеченной Аллы Даннто. Он запустил палец в рану под ложечкой, и тот прошел до самого позвоночника, не встречая сопротивления. Одно это ранение оказалось бы смертельным.

Аллу видели и Траусти, и Палссон. Что они теперь подумают? И — а это важнее — что станут делать, когда узнают, что госпожа Даннто, получившая в аварии несколько переломов, ужасную рану на животе и психологический шок, от всего этого благополучно оправилась?

Будь проклят Корпус Холодной Войны и его система ячеек, при которой не знаешь, в чем заключается общий план, и тупо выполняешь лишь собственные задания! Он, Лейф Баркер, полковник КХВ Пограничья, создатель плана, способного отправить союз Гайяак в бездну забвения, понятия не имеет, как развивается начатая им кампания!

Такой ценой приходилось платить за возможность работать в тылу врага. Позволив бюрократам запихнуть себя за конторку в Марсее, Лейф видел бы эту войну целиком — он направлял бы ее. Но, поскольку он в юношеской запальчивости требовал отправить его в самое опасное место — в Париж, — его требование исполнили. Было это двенадцать лет назад, когда Лейф только-только получил диплом хирурга и лейтенантские нашивки. А теперь безмозглые толстозадые генералы отдают ему приказы!

Мысли кружились в голове Лейфа так же беспорядочно, как блуждали его руки по некогда теплому и живому телу. Траусти, конечно, прав. Что-то странное изображено на снимках, и оно вполне может иметь отношение к проекту «Моль и ржа». А может и не иметь. Как бы там ни было, он должен выяснить, что за инородные тела содержал организм Аллы Даннто.

В дверь постучали. Дважды. Пауза. И еще трижды.

Ава.

Лейф приоткрыл дверь, и в комнату вошла невысокая брюнетка в белом сестринском платье до щиколоток. Длинная коса была стянута в узел на затылке. Глаза у Авы были огромные, нежные и такие черные, что, казалось, попади в них пылинка — ее затянет в эти смоляные озера.

— В чем дело, Лейф? — спросила Ава чуть хрипловато.

Лейф объяснил.

— И что ты намереваешься сделать с трупом? — осведомилась его супруга.

— Хочу выяснить, что там КХВ проворачивает за нашими спинами, — ответил Лейф. — Если это КХВ.

— Ты меня не понял, — поправилась Ава. — Стоит ли ее сейчас анатомировать? Ты же сам сказал, приказано избавиться от тела как можно быстрее и не задавая вопросов.

Лейф пожал плечами:

— Как хирург, я отдал бы свой копчик, только бы выяснить, что это за органы.

— Если гайки тебя раскроют, копчиком не отделаешься. И если генерал Ицкович узнает, что ты не выполняешь приказы, — тоже.

Лейф от души расхохотался:

— Дятел ты мой маленький, я и так знаю, что ты ему настучишь. И это моя жена!

— Заткнись, — потребовала Ава. — Мы теряем время.

— Ты права.

Лейф снова накрыл труп, но женские округлости Аллы Данто выпирали даже из-под простыни. Лейфу пришлось перевернуть тело на бок и накрыть еще одной простыней, смяв ее так, чтобы по возможности скрыть форму лежащего под ней тела.

— Проблема в том, как доставить ее в морг, чтобы никто не узнал, чей это труп, — заметил он. — На этом этаже есть новопреставившиеся?

Ава кивнула.

— Кубом не пользуйся, — предупредил Лейф. — Лучше подойди к посту и посмотри в журнале сама. Если ты начнешь спрашивать, кто тут недавно помер, только дурак не насторожится.

Ава кивнула и вышла. Лейф вытащил из кармана щипцы со встроенной отверткой, отвинтил куб от стены и ловким движением отсоединил провод. Теперь устройство не работало. А то мало ли кому придет в голову заглянуть в палату и выяснить, что там происходит.

ГЛАВА 5

Шел 245-й год П.О. (после Откровения), или 2700-й после Рождества Христова по старому стилю. Ровно шестьсот сорок лет прошло с тех пор, как короткая необъявленная война с мятежной марсианской колонией стерла с лица Земли три четверти человечества. Колонисты на Марсе, считавшие себя марсианами, тайно заразили Землю искусственно выведенным вирусом. Вызванная им злокачественная форма серповидноклеточной анемии уничтожила шесть миллиардов человек за три месяца. Случайно ли или в результате действия неких неизвестных факторов, но заметные группы выживших остались только в Исландии, Израиле, Австралии, в российской части Кавказа, на Гавайях, в Индонезии и Центральной Африке. За следующее столетие потомки выживших распространились на пустующие земли, поглотив остатки местного населения.

Исаак Сигмен родился в 2455 году в Монреале от матери-исландки и отца — американского грузина. В первом году П.О. он провозгласил, что способен путешествовать во времени, и основал единственную, по его словам, научно доказуемую религию. Несмотря на первоначальные насмешки и преследования, самозваный Предтеча основал столь прочную церковь, что через пятнадцать лет стал главой правительства Американской республики, включавшей не только Северную и Южную Америки, но также острова Тихого океана и Японию, колонизированную англоговорящими жителями Гавайев и Австралии. Еще пять лет спустя сигменизм захлестнул Исландскую республику, состоявшую из Исландии, Англии, Ирландии и Северной Европы вплоть до границ прежней России. Россию, Сибирь и Северный Китай заселили говорившие на грузинском языке жители Кавказской Федерации. Через два года и эта страна обратилась в веру Сигмена. Так сложился союз Гайяак (Гавайи, Австралия, Исландия, Япония, Америка и Кавказ).

Кроме Союза на Земле остались три большие страны — Малайская Демократия (Индонезия, Индия, Индокитай и южная часть Китая), Банту (Африка южнее Сахарского моря) и Израильские республики (Средиземноморье и Малая Азия).

Кроме них существовала, а вернее, возникла за полвека до рождения Лейфа Баркера еще одна маленькая страна. Называлась она Пограничьем, поскольку на протяжении нескольких веков эта земля служила нейтральной полосой между Израилем и европейской Исландией. Ни одна из сторон не осмеливалась захватить этот клок земли, опасаясь возмездия, и, пока шли переговоры, Пограничье оставалось ничейным. В результате населяли ее на протяжении веков преступники, предатели

и просто вольнодумцы с обеих сторон. К тому времени Пограничье заняло ту же позицию, что когда-то занимала Швейцария — стало нейтральной страной, где противники могли безбоязненно шпионить друг за другом. Само собой, образовалось правительство, провозгласившее суверенную Территорию Пограничье, состоявшую из бывших Южной Франции, трансальпинской Италии, Швейцарии, Австрии, Северной Югославии и Южной Венгрии. Граждане ее, как и жители Швейцарии в прежние времена, говорили на четырех языках — английском, исландском, итало-еврейском и «линго» — странной и удивительной смеси трех предыдущих.

Доктор Лейф Баркер был вполне типичным пограничником. Среди его предков были американцы, евреи, исландцы и грузины. Родился и вырос он в Марсее (бывший Марсель), а образование получил в университете Вина (некогда Вены).

Еще в студенческие годы он составил план «Моль и ржа». К счастью, Лейфу Баркеру хватило сил и влияния заставить высокие чины правительства Пограничья прислушаться к себе и принять план к исполнению — его дядя был первым консулом департамента Миди, то есть занимал пост, выше которого в Пограничье шел только президентский. План был принят, а Лейфа после соответствующей тренировки через пограничное подполье заслали в Париж, столицу Западноевропейского сектора союза Гайяак, где Лейф с огромными усилиями пробился на пост главного хирурга госпиталя Суровой Благости. За это Корпус Холодной Войны разведки Суверенной Территории Пограничье присвоил ему чин майора.

ГЛАВА 6

К тому времени как Ава вернулась, Лейф успел прикрутить куб на место.

— Нам повезло, — выдохнула Ава. — Десять минут назад в 121 палате умер некто Хельги Ингольф.

— Его направили на вскрытие?

— Да. Он умер в бреду, в смирительной рубашке. Шант собрался вскрывать черепную коробку Подозревает опухоль мозга.

— Отлично. Смирительная рубашка, говоришь? Сними ее с Ингольфа и тащи сюда. Пока будешь в его палате, вызови следующий этаж, скажи, что наши санитары заняты, пусть пришлют двоих отвезти тело Ингольфа в патанатомию. Бирку Ингольфа — если уже повесили — сними с ноги и принеси сюда. Повесим ее на Аллу Ты, часом, кинжал в лифчике носить не перестала? Вырежи на груди Ингольфа буквы J. С. Добавим путаницы.

— Опять J. C.? — переспросила Ава.

— Шиб. Поторопись.

Пока Ава отсутствовала, Лейф осмотрел Аллу Даннто внимательнее. Результат осмотра только убедил его, что отправить тело в печь без вскрытия он позволить не может.

Вернулась Ава, неся завернутую в одеяло смирительную рубашку.

— Хочешь с ее помощью скрыть, что везешь бабу?

— Какая ты у меня умная, солнышко, — промурлыкал Лейф. — Хотя сомневаюсь, что мы кого-то обманем. Все равно что прикрыть Гималаи тряпочкой.

— Лейф, ты похабник. Имей хоть немного почтения к мертвым!

— Вот еще, — ответил Лейф. — Живая, она имела бы все уважение, на которое я способен. Первый раз в жизни вижу такую женщину — живую или мертвую. Только не ревнуй, дорогая.

Ава скривилась.

Вдвоем они натянули рубаху на мертвое тело и вновь закрыли простыней.

— Нет, бюст торчит, — констатировал Лейф. — Поверни на бок. И ногу прикрой, чтобы только бирка торчала. Кстати, ты запомнила имена двоих санитаров со второго этажа? Если будут любопытствовать, придется найти им подходящее многоложество и сдать уззитам. Или организовать несчастный случай через Зака.

Чуть не забыл! Траусти и Палссон видели рану в эпигастрии. Когда появится сменщица Аллы, это сразу привлечет их внимание!

— *Цава'!*

— Ну-ну, Ава, только без иврита. Особенно без нехороших слов.

— Это и к тебе относится! — огрызнулась Ава. — Да уж, привлечет внимание! Что делать будем?! Обвинить их в саботаже не получится — они запоют как птички. Слишком много *случайностей*.

— Что ж нам делать с пьяным морячком? — пропел Лейф немелодично.

— Тебя это что, не волнует? — взвилась Ава.

— Не волнуйся, что меня волнует, — ответил Лейф. — Я всего лишь безответственный мужик. Нет, эти двое не заговорят. Я им устроил страх Божий, то есть припугнул господним наместником в Париже, супругом госпожи Даннто лично. Они, конечно, подозревают, что что-то нечисто, но побоятся наступить архиуриэлиту на мозоль.

— Сработает?

— Если не сработает... — Лейф многозначительно провел пальцем по кадыку. — Вот что мы сделаем, Ава. Двое санитаров отвозят тело в патанатомию. Я пойду с ними, чтобы не забыли отметить Ингольфову бирку. Трогать тело я им не позволю — иначе догадаются, что не мужчину везут. Прикажу оставить каталку в морге — дескать, Шант хочет куда-то ее еще везти. Поверят как миленькие. И так уже все думают, что патанатом немного нешиб. Потом я перегружу тело в холодильник.

— И кто теперь нешиб?! — вскрикнула Ава. — Тебе приказано кремировать ее немедленно! И почему с санитарами пойдешь ты, а не я? Это им не покажется странным?

— Пойду я, — ответил Лейф, — чтобы удостовериться, что тело Аллы Даннто не будет кремировано. Тебе я не доверяю. Я хочу вскрыть Аллу Даннто, и никто меня не остановит. Что касается санитаров, я им скажу, что Ингольф умер от опухоли мозга и я хочу провести предварительное вскрытие. Я, в конце концов, церебральный хирург, забыла?

— Боже правый! — Ава кипела. — Ты ставишь под удар двенадцать лет работы КХВ ради удовлетворения собственного проклятого любопытства!

— Возможно, — согласился Лейф, прищурившись. — Но я всегда выкручивался прежде, не так ли? И разве ты сдашь начальству собственного мужа?

— Еще как! — отрезала Ава. — Я тебя ненавижу!

— А я тебя люблю! — Лейф хохотнул и игриво шлепнул супругу по бедру.

Смуглое лицо Авы исказилось от ненависти.

— Погань! Только попробуй сделать это еще раз, и я убью тебя.

— Спокойно, спокойно, малышка. Как тебе идет гнев! Очень соблазнительно. Ладно, поехали. А то Кандельман заявится сюда, прежде чем мы избавимся от тела.

Ава забыла о злости мгновенно.

— Сюда едет Кандельман?

— Да. Если двойник Аллы не появится немедленно, она может не приходить вовсе. И как нам тогда объяснить кремацию Аллы?

— Должно быть, пластические хирурги над двойником изрядно потрудились, раз она собирается провести Даннто, — заметила Ава. — Или они близняшки.

— Возможно, — согласился Лейф. — Мне интереснее, как она сможет добраться сюда так быстро. У них там что — двойники за каждым углом ждут?

— Откуда я знаю? — Ава пожала плечами. — Лучше выноси Аллу.

Лейф приоткрыл дверь и выглянул. Никого.

— Выкатывай, — приказал он.

Двое парней в белых халатах показались в конце коридора сразу после того, как Ава вывезла каталку из палаты. Лейф подозвал санитаров.

— Тело Ингольфа отвезите в морг, — приказал он. — Я сейчас спущусь, буду делать вскрытие черепной коробки, так что на стол не перекладывайте, так и оставьте на каталке.

Объяснять подробнее он не стал. Распинаться перед санитарами в его роль не входило.

— Ава, как только двойник Аллы придет, укладывай ее в постель, — сказал Лейф, стоило санитарам скрыться вместе со своей ношей в лифте. — Если я задержусь в патанатомии, позвони. И скажи санитарам с первого этажа, чтобы оттащили тело Ингольфа в морг. Бирку с ноги Аллы я сниму, чтобы они не заметили и не начали много думать.

— Да мы с тобой заговорщики, — фыркнула Ава. — Так влипли, что непременно поскользнемся.

— Веди себя нагло, — посоветовал Лейф. — В этой стране потомственных трусов иначе не прожить.

— Ну-ну. По тебе-то не скажешь, боишься ты или нет. У тебя характер ангела — или беса, в тебе стража нет. А я, честно сказать, от ужаса потом исхожу.

— Ава, ты слишком много болтаешь. Обычный женский порок.

Лейф рассмеялся при виде готовой взорваться Авы и быстро вошел в лифт.

В подвале он натолкнулся на выходящих из морга санитаров.

— Все шиб? — спросил он.

— Шиб, абба.

— Постойте. — Он вытащил из кармана пачку «Благой жатвы». — Сам я, конечно, не курю, — он дотронулся до сияющего на груди ламеда, — но для склонных к пороку имею при себе.

Санитары закурили. Им было неловко и в то же время приятно оттого, что такой важный человек тратит на них время. Лейф поболтал с ними о мелочах — большей частью обсуждая слухи о скором Конце Времен и явлении Предтечи. Мельком он упомянул и Ингольфа, сказав, что хочет провести вскрытие сам. Имен санитаров Лейф не спрашивал — он и так помнил всех, кто работал в огромном госпитале больше недели. К тому времени как беседа закончилась, он убедил санитаров в полной своей верносущности — и в том, что тело на каталке принадлежало именно Хельги Ингольфу. И в том, и в другом они поклянутся даже на допросе у уззитов.

Когда санитары скрылись в лифте, Лейф зашел в патанатомию. Заперев дверь изнутри, он сдернул с трупа простыню, стянул смирительную рубашку и запихнул ком ткани в печь. Каталку он подтащил к столу и перевалил тело на каменную плиту. Натянув халат, маску и перчатки, Лейф выложил на столик несколько скальпелей и ножницы Мейо. С ловкостью, свидетельствующей о большой практике, он рассек кожу от надключичной впадины до лобкового симфиза, отодвинул мышцы и, перекусив ножницами ребра, откинул переднюю стенку грудной клетки, как подъемный мост.

Прежде чем закрыть лицо покойной, Лейф внимательно посмотрел на нее. Даже мертвенно-синюшное и вялое, оно сохраняло долю прижизненной красоты.

Лейф вздохнул про себя, подумав о прошедшей славе мира, о том, что совсем недавно эта плоть была живой и теплой, эти губы смеялись, целовали и пели, а затем, обругав себя за опасную сентиментальность, отпустил ребра и вновь взялся за скальпель.

Увиденное поразило его. Видимый на рентгенограмме объект был, без всякого сомнения, не опухолью, а естественно выросшим органом.

«Но какую функцию выполняет этот орган? — подумал Лейф. — И откуда он появился? А главное — что означает? Что Алла Даннто мутант? Или что она вовсе не человек?»

Теорию о неземном происхождении Аллы Даннто Лейф лелеял с той минуты, как Траусти показал ему снимки. Вполне возможно, что КХВ Пограничья обнаружил на одной из новооткрытых планет новый вид разумных существ и использует их теперь в тайной войне против гаек. Возможно, эти существа обладают какими-то способностями или умениями, недоступными людям. Тогда странные органы Аллы как-то связаны с этими способностями.

Придумать можно было бы и иное объяснение, но Лейфу это не удавалось.

Однако нет времени теоретизировать. Сейчас надо выяснить как можно больше о функции этого органа, и побыстрее — Лейф торопился узнать, прибыла ли замена покойной Алле. Потом можно будет вернуться для подробного исследования.

Лейф опустил штатив с микроскопом. Массивный инструмент можно было передвинуть только при помощи сервомоторов, но он позволял детально осмотреть исследуемый орган. Только через окуляр Лейф мог различить тонкие нити нервов, шедшие от переднего конца серого с черно-красными пятнами органа вдоль стенки влагалища. Подвигав микроскоп, Лейф внимательно осмотрел и орган, и нервы, но ничего не добился.

Повинуясь своей интуиции — именно способность принимать решения бессознательно делала Лейфа великим врачом наряду с опытом и умением, — он поднял штатив с микроскопом и снял с полки инструмент, измеряющий электрические токи в живой ткани. Возможно, орган еще не отмер окончательно. Если прижать к его поверхности вилочку электрода и осторожно сжать несколько раз...

— Ага! — выдохнул он.

При каждом нажатии индикатор показывал четыреста миллиампер.

Интуиция не подвела Лейфа. Этот орган служил биологическим источником электричества — пьезоэлектричества, поскольку вырабатывал его при нажатии. А нервы передавали ток вдоль влагалища.

По-видимому, в живом теле Аллы ток вырабатывался под действием сокращений мышц. А идущий по нервам ток, в свою очередь, вызывал мышечные сокращения. Что запускало этот замкнутый круг, Лейф не знал и гадать не собирался. Но четыреста миллиампер — весьма значительная сила тока, и проводящие нервы довольно толстые. Для чего же это биологическое устройство предназначено?

Он это выяснит. Та, кто займет место покойной, должна быть подобна ей во всем!

Эта мысль заворожила Лейфа. Он поспешно обмыл тело от крови, завернул в чистую простыню и засунул в холодильную ячейку Заперев холодильник, он выкатил в коридор пустую каталку, а на ее место в морге поставил другую, где лежало тело Хельги Ингольфа. Приподняв простыню, Лейф удостоверился, что Ава не забыла вырезать на груди покойника две зловещие буквы и всадить в тело стилет.

Очевидно, Ава приказала санитарам оставить тело в коридоре под тем предлогом, что Шант или кто-то еще занят вскрытием и не хочет, чтобы его беспокоили.

Лейфу это не нравилось. Он предпочитал простые планы, которые можно окинуть одним взглядом. Сложные планы нелегко выполнить осторожно. Остаются следы, по которым пойдут наделенные тонким чутьем гончие-уззиты.

Хорошо, что генерал Ицкович его не видит, подумал Лейф. Иначе он оказался бы в Марсее быстрее, чем выговорил «Иуда-Меняла»!

ГЛАВА 7

Едва выйдя из лифта на первом этаже, Лейф понял, что слишком долго провозился с телом Аллы. По коридору ему навстречу шел очень высокий — на полголовы выше Лейфа —

сутулый человек, такой сутулый, что казалось, будто он пытается догнать падающую с плеч голову. Лицо его было длинным и тонким — тонкие губы, острый нос, глаза в колодцах глазниц. Вылитый Данте, только светловолосый.

Тонкие, полупрозрачные пальцы уззита сжимали выполненную в виде crux ansata* рукоять заткнутого за черный пояс хлыста. Серые глаза, как звери, выглядывали из-под кустистых бровей. И при виде Лейфа они не потеряли хищной настороженности.

— Кандельман! — воскликнул Лейф.

Уззит вместо приветствия кивнул и подошел к двери 113 палаты. Толкнул — дверь не отворилась. Кандельман раздраженно постучал.

— Пожалуйста, не шумите, — негромко предупредил Лейф. — Не надо беспокоить госпожу Даннто.

— Она еще жива? — произнес Кандельман неожиданным басом.

Выражение его лица не изменилось, однако Лейфу показалось, что Кандельман этим немало удивлен.

— А почему нет? — Лейф поднял брови. — У нее всего лишь перелом предплечья, неглубокая рана живота плюс шок от потери крови. Сейчас она получила успокоительное.

— Странно, — пробормотал двойник Данте. — Мне сказали, что она мертва или умирает.

— Кто это сказал? — резко осведомился Лейф. «Если Траусти или Палссон разболтали...»

— Один из моих людей. Он оказался на месте происшествия почти сразу. И он был уверен, что госпожа Даннто не выживет.

— Ваши люди плохо знают медицину, — ответил Лейф.

Взгляды двоих мужчин скрестились.

— Я хочу увидеть ее и удостовериться, что с ней все в порядке, — проговорил уззит.

— Я вас в этом заверяю, — ответил Лейф.

— Я настаиваю.

— Вы говорите с личным врачом Аллы Даннто, — заметил Лейф. — Архиуриэлит сказал, что я лично отвечаю за нее.

— Даннто?

— Да.

Кандельман выдернул из-за пояса семихвостую плетку и принялся чуть угрожающе помахивать ею.

— Ну хорошо, — сдался он, — но могу я, по крайней мере, поглядеть на нее через куб?

---

* Crux ansata — петельчатый крест *(лат.)*. Традиционно является символом жизни, имеет египетское происхождение.

— Куб не работает. — Лейф нагло ухмыльнулся.

Кандельман тупо уставился на него; наверное, первый раз в его жизни кто-то осмелился насмехаться над уззитом.

— Почему?

— Спросите дежурного теха.

— Кто дежурный?

— Не знаю, — ответил Лейф. — Но я могу перечислить вам всех больничных техов. Это очень просто. Их всего шесть. А надо нам вчетверо больше.

— Я знаю, что техов не хватает, — перебил его Кандельман. — Последнее время все ломается на глазах, а квалифицированных ремонтников не хватает. Нам нужны новые школы для техов.

— А почему молодежь должна валом валить на такую опасную работу?

— Что вы имеете в виду?

— А вот что, — сказал Лейф. Сердце его заходилось от восторга. Уззит тихо зверел. — Если что-то выходит из строя, подозревают не машину, нет. Подозревают теха. Он автоматически обвиняется в саботаже. Он враг верносущности, а возможно, агент жидов или пограничников. Его увозят и допрашивают. Пока его допрашивают, на плечи его и без того измученных товарищей падает дополнительный груз работы и ответственности. Если ответы нашего теха не удовлетворят уззитов — а вопросы их построены так, что даже невиновный собьется и тем подставит себя под удар, — его отправляют к Ч. Где бы это ни было.

Но если его и отпустят, он остается под подозрением. Он нервничает. Если авария происходит вновь — а она происходит, потому что не хватает и запчастей, и техов, — его обвиняют вновь, и он возвращается в уззитскую допросную. А в результате многие техи увольняются, то есть пытаются это сделать. А церкводарство не позволяет им уйти, если только у них не понизится Моральный Рейтинг Тех, так сказать, зажат между Предтечей и Противотечей. Если он намеренно начнет работать хуже, его обвиняют в многоложестве, и смотри выше.

Конечно, он может вести себя так, что иоах даст ему меньший Моральный Рейтинг и его переведут в разнорабочие. Но это значит потерять удобства, большую квартиру, хорошую еду, престиж. И тех остается на работе. Но он нервничает. Работа страдает Теха берут под наблюдение, и он все равно оказывается в допросной.

Лейф болтал не переставая, пытаясь отвлечь внимание Кандельмана.

Уззит взмахнул плеткой.

— Я так понимаю, вы обвиняете церкводарство?

— Это я, ламедоносец? — Лейф потер рукавом значок. — Вы же знаете, что это невозможно. Нет, я просто объясняю, почему так тяжело найти техов.

— Торлейфссон! — позвал Кандельман, оборачиваясь.

Из-за угла показался молодой парень с квадратными плечами и квадратной физиономией. Лейф узнал его — он был в числе тех троих, кого Лейф усыпил в гостиной пентхауза прошлым вечером. Уззиты тогда очнулись и сбежали еще до того, как Лейф отпустил неудачливую соблазнительницу.

— Слушаю, абба, — отозвался Торлейфссон.

— Найдите, кто отвечает за кубы на этом этаже. Выясните, что случилось с кубом в 113, но пока не арестовывайте. Потом нам, возможно, придется его задержать.

Лейтенант козырнул и ушел.

— Сандальфон просил меня расследовать это дело, — проговорил Кандельман, поворачиваясь к Лейфу. — Я не могу вмешиваться в процесс лечения его жены, но я требую, чтобы вы, по крайней мере, позволили мне удостовериться, что госпожа Даннто в этой комнате.

Врач поднял брови:

— Что вы подразумеваете?

— Баркер, я никогда и ничего не принимаю на веру. Пока у меня есть только ваше слово, что она там. Я словам не верю — только своим глазам.

— Некоторые вещи лучше принимать на веру, — сообщил Лейф, — иначе и свихнуться недолго.

Он постучал в дверь.

— Ава, открой! — позвал он негромко.

Лейф надеялся, что у Авы хватит сообразительности понять, почему он не стучит, как условлено. Не стоит привлекать внимания гончей в человеческом облике, чьи глаза гложут его спину.

Дверь чуть приоткрылась. Лейф придержал ее, чтобы его супруга не распахнула ее настежь, протиснулся в щель боком. Кандельман заглянул ему через плечо.

— Вот и она, — сообщил Лейф. — Удовлетворены?

Кандельману не было причин возражать. Женщина на кровати могла похвастаться той же копной рыжих волос, что и Алла Даннто. Лицо ее в тусклом свете ночника походило на лицо покойницы как две капли воды.

Кандельман молча втянул воздух сквозь зубы. Лейф захлопнул дверь у него под носом и облегченно вздохнул.

— Давно она пришла? — спросил он.

— Через минуту после того, как ты смылся. Я уже думала, ты не вернешься.

Лейф подошел к кровати. Женщина открыла глаза и приветствовала его полуулыбкой. Лейф молча улыбнулся в ответ, думая, что из всех неожиданностей этого дня последняя берет первый приз.

Девушка не просто напоминала Аллу Даннто. Никогда в жизни Лейф не видел такой красоты — кроме как на лице покойной Аллы. В голове у него зазвенело.

— Вам... передали что-нибудь для меня? — пробормотал он.

— Ничего. Только чтобы вы все время называли меня Аллой — пока моя сестра не оправится и не займет свое место.

Лейф надеялся, что хорошо скрыл изумление. Так, значит, правды ей не сказали. Бедная девочка. Но без этого не обойтись. Если ей придется не только играть чужую роль, но и скрывать скорбь... Лейф чуть заметно пожал плечами и порадовался, что не ему придется сообщать девушке о смерти сестры. Он не выносил женских слез — настоящих.

— Я смотрю, ты наложила на руку шину, Ава, — выговорил он. — Хорошо, но мало. Боюсь, придется довести дело до конца.

Ава взялась за трубку переговорника. Лейф сдернул простыню с Аллы. Огромные серо-голубые глаза девушки широко раскрылись, она попыталась что-то сказать.

— Развяжите тесемки, — перебил ее Лейф. — Мне необходимо осмотреть вас.

— Зачем это?

Даже встревоженный, ее голос оставался нежным контральто. Лейф ощутил, как этот голос касается его нервов, как арфист — струн, и по позвоночнику доктора пробежала приятная дрожь.

— Ваша сестра получила несколько травм, — объяснил он. — Траусти ее видел и помнит, в каких местах. Мне нужно посмотреть, как я могу изобразить подобные ранения, не причиняя вам серьезного вреда.

Он надеялся, что объяснение звучит убедительно. На самом деле он собирался проверить, насколько самозванка отличается от оригинала.

— Да кто, кроме вас, будет знать об этих травмах? — спросила Алла. — Разве что госпожа Баркер.

— Вы плохо знакомы с медицинской рутиной, — ответил Лейф. — У нас нет времени на споры. Я вам как начальник приказываю — раздевайтесь. Поверьте, — добавил он с обезоруживающей улыбкой, — мне не хочется отдавать вам приказы. Но это необходимо.

Ава отключила переговорник и повернулась к Лейфу, вероятно, недоумевая, к чему тот ведет дело.

Алла явно не собиралась подчиняться.

— Алла, я не кусаюсь, — Лейф перешел на английский. — И вообще моя фамилия Баркер, а не Брюхер.

Девушка попыталась сдержать смешок, но не сумела.

Улыбаясь, Лейф потянулся к тесемкам уродливой больничной робы. Алла-дубль ловко стукнула его в челюсть.

— Ах ты, похотливый козел! — расхохоталась Ава. — Сам напросился!

— Весьма впечатлен первой встречей, — пробормотал полуоглушенный Лейф. — Колено не отшибли?

Алла рассмеялась снова, и звук ее голоса затронул какие-то струнки в душе Баркера.

— Вы мне нравитесь, доктор, хоть и корчите из себя донжуана. Но уж если кто-то и должен осматривать меня, как тельца перед закланием, пусть это будет ваша жена. Понимаете, доктор, я-то знаю, *почему* вы хотите меня обследовать.

— Тогда вы знаете, что у меня на это чисто профессиональные причины.

— Далеко не чисто, — ответила Алла.

Лейф повернулся к Аве.

— Тебе повезло, детка, — усмехнулся он.

Глаза Авы метали молнии. Лейф расхохотался, точно какой-то тайной шутке, и, когда Ава скривилась, шутливо похлопал ее по спине.

— Во имя Предтечи, Лейф, будь серьезен, — бросила Ава резко.

— Серьезно я отношусь только к шуткам, — ответил он. — Слушай, милая, я возвращаюсь в морг, у меня там есть незаконченное дело... — Он многозначительно махнул рукой в сторону кровати. — ...Вернусь, как только закончу. Что бы ни случилось, Кандельмана не впускай.

— Да какого Ч ты не закончил в прошлый раз? — осведомилась Ава.

— Знаю, что я не прав, — ответил Лейф, — но ничего не могу поделать. Ученый победил солдата.

Он бросил последний взгляд на свою «пациентку». Та села, встряхнув головой, откинула волосы назад, гордая, как королева. Лейф приоткрыл дверь и тихонько выскользнул, зная, что никогда больше не сможет покинуть эту женщину без того, чтобы не ощутить всепоглощающего чувства потери. Странно — никогда прежде он не испытывал ничего подобного.

Прежде чем отправиться в морг, Лейф заглянул к патологоанатому. Оставался шанс, что Шант захочет провести вскрытие Ингольфа немедленно. Лейф собирался предупредить его, что собирается вскрыть череп сам. Шант был одним из немногих в больнице, кого Лейф активно не любил, и не делал из этого

секрета. Уже не в первый раз он перехватывал у патанатома интересные вскрытия.

Связываться с Шантом по кубу он не хотел — вдруг Кандельман поставил наблюдателя на линию. Будет очень неприятно, если кто-то влетит в морг, пока Лейф препарирует настоящую Аллу Даннто.

Но Шанта на месте не оказалось. Лейф изобразил неудовольствие — дескать, вечно его на месте нет, когда нужен — и ушел. Секретарша передаст Шанту весь разговор, и тот пару дней будет держаться от главврача подальше.

У дверей морга Лейф проверил «жучок». Магнитная лента не показывала ничего — и неудивительно. Ее стерли, судя по показаниям счетчика на углу коробочки, менее трех минут назад.

Лейф мысленно поблагодарил Аву за то, что та уговорила его поставить «жучок» и здесь. Проверить раз — хорошо, а два — лучше.

Дверь оказалась заперта. Или вошедший стер ленту, уже уходя, или получил от больничного начальства ключ. Вероятно, последнее — уззит за работой, Кандельман или кто-то из его подручных.

Лейф, не колеблясь, вставил ключ в скважину и нажал на кнопку. Радиосигнал ключа нейтрализовал магнитное поле, притягивавшее дверь к стальной раме. Лейф рисковал — вошедший легко мог засечь его, если удосужился позаботиться об этом. Уззиты носили контрольные браслеты; настроенный на частоту ключа, такой браслет издавал сигнал, если поблизости начинал действовать подобный же ключ.

Но, зная высокомерие уззитов, Лейф очень сомневался, что его противник станет утруждаться такими мелочами. В конце концов, уззит имеет право войти куда угодно, за исключением дома ламедоносца.

И он оказался прав. Неслышно закрывая за собой дверь, он увидел, как к ячейке, куда он положил тело настоящей Аллы, склоняется квадратный Торлейфссон. Ячейка уже была открыта, но вытащить ее содержимое уззит не успел.

В безжалостном свете ламп на каталке виднелось обнаженное тело Ингольфа. Из груди покойника торчала рукоять стилета, и даже с другого конца комнаты видны были две кровавые буквы. Торлейфссон сделал открытие.

Уззиты обычно были вооружены мини-автоматами, разрывные пули которых, несмотря на малую дальнобойность, способны были проделать в человеке очень большую дыру. Лейф не дал Торлейфссону шанса применить оружие. Кошачьими шагами приближаясь к склоненному над Аллой противнику, он вытащил из внутреннего кармана длинный скальпель.

Лейф старательно создавал себе репутацию эксцентричного типа. Среди его странностей было и то, что он не носил обычных высоких ботинок, предпочитая им кеды. Коллеги полагали, что Лейф стремится к удобству. Они были не совсем правы. Лейф стремился к бесшумности, и теперь он неслышно приближался к уззиту. Он не выдал себя ни звуком. Но Торлейфссон все равно обернулся — наверное, из врожденной подозрительности.

Вскинув скальпель, Лейф ринулся к уззиту. Торлейфссон с рычанием потянулся к кобуре на поясе, потом, сообразив, что достать автомат вовремя он не успеет, попытался перехватить занесенную для удара руку. Ему это почти удалось: лезвие миновало его горло. Но за успех следовало платить — скальпель пробил его ладонь насквозь.

Вновь взревев, Торлейфссон попытался схватить рукоять скальпеля свободной рукой, вероятно, собираясь выдернуть его. Но Лейф не остановился. Он сбил уззита с ног и покатился по полу вместе с ним. Торлейфссон хрюкнул — удар потряс даже его могучее тело, но ни падение, ни рана не могли задержать его надолго. Здоровой рукой он потянулся к паху навалившегося на него Лейфа, намереваясь раздавить самую чувствительную часть тела противника в кашу. Лейфу пришлось откатиться на бок, и он потерял преимущество, которое давала ему прежняя позиция.

Торлейфссон дернулся в сторону, вскочил, потянувшись к автомату; Лейф кинулся на него с пола. Пинок врача вышиб пистолет из руки уззита, и тот отлетел в сторону.

На мгновение Торлейфссон застыл — правая рука не повиновалась ему после удара, в левой все еще торчал скальпель. Потом, не произнося ни слова, уззит поднес руку ко рту и зубами выдернул скальпель из ладони. Лицо его оставалось каменным.

Лейф после прыжка ухитрился все же приземлиться на ноги. Мгновения, потраченного им на раздумья — кинуться ли к валяющемуся в углу автомату или броситься на уззита, пока тот не опомнился, — хватило Торлейфссону, чтобы подчинить себе правую руку. Перехватив ею скальпель, уззит двинулся на Лейфа, загораживая от врача отлетевшее в сторону оружие.

— Ты... ты, тварь! — заговорил Торлейфссон в первый раз за все время. — Как ты можешь носить это, — он указал окровавленной рукой на золотой ламед, — и все же быть предателем?

— С чего ты взял, что предатель — я? — бросил Лейф. — Или ты забыл, что отстранен от должности за многоложество и собратья-уззиты идут по твоему следу?

Лицо Торлейфссона посерело. Скальпель опустился.

— Что? Как может?..

Лейф начал действовать прежде, чем уззит распознал в его словах блеф. Он сорвал ламед с рубашки и швырнул его уззиту в лицо. Тяжелая золотая плашка рассекла Торлейфссону веко.

Уззит не вскрикнул — слишком он был потрясен. То ли так подействовало на него немыслимое обвинение, то ли ошеломил небрежно брошенный ламед. Многие века святой власти церкводарства стояли за этим символом. Даже такой циник, как уззит, не мог превозмочь впечатанные с детства рефлексы.

Как бы там ни было, он не успел защититься, когда Лейф вцепился в державшую скальпель руку.

Лейф сжал пальцы, хрустнула кость. Торлейфссон вскрикнул. Скальпель выпал из его пальцев, и Лейф подхватил оружие. Он вогнал лезвие прямо в брюхо противника, повернул, выдернул. И для надежности перерезал уззиту горло.

ГЛАВА 8

Пока плоть и кости Торлейфссона полыхали в кремационной печи, Лейф удалил с пола все следы крови и вообще все, что могло выдать присутствие уззита. Только потом он вытащил тело Аллы Даннто из ячейки и положил на стол. Откуда взялся этот лейтенант? — недоумевал он. Послал ли его Кандельман, прислушавшись к болтовне Траусти? Или санитар сболтнул, что Хельги Ингольф оказался пухловат для мужика?

Неизвестно. Возможно все. Но, как бы там ни было, Лейф намеревался работать до последней секунды.

Натянув халат, маску и перчатки, он приготовил срезы тканей и мазки крови. Пока автомат-анализатор исследовал образцы, Лейф торопливо вскрыл черепную коробку. Времени не хватало даже для халтурной работы. Но он не может уйти, не выяснив ничего об этой загадочной женщине.

Вытряхнув из головы все посторонние мысли, Лейф сосредоточился на работе. Его никогда не тянуло ни к философии, ни к некрофилии, и теперь его неизмеримо угнетали тишина, холод, яростный свет и неподвижность трупа перед ним. Даже страстный поиск знания не отвлекал его в достаточной мере. Ему слышались беззвучные голоса; умолкшие языки говорили о покое могилы; сталь, проникающая в мертвое тело, вызывала бурю неслышных протестов.

Почему-то Лейфу вспомнилась странная утренняя встреча со светлоглазой курносой четверкой и неслышное «Quo vadis?», остановившее его на полушаге. Если бы не приказ, он кинулся бы за этими невероятными людьми, гонимый неутомимой любознательностью. Он был уверен, что их приход имеет огромное

значение, но проклятое беличье колесо, в котором закрутился Лейф, не останавливалось и не давало ему ни секунды, чтобы он мог понять какое.

«Усталость, наверное», — подумал Лейф. Последние две его мысленные фразы — сущие уродцы стиля. Впрочем, жизнь и без них полна уродов.

Лейф склонился над телом. Покрытый густыми огненно-рыжими волосами скальп легко сдвигался под пальцами, обнажая жировую клетчатку, похожую на апельсиновую мездру. Едва начав обнажать череп, Лейф остановился — его пальцы наткнулись на два скрытых под волосами бугорка. Жировая ткань — или нервная? Лейф вырезал бугорки и засунул в автомат-анализатор, потом под микроскопом осмотрел образовавшиеся отверстия. Череп пронизывали нервные стволы.

Позабыв о недавних переживаниях, Лейф торопливо отделил скальп и взялся за воющую циркулярную пилу. Он не особенно заботился о соблюдении процедуры — сейчас он намеревался обнажить для исследования как можно большую поверхность мозга. Узор извилин под снятой черепной крышкой ничем не отличался от обычного, но Лейф был убежден, что более глубокое исследование обнаружит немало отличий.

Как бы ему хотелось сейчас провести подробный анализ! Но Лейф сдержался. Оставалось продолжать вскрытие, надеясь обнаружить более очевидные отклонения. Уже ясно было, что бугорки на лбу соединялись нервами как с корой, так и со стволом мозга.

Зажужжал автомат. Лейф не обращал внимания, намереваясь прочесть все результаты вместе. Он собирался узнать эту женщину так глубоко, как ни одну не знал прежде.

В жизни Алла Даннто была удивительно прекрасна; и вот теперь он, грубый самец, своим жестоким и яростным ножом постыдно лишал ее даже тех остатков красоты, что позволила ей сохранить смерть.

— О Предтеча, — пробормотал Лейф. Слова канули в холодную тишину зала. — Да что со мной? Я же никогда не был слюнтяем-антропоморфистом — что на меня сегодня нашло?

Возможно, это реакция на убийство уззита? Сомнительно. Всаживая скальпель в это жирное брюхо, Лейф не испытывал никаких угрызений совести. То была схватка двух солдат; оба лишь исполняли свой долг. Кроме того, Лейф уже убил двоих уззитов в высоких чинах — на операционном столе. Это он сделал по собственной инициативе, а не по приказу из Марсея. Тех двоих следовало убрать, чтобы освободить места в иерархии для агентов КХВ. Но ламедоносца не обвинишь в многоложестве, отправив этих к Ч. Поэтому Лейф их убил. А то, что он

всегда употреблял именно это слово, а не любимые военными эвфемизмы, свидетельствовало о его профессиональной этике.

Но гложущее его чувство резало душу так же уверенно, как скальпель в его руках рассекал мертвую плоть.

Лейф снова пожал плечами, наклоняясь к столу. Ребра подняты наподобие разводного моста — двенадцать пар, из них три ложных, все как надо.

Сердце, легкие, печень и почки — насколько можно судить, никаких отклонений от нормы. Мышцы и скелет — то же самое. На всякий случай Лейф вырезал глазное яблоко и тоже засунул в анализатор. Через пять минут машина защелкала, мигнула желтая лампочка на панели, и из выходной щели показалась лента. Лейф подхватил свесившийся белый дырявый язык и пробежал глазами отчет, вместе с данными по образцам тканей и крови. Все параметры в пределах нормы. Покойная была женщиной Земли.

Лейф столкнулся с явным противоречием. С одной стороны, Алла Даннто отличалась от обычного человека — органом в конце влагалища и нервными узлами надо лбом. С другой стороны, внеземное существо не может так точно походить на человека. Это противоречит законам вероятности. Обнаруженные на иных планетах три вида гуманоидов достаточно отличались от людей как внешне, так и по своему строению, чтобы спутать их с людьми не мог даже дилетант. Даже на большом расстоянии невозможно принять чужака за землянина.

Но эти органы все-таки чужие!

Лейф не верил, что это лишь результат мутации. Слишком сложно они устроены, слишком совершенны, чтобы быть результатом игры генов. Нет, эти органы неземного происхождения.

Тут Лейф сообразил, что подверг анализу все органы Аллы Даннто, кроме того, что привлек его внимание первым. Ему не хотелось отправлять странное образование в автомат — это значило бы уничтожить единственный образец, а машина может провести далеко не все тесты. Но сохранить для себя этот орган Лейф все равно не сможет. В лаборатории с ним работать нельзя — за Лейфом могут следить, и будет очень неприятно объяснять, что это за ткань и откуда она взялась. А если Лейф прикроется своим рангом и откажется отвечать, возникнут подозрения, а это значит — расследование.

Вздохнув, Лейф опустил вытянутый комок плоти вместе с отходящими от него нервами в автомат-анализатор, выбрал нужные тесты и принялся нетерпеливо расхаживать по залу. Через десять минут вспыхнула желтая лампа, и из выходной щели аппарата поползла бумажная лента. Лейф схватил ее и прочел:

«НЕ ХВАТАЕТ ИСХОДНЫХ ДАННЫХ. ТРЕБУЮТСЯ ДРУГИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА».

— Плохо, — пробормотал Лейф. — А я даже не знаю, что искать.

Аллу проверили на зуб смерть и нож. А на вопросы, которые хотел задать Лейф, машина ответить не могла. Жизнь... смерть... и узкая грань между ними. Почему Алла переступила эту черту... и как?

Прервав скорбные размышления о быстротечности красоты, Лейф мысленно попрощался с Аллой Даннто и отправил тело в печь.

Избавившись от пепла и лент анализатора, Лейф сжег халат и перчатки, помыл из шланга стены и пол. Единственным, что не подверглось очистке, было все еще лежащее на каталке тело Ингольфа. Закончив стерилизацию, Лейф выкатил тело обратно в коридор и спокойно вошел в лифт.

Под дверью 113 палаты его поджидал неподвижный, как статуя, Кандельман.

— Где вы были?

Лейф поднял брови.

— Это неуместный вопрос, — ответил он. — Но, поскольку я не меньше вас хочу прояснить подоплеку этого инцидента, я отвечу. — Он постучал в дверь.

— Так вы будете говорить? — не выдержав паузы, жестко осведомился Кандельман.

— А, простите, — Лейф изобразил раскаяние, — задумался. — Он ожидал, что уззит как-то проявит раздражение, но лицо Кандельмана оставалось застывшим, как маска горгульи. — Я проводил вскрытие больного, скончавшегося от опухоли мозга. В последнее время я занялся корреляцией изменений мозговых волн с повреждениями определенных участков коры. Очень захватывает.

Ава открыла дверь, но в этот момент Лейфа окликнула проходившая по коридору озабоченная медсестра. Она размахивала каким-то документом.

— Да? — отозвался Лейф, поворачиваясь к ней и придерживая дверь, чтобы у Кандельмана не появилось искушения заглянуть в палату.

— Доктор Баркер, старшая сестра этажа нашла расхождения в записях. Чтобы отвезти тело Ингольфа в морг, вызывали двоих санитаров со второго этажа. А она помнит, что это делали наши люди. Она обнаружила это, когда старшая второго этажа позвонила ей, чтобы проверить передвижения санитаров. Она подозревает одного из них в многоложестве.

Лейф тихо вздохнул. Этот раунд он проиграл. В девяти случаях из десяти расхождение прошло бы незамеченным в

массе повторяющих друг друга отчетов. Но один из санитаров подозревается в многоложестве — а это слово охватывает все от убийства до лени и глупости. Скорее последнее.

Кандельман пристально смотрел на Лейфа — но это может ничего и не значить. Серо-стальные глаза уззита впивались во все, на что наталкивался взгляд. Но не исключено, что именно он заставил медсестру сообщить Лейфу эту новость, надеясь застать его врасплох.

Лейф глянул на медсестру. Она стояла к уззиту боком, и тот не мог заметить, как она подмигнула Лейфу. Значит, это Кандельман...

— Ну! — выдавил Кандельман.

Лейф пожал плечами.

— И что я, по-вашему, должен с этим делать?

Взгляды противников встретились.

Ничья.

По коридору простучали каблуки. К Лейфу подскочил светловолосый человечек с непомерным носом.

— Доктор Баркер, вы действительно провели вскрытие Ингольфа?!

— Именно, доктор Шант.

— Вы хотите меня выжить! — заверещал Шант. — Я же просил вас разрешить мне провести это вскрытие!

— Ингольф умер от опухоли мозга, — ответил Лейф спокойно. — Я снимал его энцефалограммы уже несколько недель, и они меня заинтересовали. А кроме того, как старший исполняющий обязанности ангела-хранителя в больнице, я не обязан спрашивать вашего соизволения.

Шант нервно переминался с ноги на ногу и едва не подпрыгивал на месте.

— С точки зрения этики следовало бы позволить мне вам ассистировать.

— Как вы мне надоели, Шант. Скройтесь с глаз моих.

Лейф почувствовал, что дверь за его спиной открывается. Он отступил, пропуская Аву в коридор.

— Господа, — озабоченно прошептала Ава, прикладывая палец к губам, — потише, прошу вас. Госпожа Даннто должна выспаться.

Кандельман чуть расслабился.

— Вы правы, — негромко согласился он, потягиваясь. — Здоровье супруги архиуриэлита — прежде всего. Я предложил бы вам, доктор Баркер, больше заниматься ее лечением и меньше — вскрытиями.

— Я не учу вас вашему занятию, так вы не суйте нос в мои дела, — огрызнулся Лейф.

Шант и медсестра ахнули. Разговаривать с уззитами так было опасно.

Лицо Кандельмана оставалось мертвенным, как у восковой куклы.

— Все, что касается архиуриэлита, — мое дело. И я начинаю полагать, что некоторые ваши действия относятся к моей компетенции.

— Думайте что хотите, — ответил Лейф, втолкнул Аву в комнату и вошел вслед за ней.

— Идиот! — прошипела Ава, едва дверь захлопнулась.

— Хочешь, чтобы я на брюхе ползал? — оборвал ее Лейф. — Вспомни, как я получил свой пост! Я тебе говорю, чем наглее себя ведешь, тем больше тебя боятся, потому что считают тебя важной персоной.

— Ты перегибаешь палку.

— Неважно. Не забывай, я твой начальник. Так что критиковать меня ты не можешь, хоть ты и, — Лейф хохотнул, — моя жена. Алла, — обратился он к сидевшей на кровати девушке, — примите обезболивающее.

— Зачем?

— Вы мне подчиняетесь или нет?

— Да, но до тех пор, пока ваши указания не противоречат основным. Главное для меня — сохранять свою личность в тайне. А вы слишком любопытны.

— Примите.

— Это не правдодел?

— Я сказал, примите! Или я сломаю вам руку без обезболивания!

Глаза девушки расширились.

— Вы серьезно?

— Шиб, естественно. Или вы думаете, что этот стервятник за дверью не проверит снимки, чтобы убедиться, действительно ли у вас сломана рука?

— А почему вы не можете взять какие-нибудь снимки из архива и подсунуть ему?

— Он проверит. Мы не можем испытывать судьбу лишний раз. У нас и так на шее два Ингольфа. И Траусти с Палссон...

— Два Ингольфа?

— Неважно. — Лейф оборвал себя, сообразив, что чуть было не открыл девушке, что ее сестра мертва. — Чем меньше будете знать, тем лучше. Вы ведь госпожа Данто, забыли? Даже если мы с Авой поскользнемся, делайте вид, что знакомы с нами только профессионально.

— Я действительно выгляжу *такой* дурой?

Ава принялась снимать шину. Алла, не обращая внимания, пристально поглядела на Лейфа.

— Скажите, у меня рука после перелома не искривится?

Лейфа удивило даже не то, что эта женщина боится уродства сильнее, чем боли, а то, что свои опасения она высказывала без малейших следов кокетства.

— Никто и не заметит, — улыбаясь, заверил он ее. — Будет прямее, чем было. Знаете, искусство улучшает мир.

— Нет, не знаю.

ГЛАВА 9

Веки Аллы сомкнулись через секунду после того, как она проглотила таблетку. Дыхание девушки стало почти неслышным; от двойника на столе в морге ее отличал только слабый румянец да то неопределимое нечто, которое только и отделяет живых от умерших.

Лейф приставил к кровати кресло, взял руку девушки за запястье и локоть и резко ударил ее рукой о твердый пластмассовый подлокотник. Хруст кости заставил его поморщиться.

Он торопливо совместил концы обломков, и Ава наложила шину обратно.

Лейф ввел в трицепс Аллы сыворотку Джеспера. Если гормональный активатор подействует, как обычно, кость срастется за два-три дня.

— Чертеж-гель у тебя? — спросил он.

— Нет, — ответила Ава. — Вон он.

— Приготовь все.

Лейф прополоскал свой скальпель в стерилизующем растворе, откинул простыню и развязал рубашку Аллы, обнажив живот. Протерев кожу тем же раствором, Лейф аккуратно рассек кожу, повторяя форму ран настоящей Аллы.

Ава смазала разрезы заживляющим гелем; если не будет заражения, через пару дней от раны не останется и следа — даже шрамов.

— Дай камеру, — приказал Лейф.

Ава повиновалась. Покрутив рукоятки, Лейф сделал два снимка ран и две рентгенограммы предплечья. Через минуту проявитель выдал готовые изображения.

— Отлично. Кандельман будет доволен. Но снимки, сделанные Траусти, наверное, в истории болезни или, того хуже, у этого дурака в кармане.

Ава улыбнулась, обнажив снежно-белые зубы.

— Никак уж не в кармане, — ответила она. — Я их выкрала и спрятала на своей материнской груди. Прошу! — Она запустила тонкие пальцы под застежку глухого высокого платья и извлекла оттуда два рулончика пленки.

— Солнышко ты мое! — воскликнул Лейф. — Как это тебе удалось?

— Я с ним столкнулась на пути сюда. Он брякнул, что, по его убеждению, госпожа Даннто мертва — дескать, снимки это подтверждают. Так гордился, что поймал тебя на ошибке! — Ава хихикнула. — Ничего, скоро он избавится от беспочвенного тщеславия.

— Лучше уничтожь их.

— Естественно. Лейф, ты ведешь себя так, словно на всем свете у тебя одного есть голова на плечах.

— Спокойно, детка, спокойно. Иначе мне придется закрыть тебе ротик смачным поцелуем.

— С выбитыми зубами ты будешь смотреться не так симпатично.

Лейф рассмеялся и, склонившись над Аллой, продолжил исследование, прерванное ранее пинком в челюсть.

— Чем эта девица тебя так заворожила? — кисло поинтересовалась Ава.

— Ревнуешь, лапочка?

— Ыыыы,— выдавила Ава и замолкла, понимая, что спорить с Лейфом бесполезно.

Пальцы врача нащупали под волосами девушки два мягких бугорка. Поспешно сделанный снимок обнаружил и таинственный орган в малом тазу. Лейф завязал рубашку и прикрыл Аллу простыней.

— Она проспит двенадцать часов. Ты сторожи, а я спущусь в морг, разберусь с Ингольфом. Или не разберусь. Если выживу — сменю тебя.

Он направился было к двери, потом резко обернулся.

— О Иуда! Отпечатки пальцев! Знаю, я перестраховщик, но что, если Кандельману взбредет в голову сравнить отпечатки первой Аллы и второй?

— Уже сделано, Лейф. Ты не поверишь, но они одинаковые. Алла мне сказала сама, пока тебя не было.

— Хорошо же над ними КХВ поработал.

— По-моему, они такими родились.

— Невозможно!

— Но это так.

— А узоры сетчатки?

— Тоже идентичны.

Лейф ожесточенно взъерошил густые золотистые волосы.

— С той секунды, как мне позвонила Рахиль, начались невероятные совпадения. Хотя не нам решать, в чем тут дело... ну, ты знаешь, о чем я. Лучше пойду.

— J C. — Ава ткнула в Лейфа пальцем.

— J C. — Он усмехнулся и вышел.

Лейф не особенно удивился, застав в морге Шанта и Кандельмана. Те изучали последние записи автомата-анализатора. Два сержанта посыпали стены и пол порошком для снятия отпечатков, третий фотографировал помещение, а четвертый залез в печь и безуспешно пытался соскрести хоть немного золы с безупречно вымытых стенок.

Завидев доктора, глава уззитов выпрямился и нахмурил брови.

— Почему вы кремировали тело Ингольфа сами, а не оставили это ассистентам? — спросил он невыразительно.

Лейф улыбнулся. На случай необходимости он уже несколько раз поступал именно таким образом, желая сделать подобное поведение привычным для окружающих, а значит, приемлемым.

— Кандельман, — почти пропел он, — я не считаю, что ручной труд унизителен даже для человека, занимающего высокий пост. Нам остро не хватает работников, а я предпочитаю экономить время. Проверьте мой деловой рейтинг и психопрофиль, если вам будет угодно.

— Этим сейчас занимается мой человек, — пророкотал уззит.

— Я думал, ламедоносцы свободны от подозрений?

— Это стандартная процедура.

Лейф только улыбнулся.

Оглядевшись, врач решил, что сейчас самое время бросить бомбу.

— Доктор, — властно бросил он Шанту, — чье это тело в коридоре?

— Я н-не знаю... — Шант покраснел. — Оно там было, когда мы вошли.

— Так прикатите его сюда! Вы же знаете, что не в наших правилах оставлять тела там, где их присутствие может навести людей на многоложные мысли.

Шант сжал кулаки, стиснул зубы, робко обернулся проверить, наблюдают ли уззиты за его унижением, однако покорно вышел в коридор и ввез каталку в патанатомическую. Лениво, словно без особого интереса, Шант повернул бирку к свету, чтобы рассмотреть имя.

Челюсть его отвалилась, бирка выпала из рук.

— В чем дело? — спросил Кандельман, широкими шагами направляясь к невысокому патологоанатому.

Шант сдернул простыню, открыв труп взгляду уззита.

— *Жак Кюз!* — выдохнул Кандельман, замерев на месте, точно от пощечины.

И в первый раз за все время знакомства с уззитом Лейф увидел, как спадает его маска безразличия — точно ледник обрушился в море.

— Торлейфссон! — взревел Кандельман. — Где он?!

Один из уззитов подскочил к разъяренному начальнику и зашептал что-то на ухо.

— Ладно, — выдавил из себя Кандельман, выслушав его. — Вызовите его по кубу. Без моего приказа он не должен был бродить по больнице. За пренебрежение своими обязанностями он еще поплатится.

Должно быть, он вне себя, подумал Лейф. Он не дал уззиту шанса прийти в себя. Он тоже подскочил к телу и воскликнул:

— Это Ингольф! Я только что делал его вскрытие!

Шант моргнул.

— Это невозможно! Очевидно...

— Понимаю. Но вот же он! А меньше часа назад я видел, как он превратился в пепел.

Лейф торопливо соображал. Надо будет связаться с Заком Роу, чтобы агент Корпуса в Бюро переписей кое-что подправил. Кандельман, несомненно, снимет отпечатки пальцев и узоры сетчатки трупа на каталке, чтобы сравнить их с архивом. А агент КХВ загодя заменит данными Ингольфа запись о человеке, скончавшемся, допустим, сто лет назад. А еще лучше, двести пятьдесят — современника Предтечи.

Потом совпадение «случайно» выплывет на свет, чтобы вызвать смятение, чтобы помочь нагнетанию атмосферы таинственности и суеверной нервозности. Вот-вот Предтеча вернется из странствий по векам, и наступит Конец Времен!

«Хотите знамений — получайте».

Даннологи, конечно, начнут строить теории, что покойный имел два тела в настоящем и одно в прошлом, потому что, как и Сигмен, путешествовал во времени Многие годы считалось, что, возвращаясь, путешественник во времени обнаружит собственный дубликат. Может быть, и не один, а столько, сколько раз он возвращается.

Ингольф явно подтверждал этот тезис.

Но его случай был явно парадоксален. Специалисты будут обсуждать его в серьезных «Хронос-журнале» и «Полях проявления», а пропагандисты — переделывать в комиксы. Загадка на загадке — кем был на самом деле Ингольф? Что значат инициалы на его груди? Почему стилет? А Шант быстро обнаружит, что раны нанесены после смерти Ингольфа.

Если Ингольф умер один раз двести пятьдесят лет назад и дважды — сегодня, в результате действий таинственного и коварного J. C., то кто он сам? Ученик Предтечи? И не убил ли его Иуда-Меняла, Противотеча, сводный брат и извечный враг

Сигмена — не единожды убил, но трижды? И не убьет ли снова?

Или то был злобный французский подпольщик Жак Кюз, смутная тень безумца, одержимого идеей освобождения своей любимой Франции от учеников Предтечи?

— *Якс Кутсе*, — пробормотал Кандельман, переиначивая на исландский лад только что мысленно произнесенное Лейфом имя. — Он был у меня под носом. А я упустил его.

Серые плиты глаз сверкнули из-под его век, точно он ожидал, что француз выскочит из холодильника и кинется на него с ножом.

— Доктор Баркер! — донеслось из куба.

Лейф подошел к стене и щелкнул переключателем.

— В патанатомии, — сказал он.

— Архиуриэлит, доктор Баркер! — Девичий голос дрожал.

— Не пугайся, девочка. Он не кусается.

В кубе проявились сначала оба подбородка Даннто, а потом и все остальное.

— Это я тебе припомню! — пробурчал архиуриэлит, скривившись.

— А разве не так?

— Ты знаешь, о чем я! — взревел Даннто, багровея. — Неважно. — Он с трудом справился с собой. — Как моя жена?

— Первые сообщения сильно преувеличивали. Она отнюдь не тяжело ранена. К завтрашнему дню она уже сможет встать. Но увидеть ее вы пока не сможете — она получила снотворное и проспит до завтрашнего дня.

— Могу я посмотреть на нее в кубе?

— Куб не работает, а мы не хотим пускать техов в комнату, чтобы не беспокоить пациентку.

— Не работает?! Клянусь Сигменом, кто-то поплатится за это! — Даннто глянул мимо Лейфа. — Кандельман, ты расследовал этот случай?

— Шиб, абба. Но я не могу найти лейтенанта Торлейфссона, которого я послал допросить теха.

— Почему?!

— Абба, тут творится что-то странное.

Не сводя взгляда с куба, Кандельман немногословно и невыразительно обрисовал ситуацию.

— Иуда-Меняла! — выдохнул Даннто, когда уззит отступил, демонстрируя кровавые знаки на груди покойного.

Но архиуриэлит оправился быстро.

— Почему вокруг больницы не выставлен кордон?

— О присутствии Жака Кюза я узнал только несколько минут назад, — огрызнулся Кандельман. — А с тех пор линию занимаете вы.

— Жак Кюз? — переспросил Даннто. — Это явно дело рук Иуды-Менялы.

— В этом случае, — ответил Кандельман со сдержанным гневом в голосе, — кордон ставить бессмысленно. Невозможно поймать человека, скользящего во времени, как змея в траве.

— Это твое дело — узнать, Меняла его убил или нет! — взревел Даннто. — С чего ты взял, будто я прав? Ты же уззит, ты никому не должен верить на слово!

Кандельман моргнул от изумления и, шагнув к стене, отключил связь со священником и набрал номер местного штаба уззитов.

— Капитан, пошлите немедленно сорок человек в больницу Суровой Благости.

Капитан попытался одновременно спрятать комикс под стол и сохранить серьезный и важный вид.

— Абба, у нас нет свободных людей.

— Через десять минут.

— Шиб, абба.

Через десять минут в морг спустился лично сандальфон Даннто.

— Джек, старина, — проговорил он, подходя к Кандельману и обнимая его за тощие плечи, — прости, что разозлился на тебя. Я знаю, ты делаешь все, что в твоих силах. Ты лучший в рядах уззитов. Но пойми — я беспокоюсь за Аллу, и все, что касается ее, меня очень волнует. А кроме того, этот знак J. C. ... Слишком часто появляются эти инициалы в самых неожиданных и невероятных местах в последние три года. И пока мы не нашли того, кто их оставляет.

Кандельман отступил, и массивная длань Даннто вяло упала.

— Принимаю ваши извинения, — ответил он, — но поймите и вы — для меня это больное место. Этот Жак Кюз преследует меня так долго и настойчиво, что я готов бросить все свои обязанности и все силы нашего отделения направить на его поимку. У меня есть план, клянусь Сигменом, как разделаться с ним.

— Конечно, Джек. Если Жак Кюз вообще существует. Лично я полагаю, что это миф, — ответил Даннто. — Полагаю, эти знаки ставит Иуда-Меняла.

— А может быть, ошибаетесь вы оба, — встрял в разговор Лейф, улыбаясь собственной наглости. — Господа, если мы сейчас начнем теологическую дискуссию, то не кончим до ночи. Есть вещи, более заслуживающие внимания. Прежде всего, абба, я просил бы вашего разрешения перевезти вашу жену в пентхауз. Поскольку за вашей супругой ухаживает

моя, так будет удобнее обоим. А кроме того, поскольку господин Кандельман считает, что этот несчастный случай — вовсе не случайность... там ей будет безопаснее.

Данто резко повернулся к нему:

— Не случайность? Джек, почему ты молчал?

— Простите, абба. Я не хотел вас расстраивать.

— Кто, по-твоему, стоит за этим?

Кандельман развел костистыми руками.

— Жак Кюз. А кто еще?

— Но зачем ему убивать Аллу?

— Чтобы через нее нанести удар вам. Он дьявол, многоложец.

— Такие дела скорее в характере Иуды-Менялы, — заметил Данто.— Судя по тому, что я слышал, он ни перед чем не остановится, чтобы превратить верновремя в мнимовремя. Кандельман, мы должны остановить его.

— Вам придется дать мне карт-бланш.

— Считай, что ты его получил.

— Так как насчет моей просьбы? — напомнил Лейф.

— А, да... Конечно. Отличная мысль. Так она будет в безопасности и получит лучший уход.

— А я поставлю у входа в пентхауз двоих людей, — добавил Кандельман. — Не хочу повторения подобных случайностей.

— Я полагаю, она будет в полной безопасности, — чопорно ответил Лейф. — Я постоянно буду при ней.

— Я настаиваю.

Лейф пожал плечами и обратился к Данто:

— Не пройдете ли со мной понаблюдать, как перевозят вашу супругу? Потом мы могли бы пообедать у меня — я уже проголодался — и за обедом обсудить детали случившегося.

В брюхе Данто заурчало. Архиуриэлит смущенно улыбнулся.

— Вот вам и ответ, — заметил он.

ГЛАВА 10

Пока Аллу перевозили, Лейф с радостью отметил, что Данто и не сомневается в том, что это его жена. Когда Аллу уложили в одной из спален под присмотром медсестры, Лейф, Ава, Данто и Кандельман (последнего пригласил архиуриэлит) сели обедать.

Взгляд Кандельмана, как серый паук, скользил по пентхаузу, отмечая каждую деталь. Даже с причмокиванием поедая саранчовый суп, уззит непроизвольно наклонял голову, прислушиваясь, что говорят остальные.

Лейф сильно подозревал, что и горничная, подававшая на стол, и медсестра в комнате Аллы уже получили от Кандельмана подробный инструктаж — присматривать за доктором и его женой, обо всех действиях — докладывать. Рутина, конечно. Ламедоносца в многоложестве не заподозришь.

— Лейф, — заметил наевшийся и оттого благодушный Даннто, — помните, в прошлом месяце вы обнаружили у меня доброкачественную опухоль? Ее все равно надо удалять, так почему бы не сделать это сейчас? Ночь я так и так проведу здесь.

— Хорошая мысль, — подтвердил Лейф. — К утру вы уже сможете работать, если захотите.

«Чем же настоящая Алла приворожила этого напыщенного идиота? — подумал он. — Что-то тут противоестественное». Даже Алла, прекраснейшая из виденных Лейфом женщин, не могла бы одной красотой добиться подобного слепого обожания.

Интересно, обладает ли той же способностью ее сестра?

Надо выяснить.

Кандельман дохлебал суп и потянулся за травяным хлебом.

— Я должен настоять на своем присутствии при операции, — произнес он.

— Мне кажется, — холодно заметил Лейф, — вы слишком часто намекаете на мое возможное многоложество.

— Я уверен, Джек не имел в виду ничего подобного, — вмешался Даннто.

— Конечно, нет, — невыразительно проговорил Кандельман. — Но Жак Кюз может воспользоваться случаем.

— Вам придется наблюдать за операцией по кубу, — снизошел Лейф. — Мои помощники могут занервничать, если за их работой станет наблюдать сам великий Кандельман. А нервный хирург запросто может... что-нибудь не то отрезать.

Кандельман хотел было запротестовать, но Даннто остановил его.

— Он прав, Джек. Сделай, как говорит Лейф.

Губы уззита плотно сжались.

— Шиб. Но за дверями будет стоять охрана.

Лейф мысленно сделал себе узелок на память: вывести куб из строя во время операции. Кого бы из хороших техов подставить?

Наверное, Петра Сорна. В поломке куба в палате Аллы его уже обвинили. Еще одна авария в тот же день, и Сорн-младший быстро отправится к Ч.

Жаль. Петр Сорн Лейфу нравился. Но личные чувства не должны вмешиваться в работу. Идет война, пусть и холодная.

Убрав Сорна из рядов техов, Лейф сделает еще один шаг к достижению целей Пограничья.

— Долго ли продлится операция? — спросил сандальфон.

— Полчаса, а может, и меньше. Потом вам надо будет хорошо выспаться. А к утру чертеж-гель восстановит вас достаточно, чтобы вы могли не обращать внимания на разрезы. Но физическая нагрузка пока исключается. Так что класть вас в одной комнате с женой я бы сегодня не стал.

Даннто взорвался хохотом, хлопая по столу так, что только тарелки звенели. Кандельман уронил ложку и воззрился на Лейфа, медленно краснея.

— Ваши грязные мысли не подобают ламедоносцу, — сухо заметил он.

Даннто фыркнул.

— Джек немного старомоден, — доверительно сообщил он Лейфу.

— Если неотступно и непреклонно следовать учению Сигмена, да будет верно его имя, значит быть старомодным, то вынужден покаяться в том грехе, — ответил Кандельман.

— Ну, подобные реплики не запрещены Писанием, — возразил Даннто, но улыбка его растворилась в складках жира. — Хотя, может, ты и прав.

— Я чувствую себя виноватым, — объяснил Кандельман, слегка поднимая бровь, — поскольку до сих пор не установил, ни кем является так называемый Жак Кюз, ни какова по размерам его организация. Но я полагаю, что покушение на жизнь госпожи Даннто — его большая ошибка. Почему? А потому, что госпожа Даннто ехала в дистанционно управляемом автотакси, и авария могла произойти либо в результате поломки механизма, либо в результате вмешательства централи управления. А когда мы выясним, кто в этом повинен, мы выйдем и на нашего таинственного француза.

— Такси-автомат? — переспросил архиуриэлит. — Странно. У нее же была своя машина с шофером — кстати, одним из ваших людей, Кандельман. Как она оказалась в такси? Что она там делала?

— Это я и хотел бы узнать. Вашу супругу я спросить не смог — доктор Баркер вначале не пустил меня к ней, а потом и вовсе усыпил ее на полдня.

— Надеюсь, вы не пытаетесь оспорить мои профессиональные способности? — осведомился Лейф с выражением презрительного безразличия на лице.

— О нет. — Уззит покосился на Даннто. — Здоровье госпожи Даннто, конечно, прежде всего.

— А что ее охрана? — спросил Лейф.

— Охранника позвали к кубу — звонил какой-то неизвестный. Пока наш человек отсутствовал, госпожа Данто вышла черным ходом и села в проезжавшее такси.

— А куда она направлялась, регистратор не зафиксировал?

— Нет. Запись разрушилась при аварии. Насколько мы знаем, такси съехало с проезжей части, пробило ограждения и свалилось с высоты тридцати футов. Мы знаем, что за время поездки госпожа Данто трижды меняла место назначения. Каждый раз, прибыв, она вновь направляла машину куда-нибудь. Очевидно, к цели своего пути она приближалась поэтапно, пытаясь стряхнуть возможного преследователя, или собиралась выпрыгнуть на ходу и взять другое такси, пока первое продолжает путь.

— Ты соображаешь, что несешь? — рявкнул архиуриэлит. — Ты обвиняешь мою жену в заговоре!

— Отнюдь. Думаю, она вполне сумеет объяснить свое загадочное поведение... как только проснется. Но это не все. Один из моих людей, оказавшийся на месте аварии, сообщил, что перед тем, как врезаться в ограждение, машина сбила девочку. Мой подчиненный решил, что ребенок мертв — у нее был пробит череп, — и принялся вытаскивать госпожу Данто из машины. Когда прибыла «скорая помощь», он, естественно, направил ее к госпоже Данто.

— Думаю, он ее узнал, — заметил Лейф.

— Да, а что?

— А девочку он не запомнил?

— Нет. К чему вы ведете?

— Ни к чему, — безмятежно ответил Лейф.

Он остро ощущал пронзительный взгляд Кандельмана. Уззит явно пометил себе поинтересоваться у эголога, что́ Лейф имел в виду и часто ли с ним такое бывает.

— Когда мой человек вернулся на место аварии, — продолжал Кандельман, — девочки там не было. «Скорая помощь» ее не забирала, поэтому мой человек, естественно, заподозрил неладное. Оглядевшись, он увидел, что девочку уносят двое мужчин, за которыми следовали две женщины. Он окликнул их, но те скрылись за углом. Мой подчиненный шел по их следу до станции метро, увидел, как они зашли за колонну, но, добравшись туда, никого не обнаружил. Единственное место, где они могли скрыться, — туннель, но, пройдя перегон насквозь, мой человек наткнулся на своего товарища, стоявшего на страже более получаса. И за это время из туннеля никто не выходил. Естественно, сейчас охранника допрашивают Он не может не быть сообщником.

— Чьим? — осведомился Лейф.

Кандельман пожал плечами, тощими, как вешалка.

— Не знаю. Но я сильно подозреваю, что это последователи Жака Кюза. Рядом, на бетонной стене, были выцарапаны буквы J. C.

— Так их в Париже много, — заметил Лейф.

Глаза Кандельмана сверкали, как искры, летящие от точильного камня.

— Я знаю. Но обещаю вам — еще до конца года Жак Кюз будет либо мертв, либо отправлен к Ч.

— Но зачем им было уносить девчонку? — удивился Даннто. — В катакомбах ее вряд ли смогут вылечить лучше, чем здесь.

— Не уверен, — отозвался Кандельман, косясь на доктора. Лейф не снизошел до ответа. — Если бы ее привезли сюда, началось бы расследование. Ее родители скорее всего были бы арестованы и выведены на чистую воду. Они предпочли обречь девчонку на смерть, но не выдать своей тайны. Кроме того, она уже, вероятно, была мертва.

— Я удивлен, Джек, — заметил архиуриэлит, — твоим признанием, что многоложцы похитили свое отродье из-под носа уззитов.

— Если я, как истинно верносущный, и могу гордиться чем-то, то это качество — честность, — ответил Кандельман. В первый раз за все время обеда голос его обрел какое-то выражение. — Я ничего не пытаюсь утаить, как требуют от нас писания Сигмена, да будет верно имя его во веки веков.

Мысль, копошившаяся в темной глубине сознания Лейфа, внезапно обрела форму.

— Кандельман, — спросил Лейф, наклоняясь вперед, — а как выглядели те четверо?

Уззит моргнул.

— О чем вы?

— Не показались ли они вашему человеку странными... может быть, иностранцами?

— А почему вы спрашиваете?

Лейф откинулся на стуле.

— Сначала вы ответьте.

— Шиб. Мне сказали, что эти четверо были очень светловолосы и лица у них были непропорциональные — орлиные носы с очень широкими ноздрями, толстые губы. Глаз их он не видел, но у девчонки глаза были бледно-голубые.

— Ах так, — протянул Лейф.

Те самые четверо, что пытались забрать его с собой сегодня утром!

— Да, а что? — спросил Кандельман.

— Ну, если они действительно французы, живущие в катакомбах — и если этот Кюз не легенда, — то они должны от-

личаться по виду от современных парижан, потомков исландцев. Конечно, французская кровь еще сохраняется, не все французы вымерли во время чумы Судного дня. Но потомков выживших через столетие завоевали и поглотили исландцы.

— Возможно, они и были иными, — заметил Кандельман. — Не знаю. Никогда не видел фотографий до-чумных парижан.

— А французского вы не знаете?

— Нет. Я уззит. Если мне нужна справка, я обращусь к специалисту. И позволю заметить, — теперь Кандельман наклонился вперед, губы его шевелились, как рачьи клешни, — что Жак Кюз не миф и не легенда. Он живет в лабиринте подземных ходов, в заброшенных туннелях метро и еще более глубоких ходах парижской канализации. Организацией своей он управляет из тайного штаба, но порой — я убежден в этом — появляется на поверхности.

Сколько раз я объявлял на него охоту, сколько людей снимал с заданий и отправлял вниз — с собаками, фонарями и автоматами. Мы закупоривали мили туннелей и заполняли их газом. А потом находили только мертвых крыс.

— Разве не нелепо предполагать, что французы веками могли жить и плодиться в этих норах, сохраняя свой язык и надеясь вернуть свою страну себе? — спросил Лейф.

— Так действительно может показаться, — согласился Кандельман. — Но то, что Жак Кюз жив, доказывает обратное.

— Когда вы узнали о нем?

— Несколько лет назад нам удалось схватить пограничника из Корпуса Холодной Войны. Прежде чем он успел раскусить ампулу с ядом, которую вставляют им в фальшивый зуб, один из моих людей отстрелил ему челюсть. К сожалению, придя в себя, разговаривать он за отсутствием языка не мог.

Зато мог писать. После обычной процедуры убеждения он, посопротивлявшись для виду, согласился отвечать. Писал он алфавитом Пограничья, что лишний раз убедило меня в его происхождении. Но, написав два слова, он остановился, показывая на них снова и снова, пока я не понял, что он хочет услышать их произнесенными. Смысла этих слов я не понял, а потому вызвал козла* по лингвистике. Тот озадаченно глянул на них и произнес вслух.

Очнулся я в больнице. Висок мне пробил осколок черепа пограничника, и мне очень повезло, что я не умер на месте. Потом из разрозненных отчетов я уяснил, что произошло. Кроме яда в зубе шпион нес в своем черепе маленькую, но мощную бомбу. Эти два слова служили детонатором.

---

* Козел — квалифициант общих знаний, лицензированный.

Он обманул нас. Осколки черепа разлетелись с такой силой, что трое стоявших поблизости были убиты на месте, включая лингвиста. Бумагу залило кровью.

Но у меня превосходная память — это профессиональная черта. И я помню роковой ключ. Это было имя Жака Кюза. Обратите внимание — обычно я произношу это имя на исландский манер. Никогда не знаешь, не окажется ли твой собеседник шпионом и не взлетите ли вы оба на воздух.

После этого я и начал связывать вездесущие инициалы J. C. с Жаком Кюзом, чье имя по-французски начинается именно с этих букв — Jacques Cuze. Кроме того, в одной из комнат, устроенных в заброшенной канализации, я нашел исписанный клочок бумаги. Козл по лингвистике перевел мне его с французского. Это оказалась пропаганда против союза Гайяак, призыв вернуть власть в стране народу, которому она принадлежит по праву — а вождем этих последних французов, обитающих, как крысы, в подземельях, назывался Жак Кюз!

Даннто нервно хихикнул.

— Можете насмехаться, сколько вам угодно, — произнес Кандельман. — Но я убежден, что нападение на госпожу Даннто спланировал J. C. И что, пока он не окажется пойман, ваша жизнь в опасности.

ГЛАВА 11

Выслушав Кандельмана, архиуриэлит рыгнул, прикрыв рот ладонью, и только тогда ответил:

— Я рад подвергнуться опасности, если тем я тружусь на благо церкводарства и приближаю временной приход Предтечи.

Даннто прервался на мгновение, чтобы откусить от бутерброда с муравьиным паштетом, и продолжил:

— Конечно, для нас, уриэлитов, значение слова «временной» остается спорным. Некоторые полагают, что оно не подразумевает физического прибытия Сигмена, да будет верно имя его, в наш мир. Возможно, он придет в каком-то ином смысле, и слово «временной» следует понимать эзотерически. Насколько я помню, сам Предтеча никогда не употреблял слова «приход» в своем «Времени и мировой линии» — он говорил «явление», а это, согласитесь, может означать не только прибытие.

Возможно, странствия Сигмена следует понимать не как реальные путешествия во времени, а как путешествия аллегорические. Тогда те, кто сейчас поднимает шум вокруг Конца Времен и ждет фактического появления Исаака Сигмена, в Конце Времен будут очень разочарованы.

Вполне может оказаться, что в Конце Времен союз Гайяак и его церкводарство одержат победу над всеми странами земли, власть наша распространится на всю планету, сокрушатся ложные верования и власти, и церкводарство восторжествует. Тогда можно будет воистину сказать, что Сигмен явился и остановил время, ибо наступит истинный покой и прекратятся вечные перемены, признак варварской, звериной натуры других народов.

Все это время Кандельман нервно ерзал на стуле и перебил архиуриэлита, едва тот сделал паузу:

— Абба, я истинно верен вам и церкводарству, которое вы представляете. В этом нет сомнений. Но мне больно слышать от вас речи, граничащие с многоложеством. Было время, когда аллегорическая интерпретация писаний Предтечи не могла даже сорваться с уст истинного гайяакца — иначе тот живо отправился бы к Ч.

Нет, не надо злиться — так оно и было. Но мы, литералисты, замечаем, что за последние двадцать лет все больше и больше уриэлитов поговаривают о каких-то эзотерических значениях, намекая, что описания Предтечи не соответствуют верносущности. Я честно скажу — мне, как и всем литералистам, это не нравится. Это попахивает многоложеством. Мы живем во времена вырождения. Сам Предтеча предсказывал, что явятся странные учения и слова его будут извращены. Он предупреждал нас опасаться подобных отклонений, приводящих к упадку морали, к отходу от верносущности!

И он был прав! Ведь лишь за последние несколько лет снова возродились мерзкие танцы, нарумяненные женщины облачились в нескромные платья, отбросив подобающие чадры. Меня тошнит от всего этого!

— По вашему аппетиту незаметно, — сухо ответил Даннто.

Тирада уззита явно его не тронула. Лейф ожидал очередной вспышки гнева, ибо Кандельман явно метал стрелы в адрес Аллы Даннто. Доктору и самому следовало бы запротестовать — к Аве все сказанное тоже относилось, — но он решил, что молчаливое презрение заденет уззита больнее.

— Этот вопрос отнюдь не так ясен, как вы его представили, — продолжил архиуриэлит. — Сигмен, да будет верно его имя, весьма двусмысленно описывал Конец Времен. Перечитайте-ка его писания еще раз в таком контексте, и поймете, что и литералисты, и аллегористы могут приводить цитаты в поддержку своих убеждений стихами и главами, как из самих писаний, так и из комментариев. И, по-моему, есть только один способ узнать истину. Ждать. Неуклонное следование идеалам церкводарства — вот лучший способ в день Конца Времен

получить заслуженную награду. Как бы ни явился нам Предтеча, он вознаградит истинно верующих по делам их.

— Да будем верны все мы, — пробормотал Кандельман, склонив голову. — Но есть многие, — он внезапно вскинулся и безумным взглядом обвел комнату, — кто стремится воплотить мнимобудущее. Это израильтяне и пограничники; это Жак Кюз. Но есть и кто-то четвертый. Однажды во время облавы мы нашли в подземельях комнату, полную трупов. В камне стены была грубо высечена рыба. Только тогда мы обнаружили, что подобные изображения виднеются по всему городу.

— И что означает эта рыба?

Лейф заинтересовался. В первый раз за время обеда он услышал что-то новенькое.

— Я вам расскажу, — несколько самодовольно начал Кандельман. — По моему скромному мнению, Жак Кюз...

— Как снова, так опять, — пробормотал Даннто так тихо, что услышал его только Лейф.

— ...является и религиозным лидером немногих оставшихся в Европе христиан-подпольщиков. Глава Святой Тимбуктанской церкви пообещал Кюзу, что если тот преуспеет в своем грязном деле, то древняя вера французов будет восстановлена, а глава церкви сделает Париж своей резиденцией. Конечно, это обещание беспочвенно, но Кюз и тимбуктанцы — многоложцы, что с них взять.

Лейф моргнул. Ничего подобного он еще не слыхивал.

— А на каких фактах основываются ваши скромные предположения? — осведомился он.

— На очевидных, — огрызнулся Кандельман, нетерпеливо отмахнувшись. — Иная интерпретация просто невозможна. Банту, будучи христианами, все еще пользуются в научных и теологических трудах латинскими и греческими корнями. Рыба по-гречески — «ихтиос». Первые две буквы — иота и хи, I и X. Козл по лингвистике сказал мне, что в латинском алфавите им ближе всего соответствуют буквы J и C — инициалы Жака Кюза и одновременно Иисуса Христа! I — значит Иоанн, X — «хусис», по-гречески «поток». Поток вызывает в памяти рыбу, и в то же время — подполье, поскольку может обозначать и подземную реку.

Все очень просто. Рыба — это IX и JC, Иисус Христос, Иоанн Поток, Жак Кюз! Этот символ связывает французское патриотическое подполье с Тимбуктанской церковью.

Лейф не знал, то ли ему смеяться, то ли восхищаться способностью человеческого рассудка к рационализации.

— О Предтеча, — пробормотал Даннто, — сколько всего, а, если бы Алла не попала в аварию, я и не знал бы. Ну, может быть. Скажи, Джек, а что с основной африканской церковью,

с дикарской? В конце концов, тимбуктанцы контролируют лишь малую часть континента; у дикарей намного больше возможностей для подпольной работы.

Кандельман примирительно поднял руки.

— Не знаю. Все мои сведения — результат часовой беседы с одним козлом, простите — квалифицианом общих знаний, лицензированным. У меня нет времени глубоко вникать в вопрос. Я круглыми сутками занят административными вопросами и охотой за Кюзом.

— Встретитесь — почувствуете разницу, — мрачно заметил Лейф. — Тимбуктанцы будут драться. А дикари — абсолютные пацифисты.

— Я знаю, — ответил Кандельман. — Континент уже зрелый плод. Если бы между нами не стояли жиды, мы за один день завладели бы двумя третями Африки. Как только Конфедерация Израиль падет — а я уверен, явленный Сигмен сокрушит их, — земли южнее Сахарского моря мы возьмем без единого выстрела.

— Ненасильственное сопротивление — великая сила, — предупредил Лейф.

Но его не слушали; собеседники с упоением разрабатывали собственные теории. Даннто сомневался, что из чернокожих банту в Европе получились бы хорошие подпольщики. Кандельман возражал, что грязную работу за них могут делать Кюз и предатели-гайки.

— Может быть, — радостно вмешался Лейф, — J. C. — это просто Иисус Христос? Знаете, была когда-то группа, пытавшаяся добиться законного признания в пределах союза Гайяак как церковь, отдельная от организации банту — выступающая за союз Гайяак и против еретиков-негров?

— Чушь, — заявил Даннто. — Это было сто лет назад, если я еще не позабыл школьный курс истории. Все отправились к Ч, и больше о них не слышали.

— Если французы могли ползать в катакомбах два с половиной века, то почему эта группа не могла жить там сто лет?

Спорщики дружно обрушились на «идею» Лейфа — та слишком противоречила их излюбленным теориям.

— Нет, — сказал Даннто, — Предтеча, буквально или фигурально, но путешествовал по полям проявления в обе стороны. Он побывал в будущем, вернулся, описал его в своих книгах, основал союз Гайяак и его основу — церкводарство и снова ушел во времени. Все события, случившиеся с тех пор, доказывают верносущность его предсказаний. Грядут последние дни; близок Конец Времен, хотя потребно ли для его прихода материальное присутствие Сигмена — не знаю.

Но доподлинно известно, что во «Времени и мировой линии» есть загадочное упоминание о зловещем Противотече, противнике Сигмена, стремящемся уничтожить все, созданное им в прошлом, настоящем и будущем. На это единственное упоминание в дальнейшем наслоилось множество апокрифов, многие из которых, будучи проверены, оказались подлинными и были признаны церкводарством.

Хотя Сигмен не упоминает имени Противотечи, мы теперь знаем, что под этим именем скрывается современник Сигмена, неудачливый путешественник во времени, чье имя переводится на исландский как Иуда-Меняла. И факты доказывают, что инициалы J. C. принадлежат Иуде-Меняле, ибо по-английски, на языке Предтечи, это имя записывается как Judas Changer! — Архиуриэлит поднял руку, предупреждая возражения Кандельмана. — Я готов согласиться, что Жак Кюз — это псевдоним Менялы, скрывающего свое истинное лицо. Но в своей злодейской манере этот эгоист дает нам знать, кто он на самом деле.

Зажужжал куб. На экране появилось изображение уззита. Доклад его был неутешителен: никаких следов Торлейфссона.

Беседа прервалась. Кандельман вскочил; ноздри его раздувались.

— Может, хоть теперь вы мне поверите, абба, — бросил он уриэлиту. — Скорее всего мой помощник напал на след Кюза и был злодейски убит. Я ухожу. Мне не будет покоя, пока я не узнаю, что с ним случилось.

— Может быть, в поисках Кюза он ушел в подземелья? — предположил Лейф, думая о смытом в канализацию пепле Торлейфссона.

— Ерунда, доктор. Не уведомив меня?

Кандельман подошел к двери комнаты, где спала Алла, и, прежде чем кто-то успел возразить, зашел туда. Отбросив стул, Лейф ринулся за ним.

Уззит стоял у кровати, пристально глядя на спящую. Медсестра сидела в углу, не сделав и попытки помешать ворвавшемуся Кандельману.

— Вам же сказали, — сдавленно прошипел Лейф, едва сдерживая ярость, — ни в коем случае не беспокоить госпожу Данто! Я не собираюсь повторять это еще раз!

Рука Кандельмана задержалась над пламенным ореолом волос, обрамлявшим прекрасное лицо на белой подушке. Потом уззит выпрямился и молча вышел. Лейф непроизвольно стиснул кулаки — с каким наслаждением он вогнал бы их сейчас в эту жестокую морду!

Едва уззит вышел, Лейф обернулся к сестре.

— Марш в свое отделение! — выдавил он. — От вас все равно никакого толку.

Медсестра, стерва с восьмидесятилетним стажем, открыла было рот, чтобы заспорить, глянула на Лейфа и промолчала. Лейф подозревал, что она работает на Кандельмана. Забавно, что уззит сам дал ему повод наконец-то ее уволить.

ГЛАВА 12

Стоило Лейфу возвратиться в столовую, как куб зазвонил снова. Появившийся в нем уриэлит сообщил своему начальнику, что метатрон требует его присутствия на весьма важном заседании внутреннего совета на следующий день в Монреале. Даннто, поколебавшись, сказал, что прибудет непременно.

— Видите, доктор, — заметил толстяк, — как я занят. Сегодня днем операция, а вечером мне экспрессом мчаться в Канаду Просто нет времени побыть с женой.

— Об этом мы позаботимся. Завтра вечером она сможет последовать за вами. Если не будет осложнений.

Подбородки Даннто радостно затряслись. Он огрел Лейфа по спине.

— Доктор, вы лучший из лучших.

— Чистая правда.

Баркер позвонил своему ассистенту и приказал готовиться к удалению опухоли у господина Даннто в пятнадцать ноль-ноль, а также прислать медсестру, чтобы та проводила архиуриэлита в восьмое, хирургическое отделение.

— Там вам дадут успокоительное, вымоют и подготовят к операции, — пояснил Лейф.

— Я-то надеялся побыть тут подольше, — обиженно пробурчал Даннто.

— Ваша супруга до девяти вечера не проснется.

— Иуда его возьми, а мне уезжать восьмичасовым экспрессом. Как вы думаете, могу я на нем ехать?

— Сочувствую, — сказал Лейф, — но, поскольку ускорение в экспрессе не способно повредить хорошо наложенным швам, с сожалением должен ответить, что не вижу причин откладывать ваш отъезд.

— Ну ладно. Встреча действительно важная. Мне пора.

Вежливо выставив Даннто, Лейф подождал, пока не явится медсестра, которая должна дежурить у постели Аллы, дал ей указания и отправился в спальню. Ава в кружевном халате полулежала в кресле, посасывая сигарету.

— Дай прикурить, — потребовал Лейф. — Я об этом все утро мечтал.

— Я тебе дам, но не прикурить, а по шее! — вскипела Ава. — Какого черта ты эту девку препарировал, а не сжег сразу? Какого черта? Или КХВ тебе уже не указ?

Лейф отложил зажигалку и с наслаждением затянулся «Благой жатвой».

— Ава, я буду с тобой честен. Ты много думала о мыслеприемнике?

— Это здесь при чем?

— Подумай — в тот раз, когда устройство сломалось, что с ним сделали? Мы его сами чинили?

— Нет, мы его отправили домой и получили новый.

— А почему?

— Да потому, что в этом стоит ловушка: откроешь — взорвется. Если нас поймают с этой железкой, гайки все равно не узнают ее секрета.

— Ну-ну. Только эта ловушка должна удерживать и не в меру любознательных пограничников. Знаешь почему? Потому, что это устройство мы взяли взаймы. И хозяева желают сохранить его устройство в тайне. Считают, наверное, что та группа землян, которая завладеет этим секретом, получит слишком большую власть.

— Что значит «землян»?!

— Ава, вечерами, когда никого нет рядом, я не раз осматривал мыслеприемник. Разобрать я могу немногое, но эта штука определенно неземного происхождения, и собирали ее не люди.

Ава взмахнула длинными загибающимися кверху ресницами.

— И как ты пришел к столь поразительному выводу? — не скрывая сарказма, спросила она.

— А ты не смейся. Когда я гляжу на эту штуку, у меня появляется именно такое чувство. Ну не земная она! Господом Богом клянусь, есть в ней что-то нечеловеческое.

— Фантазии!

— Нет. Интуиция.

— И все?

— Не все. Эти девчонки — и живая, и мертвая — инопланетянки.

Ава резко села.

— С чего ты взял?

Лейф объяснил.

Сигарета в руке Авы завиляла горящим кончиком. «Она волнуется сильнее, чем стоило бы», — подумал Лейф.

— И еще одно, — добавил он. — По собственному признанию гаек, моральные устои Союза изрядно размылись за последнее столетие. Но в последние пятнадцать лет мораль чахла на глазах. Словно разложение ускоряет какой-то внешний фактор. Но какой?

Конечно, КХВ сильно помог препарат, позволяющий нашим агентам лгать даже под воздействием правдодела. Поэтому мы можем проходить элохимет рию и зарабатывать золотые

ламеды. Это преимущество мы использовали, чтобы внедрить своих людей в Союз, людей, способных работать в этом обществе невозбранно, нанося ему удар за ударом. Но откуда мы получили этот препарат? Я точно знаю — он создан не нами!

— Может, его сработали сами гайки? — предположила Ава. — Знаешь, их наука настолько разобщена, что многие изобретения остаются незамеченными или не внедряются.

— Согласен. Забавно, что причиной тут в основном оказалась неприязнь гаек к огромным электронным вычислителям, которые используем мы. Сигмен сам выбил это оружие из рук своих учеников, когда заявил, что неконтролируемое использование таких машин приведет к порабощению ими человечества. Но подумай сама — мы внезапно начали использовать этот препарат около десяти лет назад. И знаешь что? По-моему, он, как и мыслеприемник, неземного происхождения.

— А обе Аллы — инопланетянки, работающие на нас? Да что им вообще делать тут, в гуще событий?

— Ава, когда женщины Союза принялись краситься? Когда члены иерархии стали выпивать в уединении? Когда мы узнали, что у Пограничья есть женщины-агенты, чье влияние на верхушку церкводарства огромно?

— Ты хочешь сказать, что эти инопланетянки способствуют переменам через свое влияние на иерархов?

— Шиб. Само собой, ничего бы у них не вышло, не будь общество готово к переменам. И кстати, Ава, — кто первым созвал совет уриэлитов для обсуждения некоего отрывка писаний? И кто заставил совет признать, что данный отрывок не запрещает женщинам пользоваться косметикой?

— Даннто... по наущению Аллы! Но есть одна незадача. Как эти девчонки вообще приобрели свое влияние? Были времена, когда их отправили бы к Ч за одно упоминание перемен.

— А вот это, — медленно произнес Лейф, — я и хочу выяснить. Есть у них какая-то способность... почти волшебная. И я узнаю какая.

Он вытащил из шкафа бутылку спирта, смешал в стакане с лиловатой жидкостью.

— Кстати, — добавил он, — чтобы сменить тему: по-моему, Шант в тебя влюбился. Взгляд у него просто овечий.

— Каждый раз,— взвилась Ава, — каждый раз, когда мы остаемся наедине, он пытается меня лапать! На людях он сыплет комплиментами, а стоит всем отвернуться, так и лезет, так и лезет! Следующий раз я наплюю на приказы и выбью ему все зубы...

— Тогда не кори меня нарушениями субординации. Плохой из тебя солдат Знаешь же, каков мой приказ — чтобы Шант у

тебя шелковый был. Он хороший источник сведений, может еще пригодиться.

— Ну не могу же я подпускать его *слишком* близко!

— Ох-хо! — Лейф опрокинул в глотку полстакана гремучей смеси. — Хорошо, что эта дрянь пахнет эфиром. А то медсестры всполошились бы. — Он вздрогнул и налил еще стакан. — Может быть, это и есть эфир.

Ситуация такая: в три часа я вырезаю Даннто опухоль. Кандельман будет следить за ходом операции по кубу. Сделай так, чтобы куб вышел из строя в четверть четвертого. Вина ляжет на Петра Сорна — потом надо будет послать на него донос. Хватит ли этого, чтобы отправить его к Ч, не знаю. Техов настолько не хватает, что уззиты, при всей своей несгибаемости, уже не так охотно берутся за них, как прежде. Но еще несколько поломок, и оставить Сорна без внимания уже будет нельзя.

— Жалко Петра, — заметила Ава. — Он один из немногих в этой больнице, кого я могу выносить. Почему бы нам не подставить старого поганца Гуннарссона?

— Сама знаешь почему. Как тех Гуннарссон Сорну в подметки не годится. Без него гайки обойдутся.

— Хорошо бы избавиться от развратника Шанта. Когда мы возьмемся за него?

— Ну-ну, оставим личные обиды.

— Знаешь, Лейф, я все-таки не могу понять, как гайки не раскусили наш метод. Они что, и впрямь такие тупые?

— Не вздумай делать эту ошибку. Их интеллект в среднем не отличается от интеллекта всех остальных. О большом уме израильтян болтают в основном потому, что они произошли от жителей старого Израиля, одной из немногих стран, переживших без особых потерь войну Судного дня. По этой теории, после многих тысяч лет угнетения, преследований и гонений среди евреев выжили только самые умные. И когда вокруг перенаселенного клочка земли оказались огромные территории, где выжили лишь неорганизованные группки людей, страна буквально взорвалась. В кратчайший срок по всему Средиземноморью распространились колонии, семьи в которых насчитывали подчас по дюжине детей. Смертность оставалась низкой, а изобретенная незадолго до этого техника омоложения позволяла продлить детородный возраст до девяноста лет.

На колонизированных землях жило не так мало народу. Но разбросанные по обширным пространствам, вернувшиеся к примитивному земледелию, эти аборигены не могли состязаться с колонистами. Конституция Израиля гарантировала их права, однако они неизбежно оказались ассимилированы — их гены, языки и обычаи. Потомкам их от этого лучше не стало.

Но ведь исландцы могут претендовать на то же место в истории. Только самые сильные и умные выживали в суровом климате Исландии с момента ее колонизации в X веке от Р. Х. и вплоть до XVIII века. Их потомки, как и потомки евреев, отличались сообразительностью и независимым нравом.

Гавайцы вообще были самым смешанным из всех народов земли — бурлящий котел, сплавивший белых, азиатов, полинезийцев — всех. Возможно, гетерозисом* объясняется тот факт, что гавайцы распространялись быстрее и шире всех остальных, заселив обе Америки, Японию, Китай и Восточную Сибирь.

— Спасибо большое, профессор Баркер, — перебила его Ава. — Так почему высокоинтеллектуальные гавайцы и исландцы превратились, по сути дела, в рабов?

— Их нынешнее положение должно служить нам всем уроком. И мы, и израильтяне, так гордящиеся своими демократическими традициями, легко могли пойти тем же путем. И пошли бы, если бы не несколько великих деятелей среди первых еврейских колонистов, отдавших свои жизни за сохранение этих традиций.

Сигмен выплыл на волне всеобщего разброда и шатаний, захлестнувшей Союз. Если помнишь, наступил век религиозного возрождения. По всему миру, на всех континентах возрождался дух, считавшийся давно сгинувшим. На гребне этой волны и вылез к славе основатель путаного псевдохристианского культа Исаак Сигмен. У него было то, чего недоставало остальным пророкам — псевдонаучное объяснение сверхъестественных явлений. Он объявил, что религия перестала быть слепой верой — она стала опираться на факты. Извратив теорию своего современника Данте, он в свете своей нео-даннологии объяснил, к вящему удовлетворению своих учеников, все исторические и религиозные события.

Больше того — захватив власть, он удерживал ее самолично больше столетия: достижение, немыслимое для любого из прежних политиков или завоевателей, лишенных сыворотки долгожительства. Обычными жестокими мерами он сколотил государство, постоянно приглядывающее за всеми своими гражданами — для их же вящего блага. Система исполняющих обязанности ангелов-хранителей — иоахов — плюс систематическая сублимация всех нормальных человеческих стремлений привели к тому, что мы видим сегодня.

---

* Гетерозис — т. н. гибридная сила; при скрещивании далеко отстоящих форм одного вида животных или растений потомство обычно оказывается сильнее и жизнеспособнее обоих родителей. Применимость этого понятия к человеку не доказана.

К тому же Сигмен воспользовался огромным престижем Израильской Конфедерации. Он извратил восхищение своих подданных Средиземноморской державой. Он написал Западный Талмуд, сделал иврит языком науки и теологии — высмеял, создал пародию на нас для своих грязных целей. И все это в полной уверенности в своей правоте.

— Спасибо за урок, господин учитель. — Ава театрально зевнула. — Может, скажешь что-то, чего я не знаю?

— Скажу, — обиженно заметил Лейф. — Не хотел бы критиковать, но постарайся все же сдерживать свое отвращение к некоторым продуктам. Даже такая мелочь может нас выдать. Боюсь, на это уже обратили внимание.

— Но, Лейф, мышиное фрикасе! Муравьиный паштет! Каждый раз я сажусь за стол и вижу одно трефное!

— Что поделаешь, долг.

— Знала бы, никогда не согласилась бы. Я готова смотреть смерти в глаза хоть десять раз на дню, но это!..

Лейф расхохотался.

— Смейся-смейся, поц, — процедила Ава. — Стыд своих праотцов!

— А они ели то же, что и я. Знаешь, в Пограничье нелегко найти правоверного иудея. Кстати, а почему твои родители бежали из Сефардии в Пограничье? Не от сефардских ортодоксов — ваша семья правоверная. Твой отец был либералом или уголовником?

Упомянутая Лейфом республика Сефардия находилась на территории древних Испании и Португалии.

— Почему они бежали из Сефардии? — повторила Ава. — Из-за любви. Отец повстречал мою мать во время командировки в Каире. Она была красавицей, с огромными темными глазами... Они влюбились с первого взгляда. И тут возникла проблема. Отец мой был ортодоксальный иудей, а мать — из семьи агностиков: в Кеме, в отличие от Сефардии, либеральные порядки и свобода вероисповедания.

Против их брака возражали обе семьи. Но они все равно поженились и поселились в Кеме, в городке Асуан. Однако после того как семья моей матери, при всем своем свободомыслии, сначала загубила бизнес моего отца, а потом обвинила его в шпионаже в пользу Сефардии... кстати, они, возможно, были правы — Сефардия и Кем объявили тогда о своей независимости от Конфедерации и едва не начали войну.

В общем, мои родители бежали в Пограничье, в мой родной Афеньо. В Пограничье мне приходилось нелегко, но с тех пор, как КХВ послал меня сюда — совершенно невыносимо. Конечно, меня освободили от всех запретов на нечистую пищу — мне же надо маскироваться под гайку. Но с рефлексами мне не

справиться! И каждый раз, как мы садимся за стол, я подавляю тошноту.

— От меня, — ответил Лейф, — ты сочувствия не дождешься. Я уважаю чужие верования...

— Ну конечно, — съязвила Ава.

— ...Но все эти кошерные и трефные блюда выше моего понимания.

— Знаешь что, давай прекратим очередной бесплодный спор, — предложила Ава. — Я держусь своей веры, а ты держись своей.

— Так, значит, глаза у тебя от матери, — заметил Лейф с ухмылкой. — Очаровашка. Ладно, пойду гляну на Аллу. И кстати, пока я не ушел — во время операции я надену на Даннто мыслеприемник, так что переключи его, пожалуйста, на кимограф. Я потом почитаю.

Ава кивнула.

— Надо мне было пустить Кандельмана в операционную, — поколебавшись, добавил Лейф. — Его мысли были бы для нас интереснее.

— Я могу нацелить аппарат на него, — предложила Ава.— Хотя нет — стены же покрыты лучеглотом.

— Именно. Ладно, до уззита мы скоро доберемся. Не нравится он мне. Кажется, он меня подозревает.

— Да у тебя на лице все грехи написаны, муженек.

— Уж за какого вышла, лапочка. Поцелуй меня на прощание.

— А по зубам не хочешь? — Черные глаза Авы опасно блеснули.

— Выходит с демоническим смехом, — заявил Лейф и тут же последовал своему совету.

В комнате Аллы он отправил медсестру на обед и, когда та вышла, присел на кровать рядом со спящей красавицей и заговорил. Он с самого начала планировал этот сеанс гипноза — не случайно он дал Алле лотос, а не обычное снотворное. Этот транквилизатор открывал врачу прямой путь в подсознание пациентки.

Но очень быстро Лейф обнаружил, что вопросы ни к чему не приводят. Даже под гипнозом девушка поддерживала, как щит, искусственную личность Аллы Даннто.

Будь у Лейфа время и желание, он снял бы блок. Но в отсутствие нескольких свободных дней и ящика особых препаратов ему пришлось сдаться.

Он направился в хирургическое отделение. В тамбуре он разделся, тщательно вымылся, но, когда душ выключился, сушилка напрочь отказалась обдувать хирурга горячим ветром. Пришлось вызывать ремонтника, а самому вытираться

стерильными полотенцами. Потом Лейф натянул одноразовый костюм, маску, хирургические перчатки, постоял секунду под бактерицидным лучом и только тогда вошел в операционную.

Данто лежал на столе, нервно осматривая окружавшие его пластиковые биксы и змеящиеся к его венам трубки.

Бледный архиуриэлит все же выдавил из себя приветственную улыбку. Лейф показал ему освященный временем знак «ОК», проверил, все ли готово. Краем глаза он заметил, как Ава сосредоточенно переключает выходы стоящего в углу мыслеприемника с зуммера на кимограф. Ассистент Лейфа, Сигур, уже ушел домой, и задавать неприятные вопросы было некому.

Когда Лейф спросил архиуриэлита, не возражает ли тот, чтобы во время операции ему снимали электроэнцефалограмму, Данто был не против. Лейф пояснил, что мозг низших слоев общества он исследовал детально, а вот люди исключительного ума попадались ему редко. Данто безуспешно попытался скрыть удовольствие.

— Ну что вы, — ответил он. — Я готов на все в интересах науки.

На самом деле шлем вовсе не обязательно было одевать. Направленные датчики могли читать мысли с внушительного расстояния. Но Лейф изображал рутинное исследование, а энцефалограф, работающий вхолостую, — зрелище довольно примечательное.

Все время операции Лейф болтал с уриэлитом — вернее, развлекал его беседой, поскольку тому приходилось молчать. Как всякий хороший врач, он старался отвлечь пациента от мыслей о пинцетах и скальпелях. Но одновременно он старался направить мысли Данто в нужное ему русло. Если брошенный доктором намек достигнет цели, медленно ползущая лента кимографа запечатлеет все, что думает по этому поводу сандальфон.

А сам Лейф не мог не видеть перед своим мысленным взором лежащую на кровати Аллу — длинные, волнистые кудри раскиданы по подушке, голова повернута, профиль четко виден на медном фоне волос — ожившая камея среди сплетенных прядей.

«И эта красота, — подумал он, — принадлежит комку теста на моем операционном столе». Рука Лейфа дрогнула. Только усилием воли Лейф удержал ее под контролем, не дал вырваться тайным желаниям — повести разрез чуть вбок, ошибиться.

И что тогда? Кандельман начнет расследование. Как обычно. Но ведь заранее не скажешь, что разнюхает этот волкодав. Возможно, его хитрости хватит, чтобы поставить под удар всю работу КХВ за десять последних лет. Нет, ни в коем случае

нельзя допустить этого. Достаточно и того неповиновения, что Лейф позволил себе, проведя вскрытие Аллы-1. Кроме того, Ава наблюдает за ним из-за энцефалографа. Ее опытный взгляд тут же распознает неверное движение, намеренную смертельную ошибку. И тогда она сообщит в Марсей о его самовольстве. А это значит — отзыв, а скорее всего — заочный трибунал и казнь в Париже. Слишком опасно перевозить людей через границу. Так что какой-нибудь неизвестный Лейфу человек из Корпуса зарежет его ночью да вырежет на лбу две буквы — J. и C., одновременно пугая гаек и подавляя всякое подозрение церковдарства, что под личиной Лейфа Баркера таится агент жидов или пограничников. Хитро и очень экономно.

Так что Лейф был очень осторожен, иссекая опухоль, которая и не выросла бы никогда, не принимай Даннто прописанных Лейфом определенных препаратов.

— Вот и хорошо, — сосредоточенно пробормотал Лейф себе под нос.

Архиуриэлит глотал таблетки, надеясь избавиться от изжоги. Изжога действительно прошла, но из белых круглых семян вырос посеянный Лейфом плод.

Хирург наполнил полость дрожащим гелем. Бесформенная масса мгновенно фиксировала электромагнитный «чертеж» окружающих клеток. Аминокислоты и углеводы соединятся согласно чертежу, и рассеченные ткани срастутся поразительно быстро.

Но в том геле, с которым работал Лейф, содержалось еще кое-что — смесь безвредных по отдельности веществ. Но, поглощая радиоволны определенной частоты, эти вещества соединялись, образуя сильнейший яд, и жертва быстро погибала в страшных судорогах.

— Как вы себя чувствуете?

Лейф отошел, оставив медсестрам очистку операционного поля и прочие завершающие мелочи.

— Ничего и не почувствовал, — ответил бледный как поганка Даннто. — Странное чувство — когда глядишь в себя. — Он показал на висящее под потолком зеркало.

— Такое дается немногим, — согласился Лейф очень серьезно и не огорчился, когда Даннто недоуменно покосился на него.

— Вы можете одеться вот в той комнате, абба, — сказала медсестра.

Даннто поковылял в указанном направлении, но голос ворвавшегося в операционный зал Кандельмана остановил его.

— Времяглоты! — ругался уззит. — Кто отвечает за куб в операционной?!

— Петр Сорн, — ответил Лейф. — А что?

— Тот, кого мы допрашивали по поводу 113 палаты?

Уззит развернулся и вихрем вылетел из зала. Медсестры недоуменно смотрели ему вслед. Когда Даннто спросил, в чем дело, Лейф только пожал плечами. Чувствовал он себя препаршиво.

ГЛАВА 13

Когда медсестры, под руководством Авы наводившие в операционной порядок, наконец ушли, Лейф вернулся туда, чтобы посмотреть, что записал мыслеприемник.

Блестящий, без единого шва, вечносплавовый шар приемника, пристроенный на трехколесной тележке рядом с остальной аппаратурой, вызывал тихое любопытство ассистента-энцефалографиста Сигура. Тихим его любопытство стало после того, как Лейф намекнул, что устройство это имеет огромную важность и церкводарство на разглашение тайны посмотрит очень косо. Прием подействовал отменно: Сигур клялся и божился, что не обмолвится и словом.

Лейф снял кимографы, отнес ленты на стол и развернул. Верхние линии его не интересовали — там отображались общеизвестные волны. А вот нижняя линия, жирно прочерченная недавно замененным пером, заняла внимание Лейфа почти на час, несмотря на то что тренировка позволяла ему читать пики и провалы графика, как книжные строки. Перед ним лежали мысли Даннто, то, о чем не догадывался никто.

К концу этого часа Лейф оторвался от ленты и тяжело вздохнул.

Не этого он ожидал, совсем не этого. Когда в sanctum sanctorum* КХВ Лейф впервые увидал мыслеприемник, он воспринял новинку со щенячьим энтузиазмом. Чтение мыслей? Достаточно нацелить неощутимый луч на голову подозреваемого, считать и усилить едва заметные семантические волны, чтобы узнать все секреты чужого мозга?

Стать богом?

Ха-ха.

Для начала студенту пришлось усвоить, что под всем врачам известными альфа-, бета-, гамма-, эта-, тета- и иота-волнами лежат сигма-волны — иначе говоря, семантические. И натренированный взгляд может соотнести эти колебания со словами. При небольшой тренировке и наличии визора, разделяющего линию записи на отдельные элементы, человек мог выделять из синих зазубрин энцефалограммы звуки и понятия.

---

* Святая святых *(лат.)*.

А с опытом приходило умение читать запись, просто ведя взглядом по нарисованным пером кимографа горам и долам.

Читать? Не совсем. Мыслеприемник, как быстро обнаружил Лейф, легко воспроизводил лишь слова, если в них оформлялась мысль. И все. Каракули на бумаге не передавали ни интонации, ни чувств, ни внутренних ощущений — отвращение, раздражение, похоть, любовь или скука оставались закрыты для машины. Она не смогла бы определить, голоден человек или пялится на проходящую мимо красотку. Впрочем, произнеси человек про себя: «О Предтеча, я с голодухи готов скунсову задницу смолотить!» или «Ох ты, какие ножки!», машина добросовестно уловила бы эти слова и записала бы на бумаге.

Но что, если этот человек любуется пиками Альп, но его ощущения не выражаются словами?

Господь Бог с мыслеприемником видит вместо разборчивых слов неясные иероглифы, называемые в обиходе статикой.

В колледже КХВ Лейфа учили, что волны, соотносимые с определенными звуками, называются логиконами, или словоформами.

И тогда молодому доктору Баркеру пришло в голову поискать символы для остальных образов.

Он не нашел ничего — вернее, машина не могла воспринять то, что он искал. К предвиденной фантастами телепатии мыслесчитка имела весьма отдаленное отношение — скорее пародия на нее, насмешка над надеждами человечества.

Вы читаете фразу — и она обрывается на полуслове, а слово — на полузвуке. Пауза, которую вы видите, наполнена напряженными раздумьями, но человек чаще думает образами, чем словами, а машина способна читать лишь слова. Крохотные островки смысла окружены на ленте океанами пустоты.

В течение десяти лет пользуясь мыслеприемником, Лейф пришел к выводу, что нужна иная машина.

Нужен аппарат, способный улавливать и распознавать *все* импульсы — например, те, что посылают мышцы, железы, нервы, все органы тела. Если вы получите волновой снимок позы, ощущения тела — кинестетикон, — меняющийся от секунды к секунде, сможете ли вы его воспринять?

А теперь добавьте все чувства, вызванные созерцанием красоты или уродства, все ощущения — закат над морем, кусочек бифштекса на языке — чтобы эти мириады нюансов слились в одно: эстетикон.

Сложите их с таящейся в нас сетью символов, знаков, ассоциаций, и что вы получите?

Семантикон: мысль-значение.

Представили? Это не так сложно.

Значение, или, иначе говоря, смысл — в действии. В движении. В смене символов. Вздымаются и рушатся идолы, и лишь в их рождении, жизни и смерти — человек, идущий сквозь время и пространство и, быть может, иные измерения, явленные лишь смутно и далеко не всем.

Так если это правда, думал Лейф, как создать машину, которая могла бы улавливать отдельные символы, сплетая их в общую картину? А если такая машина и будет построена — как она передаст семантикон наблюдателю, чтобы тот уловил миллионы значений одного слова, одного *символа*? Как передать семантикон на расстояние? Чему под силу передать его? И что сможет принять?

Лейф подозревал, что вопрос поставлен неверно. Не «что» — «кто».

Ответ был слишком очевиден. Такую машину он видел сегодня утром. Четыре таких машины. И из-за своей занятости — или глупости — упустил возможность изучить их. Возможно, навсегда.

Вздохнув, Лейф согнулся над записью мыслей Даннто. Как он и ожидал, там не было ничего неожиданного. Сандальфон был всего лишь человеком, а люди, против собственных ожиданий, не так уж отличаются друг от друга. Вне зависимости от положения или заслуг, от интеллекта или Морального Рейтинга человека занимает почти то же, что его соседа, — и реакция его оказывается почти той же самой.

Даннто панически боялся умереть на столе, под ножом Лейфа, несмотря на всю уверенность в способностях врача. А что, если кто-то из его завистников подкупил доктора, чтобы тот допустил единственную роковую ошибку?

Но эта мысль была отвергнута как недостойная. Баркер отличный врач и приятный парень, хотя порой его разговоры граничат с многоложеством. Очень, в определенном смысле, скромный человек. Надо же — вырвал Аллу из когтей ангела смерти и тут же преуменьшает серьезность ее ран, чтобы он, Даннто, поменьше волновался за супругу.

Тут взгляд Лейфа наткнулся на перемежающие плавный поток мыслей участки «статики» — невербальных волн. Смысл заключался в том, что впервые Даннто встретил Аллу десять лет назад, когда она подала прошение о переводе к нему. Она была секретаршей метатрона Северной Азии и, когда тот погиб в автомобильной аварии (*ха*, подумал Лейф, *узнаю почерк родного КХВ*), подала прошение о переводе в Париж, и это прошение, как ни странно, было удовлетворено.

Пробивались еще какие-то всплески; обрывок *«в первый раз, когда я ее увидел без чадры...»* и густой лес резких

пиков, которые Лейф перевел для себя как «сильные эмоции». Потом одобрение высоких каблуков, помады и незакрытых чадрой лиц — странно, по этому поводу копья прекратили ломать еще несколько лет назад.

Пауза. Пауз было много; мозг, как и любой орган, работал урывками. Потом из ниоткуда в мыслях Даннто возник Кандельман — как тот бушевал, услыхав о решении Рекского совета; как бичевал разложение, расшатывание устоев церкводарства, выраженное, по его мнению, в бесстыдных платьях женщин, растущем пьянстве мужчин и небрежении тех, кому по долгу службы положено подобные явления вырывать с корнем.

Влезло почему-то «*...попросить у Баркера слабительного посильнее...*»; потом соль услышанной днем раньше шутки; потом промелькнула предложенная недавно директором управления по строительству звездолетов взятка — Даннто поколебался, брать или не брать (а вдруг ловушка? подсиживают!), и решил не брать, а дающего выдать уззитам. Можно подумать, что у него денег не хватает. Мысли прыгали, как кенгуру, отщипывая то от одного куста ассоциаций, то от другого.

Вновь в мысли архиуриэлита проник Кандельман, как сквозняк в дом с привидениями, просачиваясь в любую щель, напоминая, что где-то рядом таятся призраки. Вечная, яростная и неустанная охота уззита за Жаком Кюзом не просто стала проблемой — она стала мешать выполнению других его обязанностей. Преследование таинственного подпольщика приобрело для Кандельмана почти религиозный оттенок. Слишком много теорий строит этот уззит о том, кто такой Кюз, где прячется, что делает и чего хочет. Опять статика — вероятно, портрет уззита в непристойной позе, потому что дальше шли слова «волкодав носатый».

Статика. «*Может, сесть на диету?*» Алла подшучивала над его растущим брюшком. Воспоминания о том, как он ревновал ее к тому или иному мужчине. Поводов было много; одних он переводил в другие отделы, прочих снимал с должности, троих самых назойливых отправил к Ч. Не то чтобы он не доверял Алле, но всякое бывает. Воспоминание. Сигмен сказал: «В женщине верь лишь тому, что видишь сам, и то проверь». Статика. «*Этот ублюдок Сигмен почему-то ненавидел женщин. Или он...*» статика «*...прости меня, благой Предтеча, за многоложные мысли. Слаб я, и эти пакостные... (падальные, ха-ха!..) многоложные мысли одолевают меня... насылает их, конечно, злой Противотеча, телепатически. J.C.? Этот кретин Кандельман и его Жак Кюз.*

Иуда-Меняла — вот кто стоит за всем, готов поручиться... статика, провал.

Забыл ногти почистить... надо, чтобы новая маникюрщица, Раав... многозначительное имя... это сделала. Алла пока будет слишком слаба для... стыдно... постыдно... Интересно, как там Лейф обходится со своей секретаршей? Хорошенькая эта Рахиль, но ведь холодная, как сосулька на ножках... как все бабы... Алла единственно верносущная женщина, которую я... Что бы коллеги подумали... Сигмен говорит, секс должен быть подавлен... увеличивает покорность... шиб... шиб... а как насчет иерархов?.. Мы ведь не обычные граждане, нам... Алла единственная может дать... Сигмен, а что, если я умру с этими многоложными мыслями?.. Прости, овладел мною злой Противотеча...

Так вот каков я... Я... я... я... я... внутри. Гнездо червей... Лейф молодец... не ошибется... надеюсь... очень... умереть и никогда не увидеть Аллу... она уйдет к другому... Сигмен! Лучше и ей умереть... статика.

А потом — величественное видение мира, каким тот станет после Конца Времен. Лейф не мог видеть образов, создаваемых сознанием Даннто, ему приходилось восстанавливать их по обрывкам слов. Сигмен воплотит мнимые миры, и каждый из верных его последователей получит в свою власть целую вселенную. «*Только представить собственный космос... на блюдечке... выйти за дверь, покинуть бренный мир... слава тебе, Повелитель бесконечности, Владыка вечности... какова будет твоя воля? воля? воля?*» — эхо пошло гулять по дальним закоулкам сознания.

Лейф легко мог представить себе, какие оргии рождала буря в нейронном лесу, для этого он достаточно нагляделся чужих мыслей. Он даже не испытывал отвращения; пакостное чувство в нем рождало только лицемерие уриэлита.

Он добросовестно прочел остаток ленты. Обычный авгиев потоп; улыбку Лейфа вызвали только наиболее стойкие сомнения в правильности доктрин церкводарства, мысль о том, что он, архиуриэлит, мог всю свою жизнь угробить, верно следуя ложной вере. Потом шли громовые мысленные покаяния, мольбы о прощении — затрепанные вконец и явно повторяемые на всякий случай. Завершала запись молитва Сигмену о даровании той же фанатической, неколебимой веры и неустанного рвения, что у Кандельмана, но без сопутствующей одномерной тупости.

«Аминь», прокомментировал Лейф и отправил ленту в мусорник.

ГЛАВА 14

Зарядив кимограф бумагой, Лейф повернулся, чтобы выйти, и остановился в изумлении — у двери стоял человек в белом халате санитара: бледный, рыжеволосый, голубоглазый, широконосый.

— Шалом, Джим Крю, — проговорил Лейф.

— Шалом, — ответил Крю.

— Ты все за тем же? — осведомился Лейф.

— Вы знаете, что да, доктор Баркер. Мы давно могли позволить нашей дочери уйти. Но мы любим ее, и мы... держали ее за руку... потому что есть вещи, которых мы не можем сделать сами.

— Я не единственный хирург в городе. Почему вы ко мне прицепились?

Лейф включил мыслеприемник и покрутил шлем, пока индикатор не показал наличие мозговых волн. Пальцы Лейфа нажали на переключатель; теперь внутренняя поверхность шлема, как подсолнух за солнцем, будет следить за мозгом Джима Крю и, даже если Лейф окажется на пути излучения, не спутает характерные узоры биотоков.

Крю улыбнулся:

— Не стоит, доктор. Посмотрите на ленту.

Лейф посмотрел. Статика, и ничего, кроме статики. Он повернулся к Крю:

— Вы это намеренно?

— Да. Как можете и вы, если только научитесь. И захотите.

— На мой вопрос вы не ответили. Почему я?

Крю подошел — на цыпочках, чуть вперевалку.

— Есть еще несколько человек, которые не побоятся помочь ребенку. Но даже они выдадут нас уззитам. А вы — нет.

— Почему бы?

— Во-первых, и это не самое главное, вы побоитесь, что мы напишем Кандельману донос, что вы не Лейф Баркер, а Лев Барух, главарь одного из самых важных подразделений КХВ, что многие ламедоносцы — пограничники, прошедшие элохиметрию благодаря действию наркотика, и что вы знаете, кто такой «Жак Кюз».

Одного этого хватило бы, чтобы вы пошли со мной. Но мы не станем поступать так, доктор Баркер. Скорее мы позволим нашей дочери умереть, чем применим насилие, пусть и не физическое. Поднявший меч погибает от меча. Вы пойдете с нами, потому что не в вашем характере позволить ребенку умереть.

— А вы самоуверенны, — выдавил Лейф. — Если вы не хотите принуждать меня, так зачем вообще зовете? Вы же

понимаете, что я таким образом выдам гайкам не только себя, но и своих людей. Если они узнают об этом, меня просто прикончат.

— Вы сказали «выдам», а не «если выдам». Но я отвечу. Мы взываем к вашей человечности. Остальное неважно — как и все, основанное на кровопролитии, убийстве, предательстве и ненависти.

— Согласен, — ответил Лейф. — Но человек должен защищаться.

— Лучшая защита — ее отсутствие.

— Если мы будем стоять тут, обмениваясь банальностями, как два перекликающихся филина, то далеко не уйдем. Какое у вас хирургическое оборудование?

Джим Крю беспомощно развел руками.

— Мы не пользуемся лекарствами. То немногое, что у нас есть, мы одолжили у своих соседей, тимбуктанцев.

— Хорошо. Опишите травму.

Прикрыв глаза, Джим Крю выдал удивительно подробное описание. Лейф мысленно отмечал, что ему потребуется. Взять с собой очень многого он не мог: придется импровизировать.

Лейф убеждал себя, что оказывает КХВ большую услугу, устанавливая контакт с неизвестным до того подпольем банту. Хотя с военной точки зрения Южная Африка не представляла собой ровным счетом ничего, сотрудничество с ней могло очень пригодиться Суверенной Территории Пограничье. Но Баркер знал, что рационализирует — на самом деле его действия вполне подпадали под трибунал. Человек, впрочем, не может не рационализировать.

— Как вы, банту, исхитрились разработать технику депигментации? — спросил Лейф, подбирая ампулы в процедурной.

— Забавно, но ее придумал новообращенный из гаек, — ответил Джим Крю. — Все детали удаления пигмента из меланоцитов уже полвека как опубликованы в каком-то специализированном журнале для дерматологов и, как многое другое, вместо того чтобы пойти в дело, собирают пыль в библиотеке. Наткнувшийся на них козл так и не осознал всех возможностей. А изобретатель бежал в Кейптаун.

Не спрашивая разрешения, Лейф повернул лицо банту к свету, чтобы рассмотреть нос.

— Лучше бы вы позволили мне делать пластическую операцию, — заметил он. — После меня шрамов не остается.

— Шрам появился после депигментации. Кажется, они таким образом проявляются.

Лейф презрительно фыркнул:

— Пошли.

Они спустились лифтом для персонала и больницу покинули через задний, служебный вход, поодиночке. Уззит на выходе посветил фонариком. Лейф показал ему свой ламед, Джим Крю — удостоверение.

— Где вы взяли форму и карточку? — поинтересовался Лейф, когда они залезли в его машину.

— Мой брат тут работал, — ответил африканец. — Мы знали, что когда-нибудь это нам пригодится.

Лейф запустил мотор, включил фары.

— И как вы четверо попали наверх сегодня утром? Знаю, уззитов тогда было меньше, но и сменных иоахов обойти непросто.

— У нас есть возлюбленные.

— Ну-ну. А почему явились вчетвером? Одного бы хватило.

— Вчетвером мы больше, чем один, или даже четверо.

— Целое больше суммы частей?

— Примерно.

Некоторое время Джим Крю следил, как Лейф ведет машину, потом тихо спросил:

— Откуда вы знаете, куда нам ехать?

— Не знаю! — Лейф моргнул. — То есть... я *знал*. — Он запнулся. — Я *чувствовал*, куда нам надо.

Лейф стукнул кулаком по приборной доске.

— А теперь не чувствую!

— Не надо было вам напоминать, — промурлыкал Джим Крю. — Вы как ребенок — он знает до тех пор, пока невежественный взрослый не укажет ему, что ребенок ничего не может знать.

— Ну так куда нам ехать?

Крю указал. Лейф послушно повернул руль.

— За нами следят, — заметил африканец чуть погодя.

— Я ведь знал, что так получится, — пробурчал Лейф. Он глянул в зеркало заднего вида, но там была темнота. — Где они?

— За углом.

— Слушайте, — предупредил Лейф, — если нас поймают, я спасаю свою шкуру. Ты, дескать, под дулом пистолета заставил меня отправиться оперировать твою дочь.

— Мне не нравится, что вы обвините меня в насилии, но пусть так. — Джим Крю вздрогнул. — Пожалуй, лучше вам убить меня. Иначе правдодел раскроет вашу ложь.

— Хорошо, — согласился Лейф. — Но нас пока еще не поймали.

Он выжал газ до упора. Больше сорока километров в час его машина делать не могла; экипажи уззитов мчались вдвое быстрее.

— Они могли бы нас догнать, но предпочитают проследить за нами до цели, — заметил Лейф. — Было бы хорошо оставить машину и дойти пешком.

— Поставьте машину на автопилот, — предложил Крю. — Завернем за угол, выпрыгнем и скроемся в метро.

Машина обогнула небоскреб, и Лейф вдавил педаль тормоза в пол. Машина почти остановилась; Лейф торопливо установил курс и выскочил. Крю последовал за ним. Они забежали в вестибюль подземки и перевели дыхание.

— Надолго это их не задержит, — предупредил Лейф. — Скоро наши приятели вернутся, а прежде того — сообщат о нас херувимам у входа.

Джим Крю молча сбежал по пластмассовым, «под гранит», ступеням. Но вместо того чтобы двинуться направо, к платформе, он свернул в зал отдыха при станции.

Им пришлось протискиваться сквозь толпу. Был час пик, парижане возвращались домой с работы, но в перенаселенном городе метро всегда было набито людьми.

Конечно, в толпе немало уззитов и иоахов, и те схватят преступников, стоит прозвучать приказу. Но Лейф распахнул плащ, и вид золотого ламеда действовал не хуже сирены — толпа расступалась, как по волшебству.

Следуя за своим проводником, Лейф искренне порадовался той скромности гаек, которую сам же безжалостно высмеивал. Наследники давно сгинувших парижан отвергли галльскую приземленность, заменив ее собственным жестким моральным кодексом. В общественной уборной стояли отдельные запирающиеся кабинки.

Иоах отвернулся, следуя некоему тайному сигналу, когда Лейф и Джим Крю входили в кабинку. Врач заметил, что на двери нацарапаны инициалы J. C., и поднял брови — в первый раз ему пришло в голову, что банту тоже могут пользоваться этим знаком. Вполне естественно — инициалы могли обозначать их Господа и Повелителя, но одновременно скрывать их присутствие, маскируя его под очередные происки легендарного Жака Кюза.

Банту использовали пограничников. А можно ли использовать их самих?

— Не захлопывайте, — предупредил Джим, заталкивая Лейфа в тесную кабинку. — Это лучший способ привлечь уззитов.

— Не считай меня идиотом.

Потянувшись, Джим нажал на один из квадратиков пластмассового псевдомрамора, составлявших стену.

— Левый верхний угол, семь вниз за семь смертных грехов, три направо за Святую Троицу, что их искупает, — пояснил

Джим. — Сработает, только если быстро нажать семь раз подряд, три секунды подождать и нажать еще трижды.

Часть стены отошла внутрь и в сторону. Джим Крю зашел в образовавшуюся нишу и поманил Лейфа. Тот, невольно улыбнувшись, шагнул вслед за своим провожатым, и банту захлопнул дверь.

Вниз вела невидимая во тьме винтовая лестница. Лейф насчитал триста ступеней — вполне достаточно, чтобы спуститься ниже уровня нынешней подземки. Они приближались к древнему метро или даже довоенной канализации.

Внизу африканец остановил Лейфа, когда тот едва не врезался в невидимую дверь. Крю положил руку Лейфа на рычаг.

— Потяните направо и немного вниз, — прошептал он.

— Спасибо. Но мы ведь не станем возвращаться той же дорогой?

— Нет. Но лучше запомните — вдруг придется идти здесь еще раз.

— Вы слишком легко раскрываете секреты.

— Мы доверяем вам.

«Интересно, — подумал Лейф, — этот парень когда-нибудь использует единственное число первого лица? У него словно отсутствует собственное "я"».

За дверью, кажется, находился длинный, просторный тоннель — шепот и звук шагов возвращались, усиленные и искаженные эхом.

— Нельзя ли зажечь свет? — спросил Лейф.

Джима Крю это явно удивило.

— Что? А, конечно, если вам так удобнее. Но поверьте, опасности споткнуться нет — мы эти места *знаем*.

Почему-то Лейфу стало стыдно. Рука его покинула карман плаща, так и не вытащив медицинский фонарик. И все же ему хотелось глянуть на легендарные катакомбы Парижа.

Они остановились на краю бетонного уступа. Крю слез сам, помог спуститься Лейфу. Прежде чем идти дальше, врач остановился, пощупал пол.

— Тут когда-то лежали рельсы, — проговорил он.

— Да. В свое время это был верхний ярус метрополитена. Годы шли, город рос, верхний ярус стал нижним, а потом Париж разбомбили, и туннели закупорил поток расплавленного камня. Сверху вырос новый Париж. Но пойдем — путь еще долог, а Анади все дальше уходит от своих отцов и матерей, и сила истекает из наших рук все быстрее.

— Очень мило, если бы вы объяснили, о чем речь.

— Мы... Ш-ш-ш!..

Джим остановился так неожиданно, что Лейф столкнулся с ним и тут же от испуга выхватил пистолет и фонарик. Банту схватил его за плечо, нащупал сжимаемое в руке оружие.

— Оставьте! — приказал он шепотом.

Из темноты донесся шепот — чуть слышный, почти неразличимый, но Лейф готов был поклясться, что дыхание говорящего опалило ему щеку.

— Джим Крю... Лейф Баркер...

По спине у доктора побежали мурашки. Он поднял фонарик на уровень лица, но прежде, чем он нажал на выключатель, чьи-то жесткие пальцы выхватили металлическую трубочку из его руки.

— Твою мать, Крю! — взвыл он, позабыв об осторожности. — Отдай немедленно!

— Да простит тебя Господь, — прошептал банту в ответ. — Это сделал не я.

— Надо же, как интересно! — яростно прошипел Лейф. — Что за спектакль ты тут устроил?! Это был голос Аллы Даннто!

— Которой? — осведомился Крю.

— Что значит — которой? Я говорил только со...

Когда Лейф осознал вопрос в полной мере, слова застряли у него в глотке.

— Ладно, — прошептал он хрипло, — колись. Что за чудеса?

Джим Крю прижался к доктору; африканца трясло так, что дрожь передавалась и Лейфу. Его рука потянулась в темноте и прочертила на лбу Лейфа две пересекающиеся линии.

— Сим знаком оборони нас, — прошептал банту.

Лейфу захотелось повторить эти слова за ним. Он открыл рот для очередного вопроса, но кто-то попытался засунуть ему в горло нечто длинное, тонкое и металлическое. Лейф невольно сомкнул челюсти, чуть не сломав зуб, едва не выплюнул инородное тело, но сообразил, что это его собственный фонарик. Кто-то мерзко хихикнул.

Несмотря на предупреждающий вопль Крю, Лейф включил фонарь.

И тут же пожалел об этом.

Из мрака выступила Алла Даннто.

Не та, что лежала в палате 113.

Женщина, которую он вскрыл. Женщина из морга. После того, как над ней поработал нож.

Лейф вскрикнул раз, потом прикусил губу с такой силой, что во рту надолго остался, не желая уходить, соленый вкус крови. Рука хирурга дрожала, и конус света колыхался, выхватывая из мрака поднятый, точно снятая с апельсина шкурка, скальп, распахнутые грудь и живот.

— Что это? — прохрипел он.

Паника сменилась яростью.

— Старайся. — Банту взял его за руку. — Смотри не на нее, смотри насквозь.

Лейф не понял, о чем идет речь, но добросовестно попытался переиграть эту тварь в гляделки. Это казалось почти невозможным; призрак Аллы вызывал ужас и тошноту, словно олицетворение совести. Но прилив гнева помог Лейфу. Он не мог избавиться от мысли, что банту жестоко разыгрывает его, хотя рассудок подсказывал, что подобный спектакль был не только невозможен — Крю не мог заранее выяснить, каким путем им придется бежать, — но совершенно бессмыслен.

И эта тварь — настоящая.

ГЛАВА 15

Лейф шагнул к страшному призраку, не сводя с него луча света. Очертания Аллы поблекли, смазались, растаяли. На мгновение взгляд Лейфа проник за камуфляж, нащупав за ним лицо мужчины, очень похожего на Джима Крю — очень бледного, толстогубого, с широкими ноздрями и горбинкой. Из полуоткрытого рта текла слюна, глаза были плотно закрыты, словно свет терзал их.

— Хватит, — предупредил Джим Крю. — Не зли его! Просто отойди. Он не причинит нам вреда — если ты выключишь свет.

Врачу отчаянно не хотелось выключать фонарь — в темноте он ощущал себя беспомощным перед этим созданием, которое двигалось в вечной ночи катакомб так же уверенно, как он, Лейф, — по улице днем. Но его спутник говорил так уверенно и напряженно, что Лейф подчинился.

— Ох! — вздохнул Джим. — Пошли. Он не осмелится ползти за нами.

Его рука нащупала пальцы Лейфа, потянула, и тот, сжимаясь в ожидании пронзающего спину ножа, позволил провести себя по осыпающимся ступеням. Он считал их и на пятисотой ступеньке, когда ощущение чужого присутствия за спиной исчезло, осмелился заявить:

— Крю, я никуда не пойду, пока вы мне не скажете, что это за чертовщина. Эта тварь меня едва не достала! Мне уже показалось, что она на меня и охотилась.

— А вы не слишком струсили, — усмехнулся банту. — Ладно. Что видели вы, я догадался по брошенным вами словам. Что видел я, вы не узнаете — иначе вы испугались бы всерьез.

Помните, утром, когда вы отвергли нашу мольбу и отвернулись, то услышали голос?

— Quo vadis? Камо грядеши?

— Так мы и подумали, — произнес африканец. — Хотя в таких вещах никогда нельзя быть уверенным. Наша сила — не телепатия в обычном смысле слова. Мы четверо призвали наше общее *чувство*, сумму наших сознаний, ощущения тел, и, сосредоточившись, передали вам.

Вы могли и не воспринять сигнала. Ваше тело могло отвергнуть его, и вы даже не заметили бы ничего. Можно сказать, что ваша «антенна» могла быть втянута, как это часто случается. Но вы смогли ощутить нас, наше... чувство.

Мы не передаем слов — отдельных звуков, слепленных в смыслы, нанизанных на мнимые правила. Нет, мы передали *себя*, горящее в нас отчаяние. Оно перелопатило ваше подсознание в поисках того символа, что ближе всего подходил бы нашему чувству — и на поверхность всплыло «Quo vadis».

Мы не говорили с вами — вы сами подобрали слова, ваши слова, потому что привыкли пользоваться лишь ими, вы сами нашли нужный символ. Будь на вашем месте другой человек, незнакомый с этой легендой, изменились бы и слова. Понимаете?

Лейф кивнул, хотя Джим Крю и не мог увидеть его в темноте (или мог?).

— Вы оглушили меня своей скорбью.

— Да, хотя мы не могли поддерживать эту скорбь долго — в вас почти нет ее семян. Кроме того, Мопа, тот, кто рассмеялся, нарушил нашу связь.

— Вы — та машина! — воскликнул Лейф.

— Что?

— А я-то думал, как создать машину, способную принимать и расшифровывать семантикон — мысль-значение, сумму всех ощущений тела и разума, — ответил Лейф со смехом. — Мне следовало догадаться, что ответ совсем рядом и такие машины работают уже много тысяч лет.

— Мы чувствуем тебя, — ответил Джим Крю, и рука его сжала руку Лейфа. — Мы любим тебя.

Лейф мог списать эту реплику, как оборот речи — «мы» делало ее удивительно безличной, — но все равно почему-то покраснел.

— Если ты сейчас же не объяснишь этот кошмар наверху, — сказал он чуть более резко, чем хотел, — я тебя нарежу ленточками!

— Как его зовут, — ответил Джим Крю, — я не знаю: он мог быть любым из двенадцати. А чтобы объяснить, кто и что он, придется углубиться в историю. Мы, африканцы, разделены на две группы. Первоначально различались только религиозные доктрины, хотя обе группы представляют собой последние

остатки христианства. В маленьком Чаде правит Святая Тимбуктанская церковь, заявляющая, что только она хранит в неприкосновенности учение нашего Основателя. Однако мы, жители Центральной и Южной Африки, считаем, что тимбуктанцы закоснели в предрассудках и поддались искушению мирской власти.

Лейф усмехнулся в темноте. Африканец вошел в роль; речь его, как это часто бывает с речами миссионеров, явно была заучена наизусть. От собратьев по ремеслу Джима Крю отличало только одно — свою речь он заучивал на слух. Лейф поставил бы десять к одному на то, что его спутник неграмотен. Банту с подозрением относились к печатному слову, считая, что оно стоит на пути естественного общения.

— Мы, примитивы, как указывает наше название, уверенной рукой сбросили все оковы и нагими вернулись в лоно Истины. Мы подчиняемся лишь нескольким основным заповедям. На них построено все наше общество, в котором слиты воедино религия, мистицизм, экономика и политика. Мы не позволили мелочному морализаторству встать на нашем пути; наш единственный кодекс — это Золотое правило, которое только и является единственно верным...

— Хватит! — прорычал Лейф. — Избавь меня от лекций. Ты толкуешь, как гаечный уриэлит. Верным!.. Слышал бы ты, как они это произносят. А теперь рассказывай про этого типа, только покороче.

— Ты прав. — Крю снова пожал Лейфу руку. — Мы, примитивы, смогли воспользоваться даром, известным прежде как колдовство. Древние африканцы были великими колдунами. Я употребляю это слово не в смысле чего-то сверхъестественного. На самом деле колдовство — это лишь экстрасенсорные способности, которые наши дикие предки не могли ни распознать, ни использовать в полной мере.

Тогдашнее христианство и империализм белого человека подавили этот дар. Но после войны Судного дня остатки моего народа вернулись к древним обычаям. Как к народам Союза явился Исаак Сигмен, так к нам пришел Жикиза Канду, великий мыслитель, первым осознавший, что мы должны слить стремление к Господу и познание самих себя. Слияние — таков был его клич, и мы...

— Слились, — докончил за него Лейф. — А каким боком это относится к моему вопросу, а?

В первый раз за время их знакомства Лейф ощутил раздражение Джима Крю.

— Тот, кого мы встретили, — ответил обесцвеченный негр, — отверженный, изгнанник из нашего общества. Он не мог или

не захотел слиться с узором нашей группы. Он извратил данные ему нами дары и обратил их ко злу. Он попытался подчинить себе наше подполье, и сила, которую он использовал... выжгла его, если вам так будет понятнее. Его рассудок поврежден.

Как и остальные, пытавшиеся силой стать средоточием группы, теперь он днями бродит по трубам и туннелям, а ночами выходит на улицы. Нам они не могут повредить, разве только застав врасплох, но наверху они творят ужасные преступления. Их жертвы сходят с ума или кончают с собой.

— Так почему бы вам их не прикончить? Или хоть посадить в камеру?

— Что? Применить насилие к нашим ближним?

— Ты говорил об истинах. А как насчет самосохранения?

— Поднявший меч от меча и погибнет. Кроткие унаследуют землю. Мы-то знаем — мы веками проверяли это на себе, — что ключ выживания в непротивлении насилию. Пролей кровь ради своей защиты, и вскоре ее поток захлестнет тебя.

— Да ну!

— Простите, доктор, но вы же сами видели, что делают эти «обитатели тьмы», как мы их называем. Свою извращенную силу они используют единственным возможным для них способом. Они не излучают — они отражают. Их мозг воспринимает биотоки мозга жертвы и отсылает их обратно усиленными. А жертва, приняв отраженный сигнал, видит призрак, восставший из глубины ее собственного подсознания.

Вы, да простится мне такая вольность, печалились о смерти Аллы Даннто и одновременно чувствовали свою вину, поскольку не подчинились приказу КХВ и не сожгли тело немедленно. А кроме того — знали, что нарушите еще больше приказов, что любите Аллу-вторую и, что бы ни случилось, должны повидаться с ней вновь, даже если это поставит под угрозу весь план.

Возможно, вы и не подозревали, что это так заботит вас. Но когда обитатель тьмы забрался в глубины вашего рассудка, он выплеснул вам в лицо именно это.

Самое удивительное, что обитатель тьмы не видит вызываемых им галлюцинаций. Он чувствует вашу душевную боль, но не видит ее и не знает, каким именно ужасам подвергает вас. Но безумие и садизм заставляют его наслаждаться вашей болью, питаться ею. Чем больше пугается и теряет голову жертва, тем сильнее становится безумец, тем страшнее — видения. И так до конца.

Мой друг-тимбуктанец, хороший тех, назвал это как-то неуправляемой положительной обратной связью. Что бы ни

значили эти слова, эффект ужасен, спаси J. C. их бедные души.

— И ты мне об этом J. C.?! Кого ты имеешь в виду?

— Жикизу Канду*, нашего учителя и повелителя.

— Я бы скорее подумал, что ты говоришь о вашем Основателе.

— Именно. Он — это Жикиза Канду. Жикиза Канду — это он. Мы — они оба. Они — это мы.

«Неудивительно, — подумал Лейф, — что тимбуктанцы считают этих ребят худшими из богохульников».

Но (тут Лейф пожал плечами в той манере всезнайки, что так злила всех его знакомых) примитивы всего лишь основывали свою жизнь на нескольких буквально понятых заповедях, ничем не отличаясь в этом от злейших своих врагов. А побывавшие в стране банту рассказывали, что столкнулись с первым и единственным крупным человеческим сообществом, в котором можно пересечь континент, не увидев на пути тюрем, больниц, сумасшедших домов, оружейных фабрик (равно как и всех прочих) и сирот, ни разу не столкнувшись с расовой дискриминацией, воровством, похотью, убийствами из ревности, богатством и бедностью. Это общество можно критиковать и поливать грязью, но учеников полуиндуса, полузулуса Канду слова не беспокоили ни в малейшей степени.

Лейф рассмеялся; когда Джим Крю спросил почему, Лейф ответил:

— Я думал о невероятных совпадениях. Если признать, что разумы всех людей бессознательно связаны, то совпадение — это лишь пустой звук, которым мы прикрываем собственное невежество.

— Ты говоришь о J. C.?

— Точно.

— Это хорошо. Я тоже смеюсь. — И в очередной раз пожав Лейфу руку, банту так и сделал.

Лейф хотел было задать очередной вопрос, но африканец остановил его:

— Вообще-то мы на месте.

ГЛАВА 16

Крю открыл дверь, и из холодной, сырой темноты туннеля Лейф ступил в жаркий свет. Встречающих не было, но банту настаивал, что его товарищи знают об их приходе.

---

* По-английски это имя пишется как Jikiza Chandu.

— Паровое отопление, — ответил он на невысказанный вопрос врача. Он спокойно разделся, повесил вещи на один из немногих свободных крючков среди десятков, усеивавших стены.

— Не хотите?.. — Джим Крю указал на крючки. Лейф молча покачал головой.

— Я думал, вы захотите вымыться, — недоуменно заметил банту, заходя под душ.

— А я думал, что мы торопимся к вашей дочке, — нетерпеливо пробурчал Лейф.

Африканец вышел из-под душа и, все еще обнаженный, двинулся в соседнюю комнату, оставляя за собой мокрый след.

— Идите за нами, доктор, — посоветовал он. — Душ занял не больше минуты. И это не просто гигиена — это церемония, которой мы, примитивы, отмечаем возвращение домой. Молитва, очищение физическое и духовное, и одновременно мольба к Жикизе Канду о спасении Анади.

Банту провел хирурга через анфиладу тесных комнат; кое-где вдоль стен стояли шкафы, в одной был алтарь с распятием. Христос банту был чернокож, но лицо его не принадлежало ни одной из рас мира — видно было лишь, что страдание с него стерла та рука, что снимает всякую боль. Будь у Лейфа чуть больше времени, он остановился бы обсудить с Джимом Крю технику неизвестного скульптора. Ему доводилось уже слышать, что банту были лучшими художниками современности, творившими в скульптуре, рисовании и музыке то, что ранее сочли бы невозможным.

Встречавшие их были обнажены, как и Крю. Они тут же столпились вокруг новоприбывшего, целуя и лаская его. В перерывах между поглаживаниями Лейф представился. Девушка, напоминавшая Венеру Стеатопигу*, чья не до конца проведенная депигментация оставила множество родинок, повисла у Лейфа на шее и прошептала, что любит его.

— И я тебя люблю, пеструшка, — ответил он и отогнал ее шлепком.

— Когда-нибудь вам стоит поглядеть, что скрывается под этим мнимым легкомыслием, — заметил Крю.

Несмотря на все шутки, Лейфа прошиб пот, и не от влажной жары. Он начинал раздумывать, во что дал втянуть себя. Не так уж и проста оказалась его миссия милосердия.

Джим Крю провел его другой анфиладой. Фрески почти стерлись с бетонных стен, краска облупилась; кое-где стены растрескались, пропуская сочащуюся, точно кровь, землю или

---

* Венера Стеатопига — скульптура эпохи палеолита, изображение богини плодородия с неестественно увеличенными бедрами и ягодицами, на которые и намекает автор.

обнажая каменный монолит. Лейф так и не понял, для чего использовались эти комнаты раньше.

В каждой комнате их ждали человек пять-шесть. Они церемонно приветствовали Крю и следовали за пришельцем. Лейф обернулся: за ними тянулась целая колонна. Пары — мужчина и женщина рука об руку — становились одна за другой так, что мужчины и женщины чередовались в этой шеренге. Свободные руки их лежали на плечах предыдущей пары.

Слышался шепоток, накатывался и опадал. Лейф не мог разобрать отдельных слов — он не знал суахили, — но по коже его невольно побежали мурашки. Этот шепот *звучал* как собирающаяся в горах гроза, насыщающая воздух зародышами молний.

Так что Лейф от души обрадовался, когда они наконец остановились в комнате, где лежала девочка. Рядом с Анади сидели, держа ее за руки, мужчина и женщина, а за ними громоздился высокий негр в черной сутане с белым воротничком. Негр глянул на Лейфа сквозь толстые стекла роговых очков.

— А, доктор Баркер, — проговорил он, подходя и протягивая руку.

Пока Лейф пожимал ее, Крю успел сообщить, что это преподобный Антоний Дзюба, член тимбуктанского подполья и тоже врач. Товарищи Крю не колебались, приглашая его помочь Анади. Очевидно, обе секты все же сотрудничали.

Лейф осмотрел скреплявшую череп девочки конструкцию из проволоки, губки и мгновенного клея.

— Отлично, — одобрил он. — Ваша работа, абба?

— Моя, — ответил Дзюба высоким, пронзительным голосом. — Я принес с собой все материалы, какие были. Немного, но хоть какая-то помощь.

Осмотрев чемоданчик коллеги, Лейф не мог с ним не согласиться. Потом он заглянул внутрь креплений и беззвучно присвистнул. Девочка должна была умереть на месте. То, что она еще жила, было для Лейфа лучшим доказательством невероятных способностей банту. В первый раз он усомнился, а такое ли уж суеверие все эти разговоры о «взятии за руку».

Дзюба глянул ему через плечо и пощелкал языком.

— Обломки кости попали в мозг. Даже если мы ее спасем, доктор, боюсь, она останется идиоткой.

Врачи обговорили детали предстоящей операции, разложили инструменты. Лейф взялся за стерилизацию. Крю настаивал, что в этом нет нужды; их тела, говорил он, способны справиться с любыми микроорганизмами, кроме самых вирулентных. Но Лейф заставил его замолчать. «Я здесь врач, — сказал он. — Так что драйте стол, как вам сказано».

Когда стол был чист, Лейф с Дзюбой переложили на него девочку. Поднять ее оказалось несложно — Анади весила едва ли более девяноста фунтов. И Лейф приступил к работе. На протяжении шести часов он гнул спину над раскрошенным черепом и израненным мозгом. Когда он вытащил последний обломок и покрыл серое вещество толстым слоем чертеж-геля, руки его дрожали от усталости и напряжения. Дзюба прикрыл обнаженный мозг пластиковой крышкой. Тут Крю запротестовал опять, говоря, что протез не нужен, а черепная коробка восстановится со временем сама собой.

— Если так, — ответил Лейф, даже не пытаясь скрыть недоверия, — можете ее убрать, когда станет не нужна. Только меня позовите, чтобы я на такое чудо посмотрел.

Дзюба принялся сосредоточенно протирать очки.

— Как мне ни неприятно признаваться в превосходстве этих людей, — произнес он, — возможно, так оно и случится. Когда я был миссионером в стране Банту, я видел очень странные вещи.

— Но кость, доктор! Мне до сих пор трудно представить себе, что человек открыл заново утраченное им искусство регенерации мягких тканей путем самогипноза. Но кость!

Дзюба опять надел очки. Глаза его за стеклами казались огромными.

— Я не сказал, что так и будет, — улыбнулся он. — Но это возможно.

— Мне пора идти, — нетерпеливо пробормотал Лейф. Ему не хотелось слишком привязываться к этим людям.

— Может быть, вы захотите сперва поесть? — спросила одна из женщин — та самая, в пятнышках.

— Хорошо, — согласился Лейф.

Дзюба заколебался.

— Это почти единственный способ, каким мы можем отплатить вам сейчас, абба, — сказал Крю. — Что же до будущего — кто знает?

— Анади, — пропищала Пеструшка. — Она всегда помнит будущее.

— Я останусь, — решил Дзюба. — Если она может видеть будущее, то почему она не знала, что ей раздробит череп? — спросил он с улыбкой.

— Должно быть, у нее была причина. Когда она выздоровеет, то скажет. А пока пойдемте есть.

Их привели в огромный зал — как предположил Лейф, зал ожидания в древней подземке — и накормили горячим саранчовым супом, свежевыпеченным хлебом, ямсом в сахаре, бананами и молоком. Пеструшка, настоявшая на том, чтобы прислуживать Лейфу, рассказала ему, что часть пищи украде-

на или подарена обращенными гайками, а остальное — доставлено тайными путями с их родины. По оброненным ею намекам Лейф решил, что пища доставлялась водным путем — космоплан под водой поднимался по Сене до Парижа и сбрасывал продовольствие в особый шлюз. Это удивило Лейфа — он считал, что банту вообще не пользуются сложной техникой.

Пока шел разговор, остальные тихонько напевали что-то. Когда обед завершился, а благодарственные молитвы были произнесены, банту завели негромкий, тяжело звучащий гимн, тот, который так потряс Лейфа, когда его вели к Анади. Кто-то убирал тарелки, остальные же становились в пары — мужчина с женщиной. Теперь пары образовали шесть концентрических кругов. Каждый круг связывался с остальными мужчиной и женщиной, прижимавшими ладони к спине или груди товарища из другого круга.

Сидевший рядом с Лейфом Дзюба нервно пошевелился и пробормотал:

— Уж ради меня могли бы и подождать, пока я уйду. И это после всего, что я для них сделал.

Он отложил ложку и встал.

— В чем дело?— поинтересовался Лейф.

Он тоже начал было вставать, но Пеструшка ухватилась за него.

— Отпусти его, милый, — промурлыкала она.

— Имейте уважение к духовному лицу! — заорал Дзюба.

— Мы любим тебя! — донесся ответ.

— Да не нужна мне ваша любовь!

— Мы любим тебя! — грянул прибой.

— Да простит вас Господь за богохульство!

Не обращая внимания, банту начали подпрыгивать, круги завели вращение — то вперед, то назад.

На стол в центре кругов вскочил Джим Крю.

— Кто возлюбленный наш? — вскричал он, воздевая руки к потолку.

Словно мегафон, громыхнула сотня глоток:

— Жикиза Канду!

— И кого любим мы?

— Жикизу Канду!

— И кто мы?

— Жикиза Канду!

— И кто он?

— Жикиза Канду!

— И кто любит доктора Дзюбу?

— Жикиза Канду!

— Нет, нет! — верещал тимбуктанец. — Прекратите это безобразие! Выпустите меня!

— И кто любит доктора Баркера?
— Жикиза Канду!
— И кто есть Дзюба?
— Жикиза Канду!
— И кто есть Баркер?
— Жикиза Канду!
— И кто есть любимый и любящий, Бог и человек, творец и творение, мужчина и женщина?
— Жикиза Канду!
— И что говорит нам Жикиза Канду?

Круги вращались все быстрее, быстрее, сдерживаемые лишь неразрывной хваткой рук. Лица банту исказились, рты были разинуты, зубы — обнажены, глаза сияли овалами небес. Раздувались ноздри. Разлетались капельки слюны.

Отлетавшие от стен, заполнившие зал крики смолкли неожиданно и резко; слышались только топот босых ног по бетону и звук дыхания. Тела тряслись так, что плоть колыхалась землетрясением. Бедра вращались, словно пытаясь вывернуться из суставов.

А потом вздулись груди, вбирая воздух с отчетливо слышным свистом, и грянуло, отражаясь от стен, могучее слово:

— Любовь!
— Любовь! — провизжала Пеструшка.

В ином месте и при иных обстоятельствах Лейф спокойно насладился бы прелестями этой страстной особы, но сейчас в голове у него билась только одна мысль, та же, что и у Дзюбы — «*выпустите меня!*».

Примерно шестьдесят секунд он продирался, прыгал, толкался и ползал в сплетении тел, размахивающих рук и цепких пальцев. Достигнув безопасного места, он оглянулся. Тимбуктанец не отставал от него. Порванную в свалке сутану он судорожно прижимал к груди.

— Господи помилуй! — выдохнул Дзюба. — Это какой-то новый вид мученичества!

Лейф уже пришел немного в себя.

— Так вы теперь святой?

Тимбуктанец поправил очки. Казалось, что вернувшееся зрение прибавило ему уверенности.

— Разве что фигурально. — Он огляделся. — Какая мерзость!

— Они попросту выражают свою любовь. Даже вы должны признать, что они не лицемерят, говоря о любви к ближним, и раздают ее щедро.

— Немыслимый разврат! — Дзюба вздрогнул и грустно оглядел себя.

— У входа мы вам подберем что-нибудь, — добродушно заметил Лейф. — Тряпье, конечно, но от холода и любопытных глаз защитит.

— Я понять не могу, за что они со мной так поступили. Я, в конце концов, помог спасти их ребенка.

— Смените точку зрения. Они как раз и благодарят нас за ее спасение.

— Вы, как я заметил, не больше моего хотели там остаться.

— Нас растили в разных культурах, — пожал плечами Лейф, — и я, как и вы, к их обычаям приспособиться не могу. Но что-то в них есть. Я не стану говорить об их психосоматических способностях — но ведь они построили самое совершенное общество на Земле. Сравните его с вашим, доктор... вы высмеиваете их религию и презираете нормы поведения, но вам не скрыть, что в вашем родном Чаде уйма преступников, убийц, нищих и калек. А у них — нет.

Дзюба принялся шарить по вешалкам в поисках относительно чистой одежды.

— Все это ни при чем, — чопорно ответил он. — Вы же видели, что там творится. И вы полагаете, что наш Основатель, которого якобы почитают и они, одобрил бы такое?

— Не знаю. А кто знает? Сравните их страну и вашу — что лучше? Я предпочитаю судить о делах по их последствиям. То, что они делают, не вредит никому в их обществе. У нас такое принесло бы немало бед.

— С вами нет смысла вести дискуссию. Есть же, в конце концов, абсолюты.

— Правда? А какие?

Ответом стала абсолютная тишина, тяжело висевшая между ними, пока не явился Джим Крю. Против ожиданий Лейфа, банту не выглядел усталым или помрачневшим. Походка его была упругой, а лицо сияло.

— Надеюсь, вам понравилось у нас, господа целители. Если мы можем вам помочь — позовите. Любовь не знает границ; нам завещано помогать ближним. Ваш эскорт, доктор Дзюба, прибудет через минуту А вас, доктор Баркер, мы выведем на поверхность иным путем, через подвал дворца очищения для высших иерархов, «Обиталища Блаженных».

ГЛАВА 17

Когда Лейф доковылял до больницы Суровой Благости, время близилось к рассвету Сонный уззит-часовой у служебного входа посветил на ламед фонариком и пропустил врача.

Раздумывая над странным отсутствием предосторожностей, Лейф забрался в лифт и поднялся в пентхауз. В холле не было охранника, которого Лейф ожидал увидеть, и, войдя в гостиную, врач понял почему.

Дом был пуст. Ава и Алла Даннто исчезли.

Лейф бросился к кубу, чтобы позвонить Рахили. Та подошла к аппарату в ночной рубашке, растрепанная, но при виде доктора вся сонливость слетела с нее мигом.

— Ладно, Рахиль! — взревел Лейф. — Рассказывай, быстро!

Он не прибавил, что хочет получить все сведения до того, как им самим займется Кандельман. Вполне возможно, что уззиты прослушивают его линию.

Рахиль сбивчиво пробормотала, что она считала доктора похищенным; как он, во имя Сигмена, ухитрился сбежать? Лейф заметил, что это неважно и его сейчас интересуют последние события. Рахиль обиделась и заявила, что не имеет понятия, о чем он. Лейф принялся рвать на себе волосы и кричать, что если она, Рахиль, немедленно не сообщит, куда делись госпожа Даннто и Ава, то он, Лейф, залезет в куб и поотрывает ей там руки и ноги.

— А они в Монреале, — спокойно ответила Рахиль.

После того как Лейфа похитили (предположительно, Жак Кюз), Кандельман настоял, чтобы Даннто и его супруга отправились в Канаду ракетой. Аву прихватили за компанию в качестве личной медсестры, а также для ее, с точки зрения Кандельмана, безопасности. Ава поначалу отказывалась наотрез, но потом сдалась.

Лейф подумал, что у его супруги должны были быть серьезные причины для такого решения. Что-то заставило ее остаться с Аллой.

По приказу Лейфа Рахиль сходила в кабинет за журналом регистрации входящих. Пока она читала, кто в этот день звонил ему и какие письма пришли, Лейф обратил внимание на одну весьма интересную запись. «Этот тупой З. Роу», как назвала его Рахиль, звонил дважды, интересуясь, являться ли ему завтра утром на энцефалографию. Оба раза секретарша отвечала «нет».

Так его искал Зак? Вероятно, с приказом: не то предоставить полный отчет о случившемся, не то явиться на импровизированный трибунал. Лейф давно подозревал, что этот старикашка вовсе не так глуп, как кажется, и на самом деле является его начальником. Лейф всегда считал главой парижского подполья себя, но несколько раз его решения отменялись, а кто-то постоянно проверял его — кто-то из своих. В других обстоятельствах можно было бы посмеяться над тем, как пограничники заразились подозрительностью тех, за кем шпионят.

Сейчас Лейфу было не до смеха.

— Звонков от Авы не было? — спросил он.

— Нет, доктор Баркер.

Он глянул на бледное, ненакрашенное лицо Рахили, на растрепанные кудряшки и поразился, как мог считать ее привлекательной.

— Ложись спать, девочка, — мягко сказал он. — До утра.

Когда изображение в кубе померкло, Лейф сварил себе кофе. Глотая обжигающую черную жидкость, он принял решение — как можно быстрее связаться с Заком Роу. Но он не успел опорожнить чашку, как услышал звук отпираемой двери. Это не могла быть Ава. Так что Лейф не очень удивился, когда вошел Кандельман.

Лицо уззита было, как всегда, длинным и неподвижным; кости черепа скалами проступали из-под окаменевающей плоти. Тощая его фигура двигалась чуть дергано, напоминая марионетку. Лейфу казалось, что Кандельман и есть марионетка, сам себе кукла и кукловод, что часть его сознания управляет кукольным телом старательно и осторожно, но не может ни скрыть держащих его нитей, ни двигаться с изяществом живого.

Лейф приготовился ко всему, кроме того, что произошло. Он очень удивился, когда Кандельман монотонно вопросил его о впечатлениях о встрече с Жаком Кюзом.

Лейф замешкался. Он мог вообще скрыть существование Джима Крю и его товарищей. Но, возможно, Кандельман знает больше, чем показывает, стремясь спровоцировать его на ложь.

Ответ пришел к нему, не успел уззит докончить речь. Лейф наклонился к уззиту, прищурившись и заговорщицки вытянув губы.

— Вы были правы, Кандельман, — произнес он. И рассказал уззиту то, что тот хотел услышать.

Кандельман вскочил. Глаза его, обычно тусклые, как мышиная шерсть, заблестели, голос обрел силу.

— Так, значит, человек, под дулом пистолета заставивший вас оперировать свою дочь, назвался Джимом Крю? Разве вы не заметили? Нет? Подумайте, доктор! Инициалы!*

Лейф стукнул по столу кулаком. Кофе выплеснулся из чашки.

— Конец Времен! — выругался он. — Это они!

— Именно. Вы сказали, что они выглядели иностранцами и говорили не на исландском и не на иврите. Это должен был быть французский! О Сигмен, как бы я хотел знать этот язык!

---

* По-английски имя Джим Крю начинается с тех же букв J. C. — Jim Crew

«Надеюсь, — подумал Лейф, — ты никогда не брался его учить».

Кандельман принялся расхаживать по комнате взад и вперед, машинально помахивая семихвостой плетью.

— Моим первым побуждением, доктор, было созвать всех свободных уззитов и устроить облаву, равной которой еще не видел свет. Но я не стану этого делать. Жак Кюз — это хитрый лис, он наверняка заляжет в свою нору. И я не сомневаюсь, что из описанного вами места он уже убрался...

Его прервал засветившийся куб.

— Вызов из Монреаля, доктор Баркер, — объявил оператор.

Лейф принял вызов. В кубе проявилась комната, где сидели Даннто, Алла и Ава.

— Баркер! — прогремел Даннто. — Кандельман позвонил мне и сказал, что вы вернулись, хвала Сигмену! Нет, ничего не объясняйте. Садитесь оба на экспресс и немедленно сюда. Я забронировал для вас ракету. Вас пускай сменит заместитель. Я хочу, чтобы вы осмотрели Аллу. Она жалуется на боли под ложечкой. Кроме того, я хочу лично выслушать ваш рассказ. А потом мы сможем отправиться в охотничий заказник метатрона Вона, расслабиться немного. Все. Верного вам будущего.

Куб замерцал и померк.

Лейф хотел было запротестовать — он желал спросить об Алле и Аве. Сердце его сжималось от желания, которое возбуждала в нем рыжеволосая красавица. Но было поздно.

— С тех пор как его жена вернулась, — заметил Кандельман, вставая, — Даннто снова стал похож на себя.

— Вернулась?

— Да, они разошлись перед самой аварией, в которую она попала. Подозреваю, она чего-то захотела, а Даннто отказал ей. Так что она переехала на другую квартиру. Так уже случалось. И сандальфон всегда сдавался. — Уззит фыркнул. — Я помню еще времена, когда ни одна баба не осмелилась бы на такое. Ее или отхлестали бы плетьми, либо послали бы к Ч. Но эта женщина... он от нее голову потерял.

— Вы критикуете столпа церкводарства? — осторожно поинтересовался Лейф.

— Записи моих слов у вас нет, — ответил Кандельман.— В любом случае Даннто знает, что я думаю о влиянии на него этой... женщины.

Пока Лейф складывал чемодан, Кандельман не произнес больше ни слова. Они поднялись на крышу больницы. Когда идущий специальным рейсом экспресс опустился рядом с

ними, они сели бок о бок. За весь полет Кандельман заговорил только один раз.

— Доктор Баркер, — произнес он, поворачиваясь к Лейфу, — вы очень счастливый, раскованный и спокойный человек. Это потому, что у вас хорошая жена?

Прежде чем пораженный Лейф успел ответить, уззит поднял руку:

— Снимаю вопрос. Прошу простить меня. Это не мое дело. Не служебное, я хочу сказать.

«Что же творится за этим лбом белокурого Данте? — размышлял Лейф. — Если бы я только мог направить на него мыслеприемник...»

Эта мысль сменилась другой: допрошены или нет Траусти и Палссон. Если их допросили, подозрения Кандельмана относительно странного поведения Лейфа подтвердятся с лихвой. Быть может, Кандельман вывозит его из Парижа ради того, чтобы он не избавился от двоих стукачей? А возможно, уззит уговорил Даннто пригласить его, чтобы поглядеть на поведение Лейфа с Аллой и Авой...

Лейф вспомнил рыжеволосую красавицу, попытался поразмышлять о ее происхождении и обнаружил, что все мысли вытеснила одна: Алла Даннто заворожила его, как никакая другая женщина. Он должен быть с ней.

Как бы он ни возмущался собой, его неудержимо тянуло к ней. Так мотылька тянет к пламени, пусть он и не хочет в нем сгорать.

Вскоре после того как они поднялись на борт ракеты, один из спутников Кандельмана испросил у двоих ламедоносцев разрешения включить куб — начинался выпуск новостей. Диктор проявился на полуфразе. Речь шла о недавнем бунте в Чикаго, когда разъяренная толпа разорвала на куски мужчину. Беднягу угораздило сболтнуть, что Конец Времен не так и близок. Согласно Сигмену, как утверждал несчастный, Предтеча вернется из временных странствий, когда положение в союзе Гайяак будет идеальным. А нынешнее идеальным не назовешь.

— После этих слов, — протрубил диктор, — разгневанная толпа отомстила за оскорбление, нанесенное Союзу, церкводарству и Сигмену, да будет верно имя его. А теперь мы перенесем вас...

Студия растворилась, сменившись панорамой пустой улицы. Несколько уззитов окружали валяющуюся на тротуаре в луже крови ногу.

Лейф присмотрелся и улыбнулся про себя. Его наметанный взгляд сразу определил, что нога не оторвана, а отсечена. Никакого сомнения — очередной пропагандистский трюк.

По мнению Лейфа, вряд ли во всем Союзе нашлась бы толпа, способная линчевать человека. Средний гражданин был слишком замордован постоянным изнурительным трудом ради пропитания и страхом отправиться к Ч, чтобы пальцем шевельнуть без соизволения своего иоаха.

Чтобы не задремать, Лейф спросил Кандельмана, что госпожа Данто рассказывала об аварии.

— То, чего я и ожидал, — ответил Кандельман, облизнул сухие губы и продолжил: — Она получила вызов по кому. Говоривший заявил, что куб с его стороны не работает — такое случается часто, — и она поверила, а голоса не узнала. Звонивший назвался Джарлом Каверсом, — уззит многозначительно покосился на Лейфа, — моим помощником. Это, конечно, было ложью. Госпоже Данто следовало проверить, числится ли в наших списках этот Каверс.

Звонивший заявил, что хочет встретиться с ней, чтобы рассказать о заговоре против ее супруга. «Каверс» заявил, что нашел неопровержимые улики, но не может обратиться к своему начальству, поскольку оно тоже замешано в заговоре. Полагаю, он собирался бросить тень на меня. Поскольку сам Данто находился в Монреале, «Каверс» обратился к его жене. Та, потеряв от ужаса всякий здравый смысл, отправилась на встречу с этим Каверсом в такси. Херувим, которого я отрядил охранять ее в отсутствие супруга, отвечал на другой звонок — вероятно, от сообщника Каверса; во всяком случае, так он рассказывает, сейчас мы его допрашиваем.

Больше мы ничего не знаем.

Лейфу с самого начала было интересно, что наговорит Кандельману Алла. История была хорошая — она подогревала подозрения Кандельмана в адрес Жака Кюза, заставляя его самого терять здравый смысл. Проверить эту историю нельзя было в принципе — звонки в доме сандальфона не фиксировались.

Оставалась только одна тайна. Кто же звонил Алле-первой?

С этой мыслью Лейф и заснул. Проснулся он, когда ракета приземлилась. Кандельман сообщил, что они получили указание следовать в охотничью усадьбу метатрона. Лейф кивнул и задремал было снова, но двери распахнулись, и, зевая и потягиваясь, он вышел под жаркое канадское солнце. Скоростная машина за несколько минут доставила их в летнее обиталище политического главы Североамериканского континента.

Встречали их с помпой. На лужайке перед домом собрались почти все правители союза Гайяак, с женами и любовницами; все — в охотничьих костюмах. Данто и Алла представили Лейфа собравшимся. Большая часть из них была знакома с

ним заочно — Лейф успел приобрести репутацию одного из лучших нейрохирургов.

Лейфу выдали такой же охотничий костюм, винтовку и патроны. Переодеваясь за ширмой, он пересказал сандальфону и всем остальным, кто поместился в комнате, ту же историю, которую скормил Кандельману.

— Вам повезло, что вас самого не убили, — заметил Даннто, когда Лейф кончил. — А вы, — он обернулся к Кандельману, — конечно, скажете, что этот Джим Крю и есть Жак Кюз? И до какой глупости вы еще дойдете? Только маньяк может отрицать, что под его инициалами таится Иуда-Меняла!

Несколько голосов поддержало его — большинство собравшихся принадлежали к уриэлитам. Лицо Кандельмана не дрогнуло, но Лейфу показалось, что уззит несколько оскорбился.

Лейф еще раз оглядел своего противника. Не так давно, подумал он, Гайяком правили такие люди, как Кандельман — высокие, худые, узколицые и узкогубые, круглосуточно горящие церкводарственным рвением и никоим образом не склонные даже к самому мелкому многоложеству. Ныне же их сменили люди, подобные Даннто — невысокие, кругленькие, болтливые чиновники, много говорившие об абстрактных принципах, но дело иметь предпочитавшие с вещами близкими и понятными. Лейф обратил внимание и на слабый запах хорошего спиртного, и на то, как подбирали уриэлиты своих женщин — не за старомодные добродетели фригидности, детородности и преданности церкводарству, а за алые губы, соблазнительные округлости и преданность своим мужьям.

Лейф вышел на лужайку, чтобы поговорить с Аллой и Авой. Единственным человеком в пределах видимости был дежурный уззит, вряд ли способный подслушать их на таком расстоянии.

— Зак Роу или кто-то из наших не говорили ничего о моих контактах с подпольщиками Крю? — спросил Лейф.

— Нет. — Ава странно усмехнулась. — Никто не знал, где ты.

— Ты же знаешь, я не мог тебе просто позвонить по кубу.

— Не хотела бы я быть на твоем месте, Лейф. А все из-за этой бабы. — Ава ткнула пальцем в сторону Аллы.

— Незачем говорить обо мне с таким презрением, — негромко напомнила Алла.

— В чем дело? — жестко осведомился Лейф.

— Мне тоже стало интересно, — ехидно отозвалась Ава, — так что, пока тебя не было, а она спала, я ее обследовала. И сделала снимки. А когда она проснулась, я заставила ее сказать, что она такое.

— И я рассказала, — быстрым шепотом выпалила Алла. — Ава от меня шарахнулась, как от ядовитого паука. Словно она

меня ненавидит, хочет моей смерти. Тогда она и сказала мне, что моя сестра мертва.

— Зачем? — вопросил Лейф, чувствуя, как кровь приливает к лицу, а руки холодеют.

Ава неловко поежилась, но нашла силы глянуть ему в глаза.

— Хотела дать ей возможность выпустить скорбь. Если бы она узнала о настоящей Алле случайно, она могла бы устроить истерику там, где мы не смогли бы этого объяснить. Я дала ей гореутолитель. Ее боль не сдерживали никакие глубинные страхи, она выплакалась за полчаса. Теперь беспокоиться нечего.

— Да ты врешь и не краснеешь! — не выдержала рыжая красавица.— Ты ненавидишь меня из-за того, что я делала — делала для нашей страны! Ты сказала мне о смерти сестры, чтобы причинить боль! Я тебе еще припомню это!

— Тихо, вы! — оборвал ее Лейф. — Кандельман идет.

— При первом же случае, — прошептал он Аве на ухо, — расскажешь все подробно.

Ава кивнула и покосилась на Аллу.

— Когда я объясню, Лейф, ты до нее дотронуться не захочешь. Или, при твоем характере, как раз к ней потянешься.

Алла внезапно отвернулась, но Лейф успел заметить в ее глазах слезы...

А поговорить с Авой он смог только после того, как охотников отвезли за сотню миль на территорию заказника.

ГЛАВА 18

Прежде чем охота началась, главный лесничий Люи Руло коротко описал предполагаемую дичь — неандерталоидов, завезенных с третьей планеты Геммы*. Эти существа представляли собой доминирующую форму жизни на Гемме-3 и по интеллекту не уступали землянам, однако ко времени прибытия первых кораблей Гайяака гемманцы добрались в своем развитии только до бронзового века — и то не все, а лишь самая высокоразвитая культура на планете. Большая же часть Геммы не вышла еще из каменного века, и импортированные для охоты аборигены достигали уровня примерно неолита. Их выпустили из клеток несколько часов назад, безоружными; но кремень и шерт** были обычны в охотничьем парке, а гемманцы могли быстро наколоть себе наконечники для стрел и копий. Поэтому, несмотря на превосходство охотников в ору-

---

* Гемма — альфа Северной Короны, двойная звезда спектрального класса А0.

** Шерт — кремнистый известняк.

жии, им не следовало недооценивать добычу или относиться к ней с презрением.

— Только в прошлом году, — заметил Люи Руло, — двое наших охотников были убиты и один ранен. Уриэлита Гуннарссона убили стрелой. Уззита Смита копье гемманца пробило насквозь, а его супругу — ранило в плечо.

Лейф улыбнулся про себя. Уриэлита Гуннарссона убил пограничник, член КХВ, замаскированный под гемманца. Пронзившая гайку стрела имела деревянное древко и кремневый наконечник, но лук — клеенный из клена и стеклопластика. Пограничник пустил стрелу из кустарника в сотне метров от тропы, а потом растворился в лесу, где его подобрал вертолет. А еще позже место убитого в иерархии занял агент Пограничья, чтобы развивать уже нанесенный им Союзу ущерб.

Люи Руло закончил свою лекцию предупреждением — не разбредаться, держаться всем вместе. Загонщиков, выгоняющих дичь на охотника, не будет.

Отряд выступил со смехом и шутками, точно на охоту за кроликами. Припекало летнее солнышко, зеленели лесные великаны, щебетали птицы, мир казался прекрасен. Слова Руло довольно быстро вылетели у всех из головы, и отряд разбился на несколько группок, постепенно отдалявшихся друг от друга.

Этого Лейф и ждал. Он отвел Аву в сторону.

— Ну ладно! — прошептал он зло. — Что ты там узнала про Аллу?

— Алла — вернее, Эрика, так ее зовут на самом деле — одна из нас, как мне это ни мерзко. Она член КХВ. Как и ее сестра. Они — часть диверсионной группы, подготовленной для работы среди высших иерархов. Очень успешно подготовленной, хотя ничего, кроме омерзения, они у меня не вызывают. Война — грязное дело, Лейф, но знать бы мне, что настолько!.. Или что мы падем так низко.

— Как именно падем? — попытался уточнить Лейф. — И что тебе не нравится? Они инопланетянки? И если да, то почему бы нам их не использовать? Рассказывай.

— Никакие они не инопланетянки, — процедила Ава сквозь стиснутые зубы. — Если бы! Это их хоть немного бы извиняло!

— Так они люди? Тогда откуда эти странные органы? Не понимаю.

— Похоже, что биология в Пограничье куда лучше развита, чем мы полагали. Ты слишком долго проторчал среди гаек, чтобы следить за последними достижениями. Да и вряд ли о них писали в газетах — проект, судя по всему, сверхсекретный.

— Ты хочешь сказать, что эти органы были созданы искусственно и внедрены в тело хирургическим путем?

— Шиб.

— Так для чего они?

— Притормози, — посоветовала Ава. — Мы догоняем Даннто.

Лейф замедлил шаг. Даннто с Аллой и еще несколько уриэлитов с супругами остановились, ожидая, пока проводник не закончит искать гемманцев под очередным кустом.

— В два-три слова это не уложишь, — произнесла Ава негромко. — Но я постараюсь, хотя тебе покажется, что отвлекаюсь от темы.

Ты знаешь, что одной из основ гайяакской культуры служит подавление полового инстинкта. Детей учат воспринимать секс как неизбежное зло, и взрослые принимают такую точку зрения как должное. Это действие не должно приносить радости даже на брачном ложе. До определенной степени я с гайками согласна — вне брака секс грешен, но святой союз супружества...

— С твоими убеждениями я ознакомлен, давай про этих женщин.

— Я пытаюсь объяснить, почему эти женщины существуют. Гайки полагают, что подавление сексуальности делает человека более управляемым, более удобным для тоталитарного правительства. По сути, создается страна евнухов, и психология у них соответствующая, очень церковдарственная — ограниченность, твердость, верность церковдарству, подозрительность и готовность донести на любого, кто хоть чуть-чуть смахивает на врага веры. К несчастью подвергнутых подобному воспитанию, потенцию это у них отбивает напрочь.

Я имею в виду не столько неспособность совершить половой акт, сколько невозможность испытать от него постыдный для гаек оргазм. Церковдарство, как известно, поддерживает искусственное оплодотворение. При всей своей мощи оно не осмелилось сделать лабораторное осеменение обязательным и ограничилось тем, что лишь практикующие его могут занять в Союзе мало-мальски важный пост. Теоретически, ламедоносец должен вообще отринуть половую жизнь. На практике же...

— Переходи к делу! — рявкнул Лейф.

— Шиб. Я пытаюсь. Подавленное половое влечение должно сублимироваться. И оно выходит на свет — в виде ненависти и фанатизма. Отсюда и готовность среднего гайки предать собственного соседа, и провоцируемые правительством погромы так называемых многоложцев.

— Постой-ка! — Лейф вгляделся в густой кустарник.

Ветки подозрительно покачивались. Как ни хотелось Лейфу дослушать Аву, он не мог допустить, чтобы на Аллу бросился гемманец. Проводник остановил отряд, пошарил по кустам и, не найдя никого, сделал знак продолжать путь.

— За нами следит Кандельман, — предупредил Лейф. — Скоро он заявится сюда, и шанса поговорить у нас не будет.

— Какой-то злой гений в КХВ, — продолжила Ава, — решил воспользоваться холодностью гаек-мужчин. Это был гений-биолог. Он создал тот орган, который ты видел у покойницы. Не так сложно вырастить подобное в лаборатории, как кажется непосвященным. Назначение у него очень простое.

Ава сбилась — откуда-то справа донесся шум, ветер принес крики, вопль, потом звуки выстрелов.

— Нашли беднягу, — прокомментировал Лейф. — Надеюсь, он их достал.

— Кандельман к нам ползет, — прошипела Ава. — Я закругляюсь. Этот орган — биоэлектрическая батарея. В момент оргазма женщины он испускает разряд электрического тока.

— Понял! — шепотом воскликнул Лейф. — И мужчина волей-неволей испытывает оргазм, потому что разряд возбуждает его чувствительные нервы. Сила тока большая, и условный рефлекс, вызывающий фригидность, стирается. В первый раз в жизни этот мужчина испытывает естественное завершение полового акта, и, конечно...

— Конечно, не позволит такой женщине уйти от него. Она будет иметь огромное влияние на него. А эта женщина — агент Корпуса.

— Гениально! — прошептал Лейф.

— Я знала, что тебе понравится, — мстительно заметила Ава. — По-моему, это гнусно и... и грешно.

Лейф редко оказывался ошарашен, но тут ему представился хороший случай.

— Ты считаешь это аморальным? Почему?! Это же война! Против убийств на войне ты не возражаешь. Один Господь знает, скольких гаек ты отправила на тот свет за прошедшие годы!

— Убить ради своей страны — одно дело, — ответила Ава. — Но... но использовать прелюбодейство как оружие... это неописуемо!

Лейф развел руками — не то от отчаяния, не то от злости.

— Ну, я сдаюсь! — Он смолк, задумчиво нахмурившись, потом покраснел и нерешительно добавил: — Мне только сейчас пришло в голову. В КХВ об этом могли не подумать... Алла-вторая девственница? Если это так, как она объяснит это мужу?

— Я об этом позаботилась, — ответила Ава, потупившись.

Лейф вцепился ей в плечо с такой силой, что Ава вскрикнула и уронила винтовку.

— Ты... ты!.. — выдавил он. — Как?

— Хирургически, конечно. А ты что подумал?

— Сама знаешь.

— В чем дело, Лейф? Или ты планировал...

— Тихо. Кандельман идет.

Ава замерла, вцепившись в винтовку. Своей обычной мягкой походкой уззит двинулся к ним, небрежно держа оружие под мышкой. Он открыл было рот, собираясь сказать что-то, но его прервал крик.

Все трое обернулись. Кричала Алла Даннто. После первого вопля голос отказал ей, и теперь она, держась за горло, тыкала пальцем в кусты.

Лейфу хватило одного взгляда на мчащуюся к ней с копьем звероподобную фигуру в шкурах, чтобы вскинуть винтовку. До этого мига он вовсе не намеревался стрелять в гемманцев, вывезенных со своей родины для этих гладиаторских игр по-современному, и втайне надеялся, что один из неандерталоидов покалечит или убьет кого-нибудь из охотников-гаек — так тем и надо. Теперь он не колебался. Одним плавным движением он вскинул винтовку к плечу, прицелился в бочкообразную грудь и нажал на спуск. Винтовка 45-го калибра почти не давала отдачи. Лейф не успел выстрелить второй раз, как раздался выстрел Кандельмана. Гемманец завалился набок.

Бледный Даннто загородил жену своим телом; теперь, когда обезьяночеловек корчился в агонии, уриэлит дрожал. Кандельман подскочил к поверженному врагу и всадил в голову гемманца две разрывные пули.

Лейф видел, что Алла не пострадала, и не стал тратить время на вопросы, все ли с ней в порядке — этим занимался Даннто. Вместо этого он склонился над трупом.

— Откуда он взял кожаные ремешки, чтобы привязать наконечник к древку? — поинтересовалась Ава, следуя его примеру. — И заметь — древко из просушенного дерева.

Последняя реплика долетела до Кандельмана.

— Несомненно, это дело рук кого-то из врагов сандальфона, — ответил он. — Я прикажу немедленно допросить служителей, ухаживающих за гемманцами.

Даннто тоже подошли посмотреть на труп. Алые губы жены уриэлита неестественно выделялись на бледном лице.

Лейф огляделся. «Кажется, никто больше не заметил, — подумал он. — И я промолчу». Однако, чтобы удовлетворить свое любопытство, он наклонился и внимательно осмотрел тело; приподнял краешек шкуры, увидел на груди гемманца кое-что неожиданное и поспешно отпустил шкуру. Когда он встал, губы его были плотно сжаты.

Наблюдательная Ава заметила, что Лейф взволнован, но молчала, пока они не нашли предлога вновь отойти подальше от прочих охотников.

— Что ты там увидел?

— Ты обратила внимание на пропорции рук и ног? Конечности гемманцев коротки по сравнению с человеческими. Кости предплечий изогнуты, чтобы к ним крепились сильные мышцы. Шейные позвонки гемманцев построены так, что они, как обезьяны, не могут откинуть голову назад. Есть и другие различия, но этих хватит.

У этого парня руки и ноги намного длиннее, чем положено. Локтевая и лучевая кости — прямые, человеческие. Шея, хоть и короткая до невидимости, но назад гнется. Короче, это землянин. Ставлю что угодно, что останься его лицо целым, то мы нашли бы псевдокожу, создающую маску неандертальца.

Но и это не все. Кто-то пытался скрыть свою истинную цель. На животе этого парня вытатуированы буквы J. C.

Ава восприняла новость спокойно.

— Чтобы, если его убьют, вина пала на Кюза... или Менялу. А если бы не убили?

— Пять к одному, что у него в зубе капсула с ядом. Обрати внимание — он несся на Аллу. Как насчет «аварии», в которой погибла ее сестра?

— А ты как думал? Вопрос в том, зачем на нее покушаться? И кому нужно винить Жака Кюза?

— Продолжение в следующем номере, — усмехнулся Лейф.

— Будь серьезнее! Почему ты не сказал об этом остальным?

— Слушай, кто бы ни покушался на жизнь Аллы, этот человек неподалеку. Он хотел иметь возможность убрать своего человека, если бы того взяли живым. Трупы не болтают. Нет, тот, кому выгодна смерть Аллы, совсем рядом.

— То есть это любой из двух дюжин человек. Как насчет Кандельмана? Он так старательно разнес убийце-неудачнику череп, словно старался сделать его лицо неузнаваемым.

— Он выстрелил почти одновременно со мной. Если бы он стоял за этим, то подождал бы, пока копье полетит в Аллу. А выстрел в голову ничего не скроет. Отпечатки пальцев, например, остаются. Я, кстати, хочу их потом добыть и проверить кое-что. И еще, возвращаясь к Кандельману — Аллу он не любит, но Даннто верен полностью.

— Лейф, первую Аллу убили в Париже. Мы в Канаде. Убийца прибыл вместе с нами. Кто приехал с Даннто? Или с тобой?

— Добрых два десятка крупных шишек, явившихся из Европы по приглашению метатрона. Хочешь, чтобы я допросил всех?

— Остается только ждать нового покушения.

— Вот и радуйся. Ты же ненавидишь Аллу.

— Да, но она из КХВ.

— И не забывай этого, — напомнил Лейф. — Покрутись тут и попробуй добыть мне эти отпечатки. А у меня есть работа.

Он смело подошел к сидящей на пеньке Алле и Даннто, стоящему рядом с женой.

— Госпожа Даннто пережила большое потрясение, — произнес Лейф. — Ей не следует продолжать охоту. Меня стрельба не слишком интересует, и, поскольку я ее врач, я отвезу ее к метатрону. Хотите поехать с нами, сандальфон? В принципе ваше присутствие не требуется, но...

Даннто явно не хотел расставаться с супругой, но после того, как врач перед дюжиной высоких чинов заметил, что идти не надо, уриэлит считал делом чести продолжить охоту. Собственно, на это Лейф и рассчитывал. Даннто побоялся бы признаться окружающим, что нападение выбило его из колеи.

Так что, как и предполагал Лейф, Даннто прорычал, что он единолично расправится с каждым гемманцем, таящимся в канадских лесах. Приятели добродушно кивали, похлопывали по плечу и дружно уступали ему право первого выстрела.

Но все же архиуриэлит с грустью смотрел вслед уходящей за Лейфом супруге. В последнюю минуту он неловко подошел к ней, чмокнул в щечку и пообещал, что принесет ей парочку голов. Алла вздрогнула и промолчала.

— Позаботьтесь о ней, доктор, — крикнул Даннто, когда машина поднялась в воздух.

— Абба, — ответил Лейф, — я буду заботиться о ней, как никогда в жизни.

Но морщины на лбу сандальфона от его ответа не разгладились.

ГЛАВА 19

Лейф проводил Аллу до ее комнаты, выставив смахивавшую пыль служанку. Та, конечно, донесет уззитам, но Лейфа это не волновало. Ламед на груди и профессия врача давали ему больше свободы, чем обычному гайке.

Алла затворила дверь и заперла на радиоключ.

— Мои дуэньи сообщат Даннто, что все в порядке, — сказала она.

Каждое ее движение, каждое слово точно проводили по щеке Лейфа нежными пальцами. У него перехватило дыхание, руки задрожали. В груди образовался тугой ком.

Алла подошла к секретеру у дальней стены. Нарочно или нечаянно, но бедра ее покачивались чуть более обычного. Лейф обратил на это внимание — он весь день заглядывался на нее. С той минуты, как она сказала, что хочет побыть одна,

воздух вокруг нее насытился электричеством. Еще чуть-чуть — и грянет молния. Лейф боролся с давлением изнутри, подкатывающим к перехваченному горлу, готовым прорваться от неосторожного слова, от взгляда...

— Алла! — выдохнул он хрипло.

Она остановилась, полуобернувшись, замерла — полная грудь поднята вздохом. Взмах головы поднял волну в реке рыжих волос.

— Алла... должен ли я что-то говорить?

Она обернулась так стремительно, что едва не упала. В другое время Лейф усмехнулся бы. Но сейчас грянула молния, и он быстрыми шагами двинулся к ней через просторную комнату, раскинув руки, вперед, вперед, слыша только грохот крови в висках, зная, что его не остановит никакая сила в мире...

Изо всех сил сжимая Аллу в объятиях, Лейф едва слышал, как она кричит:

— Лейф, Лейф! Не позволяй больше Даннто касаться меня! Я люблю тебя! Только тебя!

Потом, много позже, кто-то постучал в дверь, тихо, как совесть. Алла вскочила с постели, бессознательно прикрываясь простыней; глаза ее казались кругами над алым овалом рта. Лейф приложил палец к губам, на цыпочках подошел к платяному шкафу, знаками приказал Алле ответить и вытащил пистолет.

Он вполне мог выйти из положения. Врач-ламедоносец имел право обследовать женщину в отсутствие иоаха. С другой стороны, лучше было бы не позволить никому понять, как долго они с Аллой провели наедине. Все зависело от того, кто именно стоял под дверью.

— Кто там? — окликнула Алла.

Ответил неразборчивый мужской голос. Алла повторила вопрос. Ответ все равно нельзя было понять, так что, накинув платье, Алла прошла в соседнюю комнату, к двери. Лейф неслышно последовал за ней. В этот раз ответ услыхали оба.

— Алла, пусти меня. Это Джек Кандельман.

Оба одновременно подняли брови. Лейф молча кивнул — «пусти его» — и вернулся в шкаф. Алла попросила уззита подождать, пока она ляжет, погасила свет и залезла под одеяло.

Лейф намеренно оставил дверцу шкафа полуоткрытой и теперь мог подглядывать в щель. В поле его зрения появился Кандельман, согнутый, точно переломанная посредине сухая ветка. Узкое лицо избороздили морщины. Он подошел к постели, нервно оглянулся и, к изумлению обоих зрителей, распростерся ниц.

— Алла! Алла! — простонал он. — Прости меня!

Он потянулся к ней, и она шарахнулась.

— О чем вы? За что простить?

— Ты знаешь, за что, Алла, любимая. Не смейся надо мной. Я не могу выносить это. И не стану. Ты же знаешь, со мной шутки плохи. Ты знаешь.

— Вы с ума сошли? — Голос Аллы дрожал не меньше, чем голос уззита. — Я понятия не имею, о чем вы говорите.

Отстраниться она не успела — Кандельман схватил ее за руку.

— Не говори так! Я ведь спрашивал тебя, когда мы встретимся снова — а ты отказала. Ты свела меня с ума. Я не мог прикоснуться к тебе вновь и не мог вынести разлуки. Я сказал, что убью тебя, и едва не сдержал слова. Алла, любимая, скажи, что ты прощаешь меня. Я никогда больше... Я чуть не умер, когда мне передали, что ты погибла в той аварии. Когда я узнал, что ты легко ранена, я ругался и клялся себе, что в следующий раз ты не уйдешь от меня — и все же радовался, что ты жива. Я не мог вынести, что тебя нет на свете. Аллы нет, нет, нет — вертелось у меня в голове. Нет моей Аллы, нет ее, нет!

Девушка была совершенно ошеломлена таким поворотом событий. Лейф надеялся, что она подыграет этому безумцу — иначе она выдаст себя с головой.

Кандельман попытался притянуть Аллу к себе. Она отвернулась.

— Да что с тобой? — вскричал уззит. — Не так ты и чиста. Ты ведь уже отдалась мне однажды, забыла? Ты предала своего супруга, сандальфона. Я обесчестил его и все, что он олицетворяет, но ты того стоишь... Алла, ты единственная на свете. Мы с тобой...

Лейф поверить не мог, что слышит это неразборчивое воркование. Всегда монотонный голос Кандельмана обрел страстность, лицо, обычно выразительное не более чем сжатый кулак, дергалось, как пальцы глухонемого.

Теперь Лейф понял, что именно Кандельман заманил Аллу первую в такси, вероятно, для последнего свидания, и подстроил аварию. Неудивительно, что он так недоверчиво отнесся к словам Лейфа о «легких ранениях». Должно быть, он решил, что Алла выдала его — а то и явился, чтобы завершить начатое дело. Но вряд ли он слишком опасался шантажа с ее стороны — тогда она выдала бы и себя. Кроме того, он тоже ламедоносец. Все его действия по определению праведны.

Основной причиной покушения на убийство была месть.

Наблюдая, как Кандельман пытается одновременно обнимать Аллу и на коленях признаваться ей в любви, Лейф

размышлял о том, как это случилось. Очевидно, покойная Алла из сострадания отдалась однажды уззиту — или ради какой-то услуги, или для получения информации. Этого уже никто не узнает. Так или иначе, она отказалась иметь с ним дело в дальнейшем. Убежденный, что Алла презирает его, Кандельман попытался убить ее. Нет, не попытался — *убил*. Женщина, с которой он говорил сейчас, понимала это — и ненавидела его.

— Послушай! — выдохнул уззит. — Я сказал Данно, что возвращаюсь присмотреть за тобой, что меня беспокоят новые покушения. Они вернутся не раньше чем через несколько часов...

— А как насчет доктора Баркера? — спросила Алла, отворачиваясь от Кандельмана.

— Этот развратник! Он не осмелится нас беспокоить. Ради Сигмена, Алла, не сопротивляйся так! Я не могу ничего поделать, ты *должна* быть моей. Ты ведь тоже хочешь меня, я знаю, иначе ты никогда не вела бы себя так в тот, первый раз. Тебя просто волнует твое многоложество — но, Алла, откуда нам знать, что верносущно, а что нет?

Лейф надеялся, что Алла справится с уззитом сама — иначе ему придется вылезать из шкафа. Не будь он так влюблен, Лейф просто позволил бы Кандельману изнасиловать Аллу — она, в конце концов, агент КХВ и знала, на что шла. Но он не мог допустить, чтобы уззит лапал ее.

— Алла, пожалуйста! Я больше не буду тебя убивать, никогда!

— Ты скотина, — прошептала она. — Ты спустил на меня этого гемманца!

— Прости меня, Алла. Я не буду больше...

Внезапно он схватил ее за запястья, развел ей руки и прижался губами к ее губам. Лейф собрался было вылезти, но Кандельман внезапно со вскриком отстранился. По подбородку его стекала кровь.

— Ты всегда кусалась, Алла, — заметил он. — Только в следующий раз не надо так сильно.

«Ты совсем ослеп?» — презрительно подумал Лейф. Следующая мысль пришла ему в голову неожиданно: Кандельман спрятался за своим любимым пугалом — он приказал вытатуировать на груди псевдонеандерталоида буквы J. С., чтобы сбить со следа тех, кому придет в голову осматривать труп. Сложная получается игра.

— Если вы немедленно не уберетесь, — проговорила Алла, закутываясь в одеяло, — я буду кричать. Или просто застрелю вас.

«Хорошая мысль, — подумалось Лейфу. — Разом решило бы все наши проблемы». Он поднял пистолет и прицелился в высокий, блестящий от пота лоб.

Но выстрелить он не успел. В дверь постучали.

— Кто там? — окликнула Алла.

Кандельман поспешно пригладил волосы, вытер с лица пот и надел фуражку. Потом, ссутулившись еще сильнее обычного, словно переломленный пополам, побрел к двери. С силой впечатав радиоключ в скважину, он распахнул дверь.

— Простите, абба, — пробормотала Ава, проскальзывая мимо него.

Уззит, не оборачиваясь, вышел и захлопнул за собой дверь.

— Что ты тут делаешь? — прошипел Лейф, вылезая из шкафа.

— Вот что! — Ава сунула ему в руки комикс — последний выпуск «Приключений Предтечи».

— Это еще откуда?

— Лежало в моем «Справочнике охотника». Наверное, кто-то из охранников наш человек. На третьей странице сообщение.

Лейф открыл комикс и прочел слова, обведенные кружками в одной из реплик.

«*Немедленно* принимайтесь за работу. Если явятся приспешники злобного Менялы, *возвращайтесь* ко мне в рубку. *Пары* скроют нас, даже если не поможет маскировка».

— Ч и дьяволы! — выругался Лейф. — Что случилось? Трауст раскололся? Джима Крю поймали? Или Зака Роу? Или еще что?

Спорить было бесполезно. Все равно вернуться в ближайшие два дня они не могли, если только не подвернется подходящего повода. Повода придумать не удалось, и следующие два дня им предстояло провести в Канаде.

Ава исходила желчью из-за этой задержки, а еще больше — из-за того, что Лейфа она ничуть не волновала. Он гулял в окрестных лесах, рыбачил и вовсе не собирался маяться сплином. Как бы ему ни хотелось брать Аллу с собой, это вызвало бы ненужные и опасные пересуды. Однако он все же вытащил ее на рыбалку, пригласив заодно еще пару жен иерархов. Пока женщины разбирали корзинку с продуктами, Лейф сумел перебросится с Аллой несколькими словами. Его все еще мучило любопытство, заставившее его нарушить приказ и провести вскрытие Аллы-первой.

Алла ответила на его вопрос спокойно и легко.

— Так вот почему вы так успешно работаете в этом обществе? — негромко воскликнул Лейф, выслушав ее.

— Именно, — подтвердила она. — Подавление нормальных сексуальных импульсов, искусственно вызванная фригидность доходит здесь до уровня психической кастрации. Тираны давно усвоили, что править подданными намного легче, если установить систему вдолбленных в самом раннем возрасте табу, нарушающих развитие полноценной личности. Разрушение нормальных отношений между полами — неотъемлемая часть гайяакской системы.

Короче говоря, нейрогенная импотенция, то есть любое извращение, то есть, я хочу сказать, ненормальное... — Она запуталась окончательно, расхохоталась и продолжила: — В общем, применяемая в Союзе система подавления делает людей более покорными. Если ты помнишь, мерины охотнее тянут плуг.

Но когда здешний мужчина находит женщину, которая реагирует иначе, чем написано в инструкции, женщину, способную освободить его от сковывающих рефлексов, в первый раз за его скудную жизнь сделать его свободным — он будет цепляться за эту женщину любой ценой, даже тайно и в нарушение закона. Понимаешь?

— Вполне, — подтвердил Лейф, оглядываясь, чтобы убедиться: остальные их не слышат. — Мужская фригидность — это одновременно результат и причина спазма тазовых мышц, так называемой мышечной брони. Невротический импульс заставляет человека напрягать эти мышцы, но, если они расслабятся, ослабеет и извращенный импульс. Излеченный от одного невроза, человек понемногу сбрасывает и остальные. Он чаще смеется, глубже мыслит, становится искреннее и радостнее и даже излечивается от психосоматических заболеваний. Ты ведь и сама это знаешь.

— Да. Взять хотя бы моего мужа, Даннто. Он ведь когда-то был так же мрачен и злобен, как Кандельман. А теперь он хоть и не подарок, но стал намного веселее и открытее, чем до встречи с моей сестрой. Он не сознает этого, но он никогда не позволит мне уйти от него.

— Поправь меня, если я ошибусь, — заметил Лейф. — Электричество, вырабатываемое твоей живой батареей, возбуждает парасимпатические волокна, расслабляя мышечный щит и снижая тревожность. Шлюз открывается, и чувства перестают сбрасываться в тот отстойник, где они обычно тухнут. Я прав?

— Абсолютно. И мужчины нам очень благодарны. А мы приобретаем над ними огромную власть — к вящему благу всего мира и на горе Союзу.

У Лейфа осталось еще несколько вопросов.

— Вы с сестрой — близняшки, — заметил он. — Но ведь отпечатки пальцев и сетчатки должны были отличаться*.

— Биологи Пограничья удалили моей сестре один глаз и вырастили два его клона. Так что мне прирастили глаза сестры. А кожу на пальцах мне просто удалили и вырастили новую, опять-таки по ее образцу.

— А рудименты антенн у тебя на лбу и нервные стволы, идущие от них в мозг?

— Это остаток неудачного опыта, — ответила Алла. — Мы с сестрой были единственными агентами с таким украшением. Предполагалось, что эти антенны смогут улавливать мозговые волны на расстоянии. Так оно и оказалось, но мы не могли расшифровывать полученный сигнал. Для нас он оставался белым шумом. Чтобы отсеять статику, нужен биологический фильтр, а ученые, насколько я знаю, до сих пор так его и не создали.

— Вот вам и теория внеземного происхождения, — усмехнулся Лейф. — Я зафантазировался — а надо было следить за достижениями собственной страны!

ГЛАВА 20

Следующим вечером Даннто, Алла, Лейф и Ава вместе с несколькими спутниками отправились экспрессом в Париж. Кандельмана с ними не было. Уззит уехал через два часа после сцены в спальне. Отговорился он занятостью, но Лейф подозревал, что ему просто не хотелось ехать вместе с Аллой.

Поездка была недолгой и приятной, если не считать одного странного случая. Ава на минуту вышла в женскую комнату и вернулась оттуда мертвенно-бледной. Лейфу не удалось незаметно спросить ее, в чем дело, но он решил, что она получила сообщение от агента КХВ. Это обеспокоило его — как ее начальник, он должен был получить сообщение сам. Возможно, впрочем, что Аве легче было передать нужные сведения. А может быть, у нее просто желудок расстроился.

Когда экспресс опустился на парижский аэродром, Даннто напомнил, что приглашает всех в гости к семи вечера на праздник по случаю быстрого выздоровления его супруги. Даннто, казалось, был совершенно счастлив — смеялся, шутил, размахивая руками. Аллу его веселье не трогало. Она многозначительно поглядывала на Лейфа, будто пытаясь сказать, как именно Даннто собирается праздновать этой ночью.

---

* Автор ошибается. У идентичных близнецов совпадают и отпечатки пальцев, и узор сосудов сетчатки.

В первый раз со времен юности Лейф ощутил укол ревности. И тошноту. И острое желание подойти и набить сандальфону морду.

Всю дорогу до дома рыжеволосая красавица то и дело поглядывала на Лейфа. Врачу показалось, что она готова расплакаться, а когда она удалилась в женскую комнату и долго оттуда не выходила, подозрение превратилось в уверенность.

Позже, когда все разошлись, Лейф спросил у Авы:

— Почему столь бледна ты, прекрасная дева?

Ава выматерилась, из чего Лейф заключил, что беспокоит ее не сообщение, а взбунтовавшийся кишечник. Пока такси везло их в госпиталь, оба молчали.

Лейф искал у себя в кабинете записки от Рахили и Роу, когда вошла совершенно белая Ава.

— Что-нибудь нашла на лентах? — осведомился Лейф, поднимая голову.

Ава дрожащей рукой подала ему кусок ленты кимографа. Лейф впился взглядом в семантические волны Зака Роу. Во время отсутствия Лейфа Сигур, его ассистент, складывал ленты в особую папку. Ава потом выбирала оттуда ленты с сообщениями.

Дочитав до конца, Лейф побледнел сам. Подняв глаза, он наткнулся взглядом на автоматический пистолет в руке своей супруги.

— Так ты еще и палач? — спросил он, не веря в то, что видит.

— Нет. — Голос Авы дрожал. — Только эскорт.

— И очень хорошо вооруженный, — заметил Лейф, вернув себе самообладание. — Когда же начнется спектакль?

— Лейф, — проговорила Ава, — я не хочу этого делать. Мы так долго работали вместе. Но приказ есть приказ. Не надо было тебе поддаваться чарам этой... женщины. Как ты мог поставить под удар всех нас, не выполнив указания тут же кремировать Аллу? И переспав с Аллой-2?

— Так ты на меня настучала? — Лейф скрипнул зубами.

— Это мой долг.

— А вовсе не ненависть к Алле, да? Или не ненависть... Может, у тебя на нее виды?

— Ни то ни другое, — ответила Ава. — Пошли, Лейф. Если я опущу пистолет, ты дашь слово не сопротивляться?

— Ладно. Ты все же еще солдат.

Ава вытащила из двойного дна ящика с грязным бельем новую одежду.

— Надевай!

Он внимательно осмотрел одежду.

— Настолько плохо, да? Сворачиваемся?

— Да. Мыслеприемник уже снят с энцефалографа. Должно быть, еще утром, когда пришел приказ.

Ава разделась и принялась натягивать синий комбинезон разнорабочего.

— Господи Боже, Лейф, как хорошо снова стать мужчиной! Десять лет в роли травести!

— Да, ты много отдал службе, — саркастически ответил Лейф. — А стоило ли, солнышко мое?

— Еще раз так скажешь, и я сам тебя пристрелю! — взвизгнул его бывший товарищ.

Лейф так привык, что Авам Соский выдает себя за его жену, что почти забыл об его истинном поле. Этот коротышка был одним из лучших имперсонаторов в КХВ.

Лейф переоделся, подошел к кубу и включил.

— Прекрати, — сказал Ава. — Приказ — ни с кем не связываться.

Лейф спокойно попросил автооператора соединить его с госпожой Данто. Алла как раз должна была готовиться к празднику. Даже окажись сандальфон рядом, это не имело значения для Лейфа — они с Аллой договорились, какой код использовать в таких случаях.

— Лейф, я буду стрелять! — воскликнул Ава.

В кубе проявилась комната Аллы.

— Алла, ты одна? — быстро спросил Лейф.

Та кивнула, не сводя взгляда с пистолета в руках Авы.

— Не бойся, — проговорил Лейф. — Ава стрелять не станет. Слушай! Все раскрыто. У меня нет времени объяснять, да и линию могут прослушивать, хоть мы и ламедоносцы. Пришла пора сматываться. Встречаемся, как договорились. Быстро! Поняла?

Алла кивнула вновь, и Лейф отключился.

— Не пойду я с тобой, крошка, — Лейф повернулся к Аве. — Я собираюсь связаться с Джимом Крю и отправиться с Аллой в Африку.

— Джим Крю уже у Ч, — бесстрастно ответил Ава, целясь Лейфу в сердце.

— Как ты узнал? В женском сортире в экспрессе?

— Да. Роу приказал уходить в подполье, потому что он думает, что уззиты вытянут из Крю всю правду пытками. Думаю, мыслеприемник подвезли поближе к Ч, чтобы Роу мог следить за допросом.

— Слушай, Ава, — сказал Лейф, поколебавшись, — я знаю, что ты меня пристрелишь, если я тебя доведу. Но как насчет послабления? Почему бы тебе не отвести нас с Аллой на трибунал вдвоем? Я могу потребовать от Роу, чтобы он нас

отпустил. В конце концов, от меня КХВ больше никакой пользы, и моя смерть ему не поможет.

— Ты думаешь, что после того, как ты спутался с банту, едва не раскрыл двойника Аллы-первой и уговорил вторую бросить свой пост, Роу тебя простит? Лейф, эта баба тебя свела с ума!

— Я знаю.

— Но, Лейф... Предать свою страну?

— Нет. Только позабыть о ней на пару минут.

Они вышли из больницы. Лейф взял личную машину, доехал до Национальной библиотеки. В вестибюле его ждала Алла. Она села на заднее сиденье и прежде, чем Ава успел приказать Лейфу, куда ехать, вытащила из сумочки револьвер и приставила Аве к затылку.

Лейф вынул пистолет из ослабевших пальцев бывшего товарища.

— Я же знал, что этим кончится, — объяснил он. — Так что мы с Аллой подготовились.

— Лейф, но это не... не... — Ава был совершенно ошеломлен.

— На меня непохоже? Наверное. Но раз уж я пошел по кривой дорожке, дойду до конца. Я не жалею, что встретил Аллу. Я не променял бы ее на все ордена в мире. Понимаешь, КХВ так или иначе усомнился бы в моей лояльности. У меня не было выбора. Пойми — я не против Пограничья иду. Когда это кончится и эмоции остынут, я сам приду на суд. Но сейчас меня пристрелят на месте.

Сражаясь с мучительным желанием нажать на педаль газа и мчаться по городу, срезая повороты, Лейф медленно и законопослушно довел машину до станции подземки близ площади, где когда-то стояла Триумфальная Арка. Они вышли из машины, и Лейф на автопилоте отправил ее обратно в больницу.

Лейф покосился на четырехсотфутовую статую Сигмена с мечом и песочными часами, подумал мимоходом, что когда-нибудь и Арку, и Предтечу сменит на этом месте еще что-нибудь, и последовал за Авой и Аллой в подземку.

Они проехали до станции в четырех кварталах от их цели и прошли остаток пути пешком. Местом встречи была назначена комната в доме для рабочих низшего класса, у огромной площади, на другой стороне которой громоздилось кубическое здание с вывеской «Школа психотехников».

На самом деле там находился пресловутый Ч.

Трое беглецов прошли через черный ход, поднялись на третий этаж по скрипучей лестнице, преодолели воняющий капустой, рыбой и потом коридор и подошли к дверям. Ава выстучал код, и дверь открылась.

— Где Роу? — потребовал ответа Ава.

— Прячется. — Встретивший их обвел пустую комнату взмахом руки. — Как и половина наших. Кандельман нас вычислил. Роу оставил меня, чтобы я предупредил всех, кто вздумает прийти.

Он покосился на пистолеты в руках Аллы и Лейфа, но промолчал.

— Что с Баркером? — спросил Ава.

— Пусть прячется со всеми. И получше. Роу с ним потом разберется.

Алла облегченно вздохнула.

— Ну, я сделал все, что мог, — сказал Лейф. — Если я ему понадоблюсь, пусть Роу сам меня и ловит.

Он подошел к мыслеприемнику, стоявшему у выходящего на площадь окна, и спросил:

— Механизм самоуничтожения включен?

— Он взорвется, только если попытаешься его вскрыть, — усмехнулся пограничник. — Я его настроил на Джима Крю. Здорово они его обрабатывают.

Лейф озабоченно пощелкал языком. Он знал, как в подобных раскиданных по всему Союзу зданиях обращают многоложцев в верносущность. Накачав отступника наркотиками, техи подсоединяли к нервным окончаниям электроды и скармливали беспомощному мозгу импульсы, соответствующие определенным ощущениям. Вместе с гипнозаписью эти импульсы заставляли отступника раз за разом проживать мнимые жизни, повторявшиеся до тех пор, пока на личности подопытного не откладывался их неизгладимый отпечаток, его величество условный рефлекс. Отпущенные Ч искренне верили, что прошли через испытания, показавшие им ошибочность прежних убеждений — каковы бы ни были они до отправки к Ч. Они становились примерными гражданами и верными учениками Исаака Сигмена. Метод имел только один недостаток. Прошедшие его напрочь лишались способности мыслить творчески, становясь живыми машинами.

Лейф знал это. Прикосновение к мыслям Крю было бы глотком полыни, но непреодолимый импульс заставил его включить мыслеприемник и надеть наушники, выдававшие перевод семантических волн, скользящих по коре мозга банту.

ГЛАВА 21

Чтобы настроиться на мозговые волны Джима Крю, Лейф потратил двадцать минут. Он шарил лучом по комнатам и коридорам, по разумам техов — записывающих, подстраива-

ющих, регулирующих. От шлемов на головах техников шли, пронизывая стены камер, пучки кабелей, подсоединенных к сложнейшей системе, включенной в нейронную сеть человека. Так в мозг пытаемых вкладывались иллюзии.

Лейф, конечно, не мог проникнуть взглядом за стены здания, но он легко мог представить его себе по рассказам побывавших у Ч и прочитанным мыслям тех операторов, чьи головы не защищали стальные шлемы.

Палач, работавший над Джимом Крю, создал для него поистине чудовищную ситуацию — под стать собственному воображению. Лейф наткнулся на семантические волны банту, когда история должна была повториться в сотый раз. Поначалу он немного запутался, но очень скоро неизбежные паузы и статика стали заполняться домыслами самого Лейфа. Помогало ему и то, что большую часть происходящего Крю непроизвольно описывал про себя.

От сна его пробудил тихий ласковый голос, повторяющий вновь и вновь:

— Открой глаза, Джим Крю. Не плачь, Джим Крю.

Когда банту поднял веки — вернее, подумал, что поднял, — он увидал стоящего в углу камеры человека, чернокожего, нагого, похожего на самого Джима, но идеализированного — такого, каким он желал бы видеть себя.

Джим не удивился его появлению. Он знал — рано или поздно это случится. То, что человек прошел сквозь стену, Джим воспринял как данность. Но вот сияющий над короткими кудряшками нимб его поразил.

— Пойдем, Джим Крю, — сказал человек. — Я уведу тебя от тех, кто не ведает, что творит.

Словно во сне, Джим поднялся на ноги, вцепился в протянутую ему руку — большую и сильную, излучающую мощь, равной которой Джим не испытывал, даже когда кружился в хороводе танца племени, чей водоворот творит силу исцеления, понимания и любви.

Теперь эта сила текла к нему, как вода катится с горы. Перед ним был источник этой силы, о котором он мечтал, о котором молился, который являлся перед ним лишь на миг, в последние секунды дикой пляски.

Как дитя, держащееся за руку, Джим пошел за этим человеком прямо в стену, бесстрашно перетерпев мгновение темноты. Потом, пронзив бетон, он устремился ввысь, влекомый силой руки. Под ним раскинулся ночной Париж, нити и гроздья сверкающих жемчужин. Потом город отдалился, померк, горизонт загнулся вниз, и воздух стал холоден. Но тепло

исходило от одежд провожатого, и Джим Крю быстро забыл о кратком касании ледяных пальцев космоса.

Они висели меж Землей и Луной, и Джим с любопытством разглядывал лунные камни — в век межзвездных перелетов он никогда не покидал пределов Земли, полагая, что родная планета достаточно велика и прекрасна, чтобы провести на ней жизнь.

— Оглянись! — сказал богоподобный двойник Джима Крю. — Ты был верен Господу своему, и за то даю тебе сию награду.

И рука его обвела и Землю, и Луну, и звезды.

— Но, Господи! — воскликнул Джим Крю. — Не этого я жажду!

Слова его пали в космический холод, и замерзли, и рухнули метеорами на голубой шар внизу, и, войдя в атмосферу, сгорели дотла, пронеслись в небе огненными полосами, огласили Землю голосом его, и эхо вернулось, насмешливое и злое:

— Не этого я жажду, Господи!

— А чего же ты жаждешь? — спросил человек. — Разве есть что-то еще?

Обернулся Джим Крю, ибо и слова, и голос окутали его холодом страшнее холода космического. И увидел он, что лицо его двойника было по-прежнему исполнено мудрости, доброты и любви. Но голос шел из иного рта, и, когда Джим глянул говорящему в глаза, в первый раз в жизни он испытал Страх. Вновь он увидел собственное лицо — то, которого он мечтал никогда не увидеть, ибо печать зла навсегда оставила на нем свой след.

— Разве есть в мире что-то еще? — повторили губы в кривой усмешке, и Джим Крю изо всех сил сжал руку своего провожатого, пытаясь отыскать в нем силу. Но провожатый повернулся, и Джим увидел, что позвоночник его вытянулся в длинный мартышечий хвост, на конце которого, как на второй шее, болталась голова криволицего Джима Крю. И когда та заметила, что Джим все понял, она рассмеялась:

— И ты вправду думал, что кроме этих плывущих в бесконечности раскаленных или вымерзших шаров есть что-то еще? Вправду ли ты, Джим Крю, верил в это?

Джим вскрикнул, попытался вырваться, бежать, но пустота разверзлась под его ногами, державшая его рука налилась льдом, высасывая его силы, а голова Джима Крю-ангела оплывала, как воск над огнем, черты ее смазывались. А Джим все не мог вырваться, распластанный на холодной груди пространства, где нет ни любви, ни поддержки, и, как ни бил он руками и ногами, не мог сдвинуться с места.

И тогда двуглавый бес пнул его когтистой лапой так, что дрогнула вселенная. Джим падал и падал вниз, врезался в

атмосферу, как ныряльщик — в поверхность бассейна, и снова падал, все быстрее и быстрее, так что ветер свистел в ушах и земля надвигалась, точно брошенный мяч. Кожа начала гореть, ибо Джим стал метеором из плоти, чтобы умереть в пламени и дыме и муках задолго до того, как достигнет земли.

— Господи, — вскричал он, — никто из мучеников твоих еще не сгорал так!

И стоило словам сорваться с его губ, как чья-то рука взяла его за плечо и остановила падение, остудив раскаленный воздух. Джим парил в воздухе. Обернувшись, он увидел перед собой рыжие волосы, синие глаза и орлиный нос Исаака Сигмена, Предтечи.

— Теперь, — сказал Сигмен, и голос его был воркованием голубки, — когда твой хозяин предал тебя, и ты воочию узрел, что нет ничего, кроме мира сущего, и спасен был истинным пророком, путником времен, основателем церкводарства, что спасет человечество, ты не можешь не узреть, в какой лжи провел жизнь свою, и должен отныне способствовать трудам последователей Предтечи, дабы исправить плоды злонамеренных своих попыток обратить верносущее во мнимое.

И хотя Джим Крю не мог отличить своих видений от реальности — обманутые чувства не могли помочь ему в этом, — он понял, что искушают его, как не искушали никого прежде.

— Господи, — вскричал он, вырываясь из цепкой хватки Предтечи, — Господи, помоги мне, иначе погибнет душа моя!

И тут по ушам Лейфа ударил такой разряд статики, что он сорвал наушники с головы. Но это не помогло — с дальней стороны площади на него обрушилось нечто неощутимо-тяжкое. Сознание его захлестнула ослепительная вспышка света. Он рухнул на пол, не слыша криков Аллы и Авы, не чувствуя, как они поднимают его на ноги. Потом свет померк, и Лейф пришел в себя.

Не обращая внимания на вопросы и протесты, Лейф подскочил к мыслеприемнику, встряхнул головой и вновь надел наушники. Как он и ожидал, мозг Джима Крю был мертв.

Пошарив лучом, Лейф нацелился на голову теха, снимавшего шлем и бежавшего в камеру, где лежал банту. Техник говорил вслух, и понять его было легко.

— Не знаю, что случилось! — доносили семантические волны. — Он реагировал, как планировалось. Только мы дошли до той части, когда Предтеча говорит, что он предан — и тут все стрелки взлетают вверх на секунду, а потом падают до нуля! Этот парень выплеснул нечеловеческое количество энергии, больше, чем я считал возможным.

Лейф подвигал луч и нашарил второго теха.

— Он мертв. Что с ним было? Инфаркт?

— Непохоже. Посмотри — он улыбается. Во имя Сигмена, о чем же он думал перед смертью?

Лейф решил, что с него хватит.

— Пошли отсюда, — сказал он, снимая наушники. — Потом все расскажу.

Мужчина, впустивший их в комнату, отказался спускаться с ними в подземку. У него была, как он сказал, своя нора. Ава, поколебавшись, согласился пойти с Лейфом и Аллой. Ушли они немедленно. О мыслеприемнике Лейф не беспокоился — машина взорвется, стоит уззитам вскрыть ее.

Всю дорогу Лейф был задумчив.

— Я ведь был единственным здесь, — бормотал он, спускаясь по скрипучей лестнице общинного дома, — кто встречался с Джимом Крю... пусть даже наш контакт был недолог. Техи не видели его мыслей, они просто скармливали его мозгу картинку и считывали реакцию организма.

Но когда его... озарило... я воспринял часть его видения. Не через приемник — напрямую. Энергия, мысленная ли или иная, при наличии проводника перетекает от более заряженного тела к менее заряженному — ко мне. Нашим первым проводником была машина; вторым — память о мысленном контакте. — Он потряс головой, точно стремясь отогнать навязчивые воспоминания. — Я видел то же, что и он. Это не было наяву — не так, как я вижу свои руки и ноги. Разум работает со знаками, символами; в эту последнюю вспышку вложилась вся личность Джима Крю. Мы с ним видели его собственное отражение... суть, не сущность. — Он снова покачал головой и прошептал: — Но кто был тот темнокожий бородач, шагнувший из света и протянувший Джиму руку? Да был ли он, или мне примерещилось...

Он пригладил волосы, подергал непокорную прядь и понял, что ответа на этот вопрос он не узнает никогда.

ГЛАВА 22

В убежище банту беглецов встретили двое дежурных. Ава запротестовал, что не хочет идти с ними, но Лейф ответил, что иначе заставит его силой. Если исчезнут они оба, Роу может еще решить, что отступника арестовали и отправили к Ч. А вот если Ава донесет ему, что случилось на самом деле, Роу попытается задержать Лейфа. Как только Лейф и Алла поднимутся на борт идущей в Африку подводной лодки, Ава будет свободен.

Примитивы встретили их приветливо. Покуда пришельцев кормили, был собран совет. Банту решили перебраться в новый штаб, а Лейфа с Аллой и еще нескольких человек

поселить на корабле до отправки. Им повезло — космоплан должен был отправляться через день, а до следующего рейса прошел бы еще месяц.

После еды банту помолились за упокой души Джима Крю.

Лейф и Алла сочувствовали им, но беспокойство мешало им принять участие в поминовении. Около трех часов ночи, когда до переезда оставались считанные часы, из дальних туннелей примчался часовой с дурными вестями.

Узнав, что Алла сбежала с Баркером, Даннто и Кандельман начали самую большую облаву за последние годы. Приготовления к ней шли уже давно, и теперь уззиту был дан вожделенный повод. Кандельман пустил в ход не только парижские подразделения, но и несколько тысяч уззитов из окрестных провинций — с собаками, огнеметами и газовыми гранатами.

Лейф побеседовал с часовыми. Те сообщили, что глава уззитов пытался провести своих людей в туннели тайно, под покровом ночи, но скрыть такое число охотников от сверхчувствительных банту было невозможно. Облава еще не скоро достигнет окрестностей их убежища, но Кандельман намеренно начал охоту с периферии, чтобы кольцо его армий, постепенно сжимаясь, сомкнулось в центре города, загоняя подпольщиков, точно кроликов.

Лейф подумал, что это будет не так легко. Париж был огромным городом — вдвое больше, чем город двадцатого столетия, и система подземных ходов под ним была сложна и многослойна. Но пусть охотники еще нескоро доберутся до убежища примитивов — когда кольцо сомкнется, сквозь него не проскочит и мышь.

Совет собрался вновь. Банту надеялись, что им удастся пересидеть облаву на поверхности, но Лейф развеял эти надежды. Уззиты, несомненно, уже патрулируют улицы и туннели метро в надежде, что их добыча так и поступит. Оставалось лишь два пути. Первый — надеяться, что охота пройдет мимо. Второй — сесть на космоплан, поджидающий на дне Сены. В первом случае надежды не оставалось — если их все же найдут, бежать будет некуда. Но и второй путь был опасен, поскольку никто не знал, удалось ли Кандельману пытками вырвать у Джима Крю сведения о корабле.

Лейф предпочел бы космоплан. Он надеялся пожить с Аллой в стране банту, а потом начать переговоры о возвращении в Пограничье. Если родина все же откажется от него, они могут остаться в Африке или перебраться в Израиль.

Члены семейства переглянулись, впитывая чувства друг друга. Разделиться было немыслимо — они или останутся в убежище вместе, или вместе уйдут. Лейф не мог не подумать, что видит логическое завершение демократии: никаких

бюллетеней, голосов «за» и «против», речей и взяток и призывов к высоким чувствам. Банту брались за руки — хотя и это необязательно — и *ощущали* свое решение.

«Голосование» заняло меньше минуты. Группа покидала Париж. Останься они, их мученичество было бы напрасно, поскольку народ Гайяака не узнает о нем и не просветится. Да, покинув Париж, вернуться будет непросто — но все-таки возможно. Кроме того, банту были уверены, что планы пограничников увенчаются успехом и рано или поздно Гайяак падет.

Все уже было собрано — одежды надеты, еда уложена в корзины. Через двадцать минут отряд выступил в путь.

Лейф спросил: «А как же тимбуктанцы?» Ему ответили, что с этой группой банту потеряли контакт с тех пор, как доктор Дзюба оскорбился. Но если у тимбуктанцев не найдется запасного выхода, они будут пойманы и расстреляны или отправлены к Ч.

Прибежал запыхавшийся часовой с сообщением, что отряд охотников пробрался в подземелье тем же путем, что и Лейф, — через уборную в метро. Другой часовой принес весть, что второй отряд приближается с другой стороны.

— Они хотят взять нас в клещи, — процедил Лейф.

Он быстрыми шагами прошел в комнату, за одной из стен которой таился вход. Он установил здесь бомбу, которая взорвется, стоит четвертому охотнику войти сюда. Из всего отряда оружие при себе имели лишь Лейф, Ава и Алла. Дикари готовы были скорее умереть, чем обагрить руки кровью.

Возвращаясь на свое место в голове колонны, Лейф на секунду остановился рядом с Анади, девочкой, которую он оперировал. Она лежала на руках одного из своих отцов. На бледном личике, крохотном по сравнению с белым комом бинтов, ярко сияли огромные глаза.

— Трудно поверить, что ты выжила, — сказал Лейф.

— Да, — прошептала Анади со слабой улыбкой. — Я выжила, чтобы умереть со всеми.

Лейф не стал спрашивать, что она имеет в виду. Это было ясно и так.

— Я был слишком занят, чтобы выяснить, как ты оказалась на месте гибели первой Аллы, — проговорил он. — Скажи, что имел в виду Джим Крю, говоря, будто ты знала, что Алла попадет в аварию? И что я вылечу тебя, когда тебя ранят?

— Ну, как вам объяснить? Я знала госпожу Даннто, потому что я первой обратила ее в нашу веру. Я крестила ее любовью.

— Если бы КХВ знал об этом, ее бы тоже отдали под трибунал...

— Да. Но в тот день, когда она погибла, я *ощутила*, как она поступает неправильно. Я торопилась предупредить ее и все равно опоздала. Выбежала на дорогу, и такси меня сбило. А вы... о вас мы давно все знали.

Лейф взял ее за руку и почему-то почувствовал себя сильнее.

— Ты странная девочка.

— Не такая странная, как ты, Лев-Лейф Барух-Баркер.

Больше он ее не видел...

Отряд брел узкими сводчатыми проходами. Кое-где Лейфу приходилось помогать Алле перебираться через завалы там, где не выдержали стены или потолок. Они как раз задержались у одного из завалов, когда земля дрогнула и по туннелю прокатилась волна рокота.

— Бомба, — мрачно проговорил Лейф. — Теперь они будут осторожнее.

Отряд вышел в просторный подземный зал, потолок которого поддерживали бетонные и деревянные опоры. Банту настояли, чтобы трое агентов шли отдельно, кратчайшей дорогой. Если охотники все же нагонят отряд, банту задержат их, пока трое агентов пробиваются к кораблю. Что же до семьи, она могла и жить, и гибнуть лишь как единое целое.

Лейф не стал спорить. Он стремился выжить. Его удивило, однако, когда девушка, которую он прозвал Пеструшкой, вызвалась проводить их. Его тронул этот жест — из симпатии к нему она отделила себя от группы, хотя для нее это было то же, что лишиться руки.

— Спасибо, — сказал он. — Это большое самопожертвование с твоей стороны.

— Не слишком, — ответила она. — На корабле мы встретимся вновь.

Вот тогда Лейф и понял, что он больше никогда не увидит остальных банту. Беззвучным голосованием группа решила, что, раз облава нагонит их все равно, они отдадут свои жизни, спасая троих агентов Пограничья. И Пеструшка об этом знала.

Четверо беглецов свернули направо, но не прошли и сотни ярдов, когда сзади послышались лай собак и крики. Они перешли на бег, зная, что скоро преследователи устремятся за ними.

На перекрестке четырех коридоров они остановились только потому, что Алла едва не падала от усталости. Издалека доносились выстрелы.

— Они убивают нас! — вскрикнула Пеструшка отчаянно. — Они убивают нас без жалости!

Она приникла к груди Лейфа и разрыдалась. Доктор неловко похлопал ее по спине и сказал:

— Ничего не поделаешь. Надо уходить, иначе нас тоже схватят.

Всхлипывая, Пеструшка двинулась дальше.

Ушедшая вперед Алла внезапно, завизжав, рухнула на колени. Лейф подскочил к ней, готовый пристрелить лежащего на земле человека, когда увидел, что это раненый банту. Он отложил пистолет, готовый помочь лежащему, и вдруг понял, почему кричит Алла.

То был один из обитателей тьмы.

Даже истекающий кровью от раны в плечо, он все же сумел уловить излучаемые мозгом Аллы образы, усилить и отразить их. И глубоко засевший в душе девушки страх преобразился в нечто поистине ужасающее.

— Пойдем, брат, — произнесла Пеструшка, склонившись над лежащим. — Мы поможем тебе.

Обитатель тьмы глянул на нее — изо рта текла слюна, но голубые глаза пронизывали ее душу до самых глубин — и поднялся на ноги.

Лейф хотел было запротестовать — ему казалось, что раненый безумец только задержит их. Кроме того, этот человек был от природы убийцей. Пусть сдохнет. Но Пеструшка подхватила раненого под мышки, помогая ему идти, и Лейф устыдился своего порыва. Он пытался извиниться, говоря, что слишком испугался за Аллу, но он и сам знал, что рационализирует. Его просто захлестнул панический ужас бегущего зверя.

Шум позади становился все громче. На следующей развилке Пеструшка остановила их.

— Отсюда пойдете сами, — сказала она. — Сворачивайте направо на каждой второй развилке. Поняли? Налево, потом направо, потом опять налево.

— Если ты собралась остаться тут и провести их по ложному следу, забудь, — ответил Лейф. — Будем держаться вместе.

— Я мертва уже наполовину, — ответила Пеструшка. — Я умерла с моими товарищами. Мне легко соединиться с ними. Идите. Вам меня не остановить.

Баркер не стал колебаться.

— Мы никогда тебя не забудем, Пеструшка, — выдохнул он, обнимая ее, — и... мы тебя любим.

— Ты найдешь меня миллион раз в стране банту, — ответила она. — Я живу в моем народе.

Лейф не верил ей, но был слишком подавлен, чтобы возражать.

— Пошли, — бросил он, поворачиваясь.

Попрощавшись с Пеструшкой, Ава и Алла последовали за ним. Обитатель тьмы помотал головой, пробормотал что-то на суахили и поковылял за троими беглецами.

Пеструшка осталась ждать гончих...

Десятью минутами спустя Лейф понял, что ей удалось по крайней мере разделить охотников. Когда они выходили из длинного прямого туннеля древней подземки, он увидел в дальнем конце лишь небольшой отряд — одного пса и два десятка охотников. Но в первом ряду шли плечо к плечу тощий сутулый Кандельман и кабанообразный Даннто. Ныряя в тень проема, Лейф успел заметить, что охотники вооружены миниматами, способными выпустить без остановки сотню пуль. И каждая пуля могла проделать в человеческом теле дыру, куда свободно пройдет палец.

Лейф и сам был вооружен, но стрелять не стал в надежде, что преследователи не заметят его. Догнав остальных, он обнаружил, что Алла хромает. Она объяснила, что подвернула ногу, споткнувшись об обитателя тьмы. Алла бодрилась, но оба ее спутника понимали, что скоро она идти не сможет.

Лейф обнял ее за талию, чтобы она могла опираться о него, но быстро понял, что это не поможет. Тогда, невзирая на протесты девушки, Лейф взял ее на руки и понес. Он всегда гордился своей силой, но высокая и крепкая Алла оказалась грузом, который и Самсон не счел бы легким. Лейф пытался двигаться полубегом. Это помогло, но не слишком. Крики и лай позади становились все громче. Погоня приближалась.

— Стой, — бросил Ава.

Начинавший задыхаться Лейф с радостью повиновался.

— Чего тебе? — спросил он. Вопрос был риторический — Лейф уже понял, на что решился его спутник.

— Я их задержу, — ответил Ава. — Ты пока иди вперед. А я потом догоню вас.

— Ава, — проговорил Лейф, — никакого «потом» не будет

Ава начал было возражать, потом покачал головой и улыбнулся.

— Ты прав. Но я все равно не могу ехать в Африку. Как мне тогда доказать, что я не дезертировал с тобой? Будет трибунал, позор падет на мою мать, жену, ребенка. А если я умру здесь, КХВ сделает меня героем. Мне все равно не жить, а мертвый герой лучше мертвого предателя.

Тебе-то есть ради чего жить, хотя я никогда бы не коснулся этой... этого существа. Беги, Лейф. Удачи. Не думаю, что ты будешь с ней счастлив, но, кажется, она тебе и нужна.

— Жаль, что ты думаешь так об Алле, — ответил Лейф. — Но тут ничего не поделаешь. Шалом, Ава.

— Если тебя пустят в Пограничье, Лейф, повидайся с моим сыном. Ему сейчас одиннадцать. Скажи ему, что я умер достойно. Шалом.

Лейф начал было снимать наручный передатчик, но Ава сказал, что Лейфу эта штука нужнее. Баркер подхватил Аллу на руки и ушел, не в силах обернуться. Раненый банту следовал за ним.

Через несколько минут позади загремели выстрелы; гремели долго, а потом их погасил могучий, всесокрушающий гром.

— Это был Ава, — выдохнул Лейф. — Он взорвал себя.

А еще чуть позже за его спиной замерцали фонари. Решив, что дальше он Аллу не унесет, Лейф положил ее за грудой кирпича. Банту рухнул рядом, кажется, без сознания. Лейф не слишком огорчился: он побаивался эффекта «мысленного зеркала», хотя пока вреда от него было немного — частью потому, что обитателя тьмы отвлекала боль, а частью — потому, что на тех, кому нечего скрывать, его чары действовали слабее. Алла легко и свободно смеялась, плакала и любила, не связывая себя подсознательными запретами. Такие люди не таят в душе черных, гнилых зерен.

Крики раздавались совсем близко. Отряд появился из-за угла шагах в сорока от завала, и Лейф дал очередь из минимата. Двое упали, остальные скрылись за поворотом. Лейф огорчился, что не задел ни Канделмана, ни Даннто, но этого следовало ожидать. Наученные горьким опытом, они пустили вперед подчиненных, чтобы те приняли огонь на себя. Правда, теперь у них остался всего один подручный.

Фонари за углом погасли. Это значило, что гайки или собрались напасть на него в темноте (что сомнительно), или что у них есть ночные очки. Эти приспособления помогали видеть в темноте, но имели серьезный недостаток — в них нельзя было понять, не навел ли противник свой фонарь на тебя.

Лейф решил не дожидаться атаки. Жестами он приказал остальным отползти дальше по туннелю, за следующий угол, и неслышно последовал за ними.

Минутой позже туннель от одного поворота до другого залил ослепительный свет: блескбомба. Останься беглецы на прежнем месте, им выжгло бы сетчатку

ГЛАВА 23

По коридору пронеслось эхо шагов. Уззит с фонарем в руке подбежал к завалу, считая, что жертвы беспомощны. Лейф подождал секунду, надеясь, что остальные двинутся за ним; не

дождавшись, застрелил противника и бросился к нему. Он намеревался схватить фонарь и выманить Даннто и Кандельмана из-за угла. Если бы они только вышли...

Кандельман так и сделал. Он выстрелил первым, и, хотя Лейф вовремя бросился в сторону, струя пуль вышибла пистолет из его руки. Минимат упал на пол рядом с фонарем. Рука врача онемела от страшного удара. Лейф выругался, сжимая запястье другой рукой. Он чувствовал себя совершенно беспомощным.

Прижавшись к стене, Лейф надеялся, что Алла выстрелит. Действительно, грохнул ее пистолет, потом до Лейфа донесся напряженный голос:

— Я не попала, Лейф! Он за углом!

— Если высунется — стреляй! — крикнул он.

— Даннто! — заорал Кандельман. — Баркер бросил оружие! Расстреляй фонарь, чтобы Алла меня не видела, тогда я его достану!

— Алла, если он выстрелит, — взревел Лейф, — включи свой фонарь и, стоит ему высунуться, — пришей его к стене!

Даннто все же осмелился высунуть из-за угла хотя бы руку — хлестнула струя пуль, нашаривая фонарь. Стекло разлетелось вдребезги, но Даннто продолжал палить, удерживая Аллу в укрытии. Это удалось ему — второй фонарь так и не зажегся, — но и Кандельман не осмеливался перепрыгнуть через завал, чтобы не подвернуться под пулю.

Лейф ждал, понимая, что кажущийся неистощимым магазин Даннто когда-нибудь опустеет. А вот тогда Алла включит свет, а уззит высунет руку из-за завала и начнет палить туда, где прячется Лейф. Исход будет зависеть от того, что произойдет первым.

Прижимаясь к полу, чтобы не попасть под смертоносный дождь, он придвинулся к стене, поднес к губам наручный передатчик и произнес кодовое слово. Сотрясение воздуха вызвало резонанс; внутри механизма приподнялся крохотный диск, удерживавший на месте крохотный рычажок. Лейф нажатием кнопки запустил передатчик.

Пистолет Даннто смолк. Наступила секунда тишины, потом до Лейфа донесся полный ужаса, боли и отчаяния крик:

— Алла!

И вновь тишина. Сердце Авессалома Даннто остановилось навсегда.

Посланный передатчиком Лейфа импульс взорвал оставленную врачом во время операции химическую бомбу. Компоненты смеси соединились, образовав паралитический яд, остановивший сердце уриэлита.

Лейф убил Даннто до того, как тот расстрелял все патроны, зная, что Кандельман, прекрасно знакомый с оружием, тоже ждет этого момента, считая секунды, чтобы напасть, не опасаясь подвернуться под пулю впавшего в истерику Даннто. Лейф надеялся застать уззита врасплох.

Он бросился к завалу вдоль стены, и в тот же миг какой-то бес подтолкнул руку Аллы: она включила фонарь, и свет выхватил фигуру Лейфа из темноты. Кандельман и мечтать не мог о лучшей мишени. Лейфа можно было расстрелять, как мишень в тире.

Но уззит перехитрил себя. Он тоже выскочил из-за завала, надеясь застать врасплох Лейфа. Чтобы прицелиться в бегущего Баркера, ему пришлось повернуться, и Лейф скрылся за углом в тот самый миг, когда по стене полоснула очередь. Кандельман сориентировался мгновенно. Алла не могла стрелять, боясь попасть в Лейфа. Зная, что агент безоружен, он решил сперва расправиться с девушкой.

Последний прыжок привел Лейфа туда, где прятались раньше Даннто и Кандельман. Выглянув, он увидел силуэт уззита в луче фонаря Аллы. Униформа уззита была порвана; мундир висел клочьями, башмаки расползались, брюки разодраны по швам. На спине виднелось темное пятно; Лейф предположил, что ожог.

Кидаясь на врага сзади, Лейф успел заметить, как фонарь вылетел из руки Аллы и откатился в угол, осветив ее. От удара фонарь не выключился, но Алла не сделала и попытки подобрать его. Стрельба тоже прекратилась.

Лейф взревел от ярости и гнева. Должно быть, Алла ранена... или мертва...

В следующий миг рукоять пистолета Кандельмана вынырнула из темноты и ударила его в висок, отправив Лейфа во тьму еще более глубокую.

ГЛАВА 24

Когда Лейф очнулся, ему показалось, что в черепе у него торчит топор. Руки его были скованы. Спину холодили сырые кирпичи стены. Алла, тоже в наручниках, сидела напротив. На щеке ее засохла кровь. Очевидно, осколок кирпича, выбитый из стены пулей, оглушил ее, не нанеся серьезной раны.

Между ними стоял Кандельман. Уззит пытался вызвать кого-то через наручный передатчик. Фонарь его лежал на выступе стены так, чтобы освещать всех.

На самой границе круга света виднелись босые грязные ноги обитателя тьмы — мертвого или полумертвого, потому что оков Лейф не заметил.

— Ну что, Жак Кюз, — произнес Кандельман, очевидно, потеряв надежду получить ответ от передатчика, — решил вернуться к жизни?

На ухмылку у Лейфа не хватило сил.

— Как ты догадался, кто такой Жак Кюз? — спросил он.

— Я был глуп, признаюсь, — произнес уззит. — Меня слишком долго водили за нос. Но теперь, когда Даннто мертв, об этом никто не узнает. А ты никому не скажешь. После посещения Ч. А Алла никого больше и не увидит — кроме меня.

Лейф сглотнул. Кандельман вполне мог заявить, что Алла погибла во время облавы, и спрятать ее в каком-нибудь тайнике.

— И что ты выяснил? — осведомился он.

Лицо уззита ничего не отразило, но в голосе его прорезались триумфальные нотки.

— Если бы я знал французский, я догадался бы сразу же. Но откуда мне было его знать? В наши дни могучей науки человек даже свою специальность освоить до конца не может, не говоря уже о языке, мертвом много столетий. Так что когда я впервые услыхал имя Жака Кюза от пленного пограничника, я подумал, что это и вправду имя француза, члена парижского подполья, а попадавшиеся тут и там инициалы J. C. только убеждали меня в этом.

Ты знаешь, что я составил целый отчет по этим инициалам, что я обращался к лингвисту. Его ответ только сбил меня с верного пути; полагаю, он тоже был из ваших людей. Перед самой облавой я приказал его арестовать. Но хватит о нем. Ты знаешь, что я пытался связать J. C. с греческими IX, начальными буквами слова «рыба», интерпретируя их как «Иоаннос Хусис» или «Иоанн Поток». В своем нетерпении я притянул за уши первое попавшееся объяснение. Я не знал, что в Париже действуют две африканские подпольные церкви — Святая Тимбуктанская, чей символ — рыба, и церковь примитивов, для которых J. C. — инициалы не только их мифического Основателя, но и реального создателя — Жикизы Канду.

Лейф осторожно оглядывался, пытаясь найти хоть какой-нибудь способ спастись, и не находил ничего. Ноги банту чуть подергивались — похоже было, что в агонии.

Кандельман опять попробовал наладить связь — безуспешно. Потом он взял Аллу за подбородок, чтобы посмотреть ей в глаза, но она плюнула уззиту в лицо. Он медленно стер плевок, отвернулся и продолжил объяснять Лейфу — словно для того, чтобы доказать агенту его глупость.

— Я уже давно подозревал тебя, — сказал он. — Да, ты носил свой ламед, но в наше убогое время этот знак стал

осквернен. Были дни, когда только тот, кто неуклонно придерживался законов церкводарства, мог пройти элохиметр. А нынешняя иерархия пользуется им ради поддержания собственной власти. У отцов-ламедоносцев очень часто бывают сыновья-ламедоносцы — намного чаще, чем это можно объяснить простым совпадением.

Кроме того, я был совершенно убежден, что Алла погибла в той аварии. Когда ты сказал мне, что она лишь легко ранена, я чуть не сломался.

— А с виду и не сказать было, — заметил Лейф, бросив короткий взгляд на обитателя тьмы. Нога определенно шевелилась.

— Я превосходно владею собой, — ответил Кандельман. — Я воспитан преданным последователем Сигмена, да будет верно имя его. Всякое чувство омерзительно, а уж его проявление... — Он запнулся, перевел дыхание и продолжил: — Да, я подозревал тебя, а особенно — после случая с двумя Ингольфами. Я, конечно, верю в путешествия во времени, но эта история показалась мне не слишком достойной доверия. Хотя и возможной.

Что касается Траусти и Палссон, то я допросил их, но твой ламед их загипнотизировал. Они видели изуродованное тело Аллы, но, поскольку ты сказал, что она ранена легко, перестали верить своим глазам.

— Типичные гайки, — отозвался Лейф. — А чего еще ожидать в стране, где последнее слово принадлежит власти, а та меняет свои взгляды каждые пять минут?

— Пока что можешь поносить нас. Когда ты выйдешь от Ч, ты будешь истинно верующим, как все мы.

Лейфа передернуло. На мгновение ему показалось, что его стошнит от такой перспективы, но он подавил рвотный позыв — банту тихо сел. Может быть, он... нет, драться он не станет.

— Жак Кюз преследовал меня днем и ночью, — продолжал уззит. — Днем он не выходил у меня из головы, а ночью являлся в кошмарах. Но меня все время мучило ощущение, что я пропустил какую-то важную улику, деталь, которая позволит мне раскрыть всю его организацию.

Вернувшись из Канады, я решил докопаться до самых корней, не знать ни сна ни отдыха, пока не выясню все, что смогу. Сутки просидел я в Парижской библиотеке. Я прочел краткую историю Франции. Я взял французский словарь и, овладев произношением, начал искать в нем «cuze» и «couze», решив, что это может оказаться кличка, имеющая символическое значение. Но такого слова в словаре нет.

Я нашел все значения имени Жак. Не подходило ни одно. Я решил, что пошел по ложному следу. Этот человек сводил

меня с ума, и мне это не нравилось — я не люблю, когда кто-то или что-то влияет на меня.

— Даже Алла? — поинтересовался Лейф.

— Закрой свою поганую пасть! Слушай! И учись! Вам, пограничникам, при всей вашей хитрости, не сравниться с нами. Многоложество ведет вас к гибели!

Я сел и задумался. «Должен же быть некий общий фактор, — сказал я себе, — который связывает все действия Жака Кюза, что-то, выдающее его с головой». Я попытался отрешиться от всех предубеждений и посмотреть на события объективно. Я спросил себя — откуда сегодня исходит наибольшая опасность Союзу? — и понял, что за любой серьезной угрозой стоят скорее всего агенты Корпуса Холодной Войны. Самая большая наша проблема сейчас — поддержание техники и производства на должном уровне. К Ч отправляется так много техов, врачей, ученых и администраторов, что Союз едва сохраняет целостность. Многие юноши отказываются получать специальное образование, боясь ответственности или ложного обвинения. И все же я не нашел тогда ответа.

В отчаянии я решился вызвать еще одного лингвиста, чтобы тот попытался раскрыть тайну зловещего имени. К тому времени мои люди уже схватили Джима Крю. Я обратил внимание на схожесть инициалов и попытался выяснить, а не тот ли это человек, которого я ищу. Но оказалось, что его фамилия — всего лишь искаженное название племени кру, откуда он происходил. Я, конечно, выжал из него, что ты по доброй воле согласился оперировать его дочь. Я сразу же послал людей в больницу, но они опоздали. А потом Даннто сообщил мне, что исчезла Алла.

События понеслись вскачь. Я начал организовывать облаву, когда в Париж прибыл затребованный мною лингвист.

Это был единственный в Союзе специалист по французскому языку. Забавно, но жил он на Гаити — в одной из горных деревенек на острове продолжают говорить на этом языке, пусть немного искаженном. Мне пришлось разыскать его и доставить в Париж.

Если бы Лейфа не подташнивало от сотрясения мозга, он рассмеялся бы. Кандельман расхаживал по туннелю взад-вперед — почти комическая фигура, в лохмотьях и пороховых ожогах. Но своим упорством и фанатизмом это пугало и внушало ужас.

А еще Лейф заметил, что обитатель тьмы сидит, пуская слюни и повесив голову. Рана его кровоточила. Если Кандельман и обратил внимание на негра, то виду не показал.

— Выслушав меня, лингвист попросил меня произнести имя. Я так и сделал. Этот козл осмелился расхохотаться, а потом объяснил мне очень простой секрет.

В первый раз за все время Кандельман выказал хоть какое-то чувство. Губы его презрительно скривились, голос заполнил туннель.

— Вся тайна укладывалась в одно слово — вернее в два. Я узнал, почему наши техи так часто попадают к Ч, что тамошние ребята не справляются с работой, почему падает производство и загнивает наука!

Слава Богу, подумал Лейф, что этот маньяк не догадался, что и суета вокруг Конца Времен — наших рук дело. Это гаек и сгубит. Когда дюжина Сигменов явится в один день, гражданская война разорвет Союз в клочья. А разруха, начатая Жаком Кюзом, довершит распад церковдарства — так Лейф, во всяком случае, надеялся.

— Ты думал, что это сойдет тебе с рук, Баркер! — почти визжал Кандельман. — Ты хихикал себе в кулак, проворачивая свои делишки под нашим носом! И все это время тебя спасал дурацкий каламбур! Сигменом клянусь, я сразу должен был заподозрить тебя! Если бы только я с самого начала пригласил этого лингвиста! Стоило ему сказать два слова, и я понял все, я понял, кто стоит за этим!

— J'accuse!* Ж'аккюз! — заорал он, тыча в Лейфа пальцем. — Вот как вы, пограничники, пытались погубить нас — ложными доносами!

— Да, — Лейф хохотнул. — В вашей стране достаточно послать полиции анонимный донос, и жертва обречена. Вот и все.

— Ты слишком долго смеялся, пограничник! — вскричал Кандельман, размахивая оружием. — Когда мы покончим с тобой, ты уже не будешь смеяться. Ты будешь думать, что веселье неуместно, пока Сигмен не воцарился во славе. Тебе больше не хихикать за нашими спинами. И ты с ужасом будешь вспоминать имя Жака Кюза!

Банту застонал — видимо, крики уззита привели его в сознание. Кандельман, развернувшись, жестоко пнул раненого в голень.

— Грязный дикарь! А твои сородичи не станут больше ползать под нашими улицами, отравляя наши мысли!

Лейф не сводил с обитателя тьмы взгляда — и оттого заметил, как тело его расплылось, превращаясь в нечто ужасающее. Очевидно, круг обратной связи не был совершенно

---

* Я обвиняю *(фр.)*. Во времена Великой Французской революции этими словами начинались анонимные доносы, отправившие на гильотину десятки тысяч человек.

замкнут, и в мозг Лейфа просачивались отголоски образов, которыми обменивались Кандельман и банту. Как бы там ни было, Лейфу потребовалось отвернуться, чтобы разорвать эту связь.

Но отвернулся он лишь на секунду — слишком завораживающим было то невыразимо гнусное, что представилось ему в короткие секунды контакта. В это мгновение Лейф переживал то же, что и Кандельман. Повернувшись вторично, он увидел лишь физическое тело банту; странное мерцание исчезло. Обитатель тьмы сосредоточился на Кандельмане, и отблески образов погасли.

Уззит уронил оружие, прижался спиной к стене, цепляясь за нее, как за последний островок надежности в рассыпающемся мире. Вечно сутулая спина выгнулась назад от немыслимой боли, колени подкосились. С лица слетела непроницаемая маска, обнажив гримасу немыслимого страдания.

Лейфа трясло. Он заглянул в тот ад, где мучился сейчас Кандельман — и где остался бы сам, не отвернись вовремя.

Каждую мышцу в теле уззита свела судорога, кровь прилила к лицу, разрывая сосуды. Потаенные желания и стремления, подавленные импульсы и мысли, всю жизнь копившиеся в казематах мозга, рвались на свободу, ощутив ее вкус, — но обитатель тьмы ловил их, накачивал новой силой и швырял обратно.

А Кандельман, несчастная жертва, неспособная выплеснуть их — потому что в жизни своей он ни разу не плакал, не смеялся, не пел и не любил и даже не ненавидел толком, — корчился теперь под грузом собственной душевной тьмы. Глаза, уши, рот, нос, каждая пора кожи сочились кипящим ядом, ищущим выхода.

Лейф смотрел на это, пока хватало сил. Потом он поднялся, подобрал минимат и выстрелил уззиту в висок. Тот, без сомнения, поблагодарил бы агента за это.

Лейф снял с пояса Кандельмана ключи, расковал Аллу, а та освободила его. Вместе они поковыляли по туннелю, зная, что корабль дождется их.

Позади сидела на корточках рядом с трупом, размышляя о плодах трудов своих, одинокая фигура. Он отказался идти с ними. Умирая, он цеплялся за родной влажный мрак бесконечных туннелей.

Он навсегда останется обитателем тьмы.

ГЛАВА 25

Пройдя еще несколько миль и не встретив на пути никого, кроме пары крыс, беглецы добрались до указанного Пеструшкой места. Лейф выстучал по кирпичной стене сигнал, и

приотворилась потайная дверь — ровно настолько, чтобы впустить человека. Внутри их встретил высокий человек в тюрбане, внимательно следивший за пришельцами через прицел, пока Лейф не сказал пароль. Это был пилот, Соча Ярни, малаец родом из Калькутты, который должен был вывести космоплан по Сене в Атлантику.

Корабль был маленький. Лейф и Алла примостились на коврике, прижавшись спинами к вечносплавовой переборке. Вокруг толпились два десятка тимбуктанцев и группа примитивов из другой колонии, находившейся на западной окраине Парижа. Лейф немного удивился, увидев их вместе, но сидевший рядом доктор Дзюба просветил его. Как ни отличались по своим верованиям тимбуктанцы и банту, но в Париж они проникали на одном корабле.

Лейф и Алла долго молчали. Накопившаяся за сутки усталость, медленное движение корабля, постоянные остановки, запах набитых в тесном, замкнутом пространстве человеческих тел вызывали раздражение, нервозность и не свойственную им мрачность.

Наконец Алла положила голову ему на плечо и прошептала:

— Боюсь, ты еще пожалеешь о том, что сделал.

Лейф подавил желание огрызнуться, но она была слишком чувствительна, чтобы не услышать непроизнесенной отповеди.

— Я думал, что для тебя могу весь мир отдать, — произнес он вслух и тут же понял, что сделал это зря. По груди его потекли слезы.

— Прости,— выдохнул он, обнимая ее. — Я не хотел смеяться над тобой. Я хотел сказать, что не мог поступить иначе. Потому что иначе я потерял бы тебя — а я не мог этого сделать. Смешно... никогда бы не подумал, что смогу так влюбиться.

— Я так счастлива, — всхлипнула она, — что ты так говоришь. Но из-за меня ты стал изгнанником, тебя назовут предателем. А как же твои родители, твои друзья?

— Знаешь что, — ответил он, — давай я все объясню сейчас, потому что потом я не потерплю никаких сожалений, душевных мук и прочего самокопательства. Я ненавижу жалость к себе — это чувство жрет тебя изнутри. Поняла?

Алла не подняла головы, но Лейф ощутил, как она кивнула.

— Хорошо. Так вот — родители мои мертвы, а друзей нет. Я двенадцать лет не был в Пограничье. Двенадцать лет отдал борьбе ради своей страны — нет, ради человечества, потому что я не верю в границы и надеюсь, что, когда холодная война будет выиграна, придет конец и этим искусственным образованиям, разделяющим людей... хоть это и сомнительно.

Единственными соотечественниками, с кем я общался, были Ава и Зак Роу. Все остальные остались для меня смутными тенями — голоса, руки, лица, встреченные один-два раза. Единственным, кого я мог назвать своим другом, был Ава, да и то наши отношения сложились весьма странно. На втором году нашей совместной жизни я поймал себя на том, что думаю о нем как о «ней». Порой он настолько хорошо входил в роль, что мне приходилось напоминать себе: передо мной мужчина. Думаю, в последние лет пять Ава и сам начал думать о себе в женском роде. Потому-то, полагаю, он так и язвил в мой адрес. Ему приходилось отстаивать свое мужское начало, иначе он лишился бы его вовсе. С самого начала в нем была скрытая женственность, иначе он вовсе не мог бы играть свою роль. Но роль проглатывала его... Наверное, я всегда посмеивался над его платьями, чтобы напомнить, кто он на самом деле.

— А зачем ему было изображать женщину?

— А все из-за высокой морали генерала Ицковича из нашего родного КХВ. Он решил, что больницей должны руководить мужчина и женщина. Женщина присматривала бы за медсестрами и за женщинами-пациентками. Просто удивительно, сколько информации можно получить в родильном отделении. Логично было бы назначить на этот пост одну из наших шпионок, но генерал решил иначе. Он справедливо рассудил, что, как ни запрещай, если мужчина и женщина изображают супругов, то и спать они станут вместе. А так как сочетать меня законным браком ему никак не удавалось, он послал со мной Аву.

Если вдуматься, то точка зрения совершенно абсурдная. Чем приказ убить мужчину моральнее приказа переспать с ним?

На это Алла не ответила.

— Наверное, Ава очень страдал, — произнесла она.

— О да. Во-первых, он правоверный иудей, и от гайяакской пищи его тошнило. Во-вторых, он был женат, и все эти годы он не видел жену и сына. Ему оставалось терпеть совсем немного. Через шесть месяцев грянул бы Конец Времен, наша миссия завершилась бы, и мы отправились бы домой. Ава получил бы свою награду от благодарной страны.

Кроме того, его раздражало, что я сплю с кем ни попадя. В его мужской силе сомневаться не приходилось, но роль, которую он играл, и его вера связывали его. А больше всего его бесило, что большую часть этих женщин я укладывал в постель по прямому приказу того самого твердолобого генерала Ицковича. Повлияйте, дескать, на того-то иерарха через его жену, сестру или дочь... гнусно. Но пока это женщины врага, генерал не находил в этом ничего дурного. Но со своими ни-ни!

Честно говоря, я удивился, когда Ава сказал, что задержит уззитов там, в туннеле. Это на него непохоже. Он цеплялся бы за жизнь до последнего. Он ведь еще мог пробиться в Пограничье, к жене, к сыну.

— Я знаю, почему он так поступил, — пробормотала Алла. — Из-за меня.

— Тебя?

— Да. Он был мужчиной, я поняла это сразу. Его излучение, — она прикоснулась к рудиментарным антеннам, скрытым под копной рыжих волос, — отличалось от женского. И, как мужчина, он не мог не влюбиться в меня. Или хотя бы не захотеть меня.

Лейф напрягся, потом заставил себя расслабиться.

— Когда?

— Пока ты оперировал Анади, а мы ждали переезда в Канаду. Тогда он и сказал мне, что моя сестра мертва. Я ведь не сказала тебе, почему он ослушался приказа Роу: из мести, из желания причинить мне боль.

Понимаешь, он попытался изнасиловать меня, но я не позволила ему. Он потерял голову так же, как Кандельман — из-за моей сестры. Он кричал, что терпел слишком долго, что не может больше страдать, что я прекраснейшая женщина на свете и что он не может устоять передо мной. Не думаю, что в этом есть его вина. Измученное тело подчинило его себе.

Я сказала, что не хочу иметь с ним ничего общего. Его мольбы сменились угрозами, и наконец он крикнул, что моя сестра мертва. Я расплакалась. Чтобы успокоить меня, он дал мне гореутолитель и позволил выплакаться. Он ненавидел меня, и все же из-за меня он пошел на смерть. Думаю, нарушив собственный закон, он не мог больше жить. Он попытался искупить вину. Бедняга.

— Да. — Лейф погладил ее волосы. — И ты, бедная моя. Ты возбуждаешь страсть в каждом, кто видит тебя. Придется мне сторожить тебя ежеминутно!

— Не придется. Я люблю тебя, Лейф. И обманывать не стану.

— А я и не волнуюсь. Ты моя, и мне этого достаточно. Ты моя жена — или будешь ею, — моя страна, мой народ. Иного мне не надо.

Алла молча уткнулась лицом в его грудь, слишком счастливая, чтобы говорить. Он тихонько погладил крошечные чувствительные бугорки ее антенн.

— А что станет с Союзом? — спросила девушка, когда Лейф уже подумал, что она заснула.

— Сейчас расскажу. Понимаешь, Алла, от настоящей войны нас уже давно удерживает только то, что оружие всех

стран, кроме земли банту, слишком опасно для применения. Поэтому мы ограничиваемся холодной войной — союз Гайяак против всех остальных. Но больше всего с гайками борются пограничники и израильтяне. Пока что гайки ведут войну против Израиля с переменным успехом. Обе стороны надеются, что их КХВ усилят естественные слабости противника до такой степени, что, когда придет час решительного удара, страна развалится сама собой.

Слабость Израиля — в разногласиях между консерваторами и либералами. Гайки знают это и подогревают раздоры. Республики уже готовы расторгнуть конфедеративный договор и стать суверенными государствами, как это сделали Сефардия и Кем.

Но у противников Союза есть преимущество. Мы знаем свои недостатки и признаем их, а Союз на свои закрывает глаза. И это прекрасно — для нас. Слепую подозрительность гаек и их приверженность принципам церкводарства мы заставили работать на себя. Метод, как ты знаешь, придумал я: Жак Кюз.

Кроме того, фанатичная вера в их псевдонаучную космологию тоже дорого обойдется гайкам. Ты знаешь, как только начинает проявляться недовольство, иерархия подогревает интерес масс к Концу Времен, дню раздачи призов праведникам. Когда мирские проблемы оказываются прочно забыты, иерархия дает ажиотажу схлынуть. Но бесконечно так играть на чувствах толпы нельзя. Разочарование накапливается — и его можно использовать.

Мы, агенты КХВ, не позволили схлынуть последней волне сообщений о грядущем Конце Времен. Мы подстраивали знамения. Мы распространяли литературу — в основном комиксы. Мы довели народ до такого нервного ожидания, что церкводарство само пошло у нас на поводу. Болезнь оказалась настолько заразной, что даже некоторые иерархи верят в собственную ложь. Скоро будет объявлена официальная дата Конца Времен. Многие иерархи будут против, но, когда решение окажется принято, события станут развиваться все быстрее. Чем ближе Конец Времен, тем сильнее взволнуются верхи. Полетят головы. Но, арестовывая ламедоносцев, иерархи выроют себе яму — ведь окажется, что ламед не панацея от многоложества.

Альтинг будет парализован. Церкводарство расколется. За нашими агентами пойдут и искренне верующие люди. И тогда грянет Конец Времен. Дюжина рыжих объявят себя Исааками Сигменами, явившимися из последнего странствия по реке времени — это будут агенты КХВ. Некоторые из них умрут — смертью героев. Пограничье не забудет их.

Начнутся раздоры между метатронами и сандальфонами разных провинций Союза. А за раздорами последует распад.

Войны мы попытаемся избежать — результат ее был бы печален, а кроме того, она может и объединить гаек против общего врага. Мы предпочли бы оставить их в покое и позволить Союзу рассыпаться под собственной тяжестью. «Моль и ржа» покорят их, ибо сокровища их от мира сего.

Ирония судьбы: Конец Времен все же пришел в Гайяак. Союз остановился в развитии. А все, что останавливается, — гибнет. За десять ли лет, за сто, но церкводарство сгниет. А мы заменим его идеалами демократии. Но к этому времени изменимся и мы — думаю, не в последнюю очередь под влиянием примитивов. Думаю, наших идеалов в новом мире окажется недостаточно — и Африка даст нам новый толчок вперед.

Лейф перевел дыхание. И в тишине отчетливо разнесся голос малайского пилота, успокаивающий кого-то из пассажиров:

— Да вы не волнуйтесь. Мы постоянно застреваем в грязи — но, знаете, все равно как-то идем вперед.

РАСТИНЬЯК-ДЬЯВОЛ

ГЛАВА 1

После войны Судного дня, в которой сложила головы большая часть французской нации, жалкие ее остатки были оттеснены в долину Луары и там, зажатые между двумя стремительно набиравшими силу молодыми государствами, не переставали ощущать на себе их постоянно растущее давление. Колосс на севере вел себя враждебно, с явным намерением поглотить крохотную Новую Францию. Южный колосс, напротив, был настроен дружелюбно и даже выражал готовность принять столь слабое государство в свою конфедерацию республик, причем в качестве равноправного партнера.

Многие из числа гордых, свободолюбивых французов маленькой страны страшились даже этой последней альтернативы. Ведь в результате слияния с южным соседом они могли полностью утратить свой язык, религию, саму национальность. В поисках спасения они построили шесть гигантских звездолетов, способных вместить тридцать тысяч человек, большинству из которых предстояло весь путь до момента прибытия в назначенное место находиться в состоянии глубокого анабиоза. Затем все эти шесть кораблей отправились в межзвездное пространство, чтобы отыскать планету, как можно больше похожую на Землю.

Это произошло в XXII веке. С тех пор минуло более трехсот пятидесяти лет, прежде чем Земля снова услышала о них. Однако наш рассказ не затрагивает здесь тему родной метрополии, но описывает историю человека из той группы первопроходцев, которые пожелали покинуть Новую Галлию и вновь устремиться к звездам...

У Растиньяка не было Кожи. Тем не менее он чувствовал себя намного счастливее, чем когда-либо за всю свою жизнь, начиная с пятилетнего возраста. Он был так же счастлив, как только может быть счастлив человек, живущий глубоко под землей. Под землей, кстати, самое место для всякого рода подземных, а точнее, подпольных организаций. Обычно

они разбиваются на ячейки. Ячейку номер один, как правило, закрепляют за руководителем подполья.

Жан-Жак Растиньяк, глава легального подполья королевства Ле-Бопфей, в буквальном смысле находился сейчас в ячейке-камере ниже уровня земли. Он был в тюрьме.

Для подземной темницы здесь было совсем неплохо. В его распоряжении имелись две камеры. Одна из них размещалась глубоко внутри здания, встроенная в его стену таким образом, что Жан-Жак мог сидеть в ней, когда хотел спрятаться от солнца или дождя. Смежная камера находилась на дне колодца, закрытого сверху решеткой из тонких стальных прутьев. В этой камере он проводил большую часть времени, когда не спал. Вынужденный задирать голову, если он хотел взглянуть на небо или звезды, Растиньяк страдал от хронического одеревенения шеи.

Несколько раз в течение дня он принимал посетителей. Им разрешалось наклоняться над решеткой и так, глядя сверху на узника, разговаривать с ним. Рядом с посетителями всегда стоял стражник, один из москитеров* короля, и следил, чтобы те не болтали лишнего.

С наступлением ночи Растиньяку спускали на веревках платформу с едой, и он ел. А пока он ел, рядом, дожидаясь окончания трапезы, стоял, обнажив шпагу, другой королевский москитер. После того как своеобразный поднос с помощью тех же веревок вытягивали из колодца обратно, а решетка опускалась на место и запиралась, москитер разворачивался и вместе с тюремным надзирателем покидал камеру.

Изощряя свой ум, Растиньяк выкрикивал ночному часовому пару отборных ругательств, затем удалялся в камеру в стене и ложился вздремнуть. Спустя какое-то время он обычно вставал и расхаживал взад и вперед по камере, словно тигр в клетке. Иногда он, глядя перед собой, останавливался, всматривался в звезды, а затем, втянув голову в плечи, возобновлял свое яростное кружение в тесной ячейке. Но вот наступал такой момент, когда он, остановившись, застывал на месте, словно изваяние. Двигалась только его голова, медленно поворачиваясь послушно взгляду.

— Однажды я полечу к звездам вместе с вами.

Он сказал это, когда следил за Шестью Летящими Звездами, мчавшимися по ночному небу, — шестью сверкающими звездочками, которые двигались в направлении, противоположном движению других звезд. Не уступавшие по яркости

---

* Москитер — наиболее удачный перевод французского слова «foutriquet», произносимого в XXVI веке как «вфутвикей». *(Примеч. авт.)*

Сириусу, если наблюдать за ним с Земли, они неслись по небосводу, выстроившись в ряд друг за другом, словно бриллианты, нанизанные на бархатный шнурок.

Это были те самые шесть кораблей, на которых коренные французы Луарской долины отправились в космос в поисках новой планеты, где они могли бы обосноваться. Корабли были выведены на орбиту вокруг Новой Галлии, где их и оставили, в то время как тридцать тысяч их пассажиров опустились на поверхность планеты с помощью ракет на химическом топливе. Человечество, ступив однажды на прекрасную, неизведанную землю новой планеты, никогда больше не покидало ее пределов, чтобы снова войти в покинутые ими грандиозные корабли.

Триста лет вращались эти шесть кораблей вокруг планеты, известной как Новая Галлия, — шесть сверкающих ночных маяков, еженощно напоминавших человеку, что он пришелец на этой земле.

Высадившись на новой планете, земляне назвали увиденную ими новую землю Le Beau Pays — или Ле-Бопфей в современном произношении, что означало Прекрасная страна. Они были восхищены, очарованы неизведанной землей, представшей перед их глазами. После сожженной, взъерошенной войной Земли, оставленной ими, они словно попали в рай.

Земляне обнаружили, что на планете обитают две разновидности мыслящих существ и что эти существа живут между собой в мире и согласии и понятия не имеют ни о войнах, ни о бедности. А еще они с готовностью выразили согласие принять землян в свое общество.

При условии, конечно, что те станут с ним одним целым, или — по их выражению — оестествятся. Французов, прилетевших с Земли, поставили перед выбором. Им сказали:

— Вы можете жить с народом Прекрасной страны на наших условиях. В противном случае войны с нами не избежать, и тогда — либо воюйте с нами, либо улетайте и ищите себе какую-нибудь другую планету.

Французы стали совещаться. Половина из них решила остаться. Другая половина решила на время задержаться здесь, пока они не добудут уран и не приготовят нужные химикаты. Затем они собирались двинуться дальше.

Но ни один человек из этой второй половины так никогда и не вошел в транспортные ракеты, чтобы взлететь на них к шести ионным кораблям, вращавшимся вокруг Прекрасной страны. Никто из них не устоял перед философией естественности. Через каких-то несколько поколений любой, кто прилетел бы на эту планету впервые, без предварительной информации

ни за что бы не догадался, что земляне здесь не коренные жители.

Среди обитателей планеты он обнаружил бы три биологических вида. Два из них — ссассароры и амфибиане — являлись теплокровными и откладывали яйца. Они напрямую происходили от рептилий, минуя фазу млекопитающих. Когда-то в их далеком и туманном прошлом (как и все счастливые народы, они не обзавелись собственной историей) они устроили свое общество, и с тех пор у них не было причин разочаровываться в нем.

В этом мире, в значительной степени сельском, все дышало согласием и покоем; в нем никому не приходилось надрываться, чтобы с трудом сводить концы с концами; неслыханные успехи в управлении силами живой природы обеспечивали всем обитателям этого мира долгую-долгую жизнь без болезней и социальных трений. Лучшей жизни и придумать было невозможно — во всяком случае с их точки зрения.

Формой правления считалась монархия, хотя реальной властью короли не обладали. Королями являлись представители иного биологического рода, нежели те, кем они правили. Ссассароры правили человеческим родом, и наоборот, причем у королей в помощниках были приемные братья и сестры из той расы, над которой они властвовали. Эти помощники назывались герцогами и герцогинями.

Палата депутатов — L'Syawp t'Tapfuti* — состояла наполовину из людей, наполовину из ссассароров. Так называемые короли председательствовали в Палате по очереди с перерывами в сорок дней. Депутаты избирались сроком на десять лет теми, кто имел право голоса, причем их попытки как-то обмануть своих избирателей относительно их подлинных намерений были заранее обречены на провал. Имевшие право голоса обладали столь чувствительной кожей, что она позволяла им распознать истинные чувства и достоинства избираемых.

Только в одном отличались бывшие земляне от своих соседей — в праве ношения оружия. Вначале ссассароры разрешили людям иметь при себе короткие рапиры, чтобы те чувствовали себя в безопасности среди чужаков.

Но со временем только москитерам короля — а еще членам официального подполья — разрешалось носить шпаги. Эти люди являлись прирожденными авантюристами, в чьей крови жила потребность в диких кутежах и в дерзком, вызывающем

---

* Здесь и далее автор использует искаженные французские слова. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

поведении, чтобы как-то выделиться из общества, проявив таким образом свою индивидуальность.

Как и похитители яиц, они нуждались в своей организации, где они могли бы выпустить свой антиобщественный пар.

Амфибиане с самого начала стояли несколько особняком от ссассароров, и, когда появились земляне, они не стали от этого более общительными. Тем не менее они были в прекрасных отношениях с ссассарорами — причем с давних пор — и, конечно же, разделяли с ними право подмены детей.

Данное право являлось еще одним социальным изобретением, претворенным в жизнь тысячелетия назад, чтобы сохранить взаимопонимание между всеми биологическими видами на этой планете. Это была довольно своеобразная социальная норма. Настолько своеобразная, что землянам пришлось попотеть, чтобы разобраться в ней, но еще труднее для них оказалось перенять ее. И все же стоило им признать Кожу, как они изменили свою позицию, забыли о своих догадках относительно ее происхождения и с энтузиазмом принялись извлекать пользу из права похищать детей (или яйца) другой расы и воспитывать их как своих собственных.

Обвороуешь мою колыбель — обворую твою. Таков был их девиз, и он действовал.

Была образована гильдия похитителей яиц. Ее человеческий филиал гарантировал вам — разумеется, за плату — ссассарорского ребенка взамен украденного. Или же, если вы жили на берегу моря и кто-либо из амфибиан заползал к вам в детскую и забирал вашего ребенка — как правило, моложе двух лет согласно уставу, — член гильдии доставлял вам амфибианина, а то и ребенка от человеческого приемыша, воспитанного морским народом.

И вот вы растите его и воспитываете как своего собственного. Но как же можно полюбить его? Очень просто: ваша Кожа подсказывает вам, что ребенок такой маленький и беспомощный и нуждается в вас и, несмотря на свою внешность, такой же человечек, как и остальные ваши дети. И вам вовсе не нужно беспокоиться о малыше, которого похитили у вас. Ведь о нем так же хорошо заботятся, как и вы о своем.

Никому даже в голову не приходило прекратить похищения детей и добровольный обмен ими. Возможно, потому, что необходимость отдавать свою собственную плоть и кровь возмутила бы даже нежную натуру носителей Кожи, но если уж передача из рук в руки состоялась, то они смогли бы примириться с этим фактом.

Или же, возможно, данное право, давно превратившееся в обычай, сохранилось по той причине, что традиция в крестьянско-монархическом обществе сильнее закона, а также потому, что

похищение яиц и детей давало возможность более дерзким и агрессивным по своей натуре гражданам время от времени выпускать из себя излишек антиобщественного пара.

Никому, кроме историков, не дано об этом знать, а историков в Прекрасной стране не было.

Еще с незапамятных времен ссассароры обнаружили, что если обходиться без мяса, то гораздо легче обуздывать свою воинственность, повиноваться Коже и не терять стремления к совместной работе. Вот почему они вынудили землян наложить табу на поедание мяса. Единственным недостатком постной диеты было то, что, после того как люди и ссассароры сбавили свою агрессивность, уменьшился и их рост. Особенно у ссассароров, которые стали настолько низкорослыми, что едва доставали людям до подбородка. А те, в свою очередь, показались бы обычному западноевропейцу просто коротышками.

Но землянин Растиньяк и его ссассарорский друг, великан Мапфэрити, еще в детстве нарушили это табу, когда вместе играли на отлогом берегу моря. Движимые любопытством, там они впервые попробовали на вкус морских животных, и, поскольку пища эта пришлась им по вкусу, они продолжали лакомиться ею. Благодаря такой диете, богатой протеином, землянин вымахал в росте больше шести футов, а что касается ссассарора, так тот, казалось, запустил в своем организме мощный механизм расширения. Тех из ссассароров, которые разделили с ним его вину, то есть стали мясоедами, подвергли остракизму и со временем совершенно перестали с ними знаться. Их называли ссассарорами-великанами и в назидание молодежи из нормальных ссассарорских и человеческих семей, живущих на суше, показывали на изгоев пальцами как на образец для неподражания.

Тем не менее, если бы кто-то приземлился на планете незадолго до рождения Растиньяка, он бы заметил, что не все так уж безмятежно, как полагают, в отношениях между различными биологическими видами. Причина раскола в бывшем Эдеме повергла бы его в полное недоумение, если ему заранее не была известна предыстория Ле-Бопфея, а также то обстоятельство, что раньше ситуация здесь была стабильной и стала меняться к худшему только с появлением среди земноводных амфибиан человеческих приемышей.

Далее события развивались так: у амфибиан появилось пристрастие пить кровь, и они стали прельщать людей своими россказнями о легкодостижимом бессмертии, чтобы те жили с ними, а еще они принялись систематически оставлять в человеческих детских комнатах маленьких необузданных хищников.

Когда со стороны обитателей суши раздались протесты, амфибиане ответили, что творимые злодеяния совершаются

лишь неоестествленными или лицами, поставившими себя вне закона, и что морской король не может нести за это ответственность. Тех же, кого застанут на месте преступления, разрешалось отправлять в Челис.

Но, несмотря на заверения амфибиан, к их монарху по-прежнему относились с подозрением. Поговаривали, будто он неофициально дал свое официальное благословение, а вдобавок замышляет еще более омерзительные и возмутительные своей противоестественностью действия. Ведь контроль за населением с помощью Главной Кожи дал бы ему возможность манипулировать их разумом, как ему заблагорассудится.

Всеобщий мир на планете Новая Галлия стал возможен только благодаря Кожам. И через эти же Кожи можно было заменить привычный мир на распри.

На всех без исключения младенцев при рождении надевались искусственные Кожи, которые, плотно прилегая к телу, росли вместе с ними и получали питание через ставшие общими кровеносные сосуды и нервную систему. Искусственные Кожи были напрямую связаны с Кожами, управляемыми гигантской Главной Кожей. Она помещалась во дворце правителей и плавала в специальной емкости, заполненной химическим раствором. За ней денно и нощно ухаживала и снабжала пищей и теоретическими познаниями целая команда из самых выдающихся ученых планеты. Кожи, находящиеся в подчинении Главной, обеспечивали королям полный контроль за разумом и эмоциями обитателей планеты.

Поначалу правители Новой Галлии хотели лишь одного: чтобы все жители планеты жили в мире и в равной степени пользовались ее благами. Но уже повсеместно начинала ощущаться перемена, постепенно входящая в жизнь общества, — усиление борьбы между королями различных биологических видов за контроль над всем населением. В народе нарастали тревога и взаимная подозрительность. Отсюда — легализация правительством подполья и философии насилия, а также попытки контролировать ситуацию, чреватую мятежом.

Однако обитатели суши сумели вообще обойтись без бурных событий и оставить без внимания растущее число злодейских актов.

Но не всем пришлось по душе пребывание в дремотном состоянии. Один человек уже пробудился. Им был Растиньяк.

Растиньяк возлагал на них все свои надежды, на эти Шесть Звезд. Он молился на них, как на богов. Когда они стремительно исчезали из его поля зрения, он продолжал вышагивать по камере, в тысячный раз размышляя о том, как ему добраться до одного из тех кораблей и улететь на нем к звездам. Его фантазии обычно оканчивались чертыханием, поскольку он

сознавал тщетность подобных надежд. Он был обречен! Человечество было обречено!

Состояние исступления, в которое он впадал, усугублялось еще и тем, что человек никогда не признает, что ему конец. Иными словами, что с ним покончено как с существом рода человеческого.

Человек превращался в нечто, не совсем похожее на homo sapiens. Возможно, такая перемена пошла бы человеку на пользу, но она означала бы конец его эволюции. Именно так представлялось Растиньяку. И он решил что-либо предпринять, чтобы изменить положение дел, даже если бы ему пришлось прибегнуть к насилию. Растиньяк не был бы самим собой без такого решения.

Вот поэтому он и находился сейчас в подземной тюрьме-колодце. Он выступал за применение силы против статус-кво.

ГЛАВА 2

По соседству с ним была еще одна камера. Она также находилась на дне колодца и отделялась от камеры Растиньяка тонкой цементной стеной. В стену было вделано окно так, чтобы узники могли переговариваться друг с другом. Растиньяка совершенно не интересовала женщина, которую водворили в смежную камеру, но все же с ней можно было перебросится словом-другим.

Человеческих детей, которых однажды похитили прямо из колыбели и воспитывали среди негуманоидных амфибиан как собственных детей, называли «амфибианскими приемышами». Люзин, девушка из соседней камеры, была одной из них. Растиньяк не винил ее в том, что она стала кровососущей амфибианкой. Но все же не мог не питать к ней отвращения за содеянное и за то зло, которое от нее исходило.

Люзин посадили в тюрьму, когда застигли в момент похищения человеческого ребенка из колыбели. По закону этот проступок не считался преступлением, но она спрятала в колыбели, под покрывалом, свирепого и жаждавшего крови маленького монстра, который, выскочив из укрытия, вцепился в горло ни о чем не подозревавшей матери ребенка.

Ее камера освещалась множеством светлячков. Растиньяк, заглянув сквозь решетку, разглядел неясные очертания ее фигуры в камере внутри стены. Люзин лениво поднялась и вступила в тускло-оранжевый свет, испускаемый светлячками.

— B'zhu, m'fweh, — приветствовала она его.

Растиньяк разозлился. Как она посмела назвать его братом?.. Но хуже всего то, что она знает о его злости. И это еще больше разозлило его. Хотя, если разобраться, она была впра-

ве обратиться так к нему. Девушка очень походила на него. У нее были такие же прямые и блестящие иссиня-черные волосы, густые дуги бровей, карие глаза, прямой нос и выступающий подбородок. А там, где некоторые детали его фигуры подчеркивали великолепное мужское сложение, те же места ее фигуры выдавали восхитительное женское.

Однако она разговаривала с Растиньяком так вовсе не потому, что видела в нем родственную душу. Она знала об отвращении, которое сухопутные жители питают к приемышам амфибиан, и испытывала извращенное удовольствие, дразня его.

Он же гордился, что редко давал ей возможность заметить, как сильно она действует ему на нервы.

— B'zhu, fam tey zafeep, — проговорил Растиньяк. — Добрый вечер, амфибианская женщина.

— Что, Жан-Жак, все наблюдаешь за Шестью Летящими Звездами? — насмешливо спросила она.

— Да. И делаю это каждый раз, когда они пролетают надо мной.

— И чахнешь с тоски. С чего бы это? Не оттого ли, что не в силах взлететь и покататься среди звезд на одной из них?

Растиньяк даже не подумал порадовать ее слух правдивым ответом. Ему не хотелось, чтобы Люзин знала, как мало он думает о человечестве и его шансах на выживание — как человеческого рода — на лике планеты Ле-Бопфей.

— Я смотрю на них только потому, что они напоминают мне о том времени, когда человек распоряжался своей душой.

— Значит, ты признаешь, что сухопутники бессильны?

— Они, по-моему, уже начали превращаться в не-людей и в этом смысле бессильны, да. Но мои слова о жителях суши подходят и к жителям моря. Вы, приемыши, с каждым днем становитесь все больше рептилиями и все меньше людьми. А все эта Кожа... Земноводные постепенно меняют вас через нее. Скоро вы окончательно превратитесь в морских существ.

Люзин презрительно засмеялась, обнажив при этом безупречно белые зубы.

— Море одолеет сушу. Оно с грохотом обрушивается на берег и, сотрясая до основания, крушит его. Оно разъедает скалы и грунт и поглощает их. Его нельзя уничтожить или поймать в сети. Оно неуловимо, всесильно и неутомимо.

Люзин умолкла, переводя дух.

— Аналогия весьма красива, но никуда не годна, — сказал Растиньяк. — У вас, морского племени, такая же плоть и кровь, как у нас, сухопутных. И боль вам причиняет то же, что и нам.

Люзин положила руку на один из прутьев решетки. Приглушенное сияние светлячков неожиданно высветило между пальцами свесившейся кисти отчетливо различимые перепонки. Он уставился на руку, смутно ощущая брезгливость и в то же время подспудное влечение. Хоть и косвенно, но именно эта рука была повинна в пролитии крови.

Люзин искоса посмотрела на него и вызывающе бросила:

— Не тебе бросать в меня камни, Жан-Жак. Я слышала, ты ешь мясо. — Голос ее слегка дрожал.

— Рыбу — да, но не мясо. Поедать рыбу — часть моей философии насилия, — возразил он. — Лично я придерживаюсь мнения, что человек теряет свою силу и власть из-за слишком длительного пребывания на вегетарианской диете. Он стал таким же запуганным и покорным, как травоядное полевое животное.

Люзин приблизила лицо к решетке.

— Очень интересно, — произнесла она. — Но как же тогда получилось, что ты начал есть рыбу? Я думала, что только мы, амфибиане, занимаемся этим.

Слова Люзин разозлили его, и он ничего не ответил.

Растиньяку было хорошо известно, что ввязываться в разговоры с морскими приемышами — пустая затея. Они умели много и красиво говорить, завораживая своей чарующей речистостью, и постоянно старались исказить мысли собеседника до неузнаваемости. Но он был Растиньяком, а значит, должен был разговаривать. Кроме того, найти кого-то, кто сумел бы выслушать его идеи, было настолько трудно, что он не мог не поддаться искушению.

— Рыбу мне дал один ссассарор, когда я был еще ребенком. Мы жили тогда на побережье. Мапфэрити — так звали того ссассарора — тоже был ребенком, и мы часто играли вместе. «Не ешь рыбу!» — говорили мне родители. Что для меня означало: «Ешь ее!» И я ел, несмотря на отвращение к самой идее поедания рыбы и на бурные протесты моего желудка. И мне она понравилась. А возмужав, я принял философию насилия и продолжал есть рыбу, хоть я и не приемыш.

— И что ж твоя Кожа сделала, когда уличила тебя? — спросила Люзин. В ее широко раскрытых глазах светилось изумление и мелькали смешливые искорки, словно она наслаждалась его исповедью. Впрочем, он знал, что она насмехается, — ведь его идеи о насилии бесплодны, пока он остается пленником Кожи.

При напоминании о Коже Растиньяк досадливо поморщился. Он много размышлял — какими бы беспомощными ни были его мысли — над возможностью жить без Кожи.

Пристыженный сейчас тем, что проявил так мало решительности в своем сопротивлении Коже, он похвастался перед поддразнивавшей его амфибианской девушкой.

— Мы с Мапфэрити обнаружили нечто такое, о чем многие даже не догадываются, — рисуясь, ответил он. — Всем известно, что, когда мы делаем что-то не то, Кожа бьет нас разрядами. Так вот, мы с ним выяснили, что если суметь перетерпеть боль, то Кожа вскоре выдыхается и прекращает терзать нас. Она, конечно, все время подзаряжается, и в следующий раз, когда мы вздумаем полакомиться рыбкой, она снова и снова будет хлестать нас разрядами. Но после их многократного повторения Кожа начинает привыкать. При этом она теряет свои условные рефлексы и в конце концов оставляет нас в покое.

Люзин рассмеялась и, понизив голос, с заговорщицким видом произнесла:

— Значит, вы со своим ссассарорским приятелем стали приверженцами философии насилия только потому, что продолжали есть рыбу и мясо?

— Именно поэтому. Когда Мапфэрити достиг половой зрелости, он стал великаном и ушел жить в замок посреди леса. Но мы остались друзьями, поскольку связаны по подполью.

— Твои родители, наверное, заподозрили, что ты питаешься рыбой, когда впервые услышали от тебя твою философию насилия?

— Подозрение — еще не доказательство, — ответил он. — Мне, однако, не следовало рассказывать тебе обо всем этом, Люзин. Хотя я считаю, что ничем не рискую, поступая так. Ведь ты никогда не сможешь воспользоваться услышанным мне во вред. Скоро тебя заберут в Челис, где ты и останешься, пока тебя не вылечат.

Она вздрогнула.

— Тот самый Челис? — проговорила узница. — Что он из себя представляет?

— Далеко на севере есть такое место, куда ссылают своих неисправимых преступников как земляне, так и ссассароры. Это потухший вулкан. Его внутреннее пространство ограничено уступчатыми стенами и представляет из себя идеальную тюрьму, из которой сбежать невозможно. Те, кто упорно продолжал вести противоестественный образ жизни, подвергаются в ней специальному лечению.

— Им пускают кровь? — Глаза ее расширились, а язык принялся нервно и жадно облизывать губы.

— Нет. На них просто надевают особый тип Кожи. Эти новые Кожи бьют еще более мощными разрядами, чем обычные.

Напрямую связанные с той или иной привычкой, от которой Кожи стараются излечить наказуемого, разряды способствуют выздоровлению. Кроме того, эти особые Кожи используются для выявления скрытых противоестественных эмоций. Они выправляют отклонения от нормы. В результате, когда человеку, прошедшему через Челис, разрешается покинуть пределы тюрьмы и вновь занять свое место в обществе, он оказывается полностью здоровым. Тогда ему возвращается его постоянная Кожа. Отныне ей не составит труда удерживать ее носителя в рамках дозволенного. Челисованный человек является прекрасным гражданином.

— А что, если бунтарь сопротивляется челисованию?

— Тогда он останется в Челисе до тех пор, пока не решится стать челисованным.

— Но если меня отправят туда и будут кормить не по амфибианской диете, я непременно состарюсь и умру! — Голос Люзин сорвался на крик.

— Нет. Пока ты не выздоровеешь, правительство будет кормить тебя по той диете, в которой нуждается твой организм. За исключением... — Растиньяк запнулся.

— За исключением крови, которой меня лишат, — жалобно протянула она. Затем, осознав, что унижает себя в глазах жителя суши, взяла себя в руки. — Король амфибиан не позволит им проделать такое со мной, — решительно заявила она. — Когда он услышит об этом, то потребует, чтобы меня отпустили. А если король людей откажется, то мой король применит силу, лишь бы вернуть меня.

Растиньяк улыбнулся.

— Надеюсь, именно так он и поступит, — сказал он. — Может, тогда мой народ наконец проснется, сбросит с себя свои Кожи и повоюет с вашим народом.

— Так вот чего вы добиваетесь, философы насилия! Как бы не так, ничего у вас не выйдет! Мой отец, амфибианский король, не так глуп, чтобы объявлять войну.

— Полагаю, что нет, — ответил Растиньяк. — Ради твоего спасения он пошлет вооруженный отряд. Если их поймают, они объявят себя уголовниками и скажут, что приказы короля их не касаются.

Люзин подняла голову и посмотрела наверх: не подслушивает ли их, склонившись над колодезным зевом, стражник. Убедившись, что там никого нет, она кивнула и проговорила:

— Ты все верно сообразил. Вот почему мы так потешаемся над вами, глупыми людьми. Вы, как и мы, прекрасно понимаете, что происходит, но боитесь сказать нам. Вы продолжаете

цепляться за свою политику «подставь другую щеку» и считаете, что она разжалобит нас и обеспечит мир.

— Но не я, — заметил Растиньяк. — Мне отлично известно, что существует лишь одно решение всех человеческих проблем. Это...

— Это — насилие, — закончила она за него. — Вот что ты проповедуешь. И вот почему ты здесь, в этой камере, и ждешь суда.

— Ты не поняла, — сказал он. — Людей не сажают в Челис за то, что они *предлагают* новые философские системы. Пока они ведут себя естественно, им можно говорить все что угодно. Они даже могут обратиться к королю с петицией, чтобы их новую философию возвели в закон. Король передает петицию в Палату депутатов. Те обсуждают ее и предлагают новую философию на рассмотрение народу. Если народу она понравится, то становится законом. С этой процедурой лишь одна загвоздка: может пройти целых десять лет, прежде чем Палата депутатов начнет обсуждение закона.

— А за эти десять лет, — усмехнулась Люзин, — амфибиане и амфибианские приемыши завоюют всю планету.

— Это уж точно, — согласился Растиньяк.

— Человеческим королем является ссассарор, а ссассарорским королем — человек, — сказала Люзин. — Наш король не видит причин для изменения данного статус-кво. В конце концов, кто как не ссассарор несет ответственность за Кожи и за положение человека в обществе разумных на этой планете? Так с какой стати должен он благоволить к политике насилия? Ссассароры ненавидят насилие.

А ты, значит, проповедовал насилие, не дожидаясь, пока его узаконят? Поэтому ты сейчас и сидишь под замком?

— Не совсем так. Ссассарорам давно известно, что чрезмерное подавление природной воинственности человеческой натуры способно вызвать только взрыв. Поэтому они и узаконили противоправные действия — до определенного предела, конечно. Король, таким образом, неофициально сделал меня главой подполья и снабдил к тому же государственной лицензией на проповедь насилия. Но только не на осуществление его на практике. Мне даже разрешили пропагандировать ниспровержение нынешней правительственной системы — пока я не начну действовать, что весьма чревато последствиями.

А за решеткой я сейчас потому, что сюда засадил меня министр по злонамеренным делам. Он приказал проверить мою Кожу, и ее нашли «нездоровой». Вот он и решил, что меня лучше упрятать подальше под замок и подержать там, пока она снова не «выздоровеет». Но король...

ГЛАВА 3

Смех Люзин зазвенел серебристыми колокольчиками. Какими бы кровожадными наклонностями она ни обладала, у нее, что ни говори, был чудесный голос.

— Ну, насмешил! — проговорила она. — И как тебе, с твоими-то смелыми идеями, нравится, чтобы на тебя смотрели как на безобидного шута или просто как на больного человека?

— Точно так же, как и тебе! — огрызнулся он.

Она ухватилась за решетку на окне и так крепко сжала ее, что на тыльной стороне ее тонких удлиненных кистей набухли вены, а перепонки между пальцами натянулись, словно раздуваемые ветром шатры. Лицо ее исказилось.

— Трус! — бросила она ему. — Почему ты кого-нибудь не убил и не вырвался из этой смехотворной шкуры, в которую ссассароры обрядили тебя?

Растиньяк молчал. Это был хороший вопрос. Почему он не сделал этого? Убийство логически вытекало из его философии. Но Кожа делала его покорным. Да, какой-то частью своего сознания он понимал, что намеренно закрывает глаза на ту конечную цель, к которой медленно, но неотвратимо двигались его идеи.

А кроме того, был еще один нюанс в ответе на ее вопрос: если бы ему пришлось убивать, он не стал бы убивать человека. Его философия была обращена против амфибиан и морских приемышей.

— Насилие не обязательно означает пролитие крови, Люзин, — произнес он. — Моя философия настаивает, чтобы мы предпринимали более решительные действия и разрушали некоторые биосоциальные установления, которые лишили человека свободы и отняли у него как у личности чувство собственного достоинства.

— Да, я слышала: ты хотел, чтобы человек перестал носить Кожу. Значит, вот чего напугались твои люди, а?

— Именно, — ответил он. — И я так понимаю, что среди амфибиан реакция была такой же.

Она вспыхнула от негодования, и ее карие глаза засверкали в тусклом сиянии светлячков.

— Почему бы и нет? Кем бы мы были без наших Кож?

— А действительно, кем? — повторил он и засмеялся ироническим смехом.

— Ты не понимаешь, — сказала она серьезно. — Мы — амфибиане, и наши Кожи не похожи на ваши. Мы надеваем их совсем по другим соображениям, чем вы. Ваши Кожи лишают вас свободы: они указывают вам, как чувствовать, о чем думать. Более того, они препятствуют проникновению в ваше

сознание всяких помыслов о том, что можно отказаться от коллективного труда и от слияния с природой в целом.

Для нас, амфибиан-индивидуалистов, это неприемлемо. Цель наших Кож — убедиться, что подданные нашего короля понимают его волю. Это нужно для того, чтобы мы могли действовать как одно целое и способствовать тем самым прогрессу морского народа.

Когда Растиньяк услышал это высказывание впервые, он буквально покатился со смеху. Теперь же, зная, что ей не понять ошибочность своей аргументации, он даже не пытался переубедить ее. Амфибиане по-своему были такими же узколобыми и толстокожими (игры слов здесь нет и в помине), как и жители суши.

— Видишь ли, Люзин, — сказал он, — есть только три места, где человеку можно снять Кожу. Одно — в его собственном доме, где он может повесить ее на вешалку. Другое — когда он, как мы с тобой, находится в тюрьме и поэтому не причинит вреда никому. Третье — когда человек является королем. И вот мы с тобой без Кож уже целую неделю. Мы прожили без них дольше, чем кто-либо, не считая короля. Так скажи честно: разве ты не чувствуешь себя впервые в жизни свободной?

Разве у тебя нет такого чувства, будто ты принадлежишь только самой себе и никому больше, что ты подотчетна в своих действиях только самой себе и никому другому и что тебе нравится это? И разве тебя не страшит тот день, когда нас выпустят из тюрьмы и заставят снова надеть наши Кожи? И этот день станет для нас, как ни странно, тем самым днем, когда мы потеряем свою свободу.

У Люзин был такой вид, будто она не понимает, о чем ей говорят.

— Ты поймешь, что я имею в виду, когда нас освободят и снова покроют Кожей, — сказал Растиньяк и тут же смутился. Он вспомнил, что ей предстоит отправиться в Челис, где на ее плечи ляжет одна из тех ужасных Кож с мощнейшим зарядом, которые обычно применяют к неоестествленным.

Но Люзин даже не обратила на это внимания. Она размышляла о своем последнем, но весьма убедительном аргументе.

— Вы не сможете одолеть нас, — сказала она, наблюдая за Растиньяком и стараясь угадать, какой эффект производят на него ее слова. — У нас есть оружие, против которого вы бессильны. Мы обладаем бессмертием.

Его лицо оставалось невозмутимым.

— Более того, — продолжала она, — мы можем дать бессмертие каждому, кто сбросит свою Кожу и возьмет нашу. Не думай, что твой народ не знает этого. К примеру, только за

прошлый год более двух тысяч людей, живущих на побережье, отказались от своих Кож и перешли к нам, амфибианам.

Растиньяк немного смутился, услышав ее слова, но в том, что она сказала правду, он не сомневался. Ему на память пришел загадочный случай со шхуной «Le Pauvre Pierre»*, которую обнаружили дрейфующей без экипажа, и он вспомнил свой разговор с рыбаком в его родном порту Маррек.

Заложив руки за спину, он принялся мерять шагами тесное пространство камеры. Люзин продолжала пристально смотреть на него сквозь прутья решетки. Несмотря на то что ее лицо было в тени, он видел, скорее даже чувствовал, что она улыбается. Он унизил ее, но в конечном счете победила она.

Растиньяк остановился и, подняв голову, закричал стражнику:

— Shoo l'footyay, kal v ay tee?

Стражник склонился над решеткой. При дневном свете его огромная шляпа с торчащим плюмажем была зеленой. Но сейчас, освещаемая лишь дальним прожектором и светлячком, порхавшим вблизи шляпной ленты, она казалась черной.

— Ah, shoo Zhaw-Zhawk W'stenyek, — громко отозвался тот. — Сколько сейчас времени? Какое тебе дело до того, сколько сейчас времени? — И он завершил свой выпад шаблонной фразой тюремного надзирателя, которую не смогли изменить ни тысячелетия, ни расстояния, измеряемые в световых годах: — А не пошел бы ты в одно место, а?

Растиньяк закинул голову, чтобы проорать ему нечто в том же духе, но внезапная боль в шее сдержала его. Выпалив в сердцах «Sek Ploo!» и «S'pweestee!» (оба эти выражения довольно близки к земному старофранцузскому, так что любой языковед наверняка понял их смысл), он произнес уже спокойнее:

— Только если ты выдернешь меня отсюда на землю, monsier le foutriquet**, и дашь мне в руки хорошую épée***. Тогда я покажу тебе, куда бы я пошел. Или, по крайней мере, куда пошла бы моя шпага. Я уже подумываю о красивых ножнах для нее.

У него сегодня были особые причины отвлекать внимание королевского москитера на себя. Поэтому, когда стражнику надоело возвращать оскорбления — в основном по причине его ограниченного воображения, не способного придумать новых, — Растиньяк принялся рассказывать анекдоты с прицелом на узкий умишко москитера.

---

* «Бедный Пьер» *(фр.)*.
** Мсье недоносок *(фр.)*
*** Шпага *(фр.)*.

— Некогда, — начал Растиньяк, — жил один странствующий торговец, чья s'fel потеряла подкову. Он постучался в дверь ближайшей крестьянской хижины и сказал...

О том, что сказал торговец, так никто и не узнал.

Сверху донесся сдавленный хрип.

ГЛАВА 4

Растиньяк увидел, как что-то громадное заслонило малую тень стражника. Затем обе фигуры исчезли. Мгновение спустя чей-то силуэт пересекся с темным решетчатым переплетением. Взвизгнули несмазанные петли, и тюремная решетка поднялась. Сверху, разматываясь, полетела веревка, и конец ее упал к ногам Растиньяка. Тот ухватился за него и почувствовал, как его вместе с веревкой мощно влекут кверху.

Когда Растиньяк вылез из колодца, то увидел, что его спасителем был ссассарор исполинского роста. Его лицо, слабо освещаемое светлячком, сидевшим на шляпе стражника, можно было назвать ортогнатическим*, а глаза и губы — почти гуманоидными. Изо рта торчали внушительные клыки, а верхнюю часть гигантских ушей укрывали хохолки из перьев. Весь лоб до самых бровей выглядел так, будто нуждался в срочном бритье. Но Растиньяк знал, что при более сильном освещении в иссиня-черном оттенке кожи обнаружилась бы не щетина, а крохотные перышки.

— Мапфэрити! — воскликнул Растиньяк. — До чего ж я рад видеть тебя после стольких лет!

Ссассарорский великан положил руку на плечо своего друга. Сжатая в кулак, она была почти с голову Растиньяка. Он заговорил, и его голос громыхал так, будто на дне глубокого колодца кашляет лев.

— И я тоже рад тебе, мой друг.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Растиньяк. Он гладил огромные пальцы, лежавшие на его плече, и по щекам у него катились слезы.

Гигантские уши Мапфэрити затрепетали — словно крылья летучей мыши, привязанной к скале и не имеющей возможности отвязаться и улететь. Самые кончики хохолков отвердели и внезапно затрещали, рассыпая вокруг крохотные искорки.

Подобное электрическое явление было у него равносильно человеческому плачу. Друзья дали волю переполнявшему их

---

* Ортогнатизм — тип профиля, при котором нет сильного выступания вперед верхней челюсти по отношению к общей фронтальной плоскости лица.

чувству, и каждый выражал его по-своему. Но, несмотря на эту разницу, оба были до глубины души тронуты проявлением радости друг у друга.

— Я пришел, чтобы спасти тебя, — проговорил Мапфэрити. — Я тут поймал Арчембода, — он показал на человека рядом с ним, — который ворует яйца у моего золотого гуся. И...

Рауль Арчембод — его имя произносилось как Уол Шебво — взволнованно вмешался:

— Я показал ему свою лицензию, дающую право воровать яйца у великанов, которые разводят фальшивых гусей, а он все равно хотел упрятать меня под замок. Он хотел снять с меня Кожу и откармливать меня мясом...

— Мясом! — воскликнул Растиньяк, не сдержав удивления и возмущения. — Мапфэрити, чем ты там занимался в этом своем замке?

Мапфэрити понизил голос, который стал напоминать звучание водопада, грохочущего вдали.

— В последние годы я стал слишком тяжел на подъем. Видишь ли, я такой большой, что не могу помногу ходить, иначе потом у меня ужасно болят ноги. Так что времени для раздумий у меня было предостаточно. И мои рассуждения привели меня к логическому заключению: следующим шагом за поеданием рыбы является поедание мяса. Итак, я стал есть мясо. И пока я этим занимался, я пришел к тому же выводу, к которому независимо от меня пришел, как видно, и ты. Я говорю о философии...

— Насилия, — перебил его Арчембод. — Ах, Жан-Жак, между вами, должно быть, существует какая-то мистическая связь, которая объединяет двух таких разных по происхождению существ, как ты и ссассарор, и обоих подводит к одной и той же философии. Когда я объяснил, чем ты занимался все это время и что сейчас ты сидишь в тюрьме за то, что призывал сбросить с себя Кожи, Мапфэрити подал прошение...

— Королю, чтобы тот позволил устроить побег из тюрьмы, — подхватил Мапфэрити, кинув нетерпеливый взгляд на низкорослого похитителя яиц. — И...

— Король согласился, — снова вмешался Арчембод, — при условии, что Мапфэрити сдаст властям своего фальшивого гуся и что ты согласишься никогда больше не высказываться за отказ от Кожи, но...

Бассо профундо*-гремундо великана отпихнуло в сторону писклявое сопрано похитителя яиц.

---

* Низкий бас *(ит.)*.

— Если этот визгун прекратит меня перебивать, мы, пожалуй, сможем заняться твоим спасением. Мы поговорим позже, если не возражаешь.

В это время из глубины камеры со дна колодца на поверхность всплыл слабый голос Люзин:

— Жан-Жак, любовь моя, мой герой, любимый, ты ведь не оставишь меня на произвол Челиса? Пожалуйста, возьми меня с собой! Я тебе еще пригожусь. Ведь тебе надо будет спрятаться где-то, когда министр по злонамеренным делам пошлет в погоню за тобой своих москитеров. А я знаю, где тебя можно спрятать. Там тебя никто в жизни не найдет. — Ее голос звучал насмешливо, но в нем чувствовался затаенный страх.

Мапфэрити пробормотал:

— Она-то спрячет нас, да — в глубине какой-нибудь подводной пещеры, где мы будем питаться странной пищей и претерпевать изменения. Никогда...

— Не доверяйте амфибианину, — закончил Арчембод.

Мапфэрити забыл, что говорить надо шепотом.

— Bey-t'cul, vu nu fez vey! Fe'm sa! — взревел он.

Возмущенная тишина воцарилась во внутреннем дворе. Слышалось только гневное дыхание Мапфэрити. Затем из колодца снова всплыл бесплотный голос Люзин:

— Жан-Жак, не забывай, что я — приемная дочь короля амфибиан! Если ты все же надумаешь взять меня с собой, то могу заверить тебя, что в залах дворца морского короля ты найдешь полную безопасность и радушный прием!

— Тьфу! — произнес Мапфэрити. — Опять та перепончатоногая ведьма!

Растиньяк не ответил ей. Взяв у Арчембода широкий шелковый кушак, он обвязал его вокруг пояса и пристегнул к нему шпагу в ножнах, которую подал ему Арчембод. Мапфэрити вручил ему шляпу москитера, и Растиньяк нахлобучил ее себе на голову. Напоследок он взял Кожу, которую протянул ему упитанный похититель яиц.

Какое-то время Растиньяк колебался. Ведь это была его Кожа — та самая, которую он носил с шести лет. Она росла вместе с ним, двадцать два года питаясь его кровью. Облегавшая его, словно одежда, она была для него и надзирателем, и обличителем. С ней он расставался лишь в стенах своего родного дома, или когда шел купаться, или же когда сидел в тюрьме — чем он, кстати, и занимался в последние семь дней.

Когда с него сняли его вторую Кожу, он ощутил себя голым и беспомощным, отрезанным от своих ближних. Но с тех пор прошла целая неделя. После того как он заметил Люзин, в нем зародилось какое-то странное чувство. Сначала это был испуг. Он вынудил его цепляться за решетку, словно та была

Он жестом указал на лежавшую ничком фигуру москитера.

— Так вы даже не ранили его?

— Нет, — громыхнул ссассарор. — Я слегка оцарапал его зубом сонной змеи. Он будет спать еще час или около того. К тому же мне даже не разрешили бы ранить его. Ты забываешь, что это дело было самым тщательным образом подготовлено и сорганизовано королевским официальным устроителем побегов из тюрьмы.

— Me'dt! — выругался Растиньяк.

— А в чем дело, Жан-Жак? — встревожился Арчембод.

— Разве мы не можем сделать что-либо сами и ни от кого не зависеть? Неужели королю надо во все вмешиваться?

— Ты ведь не хочешь, чтобы мы воспользовались случаем и пролили кровь, а? — выдохнул Арчембод.

— А для чего вы тогда нацепили эти шпаги? В качестве декораций? — проворчал Растиньяк.

— Seelahs, m'fweh, — предупредил Мапфэрити. — Если ты переполошишь других стражников, то поставишь их в неловкое положение. Они будут вынуждены выполнить свой долг и снова изловить тебя. А устроителю побегов влепят выговор за то, что он не справился со своими обязанностями. Его даже могут понизить в должности.

Растиньяк пришел в такое волнение, что его Кожа, реагируя на отрицательные поля, заметавшиеся по ней, и гормональный дисбаланс в его крови, отодралась, скручиваясь с его спины.

— Да кто мы, в конце концов, — ватага ребятишек, играющих в войну?

— Мы все — дети Божьи, — пророкотал Мапфэрити, — и никому не должны причинять страданий, если можем обойтись без этого.

— Мапфэрити, но ты же ешь мясо!

— Voo zavf w'zaw m'fweh, — признал Мапфэрити. — Но это мясо тварей, обделенных разумом. Я пока не пролил ни капли крови тех существ, которые наделены даром речи.

Растиньяк фыркнул:

— Если уж поведешься со мной, то в какой-то день да прольешь, m'fweh Мапфэрити. Другого пути просто нет. Этого не избежать.

— Да избавит меня природа от такого дня. Но если он и наступит, то Мапфэрити встретит его без боязни. Меня ведь недаром называют великаном.

Вздохнув, Растиньяк двинулся вперед. Иногда он задавал себе вопрос: а сознают ли вообще члены его подполья — или кто-либо еще — мрачные выводы, формируемые философией насилия?

Амфибиане, во всяком случае, сознают. Он был убежден в этом. И даже принимают в этой связи конкретные меры. Но именно амфибиане и вынудили Растиньяка стать приверженцем философии насилия.

— Law, — заговорил он. — Вперед!

Трое пересекли огромный внутренний двор и вышли через открытые ворота. Рядом с воротами стоял низкорослый мужчина. В свете двух светлячков, прикрепленных к его плечам, его Кожа казалась черно-красной. Кожа была ему чересчур велика и свисала до самой земли. Приближенный короля, однако, не думал, что выглядит комично. Брызгая слюной, он заговорил быстро и бессвязно, и побагровевшее лицо скоро сравнялось цветом с кожей на его плечах.

— Слишком уж вы долго, — упрекнул он их, а когда Растиньяк открыл было рот, чтобы выразить свое несогласие, устроитель побегов добавил: — Ничего, ничего! Sa n'apawt. Дело в том, что нам следует побыстрее увести вас отсюда. Не сомневаюсь, что министру по злонамеренным делам уже доложили об официальном побеге из тюрьмы сегодняшней ночью. Чтобы помешать побегу, он заблаговременно пошлет сюда своих москитеров. Но так как мы пришли сюда задолго до назначенного времени, то успеем скрыться еще до прибытия официального отряда спасателей.

— Сколько у нас времени? — спросил Растиньяк.

— Давайте прикинем, — ответил приближенный короля. — После того как я проведу вас через комнаты герцога, приемного брата короля, а вы знаете, он весьма благосклонно относится к насильственной философии и даже подал прошение королю с просьбой стать вашим покровителем и его прошение будет рассматриваться на следующем заседании Палаты депутатов через три месяца... да, так на чем же я остановился? Ах да, я провожу вас через комнаты брата его величества короля. Вас переоденут в форму королевского москитера, якобы занятого поисками сбежавших узников. Пройдя через комнаты герцога, вы подойдете к маленькой дверце в стене. Через нее вас выпустят из самого дворца. Снаружи вас будет ждать машина.

А там уже все будет зависеть от вас. Полагаю, однако, вы броситесь к замку Мапфэрити. Езжайте по Rue des Nues* — это лучше всего. Москитеров отозвали с того бульвара. Однако не исключено, что Оверпин, министр по злонамеренным делам, обнаружит тот приказ и, понимая, что он означает, отменит его. Если это произойдет, то полагаю, что вскоре

---

* Бульвар Облаков *(фр.)*.

увижу вас снова в камере. — Поклонившись ссассарору и Арчемболу, он добавил: — А вы, джентльмены, будете тогда сидеть вместе с ним.

— А что потом? — прогромыхал Мапфэрити.

— Согласно закону вам разрешат устроить еще один побег Повторные попытки после разрешенной будут считаться, естественно, незаконными. Иными словами, о них не стоит и думать.

Растиньяк вытащил из ножен шпагу и рассек ею воздух.

— Пусть только москитеры встанут на моем пути! — яростно заявил он. — Всех порублю!

Вытянув вперед руки, устроитель побегов отпрянул.

— Прошу вас, мсье Растиньяк! Пожалуйста! Даже не говорите об этом! Вы же знаете, что ваша философия насилия пока еще незаконна. На акт пролития крови будут с ужасом взирать обитатели всей планеты, наделенные чувствами и разумом. Люди посчитают вас за амфибианина!

— Амфибианам известно, в чем у них преимущества перед нами, — ответил Растиньяк. — Но почему вы думаете, что они превосходят нас, людей?

Но прежде чем кто-либо успел ответить, откуда-то с крепостных стен внезапно донеслись ревущие звуки рожков. Тишина взорвалась криками людей и грохотом барабанов, созывавших москитеров по тревоге.

— M'plew! — произнес устроитель побегов. — Министр по злонамеренным делам предупредил стражников! Или же стряслось что-то еще, не менее ужасное!

Над колодцем взмыл пронзительный голос Люзин:

— Жан-Жак, возьми меня с собой, прошу тебя. Ты должен!

— Нет! — закричал Растиньяк. — Никогда! Ничто не заставит меня помогать кровопийце!

— Ах, Жан-Жак, но ведь ты не знаешь того, что знаю я. Нечто такое, о чем я никогда бы тебе не рассказала, если б не пошла на это ради своей свободы!

— Заткнись, Люзин! Уж кто-кто может заставить меня изменить решение, только не ты!

— Ошибаешься! Мне известен один секрет. Секрет, который позволит тебе покинуть планету и улететь к звездам!

Растиньяк чуть не выронил шпагу. Но не успел он добежать до края колодца, как Мапфэрити нагнул свою громадную голову над его жерлом и прогромыхал что-то узнице внизу.

Растиньяк не расслышал, что ответила Люзин. Огромный ссассарор выпрямился и проревел:

— Она говорит, что в море опустился какой-то корабль с Земли! И что штурман того корабля находится сейчас в руках амфибиан!

Ко всеобщему удивлению, Мапфэрити захохотал — да так, что с кончиков ушей у него посыпались, потрескивая, искры. Наконец, еле справившись с душившим его смехом, он произнес:

— Можешь оставить ее в колодце. Ее новости — вовсе не новости; мне известен ее так называемый секрет. Я ничего тебе не говорил, поскольку думал, что сейчас не время.

Как только значение сказанного дошло до сознания Растиньяка, он внезапно повернулся... и принялся срывать с себя Кожу!

ГЛАВА 6

Растиньяк сбежал вниз по ступеням во внутренний двор. Схватив за руку устроителя побегов, он потребовал у него ключ от решетки. Ошеломленный, побледневший служитель покорно и молча протянул ему ключ. Без Кожи Растиньяка больше ничто не сдерживало. Если обладать достаточно сильной волей и вести себя, не ограничиваясь рамками нормы, то можно добиться всего, чего хочешь. Обычный человек или ссассарор не знают, как реагировать на неистовство такого человека. К тому времени пока они оправятся от замешательства, он может оказаться за мили отсюда.

Такие мысли проносились в его голове, пока он бежал к тюремным колодцам. Все это время он слышал пронзительные звуки рожков королевских москитеров. Растиньяк понимал, что вскоре ему придется иметь дело с совершенно иным типом человека. Москитеры, замещавшие солдат на этой пацифистской земле, носили Кожи, которые предписывали им быть воинственнее обычного гражданина. У них были шпаги, но если верить слухам, что концы их затуплены, а их обладателям ни разу не довелось применить свое искусство фехтования в серьезном деле, то москитеры могли быть опасны лишь своим количеством.

— Жан-Жак, что ты надумал? — промычал Мапфэрити.

— Хочу забрать с собой Люзин! — обернувшись, крикнул Растиньяк. — Она сможет помочь нам заполучить землянина у амфибиан!

Тяжело ступая, великан последовал за ним. Приблизившись к колодцу, он сбросил вниз веревку прямо в руки изнемогавшей от нетерпения Люзин и легко вытащил ее наверх. Секундой позже Растиньяк прыгнул на спину Мапфэрити и ухватился за верхний край гигантской Кожи. Не обращая внимания на электрические разряды, сыпавшиеся с нее, он сдернул ее.

От боли и удивления Мапфэрити вскрикнул, а его Кожа шлепнулась на камни, словно морской скат на сушу.

Затем ссассарор и человек бесцеремонно схватили подбежавшего Арчембода и, не утруждая себя какими-либо объяснениями, сорвали с него его искусственную шкуру.

— Вот теперь мы свободны, — задыхаясь, произнес Растиньяк. — А москитеры отныне лишены возможности определить, куда мы спрячемся, да и наказать болью нас уже не смогут.

Он поставил великана справа от себя, Люзин — слева, а похитителя яиц — позади.

Затем вытащил рапиру из ножен устроителя побегов. Служитель был настолько поражен происходившим, что не протестовал.

— Law, m'zawfa! — крикнул Растиньяк, своим причудливым французским пародируя древний военный клич галлов «Allons, mes enfants!»*

Придя в себя, королевский служитель принялся визгливо выкрикивать команды многочисленной группе москитеров, заполнивших внутренний двор. Те в замешательстве остановились. Рев рожков, грохот барабанов и выкрики людей мешали им услышать его слова.

Растиньяк подцепил кончиком шпаги одну из сброшенных Кож, валявшихся на мостовой, и бросил ее в ближайшего стражника. Кожа упала прямо на его голову, сбив с нее шляпу. Стражник выронил меч и отшатнулся. Не теряя ни секунды, беглецы ринулись в атаку и с легкостью сломили слабое сопротивление противника.

Именно здесь Растиньяк и пролил первую кровь. Кончик его шпаги скользнул мимо клинка сбитого с толку москитера и вошел парню прямо в горло ниже подбородка. Тупое острие не вонзилось слишком глубоко. Тем не менее, выдернув клинок, Растиньяк увидел, что из раны хлынула кровь.

То был первый цветок на древе насилия — алый цветок против белизны человеческой кожи.

Будь на нем его Кожа, ему стало бы дурно от одного вида крови. А сейчас из его груди вырвался ликующий вопль.

Из-за спины Растиньяка, словно коршун, рванулась Люзин и склонилась над упавшим человеком. Обмакнув пальцы в еще дымящуюся кровь, она с жадностью облизала их.

Растиньяк с силой ударил ее ладонью по щеке. Она отшатнулась, и глаза ее сузились. Но она смеялась.

В последующие мгновения они уже вошли в дворцовый замок, сшибли с ног двух москитеров, пытавшихся преградить

---

* Вперед, дети мои! *(фр.)*

им путь в покои герцога, а затем продефилировали вдоль длинной анфилады комнат.

Герцог поднялся из-за своего письменного стола, чтобы поприветствовать вошедших. Но Растиньяк, преисполненный решимости разорвать всякие связи и потрясти правительство тем, что он называл истинным насилием, рявкнул своему благодетелю:

— Va t'feh fout!

Герцог, обескураженный столь грубым приказом и очевидной невозможностью его выполнения, заморгал, не произнося ни слова. Беглецы поспешили мимо него к дверце, за которой скрывался выход. Они распахнули ее и, перешагнув через порог, попали прямо в автомобиль, который дожидался их. Шофер стоял, прислонившись к его тонкому деревянному корпусу.

Оттолкнув того в сторону, Мапфэрити влез в машину. Остальные последовали за ним. Растиньяк забрался в нее последним. Он окинул автомобиль, в котором им, как предполагалось, предстояло осуществить побег, быстрым изучающим взглядом.

Автомобиль был лучшим из тех, какие только можно найти. Шестиместный ярко-красный «рено» высшего класса, он имел форму удлиненной лодки. На его корпусе не было ни единой царапинки. Две дополнительные пары ног, высовывавшихся из-под днища, свидетельствовали о такой его мощности, которая позволяла обогнать практически любую машину. Все его двенадцать пар ног, схожих с лошадиными, были подкованы первоклассной сталью. Именно такого рода автомобиль и нужен, когда пускаешься наутек через всю страну. Колесные автомобили передвигаются по шоссе, конечно, быстрее, но зато этот «рено» не остановят ни вода, ни вспаханные поля, ни крутые склоны гор.

Взобравшись на сиденье водителя, Растиньяк ухватился за руль и ногой нажал на педаль акселератора. Нервный узел под педалью передал сообщение спрятанным под обшивкой мышцам и выступавшим из корпуса ногам. «Рено» накренился вперед и затем, восстановив равновесие, стал набирать скорость. Он выскочил на широкое асфальтированное шоссе, задрожавшее от барабанной дроби копыт, обутых в стальные подковы. Из-под копыт во все стороны полетели искры.

Растиньяк управлял слепым безмозглым существом, скрытым в корпусе машины. В этом ему помогал радар, развившийся из соматических клеток существа и направляющий своего хозяина в обход препятствий. Добравшись до Rue des Nues, Растиньяк перевел машину на рысь, сбросив тем самым скорость. Переутомлять ее не имело смысла. Однако где-то на

середине отлогого подъема бульвара из боковой улочки выскочил, галопируя, «форд». Его сиденья щетинились обнаженными шпагами и высокими остроконечными шляпами со светлячками, распустившими крылышки.

Растиньяк вдавил педаль акселератора до предела, и «рено» перешел в галоп. «Форд» тем временем развернулся поперек дороги. И поскольку по обе стороны бульвара высилась живая изгородь, «форд», таким образом, смог перегородить большую часть прохода.

Но, прежде чем его автомобиль доскакал до «форда», Растиньяк нажал на кнопку прыжка. Такой кнопкой были оборудованы немногие машины: только спортсмены и члены королевской семьи могли позволить себе установку подобного нейроконтура. Кроме того, это устройство не предусматривало градации прыгания. Реакция не допускала никаких компромиссов. Ноги отталкивались от земли в едином порыве и со всей мощью энергии, заключенной в каждой из них. Сдержать этот процесс было невозможно.

Нос «рено» задрался, и автомобиль взмыл в воздух. Раздался крик. «Рено» слегка качнуло, когда задними копытами он ударился о головы москитеров, которые были настолько глупы, что не догадались уклониться от удара. С пронзительным скрежетом машина, накренясь, приземлилась стоймя за «фордом». Не давая себе передышки, она ринулась дальше.

Получасом позже Растиньяк посадил автомобиль в тени развесистого дерева.

— Мы уже порядком отъехали от города, — сказал он.

— Что теперь будем делать? — спросил нетерпеливый Арчембод.

— Сначала надо побольше разузнать об этом землянине, — ответил Растиньяк. — А тогда уж будем решать.

ГЛАВА 7

Рассвет, пробившись сквозь ночную стражу, пролился полосой густого румянца на склоны гор, обращенные к востоку. Шесть Летящих Звезд поблекли и незаметно растворились в утренней заре — словно ожерелье из сверкающих драгоценных камней окунулось в бутылку с чернилами и стало невидимым.

Растиньяк остановил уставший «рено» на вершине горы и окинул взглядом ландшафт, расстилавшийся перед ним внизу на целые мили. Замок Мапфэрити — высокая, тронутая розовым цветом башня — сверкал в лучах восходящего солнца. Он стоял на другой горе у берега моря. Местность вокруг полыхала красками, возможными лишь в воображении сумасшедшего.

Но Растиньяку все эти кричащие оттенки резали глаз. Вон тот ярко-зеленый, к примеру, казался ядовитым, а тот пылающий алый — кровавым; тот бледно-желтый напоминал по цвету выделения из сопливого носа, а тот чистый белый виделся ему червивым.

— Растиньяк! — Бас Мапфэрити дребезжал от раздражения, запрятанного где-то глубоко в груди.

— Что?

— Что нам делать теперь?

Жан-Жак молчал. И тогда, сокрушаясь, заговорил Арчембод:

— Я не привык ходить без Кожи. Мне недостает многого из того, что она давала мне. Начать с того, что я не чувствую твоих мыслей, Жан-Жак. Я не знаю, злишься ты на меня или любишь, а может, просто равнодушен. Я не знаю, где находятся сейчас другие люди. Я не чувствую радости играющих зверьков, свободы птичьего полета, призрачного перезвона подрастающей травы; сладкой волны вожделения рогатого апигатора, занятого любовной игрой; жужжания пчел, возводящих свой улей, и вялой, глупой надменности гигантского поедателя капусты duexnez*. Без Кожи, которую я так долго носил, я перестал что-либо ощущать вообще. Я только чувствую себя очень одиноким.

— Ты не одинок, — ответил ему Растиньяк. — С тобой я.

Взгляд больших карих глаз Люзин остановился на нем.

— Я тоже чувствую себя одинокой, — тихо проговорила она. — Моей Кожи больше нет — Кожи, которая подсказывала мне, как поступать по мудрости моего отца, амфибианского короля. Теперь, когда ее нет и я больше не слышу ее нежного голоса, похожего на трепещущий тамбурин, я не знаю, что делать.

— В данное время, — отозвался Растиньяк, — ты будешь делать то, что я скажу тебе.

— Так что же теперь? — повторил Мапфэрити.

Растиньяк оживился:

— Мы идем в твой замок, великан. Там мы воспользуемся твоей кузницей и заточим свои клинки так, чтобы они смогли проткнуть человека насквозь. Не бледней! Именно этим нам и следует заняться. А потом заберем твоего гуся, который несет золотые яйца. Уж если мы хотим чего-то добиться, нам непременно понадобятся деньги. Без них мы никуда. Ну а после купим — или украдем — какую-нибудь лодку и поплывем туда, где держат в плену землянина, где бы это ни было. И освободим его.

— А потом? — спросила Люзин. Ее глаза светились.

---

* Носатик *(фр.)*

— Чем вы займетесь потом, зависит от вас. Я же собираюсь покинуть эту планету и полететь вместе с землянином на другие миры.

Все молчали. Затем Мапфэрити спросил:

— А зачем отсюда улетать?

— А затем, что бесполезно чего-либо ждать от этой земли. Никто от своей Кожи не откажется. Прекрасная страна обречена на бездумную, праздную жизнь. А это не для меня.

Арчембод ткнул пальцем в амфибианскую девушку:

— А как же тогда с ее людьми?

— Они, возможно, и победят, эти водяные — но нам-то какая разница? Просто-напросто произойдет смена одной Кожи на другую. Раньше, еще до того как я услышал о землянине, я собирался драться, чего бы мне это ни стоило — даже если бы меня ожидало неизбежное поражение. Но сейчас мои планы изменились.

Громыхание Мапфэрити стало сердитым.

— Ах, Жан-Жак, не узнаю своего товарища. Я никогда от тебя такого не слышал. Ты случайно не проглотил своей Кожи? Ты говоришь так, будто вывернут наизнанку. Что случилось с твоими мозгами? Разве ты не понимаешь, что если амфибиане одолеют нас, то разница будет, и еще какая. Разве ты не понимаешь, из-за кого амфибиане ведут себя именно так, а не иначе?

Растиньяк направил «рено» к розовому кружевному замку, возвышавшемуся на горе. Автомобиль устало затрусил по неровной и узкой лесной тропе.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Я имею в виду то, что амфибиане всегда прекрасно ладили с ссассарорами, пока в их жизнь не вторгся новый фактор — земляне. Вот тогда-то и началась эта вражда. Спросишь: что это еще за новый фактор? Обычные приемыши. Помесь землян с амфибианами или ссассарора с жителем Земли. Из этого сделай вывод. Поверти его туда-сюда. Посмотри на него с разных сторон. За всеми этими раздорами стоят именно приемыши — человеческий фактор.

И еще. У амфибиан Кожи всегда отличались от наших. Наши фабрики создают для нас Кожи, чтобы установить некое духовное родство и связь между их владельцами и природой в целом. Предназначение наших Кож — помочь каждому человеку любить своего ближнего.

Но вот что странно в амфибианских Кожах: некогда они тоже предназначались для тех же целей. Но в последние тридцать—сорок лет амфибиане перешли на создание новых Кож с одной-единственной целью — наладить связь между морским королем и его подданными. Мало того, Кожами можно управ-

лять с дальних расстояний, с тем чтобы король мог наказать любого провинившегося подданного. Эти Кожи устроены таким образом, что устанавливают духовное родство лишь среди жителей воды, а не между ними и природой в целом.

— Я и сам уже кое о чем догадался, разговаривая с Люзин, — сказал Растиньяк. — Но я не подозревал, что все настолько серьезно.

— Ну да. Можно смело биться об заклад, что за этим стоят приемыши.

— Выходит, именно человеческий фактор все и портит?

— Кто же еще?

— Что скажешь на это, Люзин? — обратился Растиньяк к девушке.

— Думаю, что тебе лучше оставить этот мир. А нет, так становись амфибианским приемышем.

— С какой стати мне переходить к вам, амфибианам?

— Такой человек, как ты, мог бы стать морским королем.

— И пить кровь?

— По мне, так лучше пить кровь, чем заниматься любовью с человеком. Это уж точно. Впрочем, для тебя, Жан-Жак, я бы сделала исключение.

Если бы с таким откровенным предложением к нему обратилась женщина с суши, Растиньяк выслушал бы ее с обычной невозмутимостью. На земле Коженосителей о скромности, будь она ложной или какой еще, не имели понятия. Но слышать подобное от женщины, которая совсем недавно упивалась кровью еще живого человека, было для него невыносимо. Его передернуло.

И все же, несмотря на все отвращение к ней, он был вынужден признать, что она красива. Если б она только не пила эту кровь...

Хотя Мапфэрити лишился своей чуткой, восприимчивой ко всему Кожи, он, казалось, догадывался, что чувствовал Растиньяк.

— Тебе не следует чересчур винить ее, Жан-Жак, — произнес он. — Морским приемышам с младенчества прививается любовь к крови. Причем с весьма определенной целью, как она ни чудовищна. Настанет время, и полчища приемышей хлынут из моря, чтобы покорить жителей суши, и угрызения совести не будут мучить их, когда они начнут перегрызать горло своим же соплеменникам.

Люзин засмеялась. Остальные беспокойно заерзали, но реплик с их стороны не последовало. Растиньяк сменил тему разговора.

— Как ты узнал о землянине, Мапфэрити? — спросил он.

Ссассарор улыбнулся. Влажно блеснули два желтых длинных клыка; из раздувшихся ноздрей, которые располагались по обе стороны носа, посыпались голубые искорки, а оперенные уши, отвердев, захрустели красно-синими искрами.

— Я ведь занимаюсь не только выращиванием гусей, несущих золотые яйца, — проговорил он. — Я поставил ловушки для водяного народца, и двое угодили в них. Я их посадил в свою подземную тюрьму в замке и экспериментировал с ними. Я снял с них Кожи, надел на себя и обнаружил немало интересного.

Он покосился на Люзин, которая уже не смеялась.

— Например, я узнал, что морской король может определять местонахождение любого из его подданных, разговаривать с ним и даже наказывать его, где бы тот ни находился — в море или на побережье. Повсюду на подвластной ему территории у него есть Кожи-трансляторы. И для чего, ты думаешь, он их внедрил? А специально для того, чтобы любое сообщение, посылаемое им, достигало своего получателя, как бы далеко тот ни находился. Вдобавок он так настроил все без исключения Кожи, что при произнесении определенного кодового слова, на которое откликается лишь одна конкретная Кожа, он может побудить ее нанести болевой удар по своему владельцу или даже убить его. В своей лаборатории, — продолжал Мапфэрити, — я исследовал эти две Кожи, а затем понаделал с них уйму дубликатов. У меня ведь есть и своя биомастерская.

Растиньяк одобрительно улыбнулся, радуясь столь удачному ходу. Уши Мапфэрити затрещали голубыми искорками — так он выражал свое смущение.

— Здорово! В таком случае ты наверняка подслушал множество передач. Значит, тебе уже известно, где землянин?

— Да, — ответил великан. — Он во дворце амфибианского короля, что на острове Катапруэнуэ. Это всего лишь в тридцати милях отсюда, если идти к морю.

Растиньяк пока не знал, что предпримет, однако в запасе у него уже было два козыря — амфибианские Кожи и Люзин. А еще он страстно желал поскорее убраться с этой обреченной планеты, с этой земли, где люди слишком погрязли в своем фальшивом счастье, праздности и глупости, чтобы заметить близкую смерть, надвигавшуюся на них с моря.

Осуществить побег он мог двумя путями. Один из них заключался в использовании знаний недавно прибывшего землянина, чтобы с их помощью изготовить топливо, необходимое для запуска транспортных ракет. Сами ракеты до настоящего времени находились в музее. В прежних планах Растиньяка применение этих ракет не предусматривалось, так как ни он,

ни кто-либо другой на здешней планете не знал, как приготовить для них горючее. Секреты, подобные этому, были здесь давным-давно утеряны.

Но теперь, с прибытием нового человека с Земли, утерянное знание становилось доступным, а значит, появилась возможность снабдить ракеты всем необходимым и заставить их взлететь к одной из Шести Летящих Звезд. Землянин мог бы изучить ракету, определить объем нужного запаса топлива, а потом снарядить ее для долгого путешествия.

Вторым путем был земной корабль. Допустим, он мог бы пригласить землянина зайти в корабль...

В поле зрения Растиньяка появились гигантские ворота, ведущие в замок Мапфэрити, и ход его мыслей прервался.

ГЛАВА 8

Остановив «рено», Растиньяк велел Арчембоду найти слугу великана, чтобы тот заправил машину, помассировал ей ноги с жидкой мазью и заодно осмотрел копыта — все ли в порядке с подковами. Арчембод обрадовался возможности навестить Мапфабвишина, слугу великана. Он ведь так давно с ним не виделся. Маленький ссассарор был когда-то активным членом гильдии похитителей яиц, пока однажды ночью три года назад не попытался прокрасться в комнату-сейф Мапфэрити. Хитрый гильдейский вор благополучно миновал все расставленные великаном ловушки и нашел в его сейфе двух гусей, уютно устроившихся на ложе из минералов.

Дивные гуси вели себя тихо, когда он, в перчатках на свинцовой прокладке, поднимал их и заботливо укладывал в сумку, тоже освинцованную. Они даже не воспринимали его присутствия. Взращенные в лабораторных условиях, они имели форму реторты и даже не сознавали, что живут. Их протоплазма представляла собой сложную смесь углерода с кремнием. Они с хрустом разгрызали свинец и другие элементы, жевали свою жвачку, заглатывали, перерабатывали, и ежемесячно, с регулярностью хорошо отлаженного часового механизма — как движение звезд или кружение электронов, — каждый из них откладывал по восьмиугольному яйцу из чистого золота.

Тихо ступая, Мапфабвишин вышел из сейфа и уже считал, что находится в безопасности, как вдруг в полной тишине раздались пугающие, потрясающие и совершенно неэтичные, с его точки зрения, громкие звуки, издаваемые гусями.

Он побежал, но был недостаточно проворен. Поднятый с постели оглушительным трезвоном, сюда, спотыкаясь на бегу, примчался великан и поймал вора. Согласно контракту,

заключенному между гильдией яйцепохитителей и лигой великанов, член гильдии, схваченный в пределах замка, был обязан отслужить хозяину гуся два года. Мапфабвишина одолела жадность: он пытался унести обоих гусей. А значит, был обязан прислуживать великану в течение двойного срока.

Позже он узнал, каким образом попался в ловушку. Сами гуси не подавали никаких звуковых сигналов. Не имевшие рта, они были просто не способны на такое. Как выяснилось, Мапфэрити прикрепил у входа в помещение сейфа так называемого охотника на гусей. И если гусь оказывался поблизости от этого устройства, оно громко щелкало. Оно могло учуять гуся даже сквозь свинцовую прокладку сумки. Когда Мапфабвишин проходил под ним, то его щелчки разбудили крохотную Кожу внутри устройства. Кожа, которая, в сущности, представляла собой легочный мешочек и голосовые органы, стала подавать предупреждающие сигналы. Вот так карлик Мапфабвишин и начал свою службу у великана Мапфэрити.

Растиньяк знал эту историю. Ему было известно также, что Мапфэрити заразил парня философией насилия и что теперь тот является славным членом подполья. Растиньяку не терпелось сообщить Мапфабвишину, что его служба у великана подошла к концу и он больше не слуга Мапфэрити и отныне может занять место в его, Растиньяка, отряде на равных со всеми правах. Подчиняясь, естественно, приказам Растиньяка.

Мапфабвишин лежал, растянувшись, на полу и храпел, распространяя вокруг себя кислый запах. Рядом, взгромоздившись на стол, спал седой мужчина. Он лежал, повернув голову в сторону посетителей, и являл их взору такой же широко разинутый, как и у ссассарора, рот, обдававший их с ног до головы смрадным дыханием. В свисавшей со стола руке он сжимал пустую бутылку. Еще две валялись на каменном полу, одна из них была разбита.

Рядом с бутылками валялись Кожи обоих спящих. Растиньяк удивился, почему Кожи не доползли до вешалки и не повесились на нее.

— Что с ними случилось? Чем тут пахнет? — пришел в недоумение Мапфэрити.

— Не знаю, — признался Арчембод, — но зато знаю его гостя. Это отец Жюль, кюре гильдии яйцепохитителей.

Растиньяк, удивленно приподняв брови, подобрал бутылку, на дне которой еще плескался остаток, и выпил его.

— Mon Dieu, да это же вино для причастий! — вскричал он.

— Для чего им понадобилось пить его? — удивился Мапфэрити.

— Понятия не имею. Буди Мапфабвишина, а святой отец пусть поспит Кажется, он слишком притомился от столь усерд-

ных трудов на духовном поприще и, несомненно, заслуживает отдыха.

На маленького ссассарора выплеснули ведро холодной воды, и тот, пошатываясь, с трудом встал. Увидев Арчембода, он заключил его в объятия.

— Ах, Арчембод, старый мошенник, дорогой мой умыкатель детей и гусиных яиц, как же я рад тебя снова видеть — до трепета ушей своих!

И они в самом деле трепетали. С ушных перьев слетали красные и синие искры.

— Что все это значит? — с суровым видом прервал его Мапфэрити и указал на грязь, заметенную в углы.

С чувством собственного достоинства, которого у него было не так уж много, Мапфабвишин произнес:

— Святой отец Жюль заехал проведать нас. Он, как вы знаете, постоянно разъезжает по стране, навещая свою паству. Он выслушивает наши исповеди и служит мессы для нас, бедных яйцепохитителей, которые оказались настолько невезучими, что попались в когти некоего богатого и жадного великана антиобщественного поведения, который слишком скуп, чтобы нанять себе слуг, а вместо этого захватывает их силой, и который не захочет нарушить условия контракта, чтобы позволить нам уйти до окончания срока службы...

— Умолкни! — прогремел Мапфэрити. — Я не в состоянии целый день напролет выслушивать таких, как ты. У меня слишком болят ноги. Ведь я тебе всегда разрешал — и ты это знаешь — уходить в город на субботу и воскресенье. Что же тебе мешало навестить там священника?

— Вы прекрасно знаете, что ближайший город находится в десяти километрах отсюда и что в нем полно пантеистов*, — ответил Мапфабвишин. — Священника там днем с огнем не сыскать.

Растиньяк расстроился. И вот так всегда. Этих людей невозможно ни поторопить, ни заставить относиться к чему-либо серьезно. Взять хотя бы предмет их беседы, на который они сейчас попусту тратят столько слов. Всем известно, что Церковь давно объявили вне закона, так как она выступала против использования Кож и кое-чего другого, связанного с ними. И как только Церковь оказалась незаконной, ссассароры, жаждавшие введения своей системы, основанной на взаимозависимости органов власти, договорились через министра по

---

* Пантеист — сторонник пантеизма — религиозно-философского учения, отождествляющего Бога с природой и рассматривающего природу как воплощение Божества.

злонамеренным делам о неофициальном юридическом признании Церкви.

Хотя местные жители принадлежали к пантеистической организации, известной под названием «Дети матушки-природы», все они затем стали членами Церкви землян. Они действовали на основании теории, провозглашавшей, что лучшим способом обезвредить какую-либо организацию является массовое вступление в нее. Но ни в коем случае не подвергать ее гонениям. От этого она только выиграет.

К большому огорчению Церкви, теория действовала. Как можно бороться с врагом, который стремится в лоно вашей церкви и к тому же соглашается со всем, чему его учат, но в то же время продолжает поклоняться другому богу? Предположительно оттесненная в подполье, Церковь числила среди своих сторонников всех обитателей суши, начиная с короля и ниже.

Время от времени священники забывали надеть Кожу, выходя из дома, и тогда их брали под арест. Потом их освобождали, устраивая официальный побег из тюрьмы. Тех из них, кто отказывался действовать заодно, насильственно похищали, увозили в другой город и там отпускали на свободу. Также бесполезно было для священника во всеуслышание бесстрашно объявлять, кто он такой. Все притворялись, будто не знают, что он скрывается от правосудия, и упорно продолжали называть его официальным псевдонимом.

Тем не менее лишь немногие священники были подобными мученикам. Длительное, в течение многих поколений, ношение Кож заметно ослабило религиозный пыл.

В случае с отцом Жюлем самым загадочным для Растиньяка было вино для причастий. Насколько он знал, ни сам священник, ни кто-либо другой в Ле-Бопфее никогда не притрагивались к этому напитку, кроме как во время ритуала. И в самом деле — никто, кроме священников, даже понятия не имел, как приготовить это вино.

Растиньяк тряхнул священника.

— Что случилось, отец? — спросил он.

Отец Жюль зарыдал:

— Ах, мой мальчик. Ты уличил меня в моем грехе. Я — пьяница.

Все смотрели на него в недоумении.

— Что означает слово «пьяница»?

— Оно означает человека, который настолько гнусен, что заливает свою плоть и Кожу алкоголем, мой мальчик. И заливает до тех пор, пока не перестает быть человеком и не превращается в скотину.

— Алкоголь? Что это?

— Дрянь, которая находится в вине, мой мальчик. Ты не знаешь, о чем я тут толкую, потому что с давних пор знать об этом запрещалось всем, кроме нас, носящих сутану. Сутана — как бы не так! Чушь! Мы, как и все, расхаживаем голыми, если не считать этих безобразных шкур, которые мы напяливаем поверх своих собственных и которые скорее выставляют напоказ, нежели прячут. Они не только наша одежда, но и наставники, родители, блюстители, переводчики и, да-да, даже священники. Тут где-нибудь не завалялась бутылка, в которой хоть что-нибудь плещется? Я пить хочу.

Но Растиньяк не оставлял заинтересовавшей его темы.

— Но почему изготовление этого самого алкоголя было запрещено?

— Откуда мне знать? — ответил отец Жюль. — Я старый, но не такой уж замшелый, чтобы прибыть сюда на Шести Летящих Звездах... Так где же та бутылка?

Растиньяк не обиделся на его раздражительный тон. Священники пользовались репутацией людей с самым что ни на есть скверным характером, буйных и невыдержанных. Они совсем не походили на земных духовных лиц, которые, как рассказывали легенды, были людьми добросердечными, кроткими, смиренными и покорными властям. Но в Ле-Бопфее у служителей Церкви были все основания иметь столь дурной характер. Здесь все регулярно посещали мессу, платили свои десятины, исповедовались и не засыпали во время проповеди. Все верили тому, что говорили священники, и были настолько добропорядочными, насколько вообще позволяет человеческая натура. А значит, у священников не было настоящего стимула для деятельности; отсутствовало зло, с которым надо было бороться.

Но отчего в таком случае существовал запрет на алкоголь?

— Sacre Bleu!* — простонал отец Жюль. — Выпей столько же, сколько я за прошлую ночь, и ты поймешь. Чтоб я еще раз... да ни за что! А-а, вот она — бутылочка, припрятанная в моем дорожном платье. Сама судьба послала мне ее. Где там штопор?

Одним глотком осушив сразу полбутылки, отец Жюль причмокнул, подобрал с пола свою Кожу, очистил ее от грязи и произнес:

— Мне пора в путь, дети мои. У меня сегодня в полдень назначена встреча с епископом, а мне еще топать добрых двенадцать километров. Может, у кого-то из вас, джентльмены, найдется автомобиль?

Покачав головой, Растиньяк ответил, что весьма сожалеет, но их автомобиль слишком устал и к тому же потерял подкову.

---

* Черт возьми! *(фр.)*

Отец Жюль философски пожал плечами и, надев на себя Кожу, снова потянулся к бутылке.

— Простите, отец, — проговорил Растиньяк. — Я оставляю ее себе.

— Для чего? — удивился отец Жюль.

— Не волнуйтесь. Скажем так: я удерживаю вас от соблазна.

— Будь благословен, сын мой, и пусть похмелье помучает тебя как следует, чтобы ты постиг греховность путей своих.

Растиньяк с улыбкой смотрел, как уходит святой отец. И не разочаровался. Не успел священник дойти до исполинских ворот, как Кожа свалилась с него и упала на камни.

— А, — выдохнул Растиньяк. — То же самое произошло и с Кожей Мапфабвишина, когда тот ее надел. Должно быть, в вине есть нечто такое, что ослабляет жизненную силу Кож, и они сваливаются.

Когда падре ушел, Растиньяк вручил бутылку Мапфэрити.

— Нам предписано, брат, нарушать закон нелегальнейшим образом. Поэтому я прошу тебя подвергнуть это вино анализу и выяснить, как приготовить его.

— Почему бы не спросить самого отца Жюля?

— Потому что священники связаны обещанием никогда не раскрывать этого секрета. Это было одним из первых соглашений, на основании которого Церкви разрешили остаться в Ле-Бопфее. По крайней мере, так говорил мне мой кюре. Он сказал, что вино — это благо, поскольку устраняет зло из человеческих соблазнов. Он никогда не говорил, почему оно несет в себе зло. Возможно, просто не знал.

— Неважно. А вот что действительно важно, так это то, что Церковь по недосмотру дала нам в руки оружие, с помощью которого мы сможем избавить человека от его рабской зависимости от Кож, а заодно она еще раз предоставила себе возможность стать по-настоящему гонимой и преуспеть на крови своих жертв.

— Кровь? — переспросила Люзин, облизывая губы. — Церковники пьют кровь?

Растиньяк не стал пояснять. Он мог и ошибаться. В этом случае он бы почувствовал себя последним болваном, если б другие узнали, о чем он думает.

Между тем это были первые шаги, которые им предстояло сделать, чтобы снять Кожи со всего населения планеты.

ГЛАВА 9

Немногим позже в тот же день москитеры окружили замок, но попыток взять его штурмом не предприняли. На следующий день один из них, постучавшись в огромную парадную дверь,

вручил Мапфэрити ультиматум с требованием сдаться. Великан посмеялся и, положив документ себе в рот, съел его. Посланцу стало дурно, и его пришлось приводить в чувство ведром холодной воды, прежде чем он смог вернуться, пошатываясь, назад с донесением о более чем странном приеме, ниспровергающем всякие традиции.

Растиньяк так организовал свое подполье, что при желании его можно было привести в боевую готовность в любую минуту. Осада его не беспокоила, потому что, как известно, в замках великанов существуют всякого рода подземные туннели и потайные выходы. Он имел постоянную связь с небольшим числом священников, которые желали работать на него. Они были прирожденными бунтарями, которые с восторгом восприняли его слова о том, что благодаря их деятельности Церковь будет жестоко преследуема.

Однако подавляющее большинство священников по-прежнему цеплялись за Кожи и заявляли, что не желают иметь ничего общего с этим безэкстрадермальным* дьяволом. Они гордились этим выражением и находили в нем утешение. Банальным термином, обозначавшим людей, которые отказывались от ношения Кож, был «дьявол», а по всем канонам и здравому рассуждению Церковь не могла общаться с дьяволом. Как известно, священники всегда были на стороне ангелов.

Тем временем отряд Дьявола, вырвавшись из туннелей, стал совершать набеги. Их объектами были замки великанов и правительственные сокровищницы, их награбленное добро, гуси. Набеги были столь многочисленны, что президент лиги великанов и представитель профсоюза гильдии яйцепохитителей пришли к Растиньяку с мольбой о пощаде. И остались, чтобы повиноваться. Растиньяк наслаждался их стенаниями, а затем, немного послушав, выставил их вон.

Подобно всем владельцам Кож, Растиньяк всегда признавал денежную систему разумной и сбалансированной. Но теперь, когда он снял свою Кожу и смог рассуждать объективно, он увидел все недостатки этой системы.

По какой-то причине, похороненной историей в глубине веков, великаны всегда распоряжались средствами изготовления шестиугольных золотых монет, называемых oeufs**. Но короли, жаждавшие заполучить контроль над золотыми яйцами, учредили тот элитный филиал гильдии, чьей специализацией стало похищение полуживых гусей. Всякий раз, когда вору

---

* Derma *(лат.)* — кожа.
** Яйца *(фр.)*.

улыбалась удача, он сбывал гуся своему королю. Монарх, в свою очередь, посылал обворованному великану уведомление, в котором сообщал, что правительство намерено оставить гуся у себя с целью создания собственной валюты. Но, даже несмотря на то что великан занимается изготовлением фальшивых гусей, король настолько великодушен, что из каждых тридцати яиц, откладываемых похищенным гусем, будет отправлять великану одно.

Сквозь вежливые строчки уведомления ясно проглядывала ложь. Великаны делали самых что ни на есть настоящих на планете гусей, несущих золотые яйца, потому что лига великанов была единственной, кто владел этим секретом. А король возвращал одну тридцатую от награбленного, с тем чтобы великан мог скопить достаточно денег на покупку материалов, необходимых для создания другого гуся. Которого позже, надо полагать, тоже украдут.

От незаконной кражи гусей Растиньяк выручал мало денег Крестьяне придерживали свою продукцию и не продавали ее до тех пор, пока цены на нее не взлетали до максимума. Правительство, торговцы, лига, гильдия — все видели, что они доведены до нищеты.

Более того, амфибиане, воспользовавшись ситуацией, сами стали совершать набеги под видом Растиньяка.

Ничего это Растиньяка не интересовало. Он был полностью поглощен мыслями о том, как найти способ достигнуть острова Катапруэнуэ и спасти землянина, чтобы тот помог ему вырваться отсюда на звездолете, дрейфовавшем в гавани. Но он знал, что ему придется набраться терпения и, не торопясь, сначала прощупать почву, а уж потом соответствующим образом строить планы.

Кроме того, Мапфэрити обещал ему сделать все возможное, чтобы настроить жителей суши на сопротивление обитателям вод, когда разразится война.

Самый дерзкий свой набег Растиньяк совершил, когда одной безлунной ночью проник, крадучись, со своим отрядом в столицу, чтобы ограбить большой Гусиный дом, стоявший недалеко от дворца и дома министра по злонамеренным делам — яйцом добросить можно. Усыпив стражу Гусиного дома с помощью маленьких стрел, обильно смазанных ядом сонной змеи, похитители заполнили свои освинцованные сумки золотыми яйцами и незаметно выскользнули через заднюю дверь.

Когда они выходили, Растиньяк заметил укутанную в плащ фигуру, крадущуюся из задней двери дома министра. Подчиняясь внезапному порыву, он перехватил незнакомца. Им оказался амфибианский приемыш. Растиньяк поспешил уколоть

амфибианина ядовитой стрелой, пока тот не закричал или не воткнул в него нож.

Мапфэрити подхватил обмякшее тело, и они помчались к замку, чтобы укрыться в его надежных стенах.

Амфибианина Пьера Пусипремнооса допросили уже в замке. Сначала тот молчал, но затем, когда Мапфэрити принес из биомастерской мощную Кожу и надел ее на пленника, сразу развязал язык. Она походила на те Кожи, которые носили жители вод, но отличалась от них тем, что великан мог управлять через нее сильнейшими болевыми импульсами.

После пары нейроударов Пьер признался, что является приемным сыном амфибианского короля, а значит, названым братом Люзин. Потом он сообщил, что является связным между амфибианским королем и ссассарорским министром по злонамеренным делам.

Еще несколько болевых ударов извлекли из него сведения о том, что министр по злонамеренным делам Оверпин — амфибианский приемыш, который выдает себя за истинного жителя суши. В ходе допроса выяснилось не только это. Как оказалось, человеческие заложники, жившие среди амфибиан, собираются поднять против последних тщательно подготовленное восстание. В ходе восстания примерно половина из них будет перебита. Оставшихся в живых планировалось затем подчинить Главной Коже.

Едва Растиньяк с Мапфэрити вышли из лаборатории, как на них кинулась Люзин с ножом в руке. И, прежде чем Растиньяк успел апперкотом сбить ее с ног, вонзила нож ему в руку.

Позже, когда Мапфэрити прикладывал к его ране маленькое желеобразное существо под названием «ранофиксатор», Растиньяк пожаловался:

— Не знаю, смогу ли я выдержать еще. Раньше я думал, что следовать путем насилия не так уж трудно, потому что отчаянно ненавидел Кожи и амфибиан. Но оказывается, легче нападать на безликого, гипотетического врага — или подвергать его пыткам, — чем иметь дело с вполне конкретным врагом. Гораздо легче.

— Брат мой, — громыхнул великан, — если ты и дальше собираешься размышлять над философским смыслом своих поступков, то в конце концов обессилеешь и запутаешься, как многоножка, пересчитывающая собственные ноги. Лучше не думать. Воины не обязаны делать это. Когда они начинают думать, острота их боевого пыла притупляется. А тебе сейчас как никогда нужна эта острота.

— А по-моему, боевой пыл оттачивается именно мыслью.

— Да, если проблемы легко разрешимы. А тебе следует помнить, что общественную систему на этой планете можно назвать какой угодно, но только не простой. Ее создали, чтобы запутывать, чтобы поддерживать в нас чувство неуверенности, ненадежности. Постарайся запомнить одно: Кожи значительно больше мешают человеку, чем помогают ему. И еще: если Кожи не исчезнут из нашей жизни, то скоро амфибиане будут перегрызать нам горло. Мы можем спастись только одним способом — если прикончим их первыми. Правильно?

— Думаю, да, — ответил Растиньяк. Нагнувшись, он подхватил под мышки лежавшую без сознания Люзин. — Помоги мне отнести ее в комнату. Подержим ее там взаперти, пока она не остынет. А потом используем ее как проводника, когда доберемся до Катапруэнуэ. Кстати, сколько галлонов вина ты уже приготовил?

ГЛАВА 10

Неделей позже Растиньяк вызвал к себе Люзин. Она вошла с насупленным и надутым видом, обиженно оттопырив нижнюю губу.

— Послезавтра состоится коронация новых королей, не так ли? — произнес он.

— Очевидно, так, — невыразительным голосом ответила она. — Но на самом деле снова коронуют нынешних королей.

Растиньяк улыбнулся:

— Знаю. Не правда ли, странно: как это «народ» всегда избирает на власть одних и тех же правителей? Впрочем, я не об этом. Я хорошо помню, что в день коронации амфибиане дарят своему королю всякие экзотические и занятные подарки. Как ты думаешь, что случится, если я привезу с собой полный трюм бутылок с вином и бесплатно раздам их населению как раз перед тем, как амфибиане устроят свою внезапную резню?

Люзин уже видела, как Растиньяк с Мапфэрити экспериментировали с вином, и результаты этих экспериментов ужаснули ее. И все же сейчас она предприняла дерзкую попытку упрятать свой страх поглубже. Злобно фыркнув, она прошипела:

— Ну и бестолочь же ты! Найдутся священники, которые распознают, что это за вино! Они будут в толпе в день коронации.

— Ха, как бы не так! Во-первых, вы, амфибиане, почти законченные агрессивные пантеисты. У вас таких священников — раз-два и обчелся, и сейчас вам придется расплачиваться за подобный пробел в рядах дегустаторов вин. А во-вто-

рых, по вкусу стряпня Мапфэрити вовсе и не похожа на вино, зато раза в два крепче.

Люзин снова злобно фыркнула и, круто развернувшись, вышла.

Этой ночью отряд Растиньяка вместе с Люзин прошли сквозь туннель, который вывел их к пустотелому дереву на поверхности земли. Через него они выбрались наружу, примерно в двух милях западнее замка. Здесь они вскочили в «рено», спрятанный в замаскированном гараже, и покатили в небольшой порт Маррек. С помощью золотых яиц Арчембод успел подготовить почву для дальнейшего путешествия, и в порту их уже дожидался шлюп.

Растиньяк встал у руля судна. Рядом с ним стояла Люзин, готовая ответить на оклик любого амфибианского патруля, который попытался бы остановить их. Будучи приемной дочерью амфибианского короля, она могла без всяких проблем провести судно до амфибианского острова.

Позади нее стоял Арчембод, сжимая под плащом нож, — на тот случай, если она вздумает предать их. Но Люзин клятвенно заверила своих спутников, что ей можно доверять. На это Растиньяк ответил, что вполне уверен в ней, действительно уверен... пока в ее спину упирается острый кончик ножа, напоминающий ей об ее надежности.

Их никто не останавливал. За час до рассвета они бросили якорь в гавани Катапруэнуэ. Люзин связали в каюте по рукам и ногам. Но, прежде чем Растиньяк оцарапал ее иглой, смазанной ядом сонной змеи, она взмолилась:

— Ты не можешь так поступить со мной, Жан-Жак, если любишь меня.

— А кто говорил, что я люблю тебя?

— Это мне нравится! Сам и говорил, обманщик!

— Да ладно тебе! Ты ведь далеко не наивная девочка, Люзин, и знаешь, что подобные торжественные заверения в нежной привязанности — всего лишь неизбежный аккомпанемент к минутной страсти.

Впервые со времени их знакомства Растиньяк увидел, как у Люзин предательски задрожала нижняя губа и на глазах показались слезы.

— Ты хочешь сказать, что только использовал меня? — всхлипнула она.

— Ты забываешь, что это как раз ты использовала меня. Уж у меня-то есть все основания говорить так. Вспомни: ты же амфибианка. Вам нельзя доверять. Вы, кровопийцы, такие же дикие и безжалостные, как и те маленькие морские чудовища, которых вы подбрасываете в колыбели человеческих детей.

— Жан-Жак, возьми меня с собой! Я сделаю все, что ты скажешь! Ради тебя я способна даже перегрызть горло своему приемному отцу!

Он рассмеялся. Не обращая на его смех внимания, Люзин возбужденно заговорила:

— Я хочу быть рядом с тобой, Жан-Жак! Послушай, если я проведу тебя на свою родину, то мое влияние как дочери амфибианского короля поможет тебе самому стать королем после восстания. Ради тебя я избавлюсь от амфибианского короля, так что на твоем пути никого не окажется!

Сознание вины мучило ее не больше, чем тигрицу. Она была наивна и ужасна, невинна и отвратительна.

— Нет, спасибо, Люзин. — Растиньяк царапнул ее иглой с ядом сонной змеи. Когда ее глаза закрылись, он произнес: — Ты не понимаешь. Все, что я хочу, — это улететь к звездам. Быть королем — для меня ничто. Единственный человек, с кем бы я хотел поменяться местами, — это землянин, пленник амфибиан.

Оставив спящую Люзин, он вышел, заперев за собой дверь каюты.

Полдень застал заговорщиков праздно прогуливавшимися по большой площади перед дворцом обоих королей моря и островов. Они были замаскированы под обитателей вод. Прежде чем покинуть замок, они нарастили между пальцами своих рук и ног перепонки — по примеру амфибианских приемышей, родившихся без таковых, — и накинули на себя те особые амфибианские Кожи, которые вырастил Мапфэрити в своей биомастерской. Способные настраиваться на длину амфибианских волн, Кожи были начисто лишены нейроударного механизма.

Задача Растиньяка состояла в том, чтобы определить местонахождение землянина, вызволить его и доставить на космический корабль, который нашел пристанище между двумя причалами, обратившись носом к морю. С одного из причалов вел деревянный мостик, который заканчивался где-то на середине вздымавшейся громады корабля.

Сколько Растиньяк ни всматривался, он не смог различить на гладком металле ни единой щели, свидетельствовавшей о наличии люка, но разум подсказывал ему, что в том месте, где кончается мостик, наверняка есть какой-то вход в корабль.

Стража из двадцати амфибиан отражала любую попытку со стороны толпы забраться на мостик.

Растиньяк связался с начальником порта и с помощью изрядного количества золотых яиц договорился насчет немедленной выгрузки его ящиков с вином в этот день всеобщего праздника. Очутившись на площади, Растиньяк со своими

людьми распаковали вино, оставив на повозке, прицепленной к маленькому, но мощному шестиногому джипу, два громоздких ящика. Пока они складывали бутылки с вином в огромный штабель, за ними наблюдала, окружив их, любопытная толпа на площади. Затем Растиньяк взобрался на ящик и осмотрелся, чтобы получше рассчитать время, когда начинать. На площади толпилось множество народу — наверное, около семи-восьми тысяч. Здесь находились представители всех трех рас — ссассароры, амфибиане, люди, — но процентное соотношение их было различно. Именно в этом и хотел удостовериться Растиньяк, присматриваясь к толпе. Он заметил, что за каждым амфибианином-нечеловеком следуют по меньшей мере два человека.

Для обслуживания амфибианина или ссассарора обычно и требовалось два человека.

Амфибиане, весом около трехсот фунтов каждый и ростом как минимум шесть с половиной футов, ходили, опираясь на ласты, схожие с тюленьими. Гигантские ссассароры, любители рыбы, достигли такого же колоссального роста, как и Мапфэрити. Великаны были в меньшинстве, так как амфибиане всегда предпочитали красть человеческих младенцев у землян. Ссассарорские приемыши были также приговорены к смерти.

Растиньяк пытался подметить признаки волнения или вражды между этими тремя группами. И вскоре увидел их. Их было немного, но вполне достаточно, чтобы свидетельствовать о наличии скрытой тревоги. Стражники вынуждены были трижды вмешиваться, чтобы воспрепятствовать ссорам. Люди спокойно взирали на спорщиков-не-людей, но и пальцем не шевелили, чтобы помочь своим амфибианским приятелям в их споре с великанами. Более того, они отводили их в сторону и, казалось, даже отчитывали их. Очевидно, всем был дан приказ придерживаться своей прежней линии поведения — пока не разразится восстание.

Растиньяк взглянул на большие башенные часы.

— Остался час до начала торжеств, — сказал он своим людям. — Поехали!

ГЛАВА 11

Мапфэрити, который прохаживался в толпе неподалеку, заметил сигнал Арчембода и медленно, с трудом, — как и приличествует великану, у которого болят ноги, — подошел к ним. Остановившись, он изучающим взглядом окинул штабель бутылок, а затем своим голосом «рык льва на дне колодца» произнес:

— Скажи-ка, что в этих бутылках?

— Напиток, который доставит новым королям ни с чем не сравнимое наслаждение, — громко откликнулся Растиньяк.

— Что же это? — полюбопытствовал Мапфэрити. — Морская водичка?

Толпа покатилась со смеху.

— Нет, не водичка, — ответил Растиньяк, — как поняли, пожалуй, все, кроме неповоротливых великанов. Это восхитительный напиток, от которого пьющий приходит в необычайный восторг. Я достал рецепт его изготовления у одного старого колдуна, живущего в далеком краю Апфелабвиданахьев. Он поведал мне, что его семья владеет этим рецептом еще с тех пор, когда в Ле-Бопфее появился человек. Колдун расстался с рецептом лишь при условии, что я приготовлю вино только для королей.

— Выходит, только их величества смогут попробовать этот изысканный напиток? — проревел Мапфэрити.

— Это зависит от того, будет ли угодно их величествам уделить его немного и своим подданным, чтобы те отпраздновали результаты выборов.

Арчембод, также стоявший в толпе, пронзительно закричал:

— Если они и поделятся, то, думается мне, пузатые амфибиане и великаны отхватят себе вдвое больше, чем мы, люди. Они, похоже, никогда себя не обидят.

В толпе глухо зашептались: одобрительно — амфибиане, и протестующе — остальные.

— В данном случае это не имеет ровно никакого значения, — улыбнулся Растиньяк. — Вся прелесть в том и заключается, что амфибианин не сможет выпить больше человека. Наверное, поэтому старик, открывший мне свой секрет, назвал напиток «старый уравнитель».

— Ах ты, бескожий, — с издевкой выкрикнул Мапфэрити, бросив ему в лицо самое страшное из известных оскорблений. — Да я способен перепить, переесть и превзойти в плавании любого здешнего человека. Эй, амфибианин, дай-ка мне бутылку! Посмотрим, хвастаюсь я или нет!

Сквозь толчею протолкнулся амфибианский капитан, неуклюже ковыляя на своих ластах, словно прямоходящий тюлень.

— А ну, стой, ты не имеешь права! — пролаял он. — Эти бутылки предназначены для королей. К ним не притронется ни один командир, не говоря уже о каком-то там человеке или великане.

Растиньяк мысленно поздравил себя. Лучшего вмешательства в свой спектакль он бы и сам не придумал.

— Почему это мне нельзя? — осведомился он. — Во время официальной презентации эти бутылки — мои, а не королей. И я что захочу, то и сделаю с ними.

— Верно, — одобрили амфибиане. — Его правда!

Большие карие глаза амфибианина сузились, а лицо, скорее похожее на морду животного, сморщилось, но он не посмел огрызнуться в ответ. Растиньяк, не мешкая, тут же вручил каждому из своих товарищей по бутылке. Те раскупорили их, выпили и сделали вид, что пришли в крайний восторг, — содержимым этих трех бутылок был всего лишь фруктовый сок.

— Послушай, капитан, — сказал Растиньяк, — почему бы тебе самому не глотнуть? Давай, смелее! Здесь на всех хватит. Я уверен, что их величества будут рады пожертвовать толику чудесного напитка ради столь радостного события. Кроме того, я всегда смогу приготовить для королей еще. Вообще-то, — добавил он, простодушно помаргивая, — я надеюсь получить от дворов их величеств пенсию как королевский производитель «старого уравнителя». Очень старого.

Толпа разразилась смехом. Амфибианин, опасаясь потерять престиж, взял бутылку, в которой плескался отнюдь не фруктовый сок, а вино. После пары больших глотков глаза амфибианина покраснели, а тонкие, темные по краям губы скривились в глупой ухмылке. Осушив бутылку до дна, он охрипшим голосом попросил еще одну.

В неожиданном порыве щедрости Растиньяк не только дал тому просимое, но принялся раздавать бутылки, суя их в протянутые в жадном нетерпении руки. Мапфэрити и оба яйцекрада помогали ему. Вскоре груда бутылок сократилась на три четверти. А когда к ним большими шагами подошла смешанная группа стражников, чтобы узнать о причине волнения, Растиньяк дал и им несколько бутылок.

Через минуту площадь забурлила, превратившись в клубок дерущихся тел. Долго сдерживаемая враждебность друг к другу высвободилась наконец под воздействием алкогольного напитка, к которому ни человек, ни ссассарор, ни амфибианин не привыкли, но который все поглощали с величайшим удовольствием. Пошатываясь, с заплетающимися языками и налитыми кровью глазами, они царапались, колотили друг друга кулаками, сражались любыми предметами, какие только попадались под руки.

И никто из них не заметил, что каждый, кто хлебнул из бутылки, потерял свою Кожу. Отвалившись одна за другой, Кожи неподвижно лежали на мостовой, где их пинали ногами и наступали на них. Но ни одна даже не пыталась подползти к своему владельцу, поскольку от вина все они оказались полностью парализованы.

Усевшись за руль джипа, Растиньяк, как мог, стал пробираться сквозь клубок сражавшихся тел. После многочисленных остановок он наконец затормозил перед широкой

мраморной лестницей, которая, словно лестничный марш в небеса, возносилась все выше и выше, пока не заканчивалась на Дельфиньей террасе дворца. Растиньяк и его отряд собрались было стащить с повозки оба тяжелых ящика, как открывшееся их глазам зрелище буквально приковало их к месту.

На ступеньках лежало десятка два мертвых людей и амфибиан — свидетельство жестокой схватки, происшедшей между стражами обоих монархов Очевидно, король амфибианских приемышей, услышав о начавшихся беспорядках, поспешил выйти из дворца. Здесь он, по всей видимости, решил, что восстание началось раньше намеченного срока. Так или иначе, но он напал на амфибианского короля.

И победил — судя по тому, что его стражники удерживали брыкавшегося ластоногого правителя, а еще двое запрокинули его голову над ступенькой. Сам же король приемышей, все еще облаченный в коронационную мантию, собирался полоснуть амфибианина длинным церемониальным ножом по обнаженному и пульсирующему горлу.

Одного этого было достаточно, чтобы замереть на месте. Но при виде Люзин с ножом в руке, бегущей вверх по лестнице навстречу правителям, на них напал настоящий столбняк. Она бежала, подняв руку с ножом, к своему приемному отцу, амфибианскому королю.

Мапфэрити недовольно заворчал, но Растиньяк остановил его:

— Невелика беда, что она сбежала. Будем действовать, как наметили.

Они принялись сгружать ящики. Растиньяк, продолжавший наблюдать за Люзин, увидел, как она подбежала к амфибианскому королю, остановилась, что-то ему сказала, затем встала на колени и нанесла удар, глубоко вонзив нож в его яремную вену. И прежде чем кто-либо успел остановить ее, она приникла ртом к глубокой ране на его шее.

Король людей пнул ее, и она покатилась вниз по ступенькам. Растиньяк прекрасно понимал, что вовсе не ее кровожадный поступок вызвал такую реакцию с его стороны. Причина была в том, что она посмела совершить данный поступок без его разрешения, да еще первая отведала королевской крови.

Растиньяк с мрачным удовлетворением отметил, что, когда Люзин пришла в себя после удара и бросилась обратно, чтобы поговорить с королем, тот оставил ее без внимания. Она указала ему на собравшихся вокруг повозки, но он отмахнулся. Он был слишком занят, злорадствуя при виде поверженного соперника, лежавшего у его ног.

Заговорщики подняли оба ящика и, пошатываясь от тяжести, понесли их вверх по лестнице. Король в это время спускался вниз и, проходя мимо, лишь бросил на них любопытный взгляд. Весь день с самого утра по этой лестнице носили во дворец подарки для короля, поэтому он, очевидно, принял ящики всего лишь за очередные подношения. Так что Растиньяк и его люди прошли мимо ножей стражников с таким видом, будто им нечего бояться.

Люзин стояла наверху в одиночестве, не меняя напряженной позы и с ножом в руке.

— Я убью короля и напьюсь из его горла! — хрипло выкрикнула она. — Ни один человек не смеет безнаказанно ударить меня, кроме возлюбленного. Он забыл, что я приемная дочь амфибианского короля?

Растиньяк почувствовал отвращение, но к тому времени он уже знал, что когда имеешь дело с насилием и восстаниями, то приходится мириться со многим и похуже.

— Придержи-ка здесь, — сказал он, не обращая внимания на ее угрозу.

Она послушно ухватилась за угол ящика. На его дальнейшие расспросы она ответила, что землянина, который прилетел на космическом корабле, держат в апартаментах западного крыла. После этого они пошли быстрее, не тратя времени на поиски, и без помех дотащили тяжеленные ящики до огромного помещения, где хранилась Главная Кожа.

Там они нашли десятерых обезумевших биотехников, возбужденно суетившихся вокруг Главной Кожи и тщетно пытавшихся выяснить, почему их великая экстрадерма, через которую контролировались все индивидуальные Кожи, не передает сигналы должным образом. Им было пока невдомек, что как раз она функционировала по-прежнему безупречно, а вот малые Кожи амфибиан и их заложников-людей перестали хлестать своих носителей болевыми импульсами, чтобы заставить их подчиниться, потому что валялись на земле в пьяном угаре. Никто не сказал им, что Кожи, которые получали пищу из кровеносных сосудов своих хозяев, впали от алкоголя в бессознательное состояние и перестали реагировать на сигналы, поступающие от Главной Кожи.

Это относилось, естественно, только к тем Кожам на площади, которые опьянели от вина. Во всем же королевстве не было такого уголка, кроме этой площади, где амфибиане не корчились бы в агонии, а ссассароры и земляне, пользуясь их беспомощным состоянием, не резали бы им горло. Но только не здесь, в эпицентре событий.

ГЛАВА 12

Обитатели суши набросились на техников и затолкали их в огромный чан с химическим раствором, где плавала Главная Кожа, занимавшая двадцать пять тысяч квадратных футов. Затем они распаковали освинцованные сумки, заполненные украденными гусями, и вытряхнули все их содержимое в питательный раствор. По расчетам Мапфэрити, радиоактивность, излучаемая кремнийуглеродистыми гусями, должна умертвить гигантскую Кожу всего за несколько дней. А когда вырастят новую, она тоже погибнет. Пока амфибиане догадаются, в чем дело, и найдут гусей на дне цистерны в десять футов глубиной, им будет уже не под силу остановить процесс. Навряд ли им это удастся.

В любом случае Главную Кожу необходимо было постоянно выводить из строя — так, чтобы по всему королевству амфибиане в своей борьбе имели все шансы на успех. Мапфэрити воткнул в этот плавающий остров из протоплазмы пустотелый гарпун и через трубку, подсоединенную к гарпуну, влил в Кожу три галлона яда сонной змеи. Этого было достаточно, чтобы на час-другой усыпить ее. А тем временем амфибиане избавятся от своих экстрадерм — если они не совсем лишены здравого смысла.

Покинув лабораторию, они направились в западное крыло здания. Пока они шли по длинным, извилистым коридорам, Люзин спросила:

— Жан-Жак, а что ты намереваешься делать теперь? Попытаешься стать королем землян и вести войну с нами, амфибианскими приемышами? — Растиньяк промолчал, и тогда она продолжила: — Почему ты не убил короля амфибианских приемышей и не взял власть в свои руки? Я бы помогла тебе. Ты смог бы тогда править всем Ле-Бопфеем.

Бросив на нее презрительный взгляд, Растиньяк вскричал:

— Люзин, неужели до твоих куриных мозгов не может дойти очень простая истина: все, что я делаю, я делаю для того, чтобы добиться одной цели — добраться до Летящих Звезд? Если мне удастся вызволить землянина и пробраться вместе с ним на корабль, то вместе мы и улетим, и ноги моей больше не будет на этой планете. Если и вернусь сюда, то не скоро, но думаю — никогда.

Услышанное, казалось, ошеломило ее.

— А как же тогда война здесь? — спросила она.

— Среди народа суши есть люди, способные руководить в военное время. Понадобятся энергичные, сильные личности. Таких, как я, признаюсь, крайне мало, но... о, о, неприятель! —

При виде шести стражников, стоявших у входа в покои землянина, он прервал себя на полуслове.

С помощью Люзин они за минуту прикончили троих и отогнали остальных. Затем, выломав дверь, они ворвались в помещение... и здесь Растиньяка ожидал новый удар.

Обитателем комнаты оказалась рыжеволосая особа маленького роста, изящно сложенная, с большими голубыми глазами и весьма немужественными очертаниями фигуры!

— Если не ошибаюсь, ты говорил о землянине-*мужчине*? — возмущенно спросил Растиньяк великана, который, тяжело ступая, вошел следом за ним.

— О, да я просто использовал слово, которое обозначает вид, — ответил Мапфэрити. — Не думал же ты, что я стану обращать внимание на пол, а? Ты же знаешь, меня совершенно не интересует, какой там у вас, у людей, пол.

Времени для взаимных упреков не было, и Растиньяк обратился к женщине с Земли. Он попытался объяснить ей, кто он такой, но женщина не поняла. Однако она, казалось, все же уловила смысл того, что он хочет от нее, а его жесты и мимика, похоже, убедили ее. Взяв со стола толстую книгу и прижимая ее к своей маленькой и высокой округлой груди, она вместе со своими спасителями покинула комнату.

Выбежав из дворца, они спустились на площадь. Здесь их встретила толпа уцелевших амфибиан, сцепившихся в схватке друг с другом и истекавших кровью. Толпа постепенно перемещалась по направлению к улице, ведущей в гавань.

Обогнув место сражения, маленькая группа Растиньяка направилась к гавани вниз по крутому спуску проспекта. На середине спуска Растиньяк оглянулся. Никто на них пока внимания не обращал и не приставал к ним, хотя вся мостовая была усеяна Кожами и телами. По всей вероятности, те, кто уцелел в той свирепой рукопашной в самом ее начале, ушли на площадь.

Они уже бежали по причалу. Земная женщина знаком показала Растиньяку, что ей известно, как открыть космический корабль, а амфибианам — нет. Эти сведения она почерпнула из книги, которую отчаянно прижимала к груди. Растиньяк предположил, что она не рассказывала об этом амфибианам. Очевидно, те пока не пробовали выжать из нее информацию пытками.

А значит, то, что она рассказала ему о книге, свидетельствовало о ее доверии к нему.

— Ну так что, Жан-Жак? — произнесла Люзин. — Ты все еще не передумал покинуть планету?

— Конечно, нет, — отрезал он.

— Ты возьмешь меня с собой?

Почти всю свою жизнь он провел под опекой Кожи, благодаря которой его собеседникам сразу становилось известно, лжет он или нет. Он изо всех сил сдерживался, чтобы не выдать своих истинных чувств. Так что привычка, выработанная за долгую жизнь, одержала верх.

— Я ни за что не возьму тебя, — сказал он. — Во-первых, может, ты и обладаешь какими-то изумительными добродетелями, но я, к сожалению, не обнаружил ни одной. Во-вторых, я не выношу ни твоего пристрастия к крови, ни твоего звериного и совершенно аморального образа жизни.

— Но, Жан-Жак, ради тебя я откажусь от всего этого!

— Разве способна акула отказаться от пожирания рыбы?

— И ты сможешь оставить Люзин, которая любит тебя так, как не полюбит ни одна земная женщина, и пойти с той... с той невзрачной куколкой, которую я могла бы раздавить голыми руками?

— Успокойся, — проговорил он. — Я всю свою жизнь мечтал об этой минуте. Меня теперь ничто не остановит.

Они находились у мостика, который вздымался с причала прямо к гладкой поверхности звездолета. Стражи рядом с ним уже не было, хотя валявшиеся вокруг тела свидетельствовали о нежелании некоторых стражников покинуть свой пост добровольно.

Земную женщину пропустили вперед, чтобы та поднималась первой.

Люзин неожиданно обогнала Растиньяка, выкрикивая на бегу: «Если меня с тобой не будет, то не будет и ее! И звезд не будет!»

Ее нож дважды вонзился в спину земной женщины. И прежде чем кто-либо успел задержать Люзин, она спрыгнула с мостика и скрылась в гавани.

Растиньяк опустился на колени рядом с земной женщиной. Та, протянув ему книгу, тут же скончалась. Он едва успел подхватить выпавший у нее из рук томик.

— Боже мой! Боже мой! — простонал Растиньяк, сраженный постигшим его ударом, несчастьем и печалью.

Печалью и скорбью — по женщине, ударом — от потери корабля и краха всех его надежд на свободу.

К Растиньяку подбежал Мапфэрити и забрал книгу из его вялой руки.

— Она дала нам понять, что эта книга — руководство по вождению космического корабля, — сказал он. — Так что не все потеряно.

— Она, по всей вероятности, написана на языке, которого мы не знаем, — прошептал Растиньяк.

Издавая пронзительные крики, к ним подбежал Арчембод.

— Амфибиане прорвались и спускаются сюда вниз по улице! Бежим скорее к нашей лодке, пока до нас не добралась эта жуткая толпа кровососов!

Мапфэрити как будто не слышал его. Он пролистал всю книгу, затем помог подняться Растиньяку, сгорбившемуся у трупа.

— У нас еще есть надежда, Жан-Жак, — пророкотал он. — Эта книга напечатана такими же знаками, как та, что я видел у известного мне священника. По его словам, она была написана по-еврейски и являлась Священным писанием на исконно земном языке. Должно быть, эта женщина жила в Республике Израиль. Насколько я понимаю, эта республика стала стремительно набирать силу как великая держава именно в то время, когда вы, французы, оставили свою планету.

Они дошли до конца причала и по приставной лестнице спустились на помост, к которому была привязана легкая рыбачья плоскодонка. Пока они гребли к шлюпу, Мапфэрити продолжал излагать свои соображения:

— Знаешь, Растиньяк, все не так уж плохо, как кажется. Если у тебя нет корабля, то ведь его нет и у других. Зато у одного тебя есть ключ ко входу в него и его управлению. За это ты можешь поблагодарить Церковь, которая сберегла древнюю мудрость на тот крайний случай, который невозможно предвидеть, — вроде нашего. Точно так же, как она сберегла секрет вина, которое в конечном счете послужит замечательнейшим способом избавления наших народов от подчиненности Кожам. Это даст им возможность активно сопротивляться амфибианам, вместо того чтобы позволить себе погибнуть в массовой резне.

Нам же тем временем предстоит борьба. И возглавить ее придется тебе. Ни у кого, кроме бескожего Дьявола, нет такого авторитета, чтобы заставить людей сплотиться вокруг него. Как только мы предъявим министру по злонамеренным делам обвинение в государственной измене и засадим его за решетку — и без всяких там официальных устроителей побегов, — то сразу же потребуем всеобщих выборов. Тебя изберут королем ссассароров, а меня — землян. От этого никто никуда не денется, потому что мы — единственные бескожие, а стало быть, нас не одолеть. А после того как мы победим в этой войне, мы улетим к звездам. Ну, как тебе мой план?

Растиньяк улыбнулся. Улыбка получилась слабой, но все же то была улыбка. Его дугообразные брови изогнулись, придавая лицу прежнее решительное выражение.

— Ты прав, — ответил он. — Я много думал об этом. Человек не имеет права покидать свою родину, пока не уладит на ней все свои дела. Даже если бы Люзин не убила женщину

с Земли и я благополучно улетел бы отсюда, моя совесть все равно не дала бы мне спокойно спать. Я бы знал, что в решительную минуту дезертировал с поля боя. Но теперь, когда я содрал с себя Кожу, заменявшую мне совесть, и вынужден взращивать свою собственную, внутреннюю, совесть, должен признать, что мой поспешный отлет к звездам был бы ошибочен.

— А еще, Растиньяк, ты должен признать, что до сих пор все, что ни делалось, делалось к лучшему, — произнес довольный Мапфэрити. — Возьми хоть Люзин: какое бы зло она ни несла в себе, она все же поспособствовала общему благу, удержав тебя на этой планете. Да и Церковь, хоть снова и выпустила на свободу прежнее зло алкоголя, принесла этим больше пользы, чем...

Здесь Растиньяк прервал его, сказав, что не совсем уверен в правильности подобной трактовки событий. И они оба под завывания разъяренных, кровожадных воителей, доносившиеся с причалов, под грохот рушившегося вокруг привычного здания их мира погрузились в самый неистовый и стремительный из водоворотов — в дискуссию философскую.

Содержание

От издательства 5

Любовь зла, роман,
перевод О. Васант 9

Конец Времен, роман,
перевод В. Серебрякова 163

Растиньяк-Дьявол, повесть,
перевод И. Зивьевой 295

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том одиннадцатый

Составитель *Д. Смушкович*
Редакторы *А. Александрова, М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, И. Лаздина*
Операторы компьютерной верстки *Н. Амосова, Е. Глуховская, В. Карцев*
Оформление обложки: *М. Герасимов*
Оформление шмуцтитулов: *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 22.11.96. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 2823. С 160.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской
Федерации по печати. 170040,
г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Любовь зла

Любовь и смерть нигде не связаны так тесно, как на далекой планете Этаоз. Но существуют способы обмануть смерть... пока сильна любовь. Даже если один из возлюбленных не является человеком.

Конец Времен

Лейф Баркер, шпион и саботажник, посвятивший жизнь борьбе против жестокой религиозной диктатуры союза Гайяак, не побоялся бы отдать ее, сражаясь за родину. Но кому служат его командующие — людям или?..

Растиньяк-Дьявол

В мире, много лет назад заселенном пришельцами с Земли, царят мир и покой. Но не всем по душе принудительная благость Кож...

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT
POLARIS
издательство